БОРАТЫНСКІЙ

II

1914

Бюстъ Е. А. Боратынскаго.
(Съ гравюры П. К. Константинова 1868 г.).

Академическая Библіотека Русскихъ Писателей.
Выпускъ 11-й.

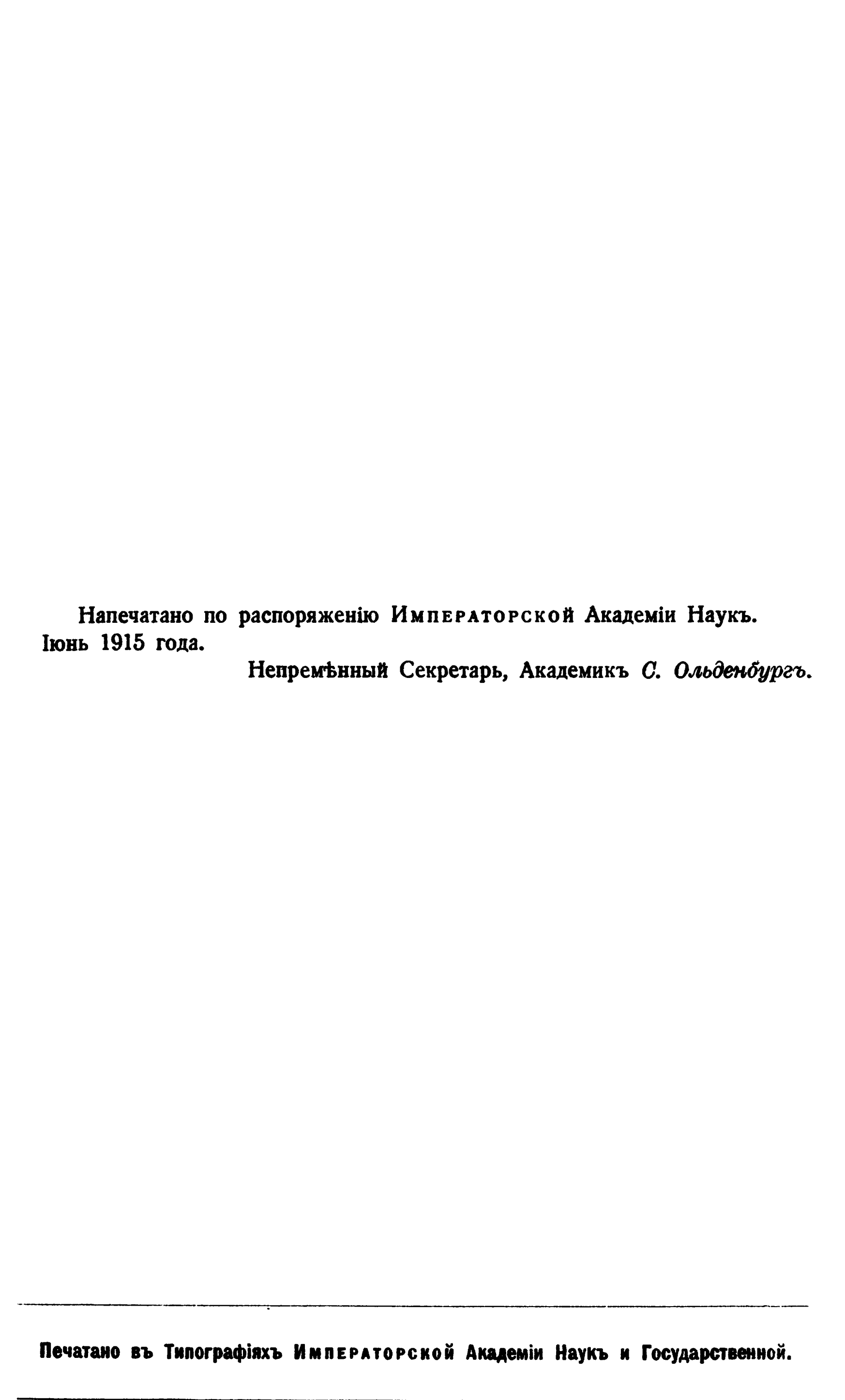
Полное собраніе сочиненій Е. А. Боратынскаго.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями
М. Л. Гофмана.

Изданіе
Разряда изящной словесности Императорской Академіи Наукъ.

Петроградъ.
1915.



Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Іюнь 1915 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

Печатано въ Типографіяхъ Императорской Академіи Наукъ и Государственной.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Портреты и автографы.

Отъ редактора.

Настоящимъ томомъ заканчивается изданіе сочиненій Е. А. Боратынскаго. Первый томъ заключаетъ въ себѣ біографію и лирическія стихотворенія поэта; во второй томъ вошли крупныя поэтическія произведенія и проза Боратынскаго.

Принципъ редакціи сочиненій Боратынскаго остается тотъ же, что и въ первомъ томѣ: во всѣхъ случаяхъ мы принимаемъ основнымъ первый печатный текстъ произведеній поэта. Исправленія, сдѣланныя поэтомъ въ „Пирахъ", въ „Эдѣ" и въ „Наложницѣ", настолько измѣнили ихъ, что мы сочли необходимымъ дать въ основномъ текстѣ не только первоначальную редакцію поэмъ, но также и окончательную.

Отрывки изъ поэмъ „Воспоминанія" и „Вѣра и невѣріе" не имѣютъ другихъ редакцій и варіантовъ; сказка „Телема и Макаръ" имѣетъ четыре различныя редакціи, и нами взята первая, рукописная, вполнѣ авторитетная (измѣненія, сдѣланныя авторомъ для печати, могутъ въ извѣстной мѣрѣ объясняться цензурными условіями). Что же касается такихъ произведеній, какъ „Балъ" и „Переселеніе душъ", то авторскія измѣненія въ нихъ весьма незначительны, и мы напечатали ихъ согласно принципу, проведенному въ первомъ томѣ сочиненій Боратынскаго.

Изъ произведеній Боратынскаго, не входившихъ въ прежнія изданія сочиненій, въ настоящемъ изданіи напечатаны: „Эпилогъ къ стихотворной повѣсти Эда" и „Антикритика".

Проза Боратынскаго не имѣетъ разночтеній.

Изъ заключительныхъ статей во второмъ томѣ помѣщены только самыя необходимыя для изученія творчества Боратынскаго [1]) (преимущественно библіографическаго характера).

Въ настоящее изданіе не вошли переводы Боратынскаго въ виду того, что они не представляютъ ничего оригинальнаго и обязаны своимъ появленіемъ случаю. Въ изданіи 1869 года было указано два перевода: „О колоколахъ“ изъ Шатобріана („Сынъ отечества“ 1822, № 3) и „Прокаженный города Аосты“ изъ графа Ксавье-де-Мэстра („Библіотека для Чтенія“ 1822, № 2); съ большой вѣроятностью можно приписать Боратынскому также слѣдующіе переводы изъ Шатобріана: „Астрономія“, „Естественная Исторія“ („Потопъ“), „Юность и старость земли“, „Общее обозрѣніе вселенной“ („Новости Литературы“ 1826 г., апрѣль, книга XVI, стр. 1—19) и „Любомудріе. Логографія и происшествія Историческія, доказывающія истину Библейской Хронологіи“ („Славянинъ“ 1830 г., ч. XIII, № 1, стр. 222—234).

Изъ портретовъ, приложенныхъ къ настоящему изданію, первый—самый ранній. Онъ нигдѣ еще не воспроизводился и былъ любезно предоставленъ для изданія Е. Ю. Геркеномъ (нынѣ пожертвованъ въ Пушкинскій Домъ).

Не включены въ изданіе тѣ портреты, исторія происхожденія которыхъ представляется сомнительной.

М. Л. Гофманъ.

---

[1]) Наши этюды о творчествѣ Боратынскаго печатались въ „Русской Старинѣ“ 1914 и 1915 гг.; кромѣ того, въ маѣ 1915 года вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ нашъ историко-литературный очеркъ „Поэзія Боратынскаго“.

1819 г.

Воспоминанія.

Отрывки изъ поэмы.

Посланница небесъ, безсмертныхъ даръ счастливой,
Подруга тихая печали молчаливой,
О память!—ты одна бесѣдуешь со мной,
Ты возвращаешь мнѣ отъятое судьбой;
Тобою счастія мгновенья легкокрылы,
Давно протекшія, въ мечтахъ мнѣ снова милы.
Еще въ забвеніи дышу отрадой ихъ;
Люблю, задумавшись, минувшихъ дней моихъ
Воспоминать мечты, надежды наслажденья,
Минуты радости, минуты огорченья.
Не разъ, волшебною взлелѣянный мечтой,
Я въ ночь безмолвную бесѣдовалъ съ тобой.
И, въ дни счастливые на часъ перенесенный,
Дремалъ утѣшенный и съ жизнью примиренный.

Такъ, всѣмъ обязанъ я твоимъ привѣтнымъ снамъ,
Тебя я пѣть хочу,—дай жизнь моимъ струнамъ,
Цѣвницѣ вторь моей: твой голосъ сердцу внятенъ,
И рѣзвой радости и грусти онъ пріятенъ.
Ахъ! кто о прежнихъ дняхъ порой не вспоминалъ?
Кто жизнь печальную мечтой не украшалъ?
Смотрите: вотъ старикъ сѣдой, изнеможенный,
На ветхихъ костыляхъ подъ ношей лѣтъ согбенный,
Онъ съ жизнью сопряженъ страданіемъ однимъ;
Уже могилы дверь отверста передъ нимъ,—
Но онъ живетъ еще!—онъ помнитъ дни златые!

Онъ помнитъ рѣзвости и радости младыя!
Съ товарищемъ сѣдымъ, за чашей круговой,
Мечтаетъ о быломъ и вновь цвѣтетъ душой;
Свѣтлѣетъ взоръ его, весельемъ духъ пылаетъ,
И руку друга онъ съ восторгомъ пожимаетъ.
. . . .
. . . .

Наскучивъ странствіемъ и жизни суетою,
Усталый труженикъ подъ кровлею родною
Вкушаетъ сладостный бездѣйствія покой,
Благодаритъ боговъ за мирный уголъ свой;
Забытый отъ людей блажитъ уединенье,
Гдѣ отъ заботъ мірскихъ нашелъ отдохновенье;
Но любитъ вспоминать онъ были прежнихъ лѣтъ,
И море бурное, и столько жъ бурный свѣтъ,
Мечтанья юности, восторги сладострастья,
Обманы радости и вѣтренаго счастья;
Милѣе кажется ему родная сѣнь,
Покой отраднѣе, пріятнѣй рощи тѣнь,
Уединенная роскошнѣе природа,
И тихо шепчетъ онъ: „всего милѣй свобода!“

О дѣти памяти! о Фебовы сыны!
Пѣвцы безсмертные! Кому одолжены
Вы силой творческой небесныхъ вдохновеній?
—„Отзыву прежнихъ чувствъ и прежнихъ впечатлѣній
Они неопытный развить умѣли умъ,
Зажгли, питали въ немъ, хранили пламень думъ.
Образовала васъ природа—не искусство;
Такъ, чувство выражать одно лишь можетъ чувство.
Когда вы кистію волшебною своей
Порывы бурные, волненіе страстей
Прелестно, пламенно и вѣрно выражали,
Вы отголоску ихъ въ самихъ себѣ внимали.
Ахъ, сколькихъ стоитъ слезъ безсмертія вѣнецъ!
. . . .
. . . .
. . . .

Но все покоится въ безмолвіи ночномъ,

1819 г. И вѣжды томныя сомкнулись тихимъ сномъ.
Воспоминанія небесный, свѣтлый Геній
Къ намъ ниспускается на крыльяхъ сновидѣній.
Въ плѣнительныхъ мечтахъ, одушевленныхъ имъ,
И къ играмъ, и къ трудамъ обычнымъ мы спѣшимъ:
Пастухъ беретъ свирѣль, владѣлецъ багряницу,
Художникъ кисть свою, поэтъ свою цѣвницу,
Потомокъ рыцарей, взлелѣянный войной,
Сверкающимъ мечемъ махаетъ надъ главой.

. . . .
. . . .

Доколѣ памяти животворящій свѣтъ
Еще не озарилъ туманной бездны лѣтъ,
Текли въ безвѣстности вѣка и поколѣнья,
Все было жертвою безгласнаго забвенья:
Дѣла великія не славились молвой,
Подъ камнемъ гробовымъ незнаемъ тлѣлъ герой.
Преданья свѣтъ блеснулъ,—и камни гласъ пріяли,
Вѣка минувшіе изъ тьмы своей возстали;
Народы поздніе урокамъ внемлютъ ихъ,
Какъ гласу мудрому наставниковъ сѣдыхъ.

Кавказы дивные! волшебныя картины!
Свободный, гордый Римъ! блестящіе Аѳины!
Великолѣпный рядъ тріумфовъ и честей!
Съ какимъ волненіемъ внималъ я съ юныхъ дней
Безсмертнымъ повѣстямъ Плутарха, Ѳукидида!
Я Персовъ поражалъ съ дружиной Леонида;
Съ отцемъ Виргиніи отмщеніемъ пылалъ;
Казалось, грудь мою пронзилъ его кинжалъ;
И, подданный Царя, защитникъ вѣрный трона,
Въ восторгѣ трепеталъ при имени Катона.

. . . .
. . . .

Но любопытный умъ въ одной ли тьмѣ преданій
Найдетъ источники уроковъ и познаній?—
Нѣтъ, все вокругъ меня гласитъ о прежнихъ дняхъ.
Блуждая странникомъ въ незнаемыхъ краяхъ,
Я всюду шествую, минувшимъ окруженный.

1819 г. Я вопрошаю прахъ дряхлѣющей вселенной:
И грады, и поля, и сей безмолвный рядъ
Рукою времени набросанныхъ громадъ.
Событій прежнихъ лѣтъ свидѣтель молчаливый,
Со мной бесѣдуетъ ихъ прахъ краснорѣчивый;
Здѣсь отвѣчаютъ мнѣ оракулы временъ.
Смотрите,—видите-ль, дымится Карѳагенъ!
Полнеба Африки пожарами пылаетъ!
Съ протяжнымъ грохотомъ Пальмира упадаетъ!
Какъ волны дымныя бѣгущихъ облаковъ,
Мелькаютъ предо мной событія вѣковъ.
Печать минувшаго повсюду мною зрима....
Поля Авзоніи! державный пепелъ Рима!
Глашатаи чудесъ и славы прежнихъ лѣтъ!
Съ благоговѣньемъ васъ привѣтствуетъ поэтъ.
Смотрите, какъ, вѣка незримо пролетая,
Твердыни древнія и горы подавляя,
Бросая гробъ на гробъ, свергая храмъ на храмъ,
Остатки гордые являютъ Рима намъ
Великолѣпныя, безсмертныя громады!
Вотъ здѣсь висящихъ рѣкъ шумѣли водопады,
Вотъ здѣсь входили въ Римъ когорты Плебеянъ,
Обремененныя богатствомъ дальнихъ странъ.
Чертоговъ, портиковъ вездѣ я зрю обломки,
Гдѣ начерталъ рѣзецъ Римлянъ дѣянья громки.
Не смѣла времени разрушить ихъ рука,
И возлегли на нихъ усталые вѣка.
Все, все вѣщаетъ здѣсь уму, воображенью.
Внимайте времени нѣмому поученью!
Познайте тлѣнія незыблемый законъ!
Изъ-подъ развалинъ сихъ вѣщаетъ глухо онъ:
„Все гибнетъ, все падетъ,—и грады, и державы"...
О колыбель наукъ, величія и славы!
Отчизна свѣтлая героевъ и боговъ!
Святая Греція! теперь толпы рабовъ
Блуждаютъ на брегахъ божественной Эллады;
Ко храму ветхому Діаны иль Паллады
Шалашъ пристроилъ свой лѣнивый рыболовъ!
Ты-бъ не узналъ, Солонъ, страну своихъ отцовъ:

Подъ чуждымъ скипетромъ главой она поникла;
Никто не слышитъ тамъ о подвигахъ Перикла;—
Все губитъ, все мертвитъ невѣжества яремъ.
Но неужель для насъ языкъ развалинъ нѣмъ?
Нѣтъ, нѣтъ, лишь понимать умѣйте ихъ молчанье,—
И новый міръ для васъ создастъ воспоминанье.

. . . .

. . . .

Счастливъ, счастливъ и тотъ, кому дано судьбою
Отъ странствій отдохнуть подъ кровлею родною,
Увидѣть милую, священную страну,
Гдѣ жизни онъ провелъ прекрасную весну,
Провелъ невинное, безоблачное дѣтство.
О край моихъ отцовъ! о мирное наслѣдство!
Всегда присутственны вы въ памяти моей:
И въ берегахъ крутыхъ сверкающій ручей,
И свѣтлые луга, и темныя дубравы,
И сельскихъ жителей привѣтливые нравы.—
Пріятно вспоминать младенческіе дни....

. . . .

. . . .

. . . .

Когда, едва вздохнувъ для жизни неизвѣстной,
Я съ тихой радостью взглянулъ на міръ прелестный,—
Съ какимъ восторгомъ я природу обнималъ!
Какъ свѣтъ прекрасенъ былъ!—Увы! тогда не зналъ
Я буйственныхъ страстей въ безпечности невинной:
Дитя, взлелѣянный природою пустынной,
Ее одну лишь зрѣлъ, внималъ одной лишь ей;
Сіянье солнечныхъ торжественныхъ лучей
Веселье тихое мнѣ въ сердце проливало;
Оно съ природою въ ненастье унывало;
Не зналъ я радостей, не зналъ я мукъ другихъ,
За мигомъ не умѣлъ другой предвидѣть мигъ;
Я слишкомъ счастливъ былъ спокойствіемъ незнанья;
Блаженства чуждые и чуждые страданья,
Часы невидимо мелькали надо мной.....
О, суждено ли мнѣ увидѣть край родной,
Друзей оставленныхъ, друзей всегда любимыхъ,

1819 г. И сердцемъ отдохнуть въ тѣни дубравъ родимыхъ?...
Тамъ счастье я найду въ отрадной тишинѣ.
Не нужны почести, не нужно злато мнѣ,—
Отдайте прадѣдовъ мнѣ скромную обитель.
Забытый отъ людей, дубравъ безвѣстный житель,
Не позавидую надменнымъ богачамъ;
Нѣтъ, нѣтъ, за тщетный блескъ я счастья не отдамъ,
Не стану жертвовать фортунѣ своевольной
Спокойной совѣстью, судьбой своей довольный;
И пѣсни нѣжныя, и мирный ѳиміамъ
Я буду посвящать отеческимъ богамъ.

Такъ, перешедши жизнь незнаемой тропою,
Свой подвигъ совершивъ, усталою главою
Склонюсь я, наконецъ, ко смертному одру;
Для дружбы, для любви, для памяти умру;
И все умретъ со мной!—Но вы, любимцы Феба,
Вы, вмѣстѣ съ жизнью принявшіе отъ Неба
И думъ возвышенныхъ и сладкихъ пѣсней даръ!
Враждующей судьбы не страшенъ вамъ ударъ:
Свой вѣкъ опередивъ, заранѣ слышитъ Геній
Рукоплесканія грядущихъ поколѣній.

. . . .
. . . .

1820 г.

Пиры.

Друзья мои, я видѣлъ свѣтъ,
На все взглянулъ я вѣрнымъ глазомъ.
Любовникъ, воинъ и поэтъ,
Тремъ божествамъ служилъ я разомъ.
Искалъ я счастья, какъ другой,
Волшебный сонъ и мнѣ приснился;
Но, разувѣренный душой,
Вздохнулъ, заплакалъ и простился
Съ моей несбыточной мечтой.
Непрочно то, что сердцу мило;
Кто сердцу вѣритъ, тотъ глупецъ.
А поэтическій вѣнецъ?—
Никакъ оно же мнѣ сулило!
Но что скажу вамъ наконецъ?
Не все мнѣ въ жизни измѣнило:
Бывалъ обманутъ сердцемъ я,
Бывалъ обманутъ я разсудкомъ,
Но никогда, мои друзья,
Обманутъ не былъ я желудкомъ.

Въ нашъ вѣкъ накладно быть пѣвцомъ;
Смѣшонъ любовникъ, жалокъ воинъ.
Лишь беззаботный Гастрономъ
Названья мудраго достоинъ.
Хвала и честь его уму!
Дарами нужными ему

1820 г.

Земля усѣяна роскошно.
Пускай герою моему,
Пускай, друзья, порою тошно,
Зато не грустно: сладкій сонъ
Недугъ минутный успокоитъ,—
Здоровъ и веселъ встанетъ онъ,
И отдыхъ силы въ немъ удвоитъ.
Пируетъ онъ,—и, горя чуждъ,
Среди веселостей вседневныхъ,
Не знаетъ онъ душевныхъ нуждъ,
Не знаетъ онъ и мукъ душевныхъ.

Отъ лишнихъ прихотей своихъ
Почти всегда мы страждемъ, други!
Кому не стоятъ мукъ живыхъ
Любви роскошные досуги?
Кто, возвратясь въ отцовскій домъ
Калѣкой жалкимъ съ поля славы,
Не называлъ себя слѣпцомъ
И про военныя забавы
Словца не вымолвилъ тишкомъ?
Хвала тебѣ, веселый Комъ!
Въ твоихъ утѣхахъ нѣтъ отравы.
Красивъ, не спорю, бранный шлемъ;
Побѣдный лавръ еще прекраснѣй;
Пріятно драться—между тѣмъ
Обѣдать, право, безопаснѣй.

Какъ не любить родной Москвы!
Но въ ней не градъ первопрестольной,
Не позлащенныя главы,
Не гулъ потѣхи колокольной,
Не сплетни вѣстницы молвы
Мой умъ плѣнили своевольной:
Я въ ней люблю весельчаковъ,
Люблю роскошное довольство
Ихъ продолжительныхъ пировъ,
Богатой знати хлѣбосольство
И дарованья поваровъ.

Тамъ прямо веселы бесѣды;
Вполнѣ уваженъ хлѣбосолъ;
Вполнѣ торжественны обѣды;
Вполнѣ богатъ и лакомъ столъ.
Ужъ онъ накрытъ; ужъ онъ рядами
Несчетныхъ блюдъ отягощенъ
И беззаботными гостями
Съ благоговѣньемъ окруженъ.—
Еще не сѣли; все въ молчаньи;
И каждый гость, вблизи стола,
Съ веселой ясностью чела,
Стоитъ въ роскошномъ ожиданьи;
И сквозь прозрачный легкій паръ
Сіяютъ лакомыя блюды,
Златыхъ плодовъ, дессерта груды...
Зачѣмъ удѣлъ мой слабый даръ!
Но такъ весною рядъ кургановъ,
При пробужденныхъ небесахъ,
Сіяетъ въ пурпурныхъ лучахъ
Подъ дымомъ утреннихъ тумановъ.
Садятся гости; безъ чиновъ
Усердно потчуютъ другъ друга
И наливаютъ до краевъ
Бокалы сладкаго досуга:
Они веселье въ сердце льютъ,
Они смягчаютъ злые толки.
Друзья мои, гдѣ гости пьютъ,
Тамъ рѣчи остры, но не колки.
И началися чудеса:
Смѣшались быстро голоса;
Собранье глухо зашумѣло;
Своихъ собакъ, своихъ друзей,
Пѣвцовъ, героевъ хвалятъ смѣло.
Вино разнѣжило гостей
И даже умъ ихъ разогрѣло.
Тутъ все торжественно встаетъ,—
И каждый гость, какъ мужъ толковой,
Узнать въ гостиную идетъ,
Чему смѣялся онъ въ столовой.

1820 г.

Межъ тѣмъ однимъ ли богачамъ
Доступны праздничныя чаши?
Не мудрены пирушки наши,
Но не уступятъ ихъ пирамъ.
Въ углу безвѣстномъ Петрограда,
Въ тѣни древесъ, во мракѣ сада,
Тотъ домикъ помните-ль, друзья,
Гдѣ наша вѣрная семья,
Оставя скуку за порогомъ,
Соединялась въ шумный кругъ
И безъ чиновъ съ румянымъ богомъ
Дѣлила радостный досугъ?
Вино лилось, вино сверкало,
Сверкали блестки острыхъ словъ,
Воображенье позлащало
Судьбу невѣдомыхъ годовъ;
Игрушки тѣшили пѣвцовъ,
И вѣки сердце проживало.
Пусть не роскошенъ былъ приборъ,
Пусть не богаты брашны были:
Все приправлялъ веселый вздоръ,—
И сладко ѣли мы и пили.
Поверхность шаткаго стола,
Благословеннаго забавой,
Въ большіе праздники была
Прикрыта скатертью дырявой;
И между тѣмъ, друзья мои,
Въ простыя чаши богъ похмелья
Роскошно лилъ сынамъ веселья
Свое любимое *Аи*.
Въ немъ укрывается отвага,
Его звѣздящаяся влага
Души божественной полна,
Свободно искрится она;
Какъ гордый умъ, не терпитъ плѣна,
Рветъ пробку рѣзвою волной,—
И брызжетъ радостная пѣна,
Подобье жизни молодой.
Мы въ немъ заботы потопляли,

И средь восторженныхъ затѣй:
Пѣвцы пируютъ— восклицали,—
Слѣпая чернь, благоговѣй!

Любви слѣпой, любви безумной
Тоску въ душѣ моей тая,
Насилу, милые друзья,
Дѣлить восторгъ бесѣды шумной
Тогда осмѣливался я.
Потупя сумрачные взоры,
Въ печали робкой и нѣмой,
Не слушалъ радостные хоры,
Не трогалъ чаши круговой.
Что потакать мечтѣ унылой?
Кричали вы: смѣлѣе пей,
Развеселись, товарищъ милой,
Для нáсъ живи, забудь о ней!
Вздохнувъ, разсѣянно послушной,
Я пилъ съ улыбкой равнодушной:
Свѣтлѣла мрачная мечта,
Толпой скрывалися печали,
И задрожавшія уста—
Богъ съ ней!—невнятно лепетали.

И гдѣ-жъ измѣнница любовь?
Ахъ, въ ней и грусть—очарованье;
Знакомо мнѣ ея страданье,
Но я страдать желалъ бы вновь!
И гдѣ же вы, душѣ родные,
Друзья, дѣлившіе со мной
И заблужденья молодыя,
И радость жизни молодой?—
Разлучены богиней строгой:
И каждый съ ропотомъ вздохнулъ,
И брату руку протянулъ,
И въ даль побрелъ своей дорогой!
И каждый, въ горести нѣмой,
Быть можетъ, праздною мечтой
Теперь былое пролетаетъ

1820 г.

Или за трапезой чужой
Свои пиры воспоминаетъ.

О, если-бъ теплою мольбой
Смягчивъ насильно гнѣвъ судьбины,
Перенестись отъ скалъ чужбины
Мнѣ можно было въ край родной!
(Мечтать позволено поэту...)
У водъ домашняго ручья
Друзей, разбросанныхъ по свѣту,
Соединилъ бы снова я.
Дубровой темной осѣненной,
Родной отцамъ моихъ отцовъ,
Мой домъ, свидѣтель двухъ вѣковъ,
Поникнулъ кровлею смиренной.
За много лѣтъ до нашихъ дней
Тамъ въ чаши чашами стучали,
Любили пламенно друзей
И съ ними шумно пировали.
Ужъ въ мірѣ нѣтъ отцовъ моихъ;
Безмолвенъ теремъ опустѣлый;
Въ тѣни прохладной липъ густыхъ
Таится рядъ могилъ нѣмыхъ,—
Тамъ скрытъ ихъ пепелъ охладѣлый;
Домъ счастья мраченъ и угрюмъ.
Но что къ унынью насъ принудитъ?
Пировъ бывалыхъ новый шумъ
Въ немъ голосъ радости пробудитъ!
Сберемтесь дружеской толпой
Подъ мирный кровъ домашней сѣни:
Ты, вѣрный мнѣ, ты Д[ельвигъ] мой,
Мой братъ по Музамъ и по лѣни;
Ты, поневолѣ милый льстецъ,
Очаровательный пѣвецъ
Любви, свободы и забавы,
Ты, П[ушкинъ],—вѣтреный мудрецъ,
Наперсникъ шалости и славы,—
Молитву радости запой,
Запой: сосѣдственные боги,

Сатиры, Фавны козлоноги
Сбѣгутся слушать голосъ твой,
Пѣвца внимательно обстанутъ
И, гимнъ веселый затвердивъ,
Имъ оглашать наперерывъ
Мои лѣса не перестанутъ.
Вы всѣ, дѣлившіе со мной
И наслажденья, и мечтанья,—
О, поспѣшите въ домикъ мой
Упиться радостью свиданья!
Толпой сберитеся опять
Шумѣть за чашей круговою,
Былое время вспоминать
И философствовать со мною.

Слѣпой владычицей суетъ
Отъ колыбели позабытый,
Чѣмъ угоститъ Анахоретъ,
Въ смиренной хижинѣ укрытый?
Его пустынничій обѣдъ
Не будетъ рôскошный, но сытый.
Мы соберемся!—но не тѣ,
По легковѣрной простотѣ
Сыны любимые надежды,
Которымъ въ полной красотѣ,
Во блескѣ праздничной одежды,
Являлась жизнь: прозрѣли вѣжды,
Предстала въ скудной наготѣ.
Такъ въ школѣ опытовъ суровыхъ
Учились многіе изъ насъ
И приготовили разсказъ
Своихъ открытій тяжко-новыхъ!
За полной чашей кто ни есть,
Быть можетъ, вздумаетъ прочесть
Свои игривыя творенья,
Въ которыхъ дань свою принесть
Успѣлъ богинямъ вдохновенья,
Собранье пламенныхъ замѣтъ
Богатой жизни юныхъ лѣтъ.

1820 г.

Плоды роскошнаго забвенья,
Гдѣ воплотить умѣлъ поэтъ
Свои живыя сновидѣнья......
Прочтемъ!—Унынiемъ нѣмымъ
Всѣ, думой тяжкою объяты,
Считаютъ горкiя утраты,—
Не обрѣсти замѣны имъ!

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Чему же вѣру мы дадимъ?—
Пирамъ! Въ болѣзненныя лѣта
Душа остылая согрѣта
Ихъ утѣшенiемъ живымъ.
Пускай на вѣкъ исчезла младость:
Пируйте, други! Стукомъ чашъ
Авось приманенная радость
Еще заглянетъ въ уголъ нашъ.

1824—1825 гг.

Эда,

финляндская повѣсть.

On broutte là où l'on est attaché.
Proverbe.

Сочинитель предполагаетъ дѣйствіе небольшой своей повѣсти въ 1807 году, передъ самымъ открытіемъ нашей послѣдней войны въ Финляндіи.

Страна сія имѣетъ нѣкоторыя права на вниманіе нашихъ соотечественниковъ любопытною природою, совершенно отличною отъ русской. Обильная историческими воспоминаніями, страна сія была воспѣта Батюшковымъ, и камни ея звучали подъ конемъ Давыдова, пѣвца-наѣздника, именемъ котораго справедливо гордятся поэты и воины.

Жители отличаются простотою нравовъ, соединенною съ нѣкоторымъ просвѣщеніемъ, подобнымъ просвѣщенію Германскихъ провинцій. Каждый поселянинъ читаетъ Библію и выписываетъ календарикъ, нарочно издаваемый въ Або для земледѣльцевъ.

Сочинитель чувствуетъ недостатки своего стихотворнаго опыта. Можетъ быть, повѣсть его была бы занимательнѣе, ежели бъ дѣйствіе ея было въ Россіи, ежели бъ ходъ ея не былъ столько обыкновененъ, однимъ словомъ, ежели бъ она въ себѣ заключала болѣе поэзіи и менѣе мелочныхъ подробностей. Но долгіе годы, проведенные сочинителемъ въ Финляндіи, и природа Финляндская и нравы ея жителей глубоко напечатлѣлись въ его воображеніи. Что-жъ касается до остального, то сочинитель могъ ошибиться; но ему казалося, что въ поэзіи двѣ противоположныя дороги приводятъ почти къ той же цѣли: очень необыкновенное и совершенно про-

стое, равно поражая умъ и равно занимая воображеніе. Онъ не принялъ лирическаго тона въ своей повѣсти, не осмѣливаясь вступить въ состязаніе съ пѣвцомъ Кавказскаго Плѣнника и Бахчисарайскаго Фонтана. Поэмы Пушкина не кажутся ему бездѣлками. Нѣсколько лѣтъ занимаясь поэзіею, онъ замѣтилъ, что подобныя бездѣлки принадлежатъ великому дарованію, и слѣдовать за Пушкинымъ ему показалось труднѣе и отважнѣе, нежели итти новою, собственною дорогою.

Эда.

Часть 1.ая

Чего робеешь ты красавица
Другъ милый мой, малютка Эда
За что, за что наединѣ
Тебѣ страшна моя бесѣда!
Вѣрь неспособенъ я душой
Къ презрѣннымъ умысламъ разврата
Ты какъ сестра любима мной,
О, полюби меня какъ брата!
Въ родной, далекой сторонѣ
Сестру я милую покинулъ:
Черты лица у васъ одни,
Я нѣжно, нѣжно друженъ съ нею;
Но что? ты видишь: вотъ и!

Весна, когда ты ранняя моя,
За нею по своему блуждала,
Бог весть уже с какой поры
Я не видал родимаго края,
Не целовал моей сестры!
Лизонька она, будь сердцем его;
Мечты моей не изменю
И мне любовию живою
Ея любовь напоминаю!
Мила ты мне: веселье, муку,
Делить с тобою рада ли:
Не уходи, оставь мне руку,
Оставь красавица моя;
К чему пустая болтливость,
К чему?....

Порыв чувства жаркий,
Так говорил младой гусар

Часть первая.

1824—1825 гг. Чего робѣешь ты при мнѣ,
Другъ милый мой, малютка Эда?
За что, за что наединѣ
Тебѣ страшна моя бесѣда?
Вѣрь, неспособенъ я душой
Къ презрѣннымъ умысламъ разврата;
Ты, какъ сестра, любима мной:
О, полюби меня, какъ брата!
Въ родной, далекой сторонѣ
Сестру я милую имѣю:
Черты лица у васъ однѣ;
Я нѣжно, нѣжно друженъ съ нею.
Но что? ты видишь: воинъ я;
Всегда кочуетъ рать моя;
За нею по свѣту блуждая,
Богъ вѣсть, уже съ какой поры,
Я не видалъ родного края,
Не цѣловалъ моей сестры!
Лицемъ она, будь сердцемъ ею;
Мечтѣ моей не измѣни
И мнѣ любовію твоею
Ея любовь напомяни!
Мила ты мнѣ. Веселье, муку,
Все жажду я дѣлить съ тобой.
Не уходи, оставь мнѣ руку!
Довѣрься мнѣ, другъ милый мой!
Къ чему пустая боязливость?
Во мнѣ пылаетъ чистый жаръ,

Такъ говорилъ младый гусаръ
Финляндкѣ Эдѣ. Взглядовъ живость,
Изъ-подъ фуражки по щекамъ
Два черныхъ локона къ плечамъ,
Віясь, бѣгущіе красиво,
Гусарскій щегольской уборъ,—
И безъ рѣчей для дѣвы горъ
Все было въ немъ краснорѣчиво.
Ему отчизной Русь была.
Полковъ бродящая судьбина
Его недавно завела
Въ пустыни пасмурныя Финна.
Суровый край: его красамъ,
Пугаяся, дивятся взоры;
На горы каменныя тамъ
Поверглись каменныя горы;
Синѣя, всходятъ до небесъ
Ихъ своенравныя громады;
На нихъ шумитъ сосновый лѣсъ,
Съ нихъ бурно льются водопады;
Тамъ холмъ очей не веселитъ,
Онъ лавой каменной облитъ;
Главу одѣвши въ мохъ печальный,
Огромнымъ сторожемъ стоитъ
На немъ гранитъ пирамидальный;
По дряхлымъ скаламъ бродитъ взглядъ;
Пришлецъ исполненъ смутной думы:
Не міра-ль давняго лежатъ
Предъ нимъ развалины угрюмы?
Нежданный цвѣтъ въ пустынѣ той,
Отца простого дочь простая,
Красой лица, души красой
Блистала Эда молодая.
Прекраснѣй не было въ горахъ:
Румянецъ нѣжный на щекахъ,
Летучій станъ, власы златые
Въ небрежныхъ кольцахъ по плечамъ,
И очи блѣдно-голубые,
Подобно Финскимъ небесамъ,

1824—1825 гг. Готовность къ чувству въ сердцѣ чистомъ,—
Вотъ Эда вамъ!

На камнѣ мшистомъ
Предъ хижиной своей одна
Сидѣла подъ-вечеръ она.
Подсѣлъ онъ скромно къ дѣвѣ скромной,
Завелъ онъ кротко съ нею рѣчь;
Ея не мыслила пресѣчь
Она въ задумчивости томной,
Внимала слабымъ сердцемъ ей,
Такъ роза первыхъ вешнихъ дней
Лучамъ невѣрнымъ довѣряетъ,
Почуя теплый вѣтерокъ,
Благоуханный свой шипокъ
Его лобзаньямъ открываетъ
И не предвидитъ близкій хладъ.
Давно рука ея лежала
Въ рукѣ его. Потупя взглядъ,
Она краснѣла, трепетала,
Но у Владиміра назадъ
Руки своей не отнимала.
Онъ къ сердцу бѣдную прижалъ.
Взоръ укоризны, даже гнѣва
Тогда поднять хотѣла дѣва,
Но гнѣва взоръ не выражалъ.
Веселость ясная сіяла
Въ ея младенческихъ очахъ,
И, наконецъ, въ такихъ словахъ,
Она лукавцу отвѣчала:

„Ты мной давно уже любимъ:
Зачѣмъ же нѣтъ? Ты добродушенъ,
Всегда заботливо послушенъ
Малѣйшимъ прихотямъ моимъ.
Онѣ докучливы бывали;
Меня ты любишь, вижу я:
Душа признательна моя.
Ты мнѣ любезенъ: не всегда ли

1824—1825 гг.

Я угождать тебѣ спѣшу?
Я съ каждымъ утромъ приношу
Тебѣ цвѣты; я подарила
Тебѣ кольцо; всегда была
Твоимъ весельемъ весела,
Съ тобою грустнымъ я грустила.
Что-жъ?—я и въ этомъ погрѣшила:
Намъ строго-строго не велятъ
Дружиться съ вами. Говорятъ,
Что вѣроломны, злобны всѣ вы;
Что васъ бѣжать должны бы дѣвы;
Что какъ-то губите вы насъ;
Что пропадешь, когда полюбишь...
И ты, я думала не разъ,
Ты, можетъ быть, меня погубишь“.

— „Я твой губитель? Вѣчный Богъ
Мнѣ да готовитъ наказанье!
Я другъ твой, вѣрный другъ, въ залогъ
Прими нѣжнѣйшее лобзанье!“
— „Что, что, зачѣмъ? Какой мнѣ стыдъ!“
Младая дѣва говоритъ.
Ужъ поздно. Встать, бѣжать готова
Съ негодованіемъ она.
Но держитъ онъ. „Постой! два слова!
Постой! Ты взорами сурова;
Ужель ты мной оскорблена?
Нѣтъ, я тебя не покидаю:
Мое забвенье мнѣ прости!“

—„Я не сержуся; но пусти!“—
—„Я гнѣвъ въ очахъ твоихъ читаю,
Увѣрь меня, что онъ погасъ;
Поцѣловать еще мнѣ разъ
Позволь себя“.—„Пусти, несчастной!“

— И за ребяческую блажь
Ты неизвѣстности ужасной
Меня безжалостно предашь!
И не поймешь мое страданье!

И такова любовь твоя!
Нѣтъ, болѣ ей не вѣрю я!
Другъ милый мой, одно лобзанье!
Тебя-ль не тронетъ сердца боль,
Словъ убѣдительнѣйшихъ сила?
Одно лобзанье мнѣ позволь!"—
И отвращенное дотоль
Лицо тихонько обратила
Къ нему бѣдняжка.

О злодѣй!
Съ какою медленностью томной,
И между тѣмъ какъ будто скромной,
Напечатлѣть умѣлъ онъ ей
Свой поцѣлуй! Какое чувство
Ей въ грудь младую влилъ онъ имъ!
И лобызаніемъ такимъ
Владѣетъ хладное искусство!
Ахъ, Эда, Эда! для чего
Такое долгое мгновенье
Во влажномъ пламени его
Пила ты страстное забвенье?
Полна съ поры мятежной сей
Желанья смутнаго заботой,
Ты освѣжительной дремотой
Ужъ не сомкнешь своихъ очей.
Слетятъ на ложе сновидѣнья,
Тебѣ безвѣстныя досель,
Иль долго жаркая постель
Тебѣ не дастъ успокоенья.
На камняхъ розовыхъ твоихъ
Весна игриво засвѣтлѣла,
И ярко зеленъ мохъ на нихъ,
И птичка весело запѣла,
И по гранитному одру
Свѣтло бѣжитъ ручей сребристой,
И лѣсъ прохладою душистой
Съ востока вѣетъ поутру;
Тамъ за горою долъ таится,

Уже цвѣты пестрѣютъ тамъ;
Уже черемухъ ѳиміамъ
Тамъ въ чистомъ воздухѣ струится:
Своею нѣгою страшна
Тебѣ волшебная весна.
Не слушай птички сладкогласной!
Отъ сна возставшая, съ крыльца
Къ прохладѣ утренней лица
Не обращай и въ долъ прекрасной
Не приходи, а сверхъ всего
Бѣги гусара твоего!

Уже пустыня сномъ объята;
Всталъ ясный мѣсяцъ надъ горой,
Сливая свѣтъ багряный свой
Съ послѣднимъ пурпуромъ заката;
Двойная, трепетная тѣнь
Отъ черныхъ сосенъ возлегаетъ,
И ночь прозрачная смѣняетъ
Погасшій непримѣтно день.
„Другъ, поздно!“ дѣвица шепнула;
Оставивъ друга своего,
Пошла въ свой уголъ, но взглянула
Дорогой дважды на него.

Часть вторая.

Была безпечна, весела
Когда-то добренькая Эда;
Одною Эдой и жила
Когда-то дѣвичья бесѣда;
Она привѣтно и свѣтло
Когда-то всѣмъ глядѣла въ очи:
Что-жъ измѣнить ее могло?
Что-жъ это утро облекло
И такъ внезапно въ сумракъ ночи?
Она разсѣянна, грустна;

Въ бесѣдахъ вовсе не слышна;
Какъ прежде, яснаго привѣта
Ни для кого во взорахъ нѣтъ;
Вопросы долго ждутъ отвѣта,
И часто страненъ сей отвѣтъ;
То жарки щеки, то безцвѣтны,
И, тайной горести плоды,
Нерѣдко свѣжіе слѣды
Горючихъ слезъ на нихъ замѣтны.

Бывало, слишкомъ зашалитъ
Съ малюткой хитрый постоялецъ:
Она къ устамъ приставитъ палецъ,
Ему съ улыбкой имъ грозитъ.
Когда же бусы подаритъ
Или платокъ повѣса ловкой,
Она красивою обновкой
Похвастать къ матери бѣжитъ,
Межъ тѣмъ его благодаритъ
Веселымъ книксомъ. Шаловливо
На друга сонпаго порой
Плеснетъ холодною водой
И убѣгаетъ торопливо,
И долго слышенъ громкій смѣхъ.
Ея трудовъ, ея утѣхъ
Всегда въ товарищи малюткой
Бывалъ онъ призванъ съ милой шуткой.
Взойдетъ ли утро, ночи-ль тѣнь
На усыпленны холмы ляжетъ,—
Ему красотка добрый день
И добру ночь привѣтно скажетъ.

Гдѣ время то? При немъ она
Какой-то робостію нынѣ
Въ своихъ движеньяхъ смущена;
Веселыхъ шутокъ и въ поминѣ
Теперь ужъ нѣтъ; простыхъ рѣчей
Съ нимъ даже дѣва не заводитъ,
Какъ будто сталъ онъ недругъ ей;

Зато порой съ его очей
Очей задумчивыхъ не сводитъ;
Зато порой наединѣ
Къ груди лукавца, вся въ огнѣ,
Бѣдняжка грудью припадаетъ,
И, страсти гибельной полна,
Сама уста свои она
Къ его лобзаньямъ обращаетъ;
А въ ночь безсонную одна,
Одна съ раскаяньемъ напраснымъ,
Сама волненіемъ ужаснымъ
Души своей устрашена,
Уныло шепчетъ: что со мною?
Мнѣ съ каждымъ днемъ грустнѣй, грустнѣй.
Ахъ, гдѣ ты, миръ души моей!
Куда пойду я за тобою!
И слезы дѣтскія у ней
Невольно льются изъ очей.

Она была не безъ надзора.
Отецъ ея, крутой старикъ,
Отчасти въ сердце къ ней проникъ.
Онъ подозрительнаго взора
Съ несчастной дѣвы не сводилъ;
За нею слѣдомъ онъ бродилъ
И подсмотрѣлъ ли что такое,
Но только хитрый мой шалунъ
Разъ видѣлъ, слышалъ, какъ ворчунъ
Взадъ и впередъ въ своемъ покоѣ
Ходилъ сердито, какъ потомъ
Ударилъ сильно кулакомъ
Онъ по столу и Эдѣ бѣдной,
Предъ нимъ трепещущей и блѣдной,
Сказалъ рѣшительно: „Повѣрь,
Не сдобровать тебѣ съ гусаромъ!
Вы за углами съ нимъ недаромъ
Всегда встрѣчаетесь. Теперь
Ты рада слушать негодяя.
Худому выучитъ. Бѣда

Падетъ на дуру. Мнѣ тогда
Забота будетъ небольшая:
Кто мой обычай ни порочь,
А потаскушка мнѣ не дочь.“
Тихонько слезы отирая
У бѣдной Эды, „что ворчать?“ —
Тогда промолвилася мать:
„У насъ смиренная такая
До сей поры была она.
И въ чемъ теперь ея вина?
Грѣшишь, бѣдняжку обижая.“
—„Да, молвилъ онъ, ласкай ее,
А я сказалъ уже свое.“
Изъ спора этого ни слова
Владиміръ мой не проронилъ;
Ему онъ умыселъ внушилъ:
Все какъ-то злому учитъ злого.

День послѣ, въ комнаткѣ своей,
Уже вечернею порою,
Одна съ привычною тоскою
Сидѣла Эда. Передъ ней
Святая Библія лежала.
На длань склоненная челомъ,
Она разсѣяннымъ перстомъ
Разсѣянно перебирала
Ея измятые листы
И въ дни сердечной чистоты
Невольной думой улетала.
Взошелъ онъ съ пасмурнымъ лицомъ,
Въ молчаньи сѣлъ, въ молчаньи руки
Сжалъ на груди своей крестомъ.
Примѣты скрытой, тяжкой муки
Въ немъ все являло. Наконецъ:
—„Долгъ отъ меня,—сказалъ хитрецъ,—
Съ тобою требуетъ разлуки.
Теперь услышать милый гласъ,
Увидѣть милыя мнѣ очи
Я прихожу въ послѣдній разъ.

Покроетъ землю сумракъ ночи
И навсегда разлучитъ насъ.
Виной родитель твой суровой:
Его укоры слышалъ я;
Нѣтъ, нѣтъ, тебѣ любовь моя
Не нанесетъ печали новой!
Прости!“—Чуть дышуща, блѣдна,
Лукавца слушала она.
—„Что говоришь? Возможно-ль? Нынѣ?
И навсегда, любезный мой!“...
—„Бѣгу отселѣ; но душой
Останусь въ милой мнѣ пустынѣ.
Съ тобою видѣть я любилъ
Потоки тѣ же, тѣ же горы;
Къ тому же небу возводилъ
Съ небесной радостію взоры:
Съ тобой въ разлукѣ свѣту дня
Уже не радовать меня!
Я волю далъ любви несчастной
И погубилъ, довѣрясь ей,
За мигъ летящій, мигъ прекрасной
Всю красоту грядущихъ дней.
Но слушай! Срокъ остался краткой:
Пугаяся ревнивыхъ глазъ,
Вездѣ преслѣдующихъ насъ,
Доселѣ мелькомъ и украдкой
Видались мы; моей мольбой
Не оскорбись на разставаньѣ:
Позволь, позволь имѣть съ тобой
Мнѣ безмятежное свиданье!
Лишь мраки ночи низойдутъ,
И сномъ глубокимъ до денницы
Отяжелѣлыя зѣницы
Твои домашніе сомкнутъ,
Приду я къ тихому пріюту
Моей любезной: о, покинь
Дѣвичій страхъ и на минуту
Затворъ досадный отодвинь!
Прильну въ безмолвіи печальномъ

1824—1825 гг. Къ устамъ красавицы моей
И полдуши оставлю ей
Я въ лобызаніи прощальномъ:
Рѣшись!“

Волненія полна,
Прискорбно дѣва поглядѣла
На обольстителя; не смѣла
Ему довѣриться она:
Бѣдою что-то ей грозило;
Какой-то страхъ въ нее проникъ;
Ей смутно сердце говорило,
Что не былъ простъ его языкъ.
Святая книга, какъ сначала,
Еще лежавшая предъ ней,
Ей долгъ ея напоминала.
Ко груди трепетной своей
Прижавъ ее: „Нѣтъ, нѣтъ,—сказала,—
Зачѣмъ со злобою такой
Играть моею простотой?
Ты духъ нечистый, вижу ясно.
Жестокій! Сердце Эды ты
Лишилъ ужъ первой чистоты.
Что вновь замыслилъ? Нѣтъ, ужасно!
Отъ друга сердце далеко,
Я безъ надеждъ, безъ утѣшеній,
Съ тоски моей умру легко,
Умру безъ новыхъ прегрѣшеній.“
Но вправду врагъ ему едва-ль
Не помогалъ: съ такою силой
Излилъ онъ ропотъ свой, печаль
Столь горько выразилъ, что жаль
Злодѣя стало дѣвѣ милой,
И слезы падали у ней
Въ тяжелыхъ капляхъ изъ очей.
И въ то же время то моленья,
То пени расточалъ хитрецъ.
„Что медлишь? Дороги мгновенья!“
Къ ней приступилъ онъ, наконецъ.

1824—1825 гг.

„Дай слово!“—„Всей душой тоскуя,
Какое слово дать могу я?
Сказала,—сжалься надо мной!
Владѣю-ль я сама собой!
И что я знаю!“ Пылко, живо
Тутъ къ сердцу онъ ее прижалъ.
„Я буду, жди меня,“ сказалъ,
Сказалъ—и скрылся торопливо.
Уже и холмы и поля
Покрыты мраками густыми.
Смиренный ужинъ раздѣля
Съ неприхотливыми родными,
Вошла дѣвица въ уголъ свой,
На дверь задумчиво взглянула.
Повѣрь, опасенъ гость ночной!—
Ей совѣсть робкая шепнула.
И дверь ея заложена.
Въ бумажки мягкія она
Златые кудри завернула,
Снять поспѣшила какъ-нибудь
Дня одѣянія неловки,
Тяжелодышущую грудь
Освободила отъ шнуровки,
Легла и думала заснуть.
Ужъ поздно; полночь; но рѣсницы
Сонъ не смыкаетъ у дѣвицы.
„Стучаться будетъ онъ теперь.
Зачѣмъ задвинула я дверь?
Я своенравна въ самомъ дѣлѣ.
Пущу его: вѣдь мигъ со мной
Пробудетъ здѣсь любезный мой,
Потомъ навѣкъ уйдетъ отселѣ.“
Такъ мнитъ ужъ дѣвица и вотъ
Съ одра тихохонько встаетъ,
Ко двери съ трепетомъ подходитъ,
И вотъ задвижки роковой
Уже касается рукой;
Вотъ руку медленно отводитъ,
Вотъ приближаетъ руку вновь;

Желѣзо двинулось. Вся кровь
Застыла въ дѣвушкѣ несчастной,
И сердце сжала ей тоска.
Тогда же чуждая рука
Дверь пошатнула: „Другъ прекрасной,
Не бойся, Эда, это я!“
И, отъ смятенья духъ тая,
Сама себя не разумѣя,
Дѣвица бѣдная моя
Уже въ объятіяхъ злодѣя...
Заря багрянитъ сводъ небесъ.
Восторгъ обманчивый исчезъ;
Съ нимъ улетѣлъ и призракъ счастья;
Открылась бездна нищеты:
Слезами скорби платишь ты
Уже за слезы сладострастья!
Стыдясь пылающаго дня,
На краѣ ложа роковаго
Сидишь ты, голову склоня.
Взгляни на друга молодаго!
Внимай ему: нѣтъ, нѣтъ, съ тобой
Онъ не снесетъ разлуки злой;
Тебѣ всѣ дни его и ночи;
Отецъ его не устрашитъ:
Онъ подозрѣнья усыпитъ,
Обманетъ бдительныя очи;
Твой будетъ онъ, покуда живъ...
Напрасно все: она не внемлетъ,
Очей на друга не подъемлетъ,
Уста безмолвныя раскрывъ,
Потупя въ землю взоръ незрящій.
Ей то же друга разговоръ,
Что вѣтръ, безсмысленно свистящій
Среди ущелинъ финскихъ горъ.

———

Часть третія.

1824—1825 гг. Недолго, дѣва красоты,
Предателя чуждалась ты,
Томяся грустью безотрадной!
Ты уступила сердцу вновь:
Простила нѣжная любовь
Любви коварной и нещадной.

Идетъ поспѣшно день за днемъ.
Гусару дѣва молодая
Уже покорствуетъ во всемъ.
За нимъ она, какъ лань ручная,
Повсюду ходитъ. То четой
Пріемлетъ ихъ въ полдневный зной
Густая сѣнь дубровы сонной,
То зазоветъ дремучій боръ,
То приглашаютъ гроты горъ
Въ свой сумракъ нѣги благосклонной;
Но чаще сходятся они
Въ долу сосѣдственномъ, глубокомъ;
Въ густой рябиновой сѣни,
Надъ быстро льющимся потокомъ,
Они садятся на траву.
Порой любовникъ въ томной лѣни
Послушной дѣвѣ на колѣни
Кладетъ безпечную главу
И легкимъ сномъ глаза смыкаетъ.
Духъ притая, она внимаетъ
Дыханью друга своего;
Древесной вѣтвью отвѣваетъ
Докучныхъ мошекъ отъ него;
Его кудрявыми власами
Играетъ дѣтскими перстами.
Когда-жъ подъемлется луна,
И дикій край подъ ней задремлетъ,

Въ пріютъ укромный свой она
Къ себѣ на одръ его пріемлетъ.

Но дѣва нѣжная моя
Томится тайною тоскою.
Разъ, обычайною порою,
У водъ любимаго ручья
Они сидѣли молчаливо.
Владиміръ въ тихомъ забытьи
Глядѣлъ на свѣтлыя струи,
Предъ нимъ бѣгущія игриво.
Дорогой сорванный цвѣтокъ
Онъ какъ-то бросилъ въ быстрый токъ
Вздохнула дѣва молодая,
На друга голову склоня:
„Такъ,—прошептала,—и меня,
Мигъ полелѣя, поласкав,
Такъ на погибель бросишь ты!“
Уста незлобной красоты
Улыбкой милой улыбнулись,
Но скорбь взяла-таки свое,
И на глазенкахъ у нее
Невольно слезы навернулись.
Она косынкою своей
Ихъ отерла и, веселѣй
Глядѣть стараяся на друга:—
„Прости! Безумная тоска!
Сегодня жизнь моя сладка,
Сегодня я твоя подруга,
И завтра будешь ты со мной,
И день еще, и, статься можетъ,
Я до разлуки роковой
Не доживу, Господь поможетъ!“

Ужели не былъ тронутъ онъ
Ея любовію невинной?
До сей поры, шалунъ безчинной,
Онъ только зналъ бокаловъ звонъ,
Дымъ трубокъ, шумныя бесѣды

Соратныхъ братіевъ своихъ
И за преступныя побѣды
Слылъ удальцомъ промежду нихъ.
Наукой жалкою обмановъ
Гордился онъ—и точно въ ней
Другого былъ посмышленнѣй.
Успѣлъ онъ нѣсколько романовъ,
Зѣвая и крутя усы,
Прочесть въ досужные часы
Отъ царской службы и стакановъ;
Собой пригожъ былъ, нравомъ живъ.
Едва пора самопонятья
Пришла ему, наперерывъ
Влекли его къ себѣ въ объятья
Супруги, бывшія мужей
Чрезчуръ моложе иль умнѣй.
И жадно пилъ онъ наслажденье,
И имъ повѣса молодой
Избаловалъ воображенье.
Не испытавъ любви прямой,
Питомецъ буйнаго веселья,
Въ пустынѣ скучной заключенъ,
За милой Эдой вздумалъ онъ
Поволочиться отъ бездѣлья
И, какъ вы видѣли, шутя,
Увлекъ прелестное дитя.
Увы, мучительное чувство
Его тревожило потомъ!
Не разъ гусарскимъ языкомъ
Онъ проклиналъ свое искусство;
Но чаще, сердцемъ увлеченъ,
Какая дѣва, думалъ онъ,
Ея прелестнѣй въ поднебесной,
Душою проще и нѣжнѣй?
И Провидѣнья перстъ чудесной
Онъ признавалъ во встрѣчѣ съ ней.
Своей подругой неразлучной
Ужъ зрѣлъ ее въ мечтахъ своихъ,
Уже въ тѣни деревъ родныхъ

Велъ съ нею вѣкъ благополучной...
Вотще!
Коварный Шведъ опять
Не соблюдаетъ договоровъ:
Вновь хочетъ съ Русскимъ испытать
Неравный жребій бранныхъ споровъ.
Ужъ переходятъ за Кюмень
Передовыя ополченья:
Война, война! Грядущій день—
День рокового разлученья.

Нѣтъ слезъ у дѣвы молодой.
Мертва лицемъ, мертва душой,
На суету походныхъ сборовъ
Глядитъ она: всему конецъ!
На ней встревоженный хитрецъ
Остановить не смѣетъ взоровъ.
Сгустилась ночь. Въ глубокій сонъ
Все погрузилося. Унылой
Въ послѣдній разъ идетъ онъ къ милой.
Ей утѣшенья шепчетъ онъ,
Ее лобзаетъ онъ напрасно.
Внимаетъ, чувства лишена,
Даетъ лобзать себя она,
Но безотвѣтно, безучастно!
Мечтанья всѣ бѣжали прочь.
Они томительную ночь
Въ безмолвной горести проводятъ.
Ужъ въ путь зоветъ сіянье дня,
Уже ретиваго коня
Младому воину подводятъ;
Ужъ онъ садится. У дверей
Пустынной хижины своей
Она стоитъ, мутна очами.
Дѣвица бѣдная, прости!
Ужъ по далекому пути
Онъ поскакалъ. Ужъ за холмами
Не виденъ онъ твоимъ очамъ...
Согнувъ колѣни, къ небесамъ

1824—1825 гг. Она сперва воздѣла руки,
За нимъ простерла ихъ потомъ
И въ прахъ повергласяя лицомъ
Съ глухимъ стенаньемъ смертной муки

Сковалъ потоки зимній хладъ,
И надъ стремнинами своими
Съ гранитныхъ горъ уже висятъ
Они горами ледяными.
Изъ-подъ одежды снѣговой
Кой-гдѣ вставая головами,
Скалы чернѣютъ за скалами.
Во мглѣ волнистой и сѣдой
Исчезло небо. Зашумѣли,
Завыли зимнія метели.
Что съ бѣдной дѣвицей моей?
Потухъ огонь ея очей;
Въ ней Эды прежней нѣтъ и тѣни;
Изнемогаетъ въ цвѣтѣ дней;
Но чужды слезы ей и пѣни.
Какъ небо зимнее блѣдна,
Въ молчаньи грусти безнадежной
Сидитъ недвижно у окна,
Сидитъ и бури вой мятежный
Уныло слушаетъ она,
Мечтая: „Нѣтъ со мною друга;
Ты мнѣ постылъ, печальный свѣтъ!
Конца дождусь ли я, иль нѣтъ?
Когда, когда сметешь ты, вьюга,
Съ лица земли мой легкій слѣдъ?
Когда, когда на сонъ глубокій
Мнѣ дастъ могила свой пріютъ,
И на нее сугробъ высокій
Бушуя вѣтры нанесутъ?“

Не тщетно дѣва молодая
Кончину раннюю звала:
Ужъ Эды нѣтъ! Кручина злая
Ее въ могилу низвела.

1824—1825 гг.

Кто-бъ думать могъ? Въ ея обитель
Межъ тѣмъ лукавый соблазнитель
Неожидаемый летѣлъ.
Какой онъ умыселъ имѣлъ,
Богъ вѣсть. Но прибылъ онъ,—и что же?—
Узрѣлъ ее на смертномъ ложѣ.
Въ слезахъ предъ милою упалъ:
„Постой, отчаянный взывалъ,
Тебѣ-ль назначена могила!
О жертва милая любви,
Я твой навѣкъ, живи, живи!
Ты-ль голосъ друга позабыла?“
Но меркнулъ свѣтъ въ ея очахъ;
На леденѣющихъ устахъ
Уже душа ея бродила...

Кладбище есть. Тѣснятся тамъ
Къ холмамъ холмы, кресты къ крестамъ,
Однообразные для взгляда;
Ихъ (межъ кустами чуть видна,
Изъ круглыхъ камней сложена)
Обходитъ низкая ограда.
Лежитъ уже давно за ней
Могила дѣвицы моей.
Кто, кто теперь ее отыщетъ,
Кто съ нѣжной грустью навѣститъ?
Кругомъ все пусто, все молчитъ;
Порою только вѣтеръ свищетъ
И можжевельникъ шевелитъ.

1824 г.

Эпилогъ къ стихотворной повѣсти „Эда“.

Ты покорился, край гранитный,
Россіи мочь извѣдалъ ты—
И не столкнешь ея пяты,
Хоть дышешь къ ней враждою скрытной!
Срокъ плѣна вѣчнаго насталъ,—
Но слава падшему народу!
Безстрашно онъ оборонялъ
Угрюмыхъ скалъ своихъ свободу.
Изъ-за утесистыхъ громадъ
На насъ летѣлъ свинцовый градъ;
Вкусить не смѣла краткой нѣги
Рать, утомленная отъ ранъ:
Ножъ изступленный поселянъ
Окровавлялъ ея ночлеги!
И все напрасно! Чудный хладъ
Сковалъ Ботническія воды;
Какимъ былъ ужасомъ объятъ
Пучины богъ сѣдо-брадатъ;
Какъ изумилися народы,
Когда хребетъ его льдяной,
Звеня подъ русскими полками,
Явилъ внезапною стѣной
Ихъ передъ шведскими брегами!
И какъ Стокгольмъ оцѣпенѣлъ,
Когда надъ нимъ, шумя крылами,
Орелъ нашъ грозный возлетѣлъ!
Онъ въ немъ узналъ орла Полтавы!

Все покорилось. Но не мнѣ,
Пѣвцу, незнающему славы,
Пѣть славу храбрыхъ на войнѣ.
Питомецъ музъ, питомецъ боя,
Тебѣ, Давыдовъ, пѣть ее:
Вѣнкомъ пѣвца, вѣнкомъ героя
Чело украшено твое.
Ты видѣлъ Финскіе граниты,
Безстрашныхъ кровію омыты;
По нимъ водилъ ты ихъ строи.
Ударь же въ струны позабыты
И вспомни подвиги твои!

1825—1826 гг.

Телема и Макаръ.

Телема пламенна, игрива,
Но черезчуръ нетерпѣлива,
Но перемѣнно прельщена
То тѣмъ, то этимъ: безпокойства
Всегда душа ея полна.
Любила толстяка она
Совсѣмъ иного съ нею свойства:
Макаръ не тужитъ ни о чемъ,—
Ему покой всего дороже.
Съ весельемъ шумнымъ незнакомъ,
Онъ незнакомъ со скукой тоже.
Заснетъ онъ ночью крѣпкимъ сномъ,
Едва глаза свои зажмуритъ,—
Поутру встанетъ молодцомъ,
День цѣлый послѣ балагуритъ.
Въ любви причудливой своей
Къ Макару часто нестерпимой
Была Телема: милымъ ей
Хотѣлось быть боготворимой.
Однажды, чѣмъ-то оскорбясь,
Увлекшись живостью сердечной,
Въ упрекахъ горькихъ излилась
Предъ нимъ она. Макаръ безпечной
Покинулъ бѣдную смѣясь.
Безъ друга скучно и уныло
Тянулись дни. Изъ края въ край
За нимъ бѣжать она давай:
Жить безъ Макара тошно было.

Надежды дѣтскою полна,
Приходитъ въ Царское она.
Того-ли встрѣтитъ, иль другова:
„Не здѣсь-ли милый мой дружокъ?
Макара нѣтъ ли дорогова?“
Никто безъ хохота не могъ
Услышать имени такова.
—Какой Макаръ тобой любимъ,
Какъ разлучилася ты съ нимъ,
Что онъ, голубушка, за диво?—
Она въ отвѣтъ нетерпѣливо:
„Нѣтъ лучше друга моего:
Благоразуменъ, доброхотенъ,
Веселонравенъ, беззаботенъ,
Всѣ любятъ искренно его;
Не ненавидя никого,
Онъ самъ никѣмъ не ненавидимъ“.
—Ступай, отвѣтствовали ей,
Здѣсь нѣтъ его: такихъ людей
Мы при Дворѣ совсѣмъ не видимъ.

Рѣшилась далѣе итти
Моя бѣглянка молодая;
Заходитъ въ Лавру по пути,
Макара мирнаго найти
Въ сей мирной пристани мечтая.
Игуменъ ей: „Признаться вамъ,
Его мы долго поджидали,
Но, признаюсь, по пустякамъ:
Пріютъ отъ бурь житейскихъ намъ
Въ замѣну стѣны наши дали“.
Одинъ неласковый чернецъ
Сказалъ вертушкѣ наконецъ:
„О чемъ вы слѣпо возмечтали?
Найдется-ль, полно, вашъ бѣглецъ?
На томъ онъ свѣтѣ, мы слыхали“.
Телему набожный мудрецъ
Чуть не взбѣсилъ такимъ привѣтомъ:—
„Его найду я, мой отецъ,

1825—1826 гг. Не безпокойтеся объ этомъ.
Нѣтъ, о Макарѣ дорогомъ
Не понапрасну я тоскую:
Одна я жизнь ему дарую!
Не можетъ быть онъ въ мірѣ томъ,
Когда я въ этомъ существую!“

„Но гдѣ же встрѣчу друга я?“—
Мечтаетъ странница моя.
„Въ столицѣ—что же? не чудесно!
Между пѣвцами вѣрно онъ,
Которыми изображонъ
Онъ столь искусно и прелестно“.
Одинъ изъ нихъ ей молвилъ такъ:
„Вы обманулися никакъ:
Не появлялся, къ сожалѣнью,
И между нами вашъ чудакъ.
Его поемъ мы кое-какъ,
По одному воображенью“.

Совѣтъ предъ нею. На него
Взглянула странница—и мимо:
Нѣтъ, для Макара моего
Такое мѣсто нестерпимо!
Тамъ нѣтъ его. Не спорю въ томъ,
Прельститься могъ бы онъ Дворомъ:
Дворъ полонъ чуднаго угара;
Но за присутственнымъ столомъ
Ввѣкъ не увижу я Макара!
Надѣясь друга повстрѣчать,
Телема стала навѣщать
Гулянья, зрѣлища столицы,
Ко всѣмъ заглядывала въ лицы,—
По пустякамъ! Приглашена
Въ дома блестящіе она,
Гдѣ тѣ счастливцы предсѣдаютъ,
Которыхъ свѣтскимъ языкомъ
Людьми съ утонченнымъ умомъ,
Людьми со вкусомъ называютъ.

Они привѣтливы лицомъ,
Рѣчами веселы, свободны
И съ милымъ сердцу бѣглецомъ
Ей показались очень сходны;
Но чѣмъ съ Макаромъ дорогимъ
Похожѣй быть они старались,
Отъ сходства истиннаго съ нимъ
Тѣмъ очевиднѣй удалялись!

Тоска-печаль ее взяла;
Наскуча бѣгать попустому
Изъ мѣста въ мѣсто, побрела
Она тихохонько до дому.
Въ давно покинутый пріютъ
Приходитъ странница—и что же?
Уже Макаръ съ улыбкой тутъ
Подругу ждалъ на брачномъ ложѣ:
„Со мною въ мирѣ и любви,
Онъ молвилъ, съ этихъ поръ живи.
Живи, о лишнемъ не тоскуя,
И коль разстаться вновь со мной
Не хочешь, нрава тишиной
Себѣ пріязнь мою даруя,
Отъ угожденья моего
Не требуй болѣе того,
Что я даю, что дать могу я“.

1825—1828 гг.

Балъ.

ПОВѢСТЬ.

[Умѣютъ жить въ Москвѣ богатой
И для себя и для другихъ.
У знатныхъ баръ, сыновъ прямыхъ
Столицы праздной, тароватой,
Одно веселье на умѣ,
Одно занятіе—банкеты.
Какъ рады жители зимѣ!
Теперь—Богъ вѣсть,—а въ прежни лѣты
Зимой у нихъ за пиромъ пиръ.
Ношу-ли фракъ я, иль мундиръ,
Женатъ-ли я, хочу-ль жениться,—
Мнѣ всякій радъ. Когда не лѣнь,
Вальсировать и волочиться
Въ Москвѣ могу я каждый день].

Глухая полночь. Строемъ длиннымъ,
Осеребренныя луной,
Стоятъ кареты на Тверской
Предъ домомъ пышнымъ и старинным.
Пылаетъ тысячью огней
Обширный залъ; съ высокихъ хоровъ
Гудятъ смычки; толпа гостей,
Съ приличной важностію взоровъ,
Въ чепцахъ узорныхъ, вычурныхъ,
Рядъ пестрый барынь пожилыхъ
Сидитъ. Причудницы, отъ скуки,
То поправляютъ свой нарядъ,
То на толпу, сложивши руки,
Съ тупымъ вниманіемъ глядятъ.
Кружатся дамы молодыя,
Не чувствуютъ себя самихъ;
Драгими камнями у нихъ
Горятъ уборы головные;

По ихъ плечамъ полунагимъ
Златые локоны летаютъ;
Одежды легкія, какъ дымъ,
Ихъ легкій станъ обозначаютъ.
Вокругъ плѣнительныхъ харитъ
И суетится, и кипитъ
Толпа поклонниковъ ревнивыхъ,
Толкуетъ, ловитъ каждый взглядъ:
Шутя несчастныхъ и счастливыхъ
Вертушки милыя творятъ.

Въ движеньи все. Горя добиться
Вниманья лестнаго красы,
Гусаръ крутитъ свои усы,
Писатель чопорно острится.—
И оба правы: говорятъ,
Что въ то же время можно дамамъ,
Мѣняя слѣва взглядъ на взглядъ,
Смѣяться справа эпиграммамъ.
Межъ тѣмъ и въ лентахъ, и въ звѣздахъ,
Порою, съ картами въ рукахъ,
Выходятъ важные бояры,
Вставъ изъ-за ломберныхъ столовъ
Взглянуть на мчащіяся пары
Подъ гулъ порывистый смычковъ.

Но гости глухо зашумѣли,
Вся зала шопотомъ полна:
„Домой уѣхала она!
Вдругъ стало дурно ей". Ужели?
—Въ кадрили весело вертясь,
Вдругъ помертвѣла! —Что причиной?
Ахъ, Боже мой! скажите, князь,
Скажите, что съ княгиней Ниной,
Женою вашею?—Богъ вѣсть,
Мигрень, конечно!... въ сюрахъ шесть.
—Что съ ней, кузина? танцовали
Вы въ ближней парѣ, видѣлъ я?—
„Въ кругу пристойномъ не всегда-ли

Она какъ будто не своя?“
Злословье правду говорило:
Въ Москвѣ, межъ умницъ и межъ дуръ,
Моей княгинѣ черезчуръ
Слыть Пенелопой трудно было.
Презрѣнья къ мнѣнію полна,
Надъ добродѣтелію женской
Не насмѣхается-ль она,
Какъ надъ ужимкой деревенской?
Кого въ свой домъ она манитъ:
Не записныхъ ли волокитъ,
Не новичковъ ли миловидныхъ?
Не утомленъ ли слухъ людей
Молвой побѣдъ ея безстыдныхъ
И соблазнительныхъ связей?

Но какъ влекла къ себѣ всесильно
Ея живая красота!
Чьи непорочныя уста
Такъ улыбалися умильно!
Какая бы Людмила ей,
Смирясь, лучей благочестивыхъ
Своихъ лазоревыхъ очей
И свѣжести ланитъ стыдливыхъ
Не отдала бы сей же часъ
За яркій глянецъ черныхъ глазъ,
Облитыхъ влагой сладострастной,
За пламя жаркое ланитъ?
Какая феѣ самовластной
Не уступила-бъ изъ харитъ?

Какъ въ близкихъ сердца разговорахъ
Была плѣнительна она!
Какъ угодительно-нѣжна!
Какая ласковость во взорахъ
У ней сіяла! Но порой,
Ревнивымъ гнѣвомъ пламенѣя,
Какъ зла въ словахъ, страшна собой,
Являлась новая Медея!

Какія слезы изъ очей
Потомъ катилися у ней!
Терзая душу, проливали
Въ нее томленье слезы тѣ:
Кто-бъ не отеръ ихъ у печали,
Кто-бъ не оставилъ красотѣ?

Страшись прелестницы опасной,
Не подходи: обведена
Волшебнымъ очеркомъ она;
Кругомъ ея заразы страстной
Исполненъ воздухъ! Жалокъ тотъ,
Кто въ сладкій чадъ его вступаетъ:
Ладью пловца водоворотъ
Такъ на погибель увлекаетъ!
Бѣги ее: нѣтъ сердца въ ней!
Страшися вкрадчивыхъ рѣчей
Одурѣвающей приманки;
Влюбленныхъ взглядовъ не лови:
Въ ней жаръ упившейся Вакханки,
Горячки жаръ—не жаръ любви.

Такъ, не сочувствія прямаго
Могуществомъ увлечена,
На грудь роскошную она
Звала счастливца молодаго:
Онъ пересозданъ былъ на мигъ
Ея живымъ воображеньемъ;
Ей своенравный зрѣлся ликъ,
Она ласкала съ упоеньемъ
Одно видѣніе свое.
И гасла вдругъ мечта ее:
Она вдалась въ обманъ досадной,
Ея прельститель ей смѣшонъ,
И средь толпы Лаисѣ хладной
Ужъ не примѣтенъ будетъ онъ.

Въ часы томительные ночи,
Утѣхъ естественныхъ чужда,

1825—1828 гг. Такъ чародѣйка иногда
Себѣ волшебствомъ тѣшитъ очи:
Надъ ней слились изъ облаковъ
Великолѣпные чертоги;
Она на тронѣ изъ цвѣтовъ,
Ей угождаютъ полу-боги.
На мигъ одинъ восхищена
Живымъ видѣніемъ она;
Но въ умъ приходитъ съ изумленьемъ,
Смѣется сердца забытью
И съ тьмой сливаетъ мановеньемъ
Мечту блестящую свою.

Чей образъ кисть нарисовала?
Увы! тѣ дни ужъ далеко,
Когда княгиня такъ легко
Воспламенялась, остывала!
Когда, питомицѣ прямой
И Эпикура и Нинонь,
Летучей прихоти одной
Ей были вѣдомы законы!
Посланникъ рока ей предсталъ,
Смущенный взоръ очаровалъ,
Поработилъ воображенье,
Сліялъ всѣ мысли въ мысль одну
И пролилъ страстное мученье
Въ глухую сердца глубину.

Красой изнѣженной Арсеній
Не привлекалъ къ себѣ очей:
Слѣды мучительныхъ страстей,
Слѣды печальныхъ размышленій
Носилъ онъ на челѣ; въ очахъ
Безпечность мрачная дышала,
И не улыбка на устахъ,—
Усмѣшка праздная блуждала.
Онъ не задолго посѣщалъ
Края чужіе; тамъ искалъ,
Какъ слышно было, развлеченья

И снова родину узрѣлъ;
Но, видно, сердцу исцѣленья
Дать не возмогъ чужой предѣлъ.

Предсталъ онъ въ домъ моей Лаисы,
И остряковъ задорный полкъ,
Не знаю какъ, предъ нимъ умолкъ,
Главой поникли Адонисы.
Онъ въ разговорѣ поражалъ
Людей и свѣта знаньемъ рѣдкимъ,
Глубоко въ сердце проникалъ
Лукавой шуткой, словомъ ѣдкимъ;
Судилъ разборчиво пѣвца,
Зналъ цѣну кисти и рѣзца;
И сколько ни былъ хладно-сжатымъ
Привычный складъ его рѣчей,
Казался чувствами богатымъ
Онъ въ глубинѣ души своей.

Неодолимо, какъ судьбина,
Не знаю что, въ игрѣ лица,
Въ движеньи каждомъ пришлеца,
Къ нему влекло тебя, о Нина!
Съ него ты не сводила глазъ...
Онъ былъ учтивъ, но хладенъ съ нею;
Ее смущалъ онъ много разъ
Улыбкой опытной своею;
Но, жрица давняя любви,
Она-ль не знала, какъ въ крови
Родить мятежное волненье,
Какъ въ чувства дикій жаръ вдохнуть!..
И всемогущее мгновенье
Его повергло къ ней на грудь.

Мои любовники дышали
Согласнымъ счастьемъ два-три дни;
Чрезъ день, другой—потомъ они
Несходство въ чувствахъ показали.
Забвенья страстнаго полна,

1825—1828 гг. Полна блаженства жизни новой,
Свободно, радостно она
Къ нему ласкалась, но суровой,
Унылый часто зрѣлся онъ:
Предъ нимъ леталъ мятежный сонъ;
Всегда разсѣянный, судьбину,
Казалось, въ чемъ-то онъ винилъ,
И, прижимая къ сердцу Нину,
Отъ Нины сердце онъ таилъ.

Неблагодарный! Имъ у Нины
Всѣ мысли были заняты:
Его любимые цвѣты,
Его любимыя картины
У ней являлися. Не разъ
Блистали новые уборы
Въ ея покояхъ, чтобъ на часъ
Ему прельстить, потѣшить взоры.
Былъ втайнѣ убранъ кабинетъ,
Гдѣ сладострастный полу-свѣтъ,
Богинь роскошныхъ изваянья,
Куреній сладкихъ легкій паръ,
Животворило все желанья,
Вливало въ сердце томный жаръ.

Вотще! Онъ преданъ былъ печали.
Однажды (до того дошло)
У Нины вспыхнуло чело
И очи ярко заблистали.
Страстей противныхъ бѣглый споръ
Лице явило. „Что съ тобою,"
Она сказала: „что твой взоръ
Все полонъ мрачною тоскою?
Досаду давнюю мою
Я болѣ въ сердце не таю:
Печаль съ тобою неразлучна;
Стыжусь, но ясно вижу я:
Тебѣ тяжка, тебѣ докучна
Любовь безумная моя!

„Скажи, за что твое презрѣнье?
Скажи, въ сердечной глубинѣ
Ты нечувствителенъ ко мнѣ
Иль недовѣрчивъ? Подозрѣнье
Я заслужила. Старины
Мнѣ тяжело воспоминанье:
Тогда всечасной новизны
Алкало у меня мечтанье;
Одинъ кумиръ на долгій срокъ
Поработить его не могъ:
Любовь сегодняшняя трудно
Жила до завтрашняго дня.
Мнѣ ввѣрить сердце безразсудно;
Ты правъ, но выслушай меня.

„Бѣги со мной: земля велика!
Чужбина скроетъ насъ легко,
И тамъ безвѣстно, далеко,
Ты будешь полный мой владыка.
Ты мнѣ Италію порой
Хвалилъ съ блестящимъ увлеченьемъ;
Страну, любимую тобой,
Узнала я воображеньемъ:
Тамъ солнце пышно, тамъ луна
Восходитъ, сладости полна;
Тамъ вьются лозы винограда,
Шумятъ лавровые лѣса:
Туда, туда! съ тобой я рада
Забыть родныя небеса.

„Бѣги со мной! Ты безотвѣтенъ!
Отвѣтствуй, жребій мой рѣши.
Иль нѣтъ! зачѣмъ? Твоей души
Упорный холодъ мнѣ примѣтенъ.
Безмолствуй! не нуждаюсь я
Въ словахъ обманчивыхъ—довольно!
Любовь несчастная моя
Мнѣ свыше казнь... но больно, больно!.
И зарыдала. Возмущонъ

Ея тоской: „Безумный сонъ
Тебя увлекъ,“ сказалъ Арсеній,
„Невольный мракъ души моей—
Слѣдъ прежнихъ, жалкихъ заблужденій
И прежнихъ гибельныхъ страстей.

„Его со временемъ разсѣетъ
Твоя волшебная любовь:
Нѣтъ, не тревожься, если вновь
Тобой сомнѣнье овладѣетъ!
Мое унынье не вини.“
День послѣ, мирною четою,
Сидѣли на софѣ они.
Княгиня томною рукою
Обняла друга своего
И прилегла къ плечу его.
На ближній столикъ, въ думѣ скрытной
Облокотясь, Арсеній нашъ
Межъ тѣмъ на карточкѣ визитной
Водилъ небрежный карандашъ.

Давно былъ вечеръ. Съ легкимъ трескомъ
Горѣли свѣчи на столѣ,
Кумировъ мраморъ въ дальней мглѣ
Кой-гдѣ блисталъ невѣрнымъ блескомъ.
Молчалъ Арсеній, Нина тожъ...
Вдругъ, тайнымъ чувствомъ увлеченный,
Онъ восклицаетъ: „Какъ похожъ!“
Проснулась Нина: „Другъ безцѣнный,
Похожъ! Ужели! мой портретъ?
Взглянуть позволь... Что-жъ это? Нѣтъ!
Не мой: жеманная дѣвчонка
Со сладкой глупостью въ глазахъ,
Въ кудряхъ мохнатыхъ, какъ болонка,
Съ улыбкой сонной на устахъ!“

„Скажу, красавица такая
Меня затмила бы совсѣмъ“...
Лице княгини между тѣмъ

Покрыла блѣдность гробовая.
Ея дыханье отошло,
Уста застыли, посинѣли;
Увлажилъ хладный потъ чело;
Непомертвѣлые блестѣли
Глаза одни. Вѣщать хотѣлъ
Языкъ мятежный, но коснѣлъ:
Слова сливались въ лепетанье.
Мгновенье долгое прошло,
И наконецъ ея страданье
Свободный голосъ обрѣло.

„Арсеній, видишь, я мертвѣю;
Арсеній, дашь ли мнѣ отвѣтъ!
Знакомъ ты съ ревностію?... Нѣтъ?...
Такъ вѣдай, я знакома съ нею,
Я къ ней способна! Погляди,
Вотъ любопытное колечко:
Его ношу я на груди.
Не все, постой!.. еще словечко:
Арсеній, знай, одарено
Волшебной силою оно;
Знай, никакое злоключенье
Меня при немъ не устрашитъ.
Въ глазахъ твоихъ недоумѣнье,
Дивишься! Ядъ оно таитъ.“

У Нины руку взялъ Арсеній:
„Спокойна совѣсть у меня,“
Сказалъ, „но дожилъ я до дня
Тяжелыхъ сердцу откровеній.
Внимай же мнѣ. Съ чего начну?
Не предавайся гнѣву, Нина!
Другой дышалъ я встарину:
Хотѣла то сама судьбина.
Росли мы вмѣстѣ. Какъ мила
Малютка Оленька была!
Ее мгновеньями иными
Еще я вижу предъ собой

Съ очами темно-голубыми,
Съ темно-кудрявой головой.

„Я называлъ ее сестрою,
Съ ней игры дѣтства я дѣлилъ;
Но годъ за годомъ уходилъ
Обыкновенной чередою.
Исчезло дѣтство. Притекли
Дни непонятнаго волненья,—
И другъ на друга возвели
Мы взоры полные томленья.
Обманчивъ разговоръ очей.
И, руку Оленьки моей
Сжимая робкою рукою:
„Скажи“, шепталъ я иногда,
„Скажи, любимъ ли я тобою?“
И слышалъ сладостное *да*.

„Въ счастливый домъ, себѣ на горе,
Тогда я друга ввелъ. Лицомъ
Онъ былъ пріятенъ, живъ умомъ;
Обворожилъ онъ Ольгу вскорѣ.
Всегда встрѣчались взоры ихъ,
Всегда велся межъ ними шопотъ.
Я мукъ язвительныхъ моихъ
Не снесъ: излилъ ревнивый ропотъ.
Какой же ждалъ меня успѣхъ?
Мнѣ былъ отвѣтомъ дѣтскій смѣхъ!
Ее покинулъ я съ презрѣньемъ,
Всю боль души въ душѣ тая,
Сказалъ прости всему; но мщеньемъ
Сопернику поклялся я.

„Всечасно колкими словами
Скучалъ я, досаждалъ ему,
И по желанью моему
Вскипѣла ссора между нами.
Стрѣлялись мы. Въ крови упавъ,
На вѣкъ я думалъ міръ оставить;
Съ одра возсталъ я тѣломъ здравъ,

Но сердцемъ боленъ. Что прибавить?
Бѣжалъ я въ дальніе края:
Увы! подъ чуждымъ небомъ я
Томился тою же тоскою.
Родимый край узрѣвъ опять,
Я только съ милою тобою
Душою началъ оживать."

Умолкъ. Безсмысленно глядѣла
Она на друга своего,
Какъ будто повѣсти его
Еще вполнѣ не разумѣла;
Но отъ руки его потомъ
Освободивъ тихонько руку,
Вдругъ содрогнулася лицомъ,
И все въ немъ выразило муку;
И обезсилена, томна,
Главой поникнула она.
„Что, что съ тобою, другъ безцѣнный!"
Вскричалъ Арсеній. Слухъ его
Внялъ только вздохъ полустѣсненный.
„Другъ милый, что ты?"— „Ничего."

Еще на крыльяхъ торопливыхъ
Промчалось нѣсколько недѣль
Въ размолвкахъ бурныхъ, какъ досель,
И въ примиреньяхъ несчастливыхъ.
Но что же, что же напослѣдъ?
Сегодня друга нѣтъ у Нины
И завтра, послѣ завтра нѣтъ!
Напрасно, полная кручины,
Она съ дверей не сводитъ глазъ
И мнитъ: онъ будетъ черезъ часъ.
Онъ позабылъ о Нинѣ страстной.
Онъ не вошелъ, вошелъ слуга,
Письмо ей подалъ... мигъ ужасный!
Сомнѣнья нѣтъ: его рука!
„Что медлить", къ ней писалъ Арсеній:
Открыться должно.... Небо! въ чемъ?

Едва владѣю я перомъ,
Ищу напрасно выраженій.
О Нина! Ольгу встрѣтилъ я;
Она понынѣ дышитъ мною,
И ревность прежняя моя
Была неправой и смѣшною.
Удѣлъ рѣшенъ. По старинѣ
Я вѣренъ Ольгѣ, вѣрной мнѣ.
Прости! твое воспоминанье
Я сохраню до позднихъ дней:
Въ немъ понесу я наказанье
Ошибокъ юности моей".

Для своего и для чужова
Незрима Нина; всѣмъ одно
Твердитъ швейцаръ ея давно:
Не принимаетъ, нездорова!
Ей нужды нѣтъ ни въ комъ, ни въ чемъ;
Питье и пищу забывая,
Въ покоѣ дальнемъ и глухомъ
Она недвижная, нѣмая
Сидитъ и съ мѣста одного
Не сводитъ взора своего.
Глубокой муки сонъ печальный!
Но двери пашутъ растворясь:
Мужъ, не весьма сантиментальный,
Сморкаясь громко, входитъ князь.

И вотъ садится. Въ размышленье
Сначала молча погруженъ,
Ногой потряхиваетъ онъ
И наконецъ: „Съ тобой мученье!
Безъ всякой грусти ты грустишь;
Какъ погляжу, совсѣмъ больна ты:
Ей-ей, съ трудомъ вообразишь,
Какъ вы причудами богаты!
Опомниться тебѣ пора.
Сегодня балъ у князь-Петра;
Забудь фантазіи пустыя

И отъ людей не отставай:
Тамъ будутъ наши молодые,
Арсеній съ Ольгой. Поѣзжай!“

„Ну что, поѣдешь-ли?“—„Поѣду“,
Сказала, странно оживясь,
Княгиня. „Дѣло“, молвилъ князь,
„Прощай, спѣшу я въ клубъ къ обѣду“.
Что, Нина бѣдная, съ тобой?
Какое чувство овладѣло
Твоей болѣзненной душой?
Что оживить ее умѣло,—
Ужель надежда? Торопясь
Часы летятъ; уѣхалъ князь;
Пора готовиться княгинѣ.
Нарядами окружена,
Давно не бывшими въ поминѣ,
Передъ трюмо стоитъ она.

Ужъ газъ на ней, струясь, блистаетъ;
Роскошно, сладостно очамъ
Рисуетъ грудь, потомъ къ ногамъ
Съ гирляндой яркой упадаетъ.
Алмазъ мелькающихъ серегъ
Горитъ за черными кудрями;
Жемчугъ чело ея облегъ
И межъ обильными косами
Рукой искусной пропущонъ,
То видимъ, то невидимъ онъ.
Надъ головою перья вѣютъ:
По томной прихоти своей,
То ей лице они лелѣютъ,
То дремлютъ въ локонахъ у ней.

Межъ тѣмъ (къ какому разрушенью
Ведетъ сердечная гроза!)
Ея потухшіе глаза
Окружены широкой тѣнью,
И на щекахъ румянца нѣтъ!

Чуть виденъ въ образѣ прекрасномъ
Красы бывалой слабый слѣдъ!
Въ стеклѣ живомъ и безпристрастномъ
Княгиня бѣдная моя
Глядяся мнитъ: „и это я!
Но пусть на страшное видѣнье
Онъ взоръ смущенный возведетъ;
Пускай узритъ свое творенье
И всю вину свою пойметъ“.

Другое тяжкое мечтанье
Потомъ волнуетъ душу ей:
„Ужель соперницѣ моей
Отдамся я на поруганье!
Ужель спокойно я снесу,
Какъ, торжествуя надо мною,
Свою цвѣтущую красу
Съ моей увядшею красою
Сравнитъ насмѣшливо она!
Надежда есть еще одна:
Слѣды печали я сокрою
Хоть въ половину, хоть на часъ“..
И Нина трепетной рукою
Лице румянитъ въ первый разъ.

Она явилася на балѣ.
Что-жъ возмутило душу ей?
Толпы ли вѣтреныхъ гостей
Въ ярко-блестящей, пышной залѣ
Безпечный лепетъ, мирный смѣхъ?
Порывы-ль музыки веселой,
И, словомъ, этотъ вихрь утѣхъ,
Больнымъ душою столь тяжелой?
Или насмѣшливо взглянуть
Посмѣлъ на Нину кто-нибудь?
Иль лишнимъ счастіемъ блистало
Лице у Ольги молодой?
Чтобъ ни было, ей дурно стало,
Она уѣхала домой.

Глухая ночь. У Нины въ спальной,
Лѣниво споря съ темнотой,
Передъ иконой золотой
Лампада точитъ свѣтъ печальной.
То пропадетъ во миракѣ онъ,
То заиграетъ на окладѣ;
Кругомъ глубокій, смертный сонъ!
Межъ тѣмъ въ блистательномъ нарядѣ,
Въ богатыхъ перьяхъ, жемчугахъ,
Съ румянцемъ страннымъ на щекахъ,
Ты-ль это, Нина, мною зрима?
Въ переливающейся мглѣ
Зачѣмъ сидишь ты недвижима
Съ недвижной думой на челѣ?

Дверь заскрипѣла: слышитъ ухо
Походку чью-то на полу;
Передъ иконою, въ углу,
Сталъ и закашлялъ кто-то глухо.
Вотъ чья-то дряхлая рука
Изъ тьмы къ лампадѣ потянулась,
Свѣтильню тронула слегка;
Свѣтильня сонная очнулась,
И свѣтъ нежданный и живой
Вдругъ озаряетъ весь покой:
Княгини мамушка сѣдая
Передъ иконою стоитъ,
И вотъ ужъ, набожно вздыхая,
Земной поклонъ она творитъ.

Вотъ поднялась, перекрестилась;
Вотъ поплелась было домой:
Вдругъ видитъ Нину предъ собой,
На полпути остановилась,
Глядитъ печально на нее,
Качаетъ старой головою:
„Ты-ль это, дитятко мое,
Такою позднею порою?...
И не смыкаешь очи сномъ,

Горюя, Богъ знаетъ, о чемъ!
Вотъ такъ-то ты свой вѣкъ проводишь,
Хоть отъ ума, да не умно:
Ну, право, ты себя уходишь,
А вѣдь грѣшно, куда грѣшно!

„И что въ судьбѣ твоей худого?
Какъ погляжу я, полонъ домъ
Не перечесть какимъ добромъ;
Къ тому же званья ты большого;
Твой князь пріятнаго лица,
Душа въ немъ кроткая такая:
Всечасно Вышняго Творца
Благославляла бы другая!
Ты позабыла Бога... да,
Не ходишь въ церковь никогда:
Повѣрь, кто Господа оставитъ,
Того оставитъ и Господь;
А Онъ-то духомъ нашимъ правитъ,
Онъ охраняетъ нашу плоть!

„Не осердись, моя родная:
Ты знаешь, мало-ли о чемъ
Мелю я старымъ языкомъ;
Прости, дай руку мнѣ“. Вздыхая,
Къ рукѣ княгининой она
Устами ветхими прильнула:
Рука ледяно-холодна.
Въ лице ей съ трепетомъ взглянула:
На немъ поспѣшный смерти ходъ;
Глаза распухли, въ пѣнѣ ротъ....
Судьбина Нины совершилась,
Нѣтъ Нины! ну такъ что-же? нѣтъ!
Какъ видно, ядомъ отравилась,
Сдержала страшный свой обѣтъ!

Уже билеты роковые,
Билеты съ черною каймой,
На коихъ бренности людской
Трофеи, модой принятые,
Печально поражаютъ взглядъ;

1825—1828 гг.

Гдѣ сухощавые Сатурны
Съ косами грозными сидятъ,
Склонясь на траурныя урны;
Гдѣ кости мертвыя крестомъ
Лежатъ разительнымъ гербомъ
Подъ гробовыми головами,—
О смерти Нины должну вѣсть
Обыкновенными словами
Спѣшатъ по городу разнесть.

Въ урочный день, на выносъ тѣла,
Со всѣхъ концовъ Москвы большой,
Одна карета за другой
Къ хоромамъ князя полетѣла.
Обсѣвъ гостиную кругомъ,
Сначала важное молчанье
Толпа хранила; но потомъ
Возникло томное жужжанье:
Оно росло, росло, росло
И въ шумный говоръ перешло.
Объятый счастливымъ забвеньемъ,
Самъ князь за дѣло принялся
И жаркимъ богословскимъ преньемъ
Съ ханжой какимъ-то занялся.

Богатый гробъ несчастной Нины
Священствомъ пышнымъ окруженъ,
Былъ въ землю мирно опущенъ.
Свѣтъ не узналъ ея судьбины.
Князь, безъ особаго труда,
Свой жребій Вышней волѣ предалъ.
Поэтъ, который завсегда
По четвергамъ у нихъ обѣдалъ,
Никакъ съ желудочной тоски
Скропалъ на смерть ея стишки.
Обильна слухами столица:
Молва какая-то была,
Что ихъ законная страница
Въ журналѣ Дамскомъ приняла.

1828 г.

Переселеніе душъ.

(Сказка).

Зевесъ, любя сѐмью людскую,
Попарно души сотворилъ
И напередъ одну мужскую
Съ одною женской согласилъ.
Хвала всевышней благостынѣ!
Но въ ней намъ мало пользы нынѣ:
Гдѣ душу парную найти?
Гдѣ?—Разлилося въ наше время
Такъ далеко людское племя,
Такъ многочисленны пути!
Куда пойду? мечтаешь съ горемъ:
На хладный Сѣверъ, знойный Югъ?
За Бѣлымъ иль за Чернымъ моремъ
Блуждаешь ты, желанный другъ?
Не все... приводитъ въ искушенье
Еще другое затрудненье:
Порою съ родственной душой
Столкнешься, по свѣту блуждая,
И радъ; но вотъ бѣда какая:
Душа родная—ротъ чужой
И посторонній подбородокъ!..
Враждуютъ чувства межъ собой;
Признаться, способъ мировой
Находкой былъ бы изъ находокъ!
Объ этомъ, добрые друзья,
Вамъ предлагаю повѣсть я.
Въ землѣ, о коей справедливо

1828 г.

Намъ чудеса вѣщаетъ старь,
Въ Египтѣ славномъ жилъ-былъ Царь:
Имѣлъ онъ дочь—творенья диво,
Красотъ подсолнечныхъ алмазъ,
Любовь души, веселье глазъ,
Челомъ бѣлѣе лилій Нила;
Коралла пышнаго морей
Устами свѣжими алѣй;
Яснѣе дневнаго свѣтила
Улыбкой ясною своей.
Въ предѣлахъ самыхъ отдаленныхъ
Носилася ея хвала
И полкъ Царей иноплеменныхъ
Къ ней женихами привела.
Въ Мемфисѣ древнемъ уступали
Одни пиры пирамъ другимъ,
Въ прикрасу блюдамъ дорогимъ
Красивый черепъ подавали.
Въ кругу любовниковъ своихъ,
Свѣтла, прелестна, возсѣдая,
Моя Царевна молодая
Совсѣмъ съ ума сводила ихъ.
И все бы ладно шло; но что-же?
Всегда веселая, она
Вдругъ стала пасмурна, грустна,
Такъ что на дѣло не похоже.
Къ своимъ высокимъ женихамъ
Вниманье вовсе прекратила
И кромѣ колкихъ эпиграммъ
Имъ ничего не говорила.

Какая же была вина,
Что измѣнилась такъ она?—
Любовь. Случайною судьбою
Державный пиръ ея отца
Украсить лирною игрою
Призвали юнаго пѣвца:
Не восхвалялъ онъ Озирида,
Не славилъ Аписа-быка,

1828 г.

Любовь онъ пѣлъ, о Зораида!
И пѣснь его была сладка,
Какъ водъ согласное журчанье,
Какъ нѣжныхъ горлицъ воркованье,
Какъ томный ропотъ вѣтерка,
Когда въ полудень воспаленный
Лобзаетъ онъ исподтишка
Цвѣтокъ, роскошно усыпленный.
Свершился вышній приговоръ,
Свершился! никакою силой
Неотразимый, съ этихъ поръ
Предъ ней носился образъ милой;
Съ тѣхъ поръ въ душѣ ея звучалъ,
Звучалъ всечасно голосъ нѣжной,
Ее питалъ, упоевалъ
Тоскою сладкой и мятежной!
„Какъ глупы эти дикари,
Разноплеменные Цари!
И какъ прелестенъ онъ!“—вздыхая,
Мечтала дѣва молодая.

Но между тѣмъ летѣли дни;
Рѣшенья гости ожидали,—
Рѣшенья не было. Они
Уже сердиться начинали.
Вотъ съ важнымъ видомъ наконецъ
Такъ молвилъ дочери отецъ:
„Я негодую совершенно.
Не всѣ-ль возможные Цари
Передъ тобою, говори?
Чрезъ трое сутокъ непремѣнно
Ты жениха мнѣ избери,
Не то... клянуся бородою,
Шутить не буду я съ тобою.“
Такая рѣчь была ясна.
Что стало съ милою Царевной?
На что, въ судьбѣ своей плачевной,
Рѣшилась бѣдная она?
Рыдала долго Зораида,

Взрывала сердце ей обида,
Взрывала сердце ей печаль;
Вдругъ мысль въ умѣ ея родилась:
Лицемъ Царевна прояснилась
И шепчетъ: „Ахъ, едва-ль, едва-ль....
Но что мы знаемъ? статься можетъ,
Онъ въ самомъ дѣлѣ мнѣ поможетъ.

Вамъ разсказать я позабылъ,
Что въ эту пору, мой читатель,
Столѣтній магъ въ Мемфисѣ былъ,
Изиды вѣщій толкователь.
Онъ, если не лгала молва,
Проникъ всѣ тайны естества.
На то и жилъ почтенный дядя:
Отвергнувъ міра суету,
Не пилъ, не ѣлъ, не спалъ онъ, глядя
Въ глаза священному коту.
И въ немъ-то было登 упованье,
Къ нему-то, милые друзья,
Рѣшилася на совѣщанье
Итти красавица моя.

Едва рѣдѣетъ мгла ночная,
И, пробуждаться начиная,
Едва румянится востокъ;
Еще великій Мемфисъ дремлетъ
И утро нехотя пріемлетъ,
А ужъ покинувъ свой чертогъ,
Въ простой и чуждой ей одеждѣ,
Но страха тайнаго полна,
Довѣрясь вѣтреной надеждѣ,
Выходитъ за городъ она.
Передъ очами Зораиды
Пустыня та, гдѣ пирамиды
За пирамидами встаютъ
И (величавыя гробницы)
Гигантскимъ кладбищемъ ведутъ
Къ стопамъ огромной ихъ Царицы.

Себѣ чудакъ устроилъ тутъ
Философическій пріютъ.
Блуждаетъ дѣва молодая
Среди столицы гробовой:
И вотъ примѣтенъ кровъ жилой,
Надъ коимъ пальма вѣковая
Стоитъ, роскошно помавая
Широколиственной главой.
Царевна видитъ предъ собой
Обитель старца. Для чего же
Остановилася она,
Внезапно взоромъ смущена
И чуткимъ ухомъ на-сторожѣ?
Что дланью трепетной своей
Объемлетъ сердце? что такъ пышетъ
Ея лице? и грудь у ней
Что такъ неровно, сильно дышетъ?
Приноситъ пѣснь издалека
Ей дуновенье вѣтерка.

Пѣсня.

Зачѣмъ отъ ранняго разсвѣта
До позней ночи я пою
Безумной птицей, о Ніэта!
Красу жестокую твою?

Чужда, чужда ты сожалѣнья:
Звѣзда взойдетъ, звѣзда зайдетъ;
Сурова ты, а мнѣ забвенья
Безсильный лотосъ не даетъ.

Люблю, любя въ могилу сниду;
Несокрушима цѣпь моя;
Я видѣлъ диво-Зораиду,—
И не забылъ Ніэты я.

La Harpe.

Что я прибавлю, другъ мой нѣжной?!
Гонимъ, непогодой мятежной,
Ты знаешь, встрѣтила меня;
За бѣдствіями бѣдствія подымались,
Вверхъ надъ главой моей, казалось,
Не увидѣть радостнаго дня
Порой, смотрѣлъ я пустынникомъ,
Корнемъ болезненныхъ страстей;
Но ты, спасительнымъ вдохновеніемъ,
Бывалъ печаль души моей.
Явился ты, мой другъ бесцѣнный,
И прелестный пріютъ моя:
Нѣжной игрой вдохновенной,
Нѣжный взоръ блистало я
Приняла мой трудъ непринужденной.
Спѣшившимъ своимъ искреннимъ
Души свободной отъ забота,
Все твои достоинства справедливы
Они первый плодъ мечты кривой
Они новый учитель первыхъ плодо.

1828 г.

Чей это голосъ? Вседержитель!
Она-ль его не узнаетъ!
Пѣвецъ, души ея плѣнитель,
Другую пламенно поетъ!
Какая страшная измѣна!
Уже дрожатъ ея колѣна,
Ужъ меркнетъ свѣтъ въ ея очахъ,
Безъ чувствъ упала-бы во прахъ,—
Но нашей дѣвѣ въ то мгновенье
Предстало чудное видѣнье.
Глядитъ: въ одеждѣ шутовской
Бредетъ къ ней старецъ гробовой,—
Паясъ торжественный и дикой,
Бѣлобородый, желтоликой,
Въ какой-то острой шапкѣ онъ;
Пестрѣетъ множествомъ каракулъ
На немъ широкій балахонъ:
То былъ почтенный нашъ Оракулъ.
Къ Царевнѣ трепетной моей
Подходитъ онъ; на темя ей
Привѣтно руку налагаетъ,
Глядитъ съ улыбкою въ лицо
И ободрительно вѣщаетъ:
„Прими чудесное кольцо.
Ты имъ, о дѣва! уничтожишь
Хитросплетенный узелъ твой:
Кому на перстъ его возложишь,
Съ тѣмъ помѣняешься звѣздой.
Иди, и мудрость Озирида
Наставитъ свыше мысль твою.
Я даромъ симъ, о Зораида,
Тебѣ за вѣру воздаю“.

Возвращена въ свои чертоги,
Душою полная тревоги,
Царевна думаетъ: „во снѣ
Все это чудилося мнѣ?
Но нѣтъ, не сновидѣнье это!
Кольцо на палецъ мой надѣто

Почтеннымъ старцемъ: вотъ оно.
Какую-жъ пользу въ немъ найду я?
Онъ говорилъ, его даруя,
Такъ безтолково, такъ темно".
Опять Царевна унываетъ,
Недоумѣнія полна;
Но вотъ невольницъ призываетъ
И отыскать повелѣваетъ
Свою соперницу она.

По повелѣнію другому,
Какъ будто къ празднику большому,
Ея чертоги убраны:
Вездѣ легли ковры богаты,
И дорогіе ароматы
Во всѣхъ кадилахъ возжены;
Всѣ водометы пущены;
Блистаютъ рѣдкими цвѣтами
Ряды узорчатыхъ кошницъ,
И полонъ воздухъ голосами
Иноземельныхъ, чудныхъ птицъ.
Все нѣгой сладостною дышетъ,
Все дивной роскошію пышетъ.
На тронѣ, радостнымъ вѣнцомъ,
Порфирой радостной блистая,
Сидитъ Царевна молодая,
Окружена своимъ дворомъ.
Вотще прилежно наблюдаетъ
Ея глаза смущенный дворъ,
И угадать по нимъ желаетъ,
Что знаменуетъ сей позоръ:
Она въ безмолвіи глубокомъ,
Какъ сномъ объятая, сидитъ
И неподвижнымъ, мутнымъ окомъ
На двери дальнія глядитъ.
Придворные безмолвны тоже.
Дверь отворилась: „Вотъ она!"
Лицемъ блѣднѣе полотна,
Царевна вскрикнула. Кого-же

Узрѣла, скорбная душой,
Въ толпѣ невольницъ предъ собой?
Кого?—пастушку молодую,
Собой довольно недурную,
Но очень смуглую лицомъ,
Глазами бойкую и злую,
Съ нахмуреннымъ, упрямымъ лбомъ.
Царевна смотритъ и мечтаетъ:
„Она-ли мнѣ предпочтена!"
Но вотъ придворныхъ высылаетъ
И остается съ ней одна.
Царевна перваго привѣта
Искала долго, наконецъ
Печально молвила: „Ніэта!
Ты видишь: пышенъ мой дворецъ,
Въ жемчугъ и злато я одѣта,
На мнѣ порфира и вѣнецъ,
Я красотою диво свѣта,
Очарованіе сердецъ!
Я всею славою земною
Надѣлена моей звѣздою:
Чего желать могла бы я?
И что-жъ, Ніэта, въ скорби чудной,
Милѣе мнѣ твой жребій скудной,
Милѣе мнѣ звѣзда твоя.
Ніэта, хочешь-ли съ тобою
Я помѣняюся звѣздою?"
Мудренъ Царевнинъ былъ привѣтъ,
Но не застѣнчива природно:
„Какъ вашей милости угодно",
Ніэта молвила въ отвѣтъ.
Тогда на палецъ ей надѣла
Царевна дивное кольцо.
Закрыть смущенное лицо
Руками бѣдная хотѣла;
Но что-же? въ мигъ волшебный сей
Моя царевна оживилась
Душой Ніэтиной, а въ ней
Душа Царевны очутилась.

1828 г.

Другое чудо: бытіе
Перемѣнивъ, лице свое
Закрыла дурочка степная;
Царевна же, наоборотъ,
Спустила руки на животъ,
Ротъ удивленный разѣвая.
Гдѣ Зораида, гдѣ она?—
Осталась тѣнь ея одна.
Когда-жъ лице свое явило
Ніэта, руки опустя
(О, какъ обѣихъ ихъ шутя
Одна минута измѣнила!),
Блистало дивной красотой
Лице пастушки молодой:
Во взорахъ чувство выражалось,
Горѣла нѣжная мечта,
Для слова милаго, казалось,
Сейчасъ откроются уста,—
Ніэта та же, да не та.
Такъ изъ-за тучъ луна выходитъ,
Вдругъ озаряя небеса;
Такъ зелень свѣжую наводитъ
На рощи пыльныя роса.

Съ главой поникшею Ніэта,
Съ невольнымъ пламенемъ лица,
Тихонько вышла изъ дворца,
И о судьбѣ ея до свѣта
Не доходилъ ужъ слухъ потомъ.
Такъ что-жъ? о счастіи прямомъ
Провѣдать людямъ неудобно.
Мы знаемъ, свойственно ему
Любить хранительную тьму,
И драгоцѣнное подобно
Въ томъ драгоцѣнному всему.
Гдѣ искрометные рубины,
Гдѣ перлы свѣтлые нашли?—
Въ глубокихъ пропастяхъ земли,
На темномъ днѣ морской пучины.

А что съ Царевною моей?
Она съ плотнѣйшимъ изъ князей
Великолѣпно обвѣнчалась.
Онъ съ нею ладно жилъ, хотя
Въ иное время не шутя
Его супруга завиралась,
И даже, подъ сердитый часъ,
Она, возвыся бойкій гласъ,
Совсѣмъ ругательски ругалась.
Онъ не ропталъ на то ничуть,
Любилъ житье-бытье простое,
И самъ, гдѣ надо, завернуть
Не забывалъ словцо лихое.
По-своему до позднихъ дней
Душою въ душу жилъ онъ съ ней.

Что я прибавлю, другъ мой нѣжной!
Жизнь непогодою мятежной,
Ты знаешь, встрѣтила меня;
За бѣдствомъ бѣдство подымалось;
Вѣкъ надъ главой моей, казалось,
Не взыдетъ радостнаго дня.
Порой смирялъ я пѣснопѣньемъ
Порывъ болѣзненныхъ страстей;
Но мнѣ тяжелымъ вдохновеньемъ
Была печаль души моей.
Явилась ты, мой другъ безцѣнный,
И прояснилась жизнь моя:
Веселой музой вдохновенный,
Веселый вздоръ болтаю я.
Прими мой трудъ непринужденный!
Счастливымъ свѣтомъ озаренный
Души, свободной отъ заботъ,
Онъ твой достатокъ справедливой:
Онъ первый плодъ мечты игривой,
Онъ новой жизни первый плодъ.

1829 г.

Вѣра и Невѣріе.

Сцена изъ поэмы.

Онъ.

Подъ этой липою густою
Со мною сядь, мой милый другъ;
Смотри: какъ живо все вокругъ,
Какой зеленой пеленою
Къ рѣкѣ нисходитъ этотъ лугъ!
Какая свѣжая дуброва
Глядится съ берега другова
Въ ея веселое стекло,
Какъ небо чисто и свѣтло!
Все въ тишинѣ; едва смущаетъ
Живую сѣнь и чуткій токъ
Благоуханный вѣтерокъ:
Онъ сердцу счастье навѣваетъ!
Молчишь ты!

Она.

О любезный мой!
Всегда я счастлива съ тобой
И каждый мигъ равно ласкаю.

Онъ.

Я съ умиленною душой
Красу творенья созерцаю.
Отъ этихъ водъ, лѣсовъ и горъ

Я на эѳирную обитель,
На небеса подъемлю взоръ
И думаю: великъ Зиждитель,
Прекрасенъ міръ! Когда же я
Воспомню тою же порою,
Что въ этомъ мірѣ ты со мною,
Подруга милая моя...
Нѣтъ сладкимъ чувствамъ выраженья,
И не могу въ избыткѣ ихъ
Невольныхъ слезъ благодаренья
Остановить въ глазахъ моихъ.

Она.

Воздай тебѣ Создатель вѣчный!
О чемъ еще Его молить!
Ахъ, объ одномъ: не пережить
Тебя, другъ милый, другъ сердечный!

Онъ.

Ты грустной мыслію меня
Смутила. Такъ! сегодня зрѣнье
Плѣняетъ свѣтъ веселый дня,
Плѣняетъ Божіе творенье;
Теперь въ рукѣ моей твою
Я съ чувствомъ пламеннымъ сжимаю,
Твой нѣжный взоръ я понимаю,
Твой сладкій голосъ узнаю...
А завтра... завтра... какъ ужасно!
Мертвецъ незрящій и глухой,
Мертвецъ холодный... Лучъ дневной
Въ глаза ударитъ мнѣ напрасно!
Вотще къ устамъ моимъ прильнешь
Ты воспаленными устами,
Ко мнѣ съ обильными слезами,
Съ рыданьемъ громкимъ воззовешь:
Я не проснусь! И что мы знаемъ?
Не только завтра, сей же часъ
Меня не будетъ! Кто изъ насъ

Въ земномъ блаженствѣ не смущаемъ
Такою думой?

Она.

Что съ тобой?
Зачѣмъ твое воображенье
Предупреждаетъ Провидѣнье?
Богъ милосердъ, другъ милый мой!
Здоровы, молоды мы оба:
Еще далеко намъ до гроба.

Онъ.

Но все-жъ умремъ мы наконецъ,
Все ляжемъ въ землю.

Она.

Что же, милой?
Есть бытіе и за могилой,
Намъ обѣщалъ его Творецъ.
Спокойны будемъ: нѣтъ сомнѣнья,
Мы въ жизнь другую перейдемъ,
Гдѣ намъ не будетъ разлученья,
Гдѣ всѣ земныя опасенья
Съ земною пылью отряхнемъ.
Ахъ, какъ любить безъ этой вѣры!

Онъ.

Такъ, Всемогущій безъ нее
Насъ искушалъ бы выше мѣры:
Такъ, есть другое бытіе!
Ужели нѣкогда погубитъ
Во мнѣ Онъ то, что мыслитъ, любитъ,
Чѣмъ Онъ созданье довершилъ,
Въ чемъ, съ горделивымъ наслажденьемъ,
Міръ повторилъ онъ отраженьемъ
И Самъ Себя изобразилъ?
Ужели Творческая сила
Лукавымъ свѣтомъ бытія

Мнѣ ужасъ гроба озарила,
И только?.. Нѣтъ, не вѣрю я.
Что свѣтъ являетъ? Пиръ нестройный!
Презрѣнный властвуетъ; достойный
Поникъ гонимою главой;
Несчастливъ добрый, счастливъ злой.
Какъ! нетерпящая смѣшенья
Въ слѣпыхъ стихіяхъ вещества,
На хаосъ нравственный воззрѣнья
Не броситъ мудрость Божества!
Какъ! между братьями своими
Мы видимъ правыхъ и благихъ,
И, превзойденъ дѣтьми людскими,
Не правъ, не благъ Создатель ихъ?...
Нѣтъ! мы въ юдоли испытанья,
И есть обитель воздаянья:
Тамъ, за могильнымъ рубежемъ,
Сіяетъ день незаходимый,
И оправдается Незримый
Предъ нашимъ сердцемъ и умомъ.

Она.

Зачѣмъ въ такія размышленья
Ты погружаешься душой?
Ужели нужны, милый мой,
Для убѣжденныхъ убѣжденья?
Премудрость Вышняго Творца
Не намъ изслѣдовать и мѣрить:
Въ смиреньи сердца надо вѣрить
И терпѣливо ждать конца.
Пойдемъ: грустна я въ самомъ дѣлѣ,
И отъ мятежныхъ словъ твоихъ,
Я признаюсь, во мнѣ доселѣ
Сердечный трепетъ не затихъ.

1829—1830 гг.

Наложница.

Сочиненіе, представляемое теперь публикѣ, одно изъ тѣхъ, которыя Журналисты наши обыкновенно называютъ безнравственными, хотя обвиненіе въ безнравственности довольно странно въ Государствѣ, имѣющемъ цензуру, и гдѣ *печатать позволяется*, являющееся на первомъ листѣ книги, уже ручается за безвредность ея содержанія.

Странно также, что Г-да Журналисты, позволяя себѣ столь неприличныя обвиненія, называя развратными произведенія: Руслана, Онѣгина, Цыганъ, Нулина, Эду, Балъ, и потому имѣя полное право помѣстить въ тотъ же разрядъ и Наложницу, до сихъ поръ не опредѣлили, въ чемъ, по ихъ мнѣнію, состоитъ нравственность или безнравственность литературныхъ произведеній.

Постараемся рѣшить вопросъ, равно важный для писателей и для читателей.

Журналисты наши выразили нѣкоторыя положительныя требованія. Воспѣвайте добродѣтели, а не пороки, говорили они; изображайте лица, достойныя подражанія; пишите для назидательной нравственной цѣли, не замѣчая, что каждое изъ сихъ требованій противорѣчитъ другому.

Изобразить какую-либо добродѣтель—значитъ заставить ее дѣйствовать, слѣдственно, подвергуть испытаніямъ, искушеніямъ, т. е. окружить ее пороками. Гдѣ нѣтъ борьбы, тамъ нѣтъ и заслуги. Слѣдственно, лице, достойное подражанія, не можетъ высказаться иначе, какъ между лицами ему противоположными. Что такое нравственная цѣль литературнаго произведенія? Въ чемъ состоитъ она? Есть люди, называющіе нравственными сочиненіями только тѣ, въ которыхъ наказывается порокъ и награждается добродѣтель. Мнѣніе это нѣкоторымъ образомъ противно нравственности, истинѣ

и религіи. Ежели бы добродѣтель всегда торжествовала, въ чемъ было бы ея достоинство? Этого не хотѣло Провидѣніе, и здѣшній міръ есть міръ испытаній, гдѣ большею частію добродѣтель страждетъ, а порокъ блаженствуетъ. Изъ этого наружнаго безпорядка въ видимомъ мірѣ и Ѳеологи и Философы выводятъ необходимость другой жизни, необходимость загробныхъ наградъ и наказаній, обѣщаемыхъ намъ Откровеніемъ.

Нравственное сочиненіе не состоитъ ли въ выводѣ какой-нибудь философической мысли, вообще полезной человѣчеству? Но чтобы въ самомъ дѣлѣ быть полезною, мысль должна быть истинною, слѣдственно, извлеченною изъ общаго, а не изъ частнаго. Какъ же, изображая только добродѣтель, играющую довольно второстепенную роль въ свѣтѣ, и минуя торжествующій порокъ, я достигну этого вывода? Я скажу мысль блестящую, но необходимо ложную, слѣдственно, вредную.

Нѣтъ, скажутъ наши противники, мы не требуемъ, чтобы вы изображали одну добродѣтель: изображайте и порокъ, но первую привлекательною, второй отвратительнымъ.

Мы погрѣшимъ противъ истины: не всѣ пороки имѣютъ видъ рѣшительно гнусный. По большей части наши добрыя и злыя начала такъ смежны, что нельзя провести раздѣляющей линіи между ними. Въ этомъ случаѣ отмѣнно истинны шуточные стихи Панара:

Trop de froideur est indolence,
Trop d'activité turbulence,
Trop de rigueur est dureté,
Trop de finesse est artifice,
Trop d'économie avarice,
Trop d'audace témérité,
Trop de complaisance est bassesse,
Trop de bonté devient faiblesse,
Trop de fierté devient hauteur, etc.

Вотъ естественная причина той привлекательности, которую имѣютъ иные пороки: мы обмануты сходствомъ ихъ со смежными имъ добродѣтелями; но должно замѣтить, что въ самомъ увлеченіи нашемъ мы поклоняемся доброму началу, а не злому.

Нѣтъ человѣка совершенно добродѣтельнаго, т. е. чуждаго всякой слабости, ни совершенно порочнаго, т. е. чуждаго всякаго добраго побужденія. Жалѣть объ этомъ нечего: одинъ былъ добродѣтеленъ

по необходимости, другой порочень по той же причинѣ; въ одномъ не было бы заслуги, въ другомъ вины, слѣдственно, ни въ томъ, ни въ другомъ ничего нравственнаго.

Характеры смѣшанные, именно тѣ, которые такъ нелюбы Г-дамъ Журналистамъ, одни естественны, одни нравственны: ихъ двойственность и составляетъ ихъ нравственность. Одно и то же лице является намъ попеременно добродѣтельнымъ и порочнымъ, попеременно ужасаетъ насъ и привлекаетъ. Федра, оплакивающая незаконную страсть свою, и Федра, ей уступающая,—двѣ противоположныя Федры: мы любимъ добродѣтельную, ненавидимъ порочную, и здѣсь мы не можемъ ошибиться, не можемъ принять добродѣтель за порокъ и порокъ за добродѣтель: дѣйствія не смѣшаны, какъ характеры; дѣйствіе добродѣтельное совершенно прекрасно, дѣйствіе порочное совершенно безобразно, и нравственный выводъ, о которомъ такъ хлопочутъ Г-да Журналисты, хлопочутъ до того, что ради онаго предлагаютъ намъ удаляться отъ истины, изображая лица неестественныя,—этотъ нравственный выводъ внушаетъ намъ, безъ всякихъ постороннихъ соображеній, всякое лице, вѣрно снятое съ природы. Но не безнравственно-ли, скажутъ они, то участіе, которое возбуждаетъ въ насъ герой трагедіи, романа, поэмы даже въ ту минуту, когда онъ уступаетъ преступному побужденію? Не говоритъ ли намъ наше сердце, что и мы охотно совершили бы то же преступленіе, надѣясь возбудить то же участіе? Если означенное лице безъ борьбы уступаетъ искушенію, оно не возбуждаетъ участія; не возбуждаетъ его и тогда, когда мы чувствуемъ, что оно не употребило всего могущества воли своей на побѣду преступной наклонности и позволило побороть себя, а не пало подъ силою обстоятельствъ, превышающихъ нравственную его силу.

Побѣжденные Трояне возбуждаютъ наше участіе потому, что они защищались до послѣдней крайности; побѣжденные, они не ниже побѣдителей; расчетливая сдача какой-нибудь крѣпости не восхищаетъ насъ, подобно падшей Троѣ, и никто не сравниваетъ ея коменданта съ божественнымъ Гекторомъ.

Должно прибавить, что творенія, развивающія чувствительность, въ то же время просвѣщаютъ совѣсть. Ежели они располагаютъ насъ къ лишнему числу искушеній; они развиваютъ въ насъ лишніе способы противостоять имъ.

Разсматривая литературныя произведенія по правиламъ нашихъ Журналистовъ, всякую книгу найдемъ мы безнравственною. Что, на-

примѣръ, хуже Квинта Курція? Онъ изображаетъ привлекательно неистоваго честолюбца, жаднаго битвъ и побѣдъ, стоющихъ такъ дорого роду человѣческому; кровь его не ужасаетъ; чѣмъ больше ее прольетъ, тѣмъ онъ будетъ счастливѣе; чѣмъ далѣе простретъ онъ опустошеніе, тѣмъ онъ будетъ славнѣе; а эту книгу будутъ читать юные властители! — Что хуже Гомера? Въ первомъ стихѣ Иліады онъ уже показываетъ безнравственную цѣль свою, намѣреніе воспѣвать порокъ:

Гнѣвъ, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына!

Раскроемъ даже Ивана Выжигина, твореніе Г. Булгарина, писателя, который всѣхъ настоятельнѣе требуетъ нравственной цѣли отъ современныхъ сочиненій. Найденышъ воспитывается въ домѣ Бѣлорусскаго помѣщика, который кормитъ его и одѣваетъ довольно скудно, но и это благодѣяніе для подкидыша. Онъ за это платитъ ему неблагодарностью, помогаетъ какому-то удальцу увезти дочь своего благодѣтеля и самъ за нею слѣдуетъ. Потомъ ведетъ жизнь бродяги, негоденъ и порядоченъ, смотря по обстоятельствамъ; получаетъ толчокъ отъ одного офицера, за который не сердится; присвоиваетъ себѣ чужое имя; наконецъ, наслѣдуетъ два милліона денегъ, женится по любви и живетъ въ совершенномъ благополучіи. Что заключите вы изъ подобнаго романа? Какую нравственную мысль вы изъ него извлечете, если даже узнаете, что онъ отмѣнно хорошо раскупился? Ничто не придетъ вамъ на умъ, кромѣ старой русской пословицы: не родись ни хорошъ, ни уменъ, а родись счастливъ; но что въ ней назидательнаго?

Читатель видитъ, что подобнымъ образомъ можно неопровержимо доказать вредное вліяніе всякаго сочиненія и, изъ слѣдствія въ слѣдствіе, заключить съ логическою основательностью, что въ благоустроенномъ Государствѣ должно запретить Литературу.

Въ такомъ случаѣ должно запретить и человѣка. Но природа одарила его разумомъ не для невѣжества, одарила словомъ не для молчанія. Какой незваный критикъ рѣшится воспретить ему дозволенное Провидѣніемъ и тѣмъ явно противорѣчить Его цѣли? Запретить человѣку пользоваться своимъ разумомъ, значитъ унизить его до животныхъ, его лишенныхъ. Сами Г-да Журналисты, вѣроятно, на это не согласятся: ихъ постигла бы общая участь человѣчества.

Чѣмъ согласиться критику на уничтоженіе Литературы, слѣдственно на уничтоженіе человѣка, не благоразумнѣе ли взглянуть на нее съ другой точки зрѣнія: не требовать отъ нея положитель-

ныхъ нравственныхъ поученій, видѣть въ ней науку, подобную другимъ наукамъ, искать въ ней свѣдѣній, а ничего иного?

Знаю, что можно искать въ ней и прекрасное, но прекрасное не для всѣхъ; оно непонятно даже людямъ умнымъ, но не одареннымъ особенною чувствительностью: не всякій можетъ читать съ чувствомъ, каждый съ любопытствомъ. Читайте же романъ, трагедію, поэму, какъ вы читаете путешествіе. Странствователь описываетъ вамъ и веселый югъ, и суровый сѣверъ, и горы, покрытыя вѣчными льдами, и смѣющіяся долины, и рѣки прозрачныя, и болота, поросшія тиною, и цѣлебныя, и ядовитыя растенія. Романисты, Поэты изображаютъ добродѣтели и пороки, ими замѣченные, злыя и добрыя побужденія, управляющія человѣческими дѣйствіями. Ищите въ нихъ того же, чего въ путешественникахъ, въ географахъ: извѣстій о любопытныхъ вамъ предметахъ; требуйте отъ нихъ того же, чего отъ ученыхъ: истины показаній.

Читайте землеописателей, и, не выходя изъ вашего дома, вы будете имѣть понятіе объ отдаленныхъ, разнообразныхъ краяхъ, которыхъ вамъ, можетъ быть, не случится увидѣть собственными глазами. Читайте романистовъ, поэтовъ, и вы узнаете страсти, вами или не вполнѣ или совсѣмъ не испытанныя, нравы, выраженіе которыхъ, можетъ быть, вы бы сами не замѣтили; узнаете положенія, въ которыхъ вы не находились; обогатитесь мыслями, впечатлѣніями, которыхъ вы безъ того бы не имѣли; пріобщите къ опытамъ вашимъ опыты всѣхъ прочтенныхъ вами писателей и бытіемъ ихъ пополните ваше.

Ежели показанія ихъ вѣрны, впечатлѣніе, вами полученное, будетъ непремѣнно нравственно, ибо зрѣлище дѣйствительной жизни, развитіе прекрасныхъ и безобразныхъ страстей, дозволенное въ ней Провидѣніемъ, конечно, не развратительно, и міръ дѣйствительный никого еще не заставилъ воскликнуть: какъ прекрасенъ порокъ! какъ отвратительна добродѣтель!

Изъ этого слѣдуетъ, что нравственная критика литературнаго произведенія ограничивается простымъ изслѣдованіемъ: справедливы или несправедливы его показанія?

Критика можетъ жаловаться также на неполноту ихъ, ибо самое полное описаніе предмета есть въ то же время и самое вѣрное. Можно сказать недостаточную правду. Есть истины относительныя, которыхъ отдѣльное выраженіе внушаетъ ложное понятіе.

Иностранныя Литературы имѣютъ книги, по счастію, неизвѣстныя въ нашей: это подробныя откровенія всѣхъ своенравій чувственно-

сти, подробныя хроники развращенія. Несмотря на то, что всѣ ихъ показанія справедливы, книги сіи конечно развратительны, но это потому, что ихъ показанія не полны. Въ дѣйствительной жизни за часами развратнаго упоенія слѣдуютъ часы тяжелой усталости; какое отвращеніе возбуждаютъ тогда въ развратникѣ воспоминанія нечистыхъ его наслажденій! Выразите также полно чувство послѣдующее, какъ полно выразили предыдущее, и картина ваша не будетъ безнравственною: одно впечатлѣніе уравновѣситъ другое. Ежели вы изобразили первые шаги разврата, изобразите и послѣдніе. Описавъ любострастіе, злоупотребляющее силами юности, опишите и слѣдствія злоупотребленія. Представьте намъ раннюю, болѣзненную старость сластолюбца, раннюю неспособность его не только къ тѣмъ наслажденіямъ, которыхъ несетъ онъ наказаніе, но и къ обыкновеннымъ, позволеннымъ, ранній упадокъ умственныхъ его способностей. Что будетъ поучительнѣе изображенія преждевременно посѣдѣвшаго разврата, въ страданіяхъ благопріобрѣтеннаго недуга, смѣшащаго не природнымъ, но заслуженнымъ тупоуміемъ? — и въ этомъ изображеніи не будетъ ничего насильственнаго.

Невоздержность тѣлесная пріемлетъ мзду свою еще въ здѣшней жизни; временное тѣло обрѣтаетъ ее во времени, между тѣмъ какъ неумирающій духъ находитъ ее только въ вѣчности.

Съ твореніями, о которыхъ мы говорили, не должно смѣшивать эротическія стихотворенія, вакхическія и застольныя пѣсни. Не упоминая уже о томъ, что изъ похвалъ красотѣ не слѣдуетъ позволительности разврата, въ эротической поэзіи чувственность обыкновенно уравновѣшивается чувствомъ, и большая разница—живописать красоту, обладаніе которой можетъ быть безпорочнымъ, и живописать своенравія разврата, которыя нельзя удовлетворить безъ преступленія. Славить вино и обѣды — не значитъ проповѣдывать пьянство и обжорство. Каждый это разумѣетъ. Державинъ, воспѣвавшій иногда красоту и пиршества, Дмитріевъ, говорящій иногда о винѣ и поцѣлуяхъ, Богдановичъ, который

Киприду иногда являлъ безъ покрывала,

Батюшковъ, Пушкинъ, написавшіе нѣсколько эротическихъ элегій и вакхическихъ пѣсней, конечно, не безнравственные писатели. Не говоря уже о томъ, что сіи писатели не ограничивались выраженіемъ одного чувства; что подражатель Анакреона въ то же время пѣвецъ Фелицы, пѣвецъ Бога; что авторъ стихотворенія *Счетъ поцѣлуевъ* въ то же время творецъ Ермака и переложитель высокихъ пѣсней Давида;

что Душенька изобилуетъ не однѣми сладострастными картинами; что между шаловливыми стихотвореніями Батюшкова есть и унылыя, есть и высокія; что авторъ Руслана въ то же время авторъ Годунова; и что никто не принуждаетъ читателя въ цѣлой книгѣ стихотвореній твердить одно для него соблазнительное, когда, перевернувъ страницу, онъ найдетъ другое, впечатлѣніе котораго исправитъ впечатлѣніе перваго: вообще несправедливо быть строже къ писателю, нежели къ человѣку; и ежели дѣйствіе не вредитъ доброй славѣ одного, еще менѣе его описаніе можетъ вредить доброй славѣ другого.

Тѣмъ менѣе, что выборъ предмета не столько зависитъ отъ самого писателя, сколько отъ свойства его дарованій; что упрекать въ развратѣ эротическаго поэта также несправедливо, какъ упрекать въ жестокости поэта трагическаго. Неужели вы думаете, что Анакреонъ не желалъ быть Гомеромъ, Проперцій—Виргиліемъ, Шольё—Расиномъ и т. д.? Чѣмъ обширнѣе геній писателя, тѣмъ онъ полнѣе и разнообразнѣе въ своихъ твореніяхъ, тѣмъ онъ вѣрнѣе отражаетъ дѣйствительность и тѣмъ онъ нравственнѣе. Но только Гомеры, Шекспиры являютъ намъ полный міръ въ своихъ твореніяхъ. Дарованія одностороннія обрекаютъ другихъ на изображеніе частностей. Произведеніе одного имѣетъ нужду быть поясненнымъ, пополненнымъ произведеніемъ другого, и писатели сего рода только въ своей совокупности доставляютъ намъ то нравственное впечатлѣніе, которое производитъ одинъ многообразный писатель.

Или не читайте, или читайте все: иначе вы будете всегда въ заблужденіи. Читать одного автора съ частнымъ дарованіемъ,—все равно, что читать одну страницу въ писателѣ многообъемлющемъ. Раскройте Шекспира на монологѣ злодѣя, искусными софизмами ободряющаго себя къ преступленію, остановитесь на немъ,—и Шекспиръ будетъ для васъ проповѣдникомъ злодѣянія; но прочтите все твореніе, прочтите всего Шекспира, и самая эта страница будетъ наставительна: такъ и книга односторонняя занимаетъ не лишнее мѣсто въ библіотекѣ.

Журналисты наши говорятъ часто о юныхъ читателяхъ и юныхъ читательницахъ, которымъ можетъ быть вредно такое-то и такое-то произведеніе. Кто съ этимъ споритъ? Но нянька не позволяетъ ребенку играть ножемъ. Благоразумные наставники не даютъ своимъ воспитанникамъ книги, несообразныя съ ихъ лѣтами. Когда-жъ мы уже вышли изъ-подъ надзора, вступили въ свѣтъ и можемъ все

видѣть и все слышать, мы можемъ и все читать; и какъ не міръ, а мы сами виновны, когда злоупотребляемъ жизнію, такъ не писатели, а мы сами виновны, когда злоупотребляемъ чтеніемъ.

До сихъ поръ мы говорили о книгахъ, преимущественно посвященныхъ изображенію лицъ и нравовъ, выраженію страстей, чувствъ и впечатлѣній, но не говорили о книгахъ, писанныхъ съ положительною нравственною цѣлью.

Книги сего рода подлежатъ тому же изслѣдованію, что и первыя. Мнѣніе тогда только полезно и нравственно, когда оно справедливо; но всякій чувствуетъ (не говоря уже о вредѣ, наносимомъ совершенно ложнымъ нравственнымъ понятіемъ, и который нельзя сравнить со вредомъ, причиняемымъ невѣрнымъ изображеніемъ характера, страсти или картины), всякій чувствуетъ, что въ подобныхъ книгахъ развитіе односторонней истины можетъ имѣть особенно пагубное вліяніе. Сколько преступленій, сколько бѣдствій народныхъ произошло отъ превратныхъ нравственныхъ мнѣній, отъ частныхъ истинъ, принятыхъ за общія! Не буду исчислять ихъ. Скажу только, что мало истинъ неотносительныхъ; слѣдственно, мало книгъ, писанныхъ съ нравственною цѣлью, т. е. посвященныхъ выраженію одной избранной мысли, которыхъ исключительное чтеніе не было бы вредно, и вліяніе которыхъ не было бы нужно уравновѣшивать чтеніемъ другихъ, имъ противорѣчащихъ.

Заключимъ и, надѣемся, такъ заключитъ съ нами и читатель, что въ книгѣ безнравственна только ложь, вредна только односторонность; но ни лжи, ни односторонности не существуетъ тамъ, гдѣ литература дѣятельна, гдѣ ложное показаніе рождаетъ улику, гдѣ рѣшеніе нравственнаго вопроса тотчасъ вызываетъ изслѣдованія и противорѣчія, гдѣ публика не осуждена на чтеніе одной указанной книги.

Просимъ читателя судить о нравственномъ достоинствѣ Наложницы по правиламъ, нами изложеннымъ, а не по правиламъ, исповѣдуемымъ Г-дами Журналистами, по нашему мнѣнію, довольно необдуманнымъ.

1829—1830 г.г.

Алексѣю Андреевичу Елагину.

ГЛАВА I.

Прощай, Елецкой: ты не веселъ,
И разсвѣтаетъ ужъ давно;
Пошло мнѣ въ прокъ твое вино:
Ухъ! я встаю насилу съ креселъ!
Не правда-ль, братцы, по домамъ!
— Нѣтъ! пусть попляшетъ прежде намъ
Его цыганка. Ангелъ Сара,
Ну что? потѣшить насъ нельзя-ль?
Ступай, я сяду за рояль.
— Могу сказать, васъ будетъ пара:
Хмель разобралъ тебя совсѣмъ,
Она съ дремоты поблѣднѣла.
„Ты, Сара, спать поди! Зачѣмъ
До утомленья ты сидѣла?
Въ другое время, господа!
Прощайте".—Буйная орда
Восколебалася. Гуляки
Встаютъ, шатаясь на ногахъ;
Берутъ на стульяхъ, на столахъ
Свои разбросанные фраки,
Свои мундиры, сюртуки;
Но доброй волѣ вопреки
Не споры сборы. Шляпу на лобъ
Надвинувъ, держитъ предъ собой
Стаканъ недопитый иной
И разсуждаетъ: надлежало-бъ
Докончить дѣло!—Недвижимъ
Онъ долго простоитъ надъ нимъ.

Другой предъ зеркаломъ на шею
Свой галстукъ вяжетъ, но рука
Его тяжка и неловка:
Все какъ-то врозь идутъ подъ нею
Концы проклятаго платка.
Къ свѣчѣ приставя трубку задомъ,
Ждетъ третій пасмурный чудакъ,
Когда закурится табакъ.
Лихія шутки сыплютъ градомъ;—
Но полно: вонъ валитъ кабакъ.
„Прощай, Елецкой, до свиданья!“
— Прощайте, братцы, добрый путь!
И, сокращая провожанья,
Дверь поспѣшаетъ онъ замкнуть.

Одинъ оставшися, Елецкой
Брюзгливымъ окомъ обозрѣлъ
Покой, гдѣ праздникъ молодецкой
Порой недавнею гремѣлъ.
Онъ чувство возбуждалъ двойное:
Великолѣпье отжилое,
Штофъ полинялый на стѣнахъ;
Межъ оконъ зеркала большія,
Но всѣ и въ пятнахъ, и въ лучахъ;
Въ пыли завѣсы дорогія;
Давно нечищеный паркетъ;
Къ тому же буйнаго разгулья
Всегдашній, безобразный слѣдъ:
Вотъ опрокинутые стулья;
Табачный пепелъ тутъ и тамъ;
Ряды стакановъ по столамъ
Съ остатками задорной влаги;
Тарелки жирныя кругомъ;
И вотъ, на выпускѣ печномъ,
Строй догорѣвшихъ до бумаги
И въ блескѣ утреннихъ лучей
Уже блѣднѣющихъ свѣчей.

Елецкой съ думою нѣмою
Поникъ печально головою,

1829—1830 гг.

Но скоро поднялъ бодрый взоръ:
„Гей! закричалъ онъ, Черноморъ!“
Явился карликъ. Понемногу
Лице Елецкаго совсѣмъ
Ужъ прояснилось между тѣмъ.
„Ну что сосѣди?“—Слава Богу!
Все хорошо: дружна со мной
Служанка барышни самой.
„Ну, мой красавецъ, это славно;
Смотри-жъ теперь, когда, куда
Пойдутъ, поѣдутъ господа,
Что скажутъ,—все ты знай исправно“.
— Объ васъ-то былъ ужъ разговоръ.—
„Не лжешь?“—Засталъ меня вечоръ
У нихъ въ передней старый дядя;
Не позабуду я въ мой вѣкъ,
Какъ гаркнулъ онъ, медвѣдемъ глядя:
„Откуда? чей ты человѣкъ?“
Я доложилъ.—„Что жъ онъ?“—Не смѣю...
— „Эхъ! говори, не размышляй“.
— Ну, братецъ, молвилъ онъ; жалѣю,
А ужъ твой баринъ негодяй!—

Елецкой громко засмѣялся,
Но тутъ же на его чело
Густое облако нашло:
Вновь грустной думѣ онъ предался.
Тихонько вышелъ Черноморъ.
Открывъ разсѣянной рукою
Окно, межъ тѣмъ уставилъ взоръ
Елецкой прямо предъ собою.
Предъ нимъ, свѣтло озарена
Наставшимъ утромъ, ото сна
Москва торжественно вставала.
Подъ раннею лазурной мглой
Блестящей влагой блескъ дневной
Рѣка мѣстами отражала;
Аркада длиннаго моста
Бѣлѣла ярко. Чуденъ, пышенъ,

Московскихъ зданiй красота,
Надъ всѣми зданьями возвышенъ,
Огнемъ востока Кремль алѣлъ.
Зажгли лучи его живые
Соборовъ главы золотыя;
Межъ ними царственно горѣлъ
Иванъ Великой. Садъ красивой,
Кругомъ твердыни горделивой
Вiяся, живо зеленѣтъ.
Но онъ на пышную столицу
Глядѣлъ съ душевною враждой...
За что?—О томъ въ главѣ другой
Найдутъ особую страницу.
Онъ былъ воскормленъ сей Москвой;
Минувшихъ дней воспоминанья,
И дней грядущихъ упованья,—
Все заключалъ онъ въ ней одной;
Но странной доли несъ онъ бремя
И былъ ей чуждымъ въ то же время,
И чуждымъ больше, чѣмъ другой.

ГЛАВА II.

Отца и матери Елецкой
Лишился въ годы тѣ, когда
Обыкновенно жизни свѣтской
Намъ наступаетъ череда.
Въ нее вступилъ онъ и сначала
Являлся въ вечеръ на три бала;
Съ визитной карточкой порой
Летѣлъ на выѣздъ городской.
Согласно съ общимъ заведеньемъ,
Къ дядямъ и къ теткамъ съ поздравленьемъ
И въ Рождество, и въ Новый годъ
Скакалъ съ прихода на приходъ.
У нихъ въ бесѣдахъ самыхъ чинныхъ
Безъ нетерпѣнья засѣдалъ

И на обѣдахъ именинныхъ
Приборъ всегдашній занималъ.

Но волей полной насладиться
Алкалъ безумецъ молодой,
И вскорѣ началъ онъ томиться
Предѣловъ свѣтскихъ тѣснотой.
Ему въ гостиныхъ стало душно:
Ему досадно и смѣшно
Въ нихъ показалося одно,
Другое глупо, третье скучно.
Изъ нихъ Елецкой мой исчезъ,
И на желанномъ имъ просторѣ
Между буяновъ и повѣсъ
Житьемъ онъ новымъ зажилъ вскорѣ,
Товарищъ скромный ихъ сперва,
Потомъ рѣшительный глава.

Онъ и уму (что вдвое хуже)
Далъ со страстями волю ту же.
Одушевленъ въ рѣчахъ своихъ
Враждою къ мнимымъ предразсудкамъ,
Подвергнулъ дерзновеннымъ шуткамъ
Онъ все святое для другихъ.
Развратныхъ, своевольныхъ правилъ
Несчастный кодексъ онъ составилъ:
Всегда ссылалось на него
Его блажное болтовство.
Имъ проповѣдуемыхъ мнѣній,
Иль половины ихъ большой,
Навѣрно чуждъ онъ былъ душой,
Причастной лучшихъ вдохновеній;
Но, самъ не вѣдая о томъ,
Онъ былъ въ развратѣ хвастуномъ.
Его пословицъ вольнодумныхъ,
Ничуть не новый впрочемъ родъ,
Имъ въ свѣтѣ далъ обширный ходъ,
И отъ людей благоразумныхъ
Чудовищемъ со всѣхъ сторонъ
Елецкой былъ провозглашонъ.

1829—1830 гг. Съ Москвой и Русью онъ разстался,
Края чужіе посѣтилъ;
Тамъ промотался, проигрался
И въ путь обратный поспѣшилъ.
Своимъ пенатамъ возвращенный,
Всему рѣшительнымъ вѣнцомъ,
Цыганку взялъ къ себѣ онъ въ домъ,
И, общимъ мнѣньемъ пораженный,
Самъ рушилъ онъ, надъ нимъ смѣясь,
Со свѣтомъ остальную связь.

Тутъ нашей повѣсти начало.
Недѣля Свѣтлая была
И подъ Новинское звала
Гражданъ Московскихъ. Все бѣжало,
Все торопилось: старъ и младъ,
Жильцы лачугъ, жильцы палатъ,
Живою, смѣшанной толпою
Туда, гдѣ, словно самъ собою,
На краткій срокъ, въ единый мигъ,
Блистая пестрыми дворцами,
Шумя цвѣтными флюгерами,
Средь града новый градъ возникъ—
Столица легкая бездѣлья
И безчиновнаго веселья,
Народной живости кумиръ.
Тамъ цѣлый день разгульный пиръ;
Тамъ раздаются звуки трубны,
Звенятъ, гремятъ литавры, бубны;
Паясы, съ зыбкихъ галлерей,
Зовутъ, манятъ къ себѣ гостей.
Тамъ клеперъ чуетъ чётъ и нéчетъ;
Ножи проворные вѣнцомъ
Кругомъ себя Индѣецъ мечетъ
И бисеръ нижетъ языкомъ.
Гордясь лихими сѣдоками,
Тамъ одноколки, застучавъ,
Съ потѣшныхъ горъ летятъ стремглавъ.
Своими длинными шестами

Качели крашеныя тамъ
Людей уносятъ къ небесамъ.
Волшебный праздникъ довершая,
Межъ тѣмъ, съ веселымъ торжествомъ,
Каретъ блестящихъ цѣпь тройная
Катится медленно кругомъ.

Межъ балагановъ оживленныхъ,
Ежеминутно осажденныхъ
Нетерпѣливою толпой,
Къ забавамъ шумнымъ страсти полонъ,
Съ утра бродилъ Елецкой мой,
И вотъ въ одинъ изъ нихъ вошелъ онъ,
На то имѣлъ онъ всѣ права,
И подъ Новинскимъ часъ и два,
Съ полудня начиная, мода,
По снисхожденью своему,
Дѣлить веселости народа
Не запрещаетъ никому.
Окинувъ взорами собранье,
Остановилъ свое вниманье
Онъ на дѣвицѣ молодой:
Своими чистыми очами,
Своими дѣтскими устами,
Своей спокойной красотой,
Столь благороднымъ выраженьемъ
Сей драгоцѣнной тишины,
Она сходна была съ видѣньемъ
Его разборчивой весны.
Давно онъ зналъ ее заочно.
Съ его глазами ненарочно
Глазами встрѣтилась она;
Ихъ выраженьемъ смущена,
Покрылась краскою живою
И отвела тихонько взоръ.
Елецкой тронулся душою;
Не зрѣлъ Елецкой съ давнихъ поръ
Румянца этого святаго!
Какъ бодрость въ путника ночнаго,

На небѣ утреннемъ горя,
Вливаетъ алая заря,—
Такъ точно, жизнью обновленной,
Страстями долго омраченной,
Душѣ его дохнулъ тогда
Румянецъ нѣжнаго стыда.
Онъ къ милой думой умиленной
Летитъ; межъ тѣмъ она встаетъ;
Дѣвицѣ руку подаетъ
Ея сосѣдъ, старикъ почтенной;
Изъ балагана идутъ вонъ,—
И ихъ въ толпѣ теряетъ онъ.

И незнакомку молодую
Съ тѣхъ поръ онъ въ сердцѣ заключалъ
И скоро Вѣру Волховскую,
Свою сосѣдку, въ ней узналъ.
Ей дядя, послѣ объяснилось,
Служилъ заботливымъ отцомъ
И, какъ бывало говорилось,
Держалъ въ Москвѣ открытый домъ.
Что пользы, что отрады въ этомъ?—
Сношенья всѣ съ враждебнымъ свѣтомъ
Прервалъ онъ давнею порой:
Кого и какъ ему заставить
Въ почтенный домъ его представить,
Его, гонимаго молвой?
Что скажетъ дядя оскорбленной,
Противъ него предубѣжденной?
Какъ онъ предстанетъ даже ей?
Но слишкомъ свѣтъ его безславилъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ онъ его оставилъ,
Прошло, промчалось много дней.
Елецкой мыслилъ промежуткомъ,
Полнѣй другихъ созрѣлъ разсудкомъ
Онъ въ самомъ опытѣ страстей;
И наконецъ среди пороковъ,
Кипѣвшихъ роемъ вкругъ него,
И ядовитыхъ ихъ уроковъ,

1829—1830 гг. И омраченья своего,
Въ душѣ сберегъ онъ чувства пламя.
Елецкой битву проигралъ,
Но побѣжденный спасъ онъ знамя
И предъ самимъ собой не палъ.

ГЛАВА III.

Вседневно нашему герою
Усердный карликъ намекалъ,
Гдѣ вѣроятна встрѣча съ тою,
Къ которой пламенной мечтою
Онъ непрестанно улеталъ.
Незамѣчаемъ и невѣдомъ,
Ходилъ, бродилъ за ней онъ слѣдомъ
Въ тѣни задумчивыхъ дубровъ
Прекрасныхъ Прѣсненскихъ прудовъ,
Въ аллеяхъ стриженыхъ бульвара:
Между красавицъ городскихъ
Искалъ онъ дѣвы думъ своихъ.
Не для блистательнаго дара
Актеровъ нашихъ посѣщалъ
Онъ душный театральный залъ:
Елецкой, сцену забывая,
Съ той ложи не сводилъ очей,
Въ которой Вѣра Волховская
Сидѣла, изрѣдка встрѣчая
Взоръ, остановленный на ней.
Вкусивъ неполное свиданье,
Елецкой приходилъ домой,
Исполненъ мукою двойной;
Но, полюбивъ свое страданье,
Такой-же встрѣчи съ новымъ днемъ
Искалъ въ безуміи своемъ.

Однажды... погасалъ, свѣжѣя,
Іюльскій день. Бульваръ Тверской
Дремалъ подъ нисходящей мглой;
Пустѣла длинная аллея;

1829—1830 гг.

Царица тишины и сна,
Высоко поднялась луна.
Но со знакомыми своими
Еще въ болтливомъ забытьѣ
Сидѣла Вѣра на скамьѣ.
Въ сосѣдствѣ, не замѣченъ ими,
За липой темной и густой,
Стоялъ влюбленный нашъ Герой.
Перчатку Вѣра уронила:
Приближась, поднялъ онъ ее
И подалъ ей. Лице свое
Къ нему съ испугомъ обратила
Младая дѣва. Разговоръ
Прервавъ, на немъ остановила
Внимательный и робкій взоръ.
Судьбу, душой своей довольной,
Онъ и за то благодарилъ.
Елецкой Вѣру поразилъ
Своей услугой своевольной,
И хоть на часъ ея мечта
Имъ вѣрно будетъ занята.

Что-жъ? и сомнительное счастье
Мгновенныхъ, бѣдныхъ этихъ встрѣчъ
Ему осеннее ненастье
Не позамедлило пресѣчь.
Покрылось небо облаками,
Дождь безконечный ливмя лилъ;
И вотъ морозъ его смѣнилъ.
Застыли воды, снѣгъ клоками
На мостовую повалилъ:
Пришла зима. Свистя крутится
Метель на Прѣсненскихъ прудахъ;
На обнаженныхъ деревахъ
Бульвара иней серебрится.
Тамъ, гдѣ недавнею порой
Гуляли Граціи толпой,
Какой-нибудь жандармъ усатый,
Шагая, шпорами стучитъ;

1829—1830 гг. Съ метлой стоитъ мужикъ брадатый,
Иль школьникъ съ сумкою бѣжитъ.
Театръ?—И тотъ въ разладѣ этомъ
Забытъ для баловъ моднымъ свѣтомъ.
Елецкой сердцемъ унывалъ;
Но въ зимній холодъ, какъ и лѣтомъ,
Проворный карликъ не дремалъ.

Донесъ онъ нашему герою,
Что Вѣра ѣдетъ въ маскарадъ
Къ такимъ-то. Ожилъ онъ душою.
„Спасибо,“ молвилъ, „крайне радъ!“
Елецкой нéзванъ: что за горе?
На то и маска. Вѣру вскорѣ
Увидитъ онъ, и почему
Съ ней въ безымянномъ разговорѣ
Не познакомиться ему?

И вотъ ужъ вечеръ маскарада
Имъ ожидаемый насталъ.
Москва ли тѣшиться не рада?
Кипитъ народомъ свѣтлый залъ;
Живая музыка играетъ;
Въ ладъ упоительнымъ смычкамъ
Кадрили вьются здѣсь и тамъ.
Кругомъ, волнуяся, мелькаетъ
Толпа гуляющихъ гостей,
И половина ихъ большая,
Нарядъ привычный соблюдая,
Тѣмъ выдаетъ еще живѣй
Бродящихъ рыцарей, шамановъ,
И арлекиновъ, и брахмановъ,
Діанъ, Весталокъ, Флоръ и Фей,
Народовъ всѣхъ вѣковъ и націй.
Ихъ мучитъ бѣсъ мистификацій;
Но не выходитъ хитрыхъ фразъ:
„Я знаю васъ! я знаю васъ!
„Здоровы-ль вы?“ Для продолженья
Недостаетъ воображенья.

Признаться надобно: не намъ,
Сугробовъ сѣверныхъ сынамъ,
Приноровляться къ дѣтямъ Юга!
Метелей духъ не создалъ насъ
Для ихъ блистательныхъ проказъ.
Къ чему неловкая натуга?
Смѣются наши образцы:
Живыхъ не дразнятъ мертвецы.

Скрывать лице подъ маской душной,
Какъ вѣдаетъ читатель мой,
Нельзя дѣвицѣ молодой,
Закону свѣтскому послушной.
И Вѣру милую тотчасъ
Нашелъ Елецкой. Этотъ разъ
На мертвеца онъ не походитъ
И чуть съ ума ее не сводитъ.
Отъ Черномора зналъ о ней
Онъ много этихъ мелочей,
Въ которыхъ тайны роковыя
Дѣвицы видятъ молодыя.
Въ словахъ запутанныхъ своихъ
Онъ намекаетъ ей о нихъ;
И удивленья, и смущенья
Полна, горитъ она лицомъ
И вотъ выходитъ изъ терпѣнья:
„Я какъ обманутая сномъ!
Скажите, ради Бога, кто вы?“

Елецкой.

Вы любопытны, какъ дитя.
Итакъ, со мною не шутя
Вы познакомиться готовы?
Нежданнымъ именемъ моимъ
Я испугаю васъ.

Вѣра.

Какъ скучно!
Все шутки.

Елецкой.

Я не склоненъ къ нимъ
И остерегъ васъ добродушно:
Я духъ... и нѣтъ глуши, жилья,
Гдѣ-бъ я незримый не былъ съ вам
Все чуткимъ ухомъ слышу я,
Все вижу зоркими очами.
Не бойтесь! слушаю, гляжу
Я съ полной преданностью дружбы;
Неожидаемыя службы
Я вамъ догадливо служу:
Однажды передъ ваши очи
Я въ видѣ смертнаго предсталъ;
Въ ту пору сумракъ лѣтней ночи
Мнѣ образъ видимый давалъ...
Вы узнаете?

Вѣра.

Ваши сказки
Вы продолжите до утра.
Смотрите: всѣ снимаютъ маски,
Снимите же свою, пора.

Елецкой.

Не мнѣ. Оставьте попеченья:
Я не исполню вашъ приказъ.
Лице открылъ бы я для васъ
Безъ выраженья, безъ значенья.
Нѣтъ, нѣтъ: я вспомню веселѣй
Сей разговоръ непринужденный,
Почти нежданно уловленный
Счастливой маскою моей,
Чѣмъ взоръ холоднаго смущенья,
Который на лице мое
Вперите вы, когда ее
Сниму я вамъ изъ угожденья.
Нѣтъ, я бъ не могъ его снести!

Прощайте, я не здѣшній житель:
Въ мою безвѣстную обитель
Я долженъ во-время сойти.

Елецкой тихо удалился;
Ужъ былъ у выхода и залъ
Совсѣмъ, казалось,покидалъ,
Но у дверей остановился:
Еще въ послѣднее желалъ
Взглянуть на Вѣру онъ и встрѣтилъ
Ея невинный, тихій взоръ;
Прочелъ въ немъ дружескій укоръ,
Мольбу нѣмую въ немъ замѣтилъ—
И скинулъ маску. Вѣрѣ зримъ
Онъ былъ единое мгновенье:
Толпа сгустилась передъ нимъ,
И онъ исчезъ, какъ привидѣнье.

ГЛАВА IV.

Когда изъ блеска жизни свѣтской,
Въ которомъ съ Вѣрою своей
На мигъ такъ близокъ былъ Елецкой,
Отшельникъ снова чуждый ей,
Въ своихъ стѣнахъ онъ очутился,—
Казалось грустному ему,
Что вновь, какъ узникъ, погрузился
Онъ въ ненавистную тюрьму,
Изъ коей на одно мгновенье
Его исторгло сновидѣнье;
И Вѣры милый идеалъ
Съ тѣхъ поръ его воображенье
Еще сильнѣе волновалъ.
Часы летучіе мелькали
И въ томномъ сердцѣ заставали
Все ту же думу, тотъ же ликъ.
Чего надѣяться могу я?
Порою мыслилъ онъ тоскуя;

1829—1830 гг. Нѣтъ, заглушу сердечный крикъ!—
Напрасно: о единой Вѣрѣ
Мечта въ душѣ его жила,
Одна внимаема была.
Когда бы могъ, по крайней мѣрѣ,
Свободно видѣться онъ съ ней,
Какъ всякій свѣтскій дуралей!

И преданъ грустному томленью,
Досадой тайною язвимъ,
Онъ ищетъ способовъ къ сближенью,
Но недоволенъ ни однимъ.
Мысль наконецъ ему блеснула,
Душа въ немъ весело вздрогнула:
Прекрасно! шепчетъ, я рѣшонъ!
Въ театръ они, сомнѣнья нѣту,
Хоть разъ поѣдутъ въ зиму эту...
„Гей, Черноморъ!“— Явился онъ.
„Послушай-ка, сказалъ Елецкой:
Подъѣздъ у насъ точь-въ-точь сосѣдской,
Входъ не походитъ ли?“—А что-жъ?
Вѣдь и поистинѣ похожъ!
Да что вамъ въ этомъ?—„Пригодится:
Незнанье тьма, а знанье свѣтъ;
Предупреди, когда случится
Имъ для театра взять билетъ“.

Не слишкомъ долго ждалъ Елецкой.
Одинъ предметъ бесѣды свѣтской,
Сердецъ чувствительныхъ кумиръ,
Любимецъ ложъ, райка, партера,—
Жоко влечетъ къ себѣ весь міръ.
Въ театръ сегодня ѣдетъ Вѣра.
Захлопоталъ Елецкой нашъ;
Кровь заиграла въ немъ живѣе,
Зоветъ людей: „Найти скорѣе
Точь-въ-точь сосѣдскій экипажъ.
Теперь смотрите: слушать слово!
Съ нимъ у театра ближе стать,

Къ подъѣзду прежде всѣхъ подать,
Крича: карета Волховского!
Въ мигъ посадить господъ потомъ
И привезти ко мнѣ ихъ въ домъ".

Давно громада городская
Покрылась ночи темнотой;
Давно, прохожихъ окликая,
Раздался буточниковъ вой;
У моего повѣсы въ домѣ,
Чтобъ обмануть ему вѣрнѣй
Глаза ожиданныхъ гостей,
Давно нигдѣ нѣтъ свѣта, кромѣ
Того покоя, въ коемъ онъ
Одинъ развязки приключенья
Ждетъ, полный страннаго волненья.
Невнятнымъ стукомъ пораженъ
Кареты дальной, вспыхнетъ духомъ,
Вскочивъ къ окну, приникнетъ ухомъ:
Они!... Неправда! Стихнулъ гулъ
Иль въ переулокъ повернулъ.
Вотъ, наконецъ, предъ самымъ домомъ
Карета покатилась съ громомъ;
Затрясся, зазвенѣлъ весь домъ,—
И тишина тотчасъ потомъ.
„Да освѣтите, Бога ради!»
Раздался въ залѣ голосъ дяди;
И нашъ услужливый герой
Къ нему выходитъ со свѣчой.
Гостямъ съ притворнымъ удивленьемъ
Въ глаза онъ пристально глядитъ:
„Чему обязанъ, говоритъ,
Я вашимъ лестнымъ посѣщеньемъ?"
И осмотрѣлся дядя:
„Ба!
Какая странная судьба!
Въ чужомъ мы домѣ! Извините,
Обезпокоили мы васъ.
Домой уѣдемъ сей же часъ!

Вы, негодяи! поглядите,
Куда заѣхалъ съ вами я!...
Вотъ славно! Странности какія:
И люди у меня чужіе!
Карета вѣрно не моя?"—

Елецкой мнѣнія того же:
Ужель?—Да, такъ! на то похоже!
Теперь и чуда въ этомъ нѣтъ:
Въ его карету сѣлъ сосѣдъ.
Своимъ жильцамъ, мужчинѣ съ дамой,
Онъ далъ ее въ тотъ вечеръ самой.
(Ужъ эта басль у шалуна
Была давно сочинена.)
Онъ разговоръ не опускаетъ;
Свой экипажъ онъ предлагаетъ
Доѣхать до дому; пока
Садиться проситъ старика;
Освѣдомляется учтиво,
Съ кѣмъ такъ случайно и счастливо
Онъ познакомленъ?—Боже мой!
Иванъ Петровичъ Волховской!
Елецкой давняго почтенья
Исполненъ къ гостю своему
И, безо всякаго сомнѣнья,
На дняхъ представится ему.

Пока бесѣду велъ такую
Со старымъ дядей нашъ герой,
Онъ на племянницу младую
Украдкой взглядывалъ порой.
Безцѣнный взоръ онъ думалъ встрѣтить,
Узнанье думалъ въ немъ замѣтить:
Напрасная надежда! Онъ
Не на него былъ обращенъ:
Дверь въ глубинѣ туманной зала
Вниманье Вѣры привлекала.
Подъ ярко пурпурнымъ платкомъ,
Оттуда, смуглая лицомъ,

Сверкая черными глазами,
Блистая бѣлыми зубами,
Глядѣла Сара. Взоры ихъ
Какая сила сопрягала?
Въ соображеніяхъ какихъ
Мысль у обѣихъ утопала?

Елецкой, проводивъ гостей,
Былъ внѣ себя отъ восхищенья:
Ему не будетъ затрудненья
Въ свиданьяхъ съ Вѣрою своей!
Зачѣмъ же способъ этотъ странной
Къ знакомству съ ней былъ избранъ имъ?
Иль онъ не могъ путемъ другимъ
Достигнуть цѣли, имъ желанной?
Зачѣмъ со свѣтомъ не искалъ
Онъ понемногу примиренья?—
Онъ срокъ желаннаго сближенья
На долго этимъ отлагалъ;
Къ тому-жъ, однажды свѣтъ оставивъ,
Свою вражду къ нему ославивъ,
Онъ измѣнить себѣ краснѣлъ
И вновь искать въ немъ не хотѣлъ.
Но, можетъ быть, причиной главной
Былъ духъ природно-своенравной,
Противившій завсегда итти
Ему по битому пути;
Сей духъ, который отступленья
Незрѣлыхъ лѣтъ его рождалъ,
Могъ даже въ годы размышленья
Имъ обладать—и обладалъ.

ГЛАВА V.

Едва веселыми лучами
День новый окна озлатилъ,
Елецкой скорыми шагами
Уже по комнатѣ ходилъ.

Порой, въ забвеніи глубокомъ
Остановясь, прилежнымъ окомъ
Во что-то всматривался онъ.
Во взорахъ счастье выражалось;
Передъ душой его, казалось,
Леталъ веселый, свѣтлый сонъ.
Черезъ мгновенье пробужденный,
Онъ тѣмъ же чувствомъ озаренный,
Свою прогулку продолжалъ
И скоро снова прерывалъ.
Въ покоѣ томъ же, занимая
Диванъ, Цыганка молодая
Сидѣла, блѣдная лицомъ.
Усталость выражали очи:
Казалось, въ продолженье ночи
Ихъ Сара не смыкала сномъ.
Она порывисто чесала
Густые, черные власы
И ихъ на темныя красы
Нагихъ плечей своихъ метала.
Она склонялась головой,
Но на Елецкаго порой
Взоръ исподлобья подымала.
Какою злобой онъ дышалъ!—
Другой мечты душою полонъ,
Подруги онъ не замѣчалъ.
Къ ней напослѣдокъ подошелъ онъ:
„Что это смотришь ты совой?“
Сказалъ онъ: „Сара, что съ тобой?
Да молви слово!“

Сара.

Ахъ, мой Боже!
Ты ждешь отвѣта моего?
Вотъ онъ: я знаю, отчего
Ты такъ доволенъ!

Елецкой.

Отчего же?

Сара.

1829—1830 гг. Меня ты думалъ обмануть,
Когда вчера, кривя душою,
Ты мнѣ съ заботою такою
Скорѣй совѣтовалъ заснуть.
„Устала, Сара? дремлешь, Сара?
Лягъ, Сара, спать!“ И я легла,
Да ужъ нарочно не спала!—
Давно грозитъ мнѣ эта кара!
Давно я брошена тобой!
Ты сутки цѣлыя порой
Двухъ словъ со мной не произносишь,
Любимыхъ пѣсенъ пѣть не просишь!
Да и по комъ твоя душа
Ужъ такъ смертельно заболѣла?
Ее вчера я разглядѣла:
Совсѣмъ, совсѣмъ не хороша!

Елецкой.

Такъ вотъ въ чемъ дѣло!

Сара.

Сара знаетъ,
Какая ждетъ ее судьба
За то, что служитъ, угождаетъ
Тебѣ по волѣ, какъ раба:
Со знатной барышней своею
Ты обвѣнчаешься, а съ нею
Простишься, и ее на дворъ
Метлою выметутъ, какъ соръ.

Елецкой.

Ты совершенно сумасбродишь!
Какія странныя мечты!
По пустякамъ горюешь ты
И на меня тоску наводишь.

Сара.

1829—1830 гг. А кто, бывало, говорилъ,
Ко мнѣ ласкаясь то-и-дѣло:
„Тебя я, Сара, полюбилъ!
Жить одному мнѣ надоѣло,
Будь мнѣ подругою! со мной
Живи подъ кровлею одной!
Я нравомъ веселъ; живо, шумно,
Въ пирахъ и пѣсняхъ завсегда
Мы будемъ проводить года.“
Я согласилася безумно,—
Что-жъ вышло?—

Елецкой.

Изъ моихъ рѣчей
Тобой забыта половина.
Я говорилъ: „твоя судьбина
Не будетъ скована съ моей!
Покуда любо жить со мною,—
Живи! наскучило,—прощай,
Былую радость поминай!“
Съ твоей свободой той порою
Я выговаривалъ мою.
Но я тебя не узнаю!
И, сердце будущимъ тревожа,
Ты на Цыганку не похожа.
Вашъ родъ безпеченъ.

Сара.

Проклятъ онъ!
Онъ человѣчества лишонъ!
Намъ чужды всѣ края мірскіе!
Мы на обиды рождены!
Забавить прихоти чужія
Для пропитанья мы должны.
Я о себѣ молчу. Цыганка
Вамъ не подруга, а служанка!

Она пляши и распѣвай,
А сердцу воли не давай.

Елецкой.

Оставь пустыя опасенья:
Не разлучимся мы съ тобой.
Хотя другого поколѣнья,
Родня я вашему судьбой.
И я, какъ вы, отверженъ свѣтомъ,
И мнѣ враждебенъ сердца гласъ...
Не распадется, вѣрь мнѣ въ этомъ,
Цѣпь, сопрягающая насъ.

Когда съ цыганкой молодою
Судьба Елецкаго свела,
Своей разгульною душою
Она мила ему была.
„Я горя знать не буду съ нею!
Какихъ тяжелыхъ, черныхъ думъ,
Мнѣ иногда гнетущихъ умъ,
Свободной рѣзвостью своею
Не удалитъ она сейчасъ?
Кому при блескѣ этихъ глазъ
Приснятся мрачныя печали?“
Такъ думалъ онъ; но дни мелькали;
Къ ея душѣ своей душой
На продолжительное время
Не могъ пристать Елецкой мой.
Ему потомъ ужъ стали въ бремя
Затѣи дѣвы удалой.
Не принимая въ нихъ участья,
Ужъ онъ желалъ другого счастья:
Души, съ которой могъ бы онъ
Дѣлиться всей своей душою.
Надеждой темной увлеченъ,
Онъ Сарѣ пробовалъ порою
Передавать свои мечты;
Но образованнаго чувства
Языкъ для дикой красоты

Былъ полонъ странной темноты.
Она, не вѣдая искусства,
Подъ рѣчи друга своего
Безъ всякой совѣсти зѣвала
Иль въ скоромъ времени его
Сторонней шуткой прерывала,
Но смутно трогалась, и ей
Невразумительныхъ рѣчей
Цыганка голосъ понимала.
Подругѣ вѣтреной своей
Онъ ежедневно былъ милѣй,
Но къ ней хладѣлъ по той же мѣрѣ.
Когда, любовью вспыхнувъ къ Вѣрѣ,
Онъ нравомъ сталъ еще мрачнѣй,
Она развлечь его хотѣла,
Она родныя пѣсни пѣла,
Она по стульямъ, по столамъ
Съ живыми кликами скакала;
Она при немъ по пустякамъ
Какъ можно громче хохотала;
Но завсегда ее смущалъ
Въ то время взоръ его брюзгливый;
Предъ нимъ порывъ ея игривый
Въ одно мгновенье упадалъ.
Она сердилась и роптала,
И грусть давила сердце ей,
И безполезно призывала
Она свободу прежнихъ дней.

ГЛАВА VI.

Едва забывшись, пробудился
Отъ грезы счастья нашъ герой;
Но отъ того своей душой
Для Вѣры онъ не измѣнился,
И Волховскому отдалъ онъ
Ему обѣщанный поклонъ.

Однако врядъ бы согласился
Къ себѣ принять его сосѣдъ,
Когда-бъ случайно въ самый слѣдъ
Другихъ гостей онъ не явился.
Елецкой строгимъ старикомъ
Былъ встрѣченъ вовсе не привѣтно:
Онъ показалъ ему замѣтно,
Что поневолѣ съ нимъ знакомъ.
Елецкой въ домѣ Волховскаго
Уже ногою-бъ не былъ снова,
Когда-бъ въ нетерпѣливый мигъ
Съ владычицей своихъ мечтаній
Въ немъ независимыхъ свиданій
Онъ своенравно не постигъ.

Открыто жилъ сосѣдъ почтенной
И балы частые давалъ,
Межъ тѣмъ, годами удрученной,
Участья въ нихъ не принималъ
И самъ въ палатѣ отдаленной
За мирнымъ вистомъ засѣдалъ.
Все это вѣдая подробно,
Елецкой нашъ весьма удобно
Могъ всякой разъ являться въ домъ
Совсѣмъ не видимъ старикомъ.
Какъ часто въ серединѣ бала,
Когда ужъ музыка играла
Иль попури, иль котильонъ,
И Вѣра, со своимъ танцоромъ
Наскуча пошлымъ разговоромъ,
Погружена въ сторонній сонъ,
Глазами молча провожала
Среди блистательнаго зала
Предъ нею вьющіясь четы,—
Елецкой рѣчію своею,
Нежданно слышимой за нею,
Вдругъ прерывалъ ея мечты.
Довольно холодно сначала
Съ нимъ въ разговоръ она вступала,

Но оживлялася потомъ;
И ободренъ ея вниманьемъ,
Онъ былъ заманчивымъ свиданьемъ
Къ свиданью новому влекомъ.

Однажды онъ за стуломъ Вѣры
Средь вихря бальнаго сидѣлъ.
Въ своихъ рѣчахъ ужъ не умѣлъ
Онъ соблюдать холодной мѣры;
Она исчезнула. Лишенъ
Надъ пылкимъ сердцемъ всякой власти,
Ужъ говорилъ открыто онъ
Съ ней языкомъ открытой страсти,
Кончая: „Дайте мнѣ отвѣтъ!“
Онъ молвилъ: „многое во вредъ
Мнѣ городская злоба трубитъ.
Сжился я со враждой молвы.
Но вы? что думаете вы
О томъ, который васъ такъ любитъ?“

Вѣра.

Что всѣ другіе; даже мнѣ
Еще извѣстнѣе, какъ права
О васъ разсѣянная слава,
Какъ должно вѣрить ей вполнѣ.

Елецкой.

Вамъ всѣхъ извѣстнѣй? Вы всѣхъ строже?
Но почему же, отчего же?

Вѣра.

Когда глаза мои у васъ
Меня въ обманъ не приводили,
Словами вашими сейчасъ
Двухъ, не одну вы оскорбили.

Елецкой.

Я вашей искренности радъ.
Уже въ судьбѣ моей стократъ

Я съ вами жаждалъ объясненья!
Примите исповѣдь мою:
Весьма во многомъ, нѣтъ сомнѣнья,
Останусь я безъ извиненья,
Но ничего не утаю.

Елецкой въ тягостную повѣсть
Минувшихъ дней своихъ вступилъ,
Свою запутанную совѣсть
Онъ передъ Вѣрой обнажилъ;
Повѣрилъ ей безъ украшенья
Свои былыя заблужденья,
Къ которымъ, впрочемъ, былъ влекомъ
Онъ меньше сердцемъ, чѣмъ умомъ.
Съ ея случайною знакомкой,
Своею смуглой однодомкой,
Свое сближенье передалъ,
Какъ самъ его онъ понималъ:
Однимъ внушеніемъ унылымъ
Души, томимой пустотой,
Союзомъ столько же постылымъ
Теперь ему, какъ ей самой.
„Къ ней обратиться, онъ прибавилъ,
Безумный мигъ меня заставилъ;
Ошибся я въ себѣ и въ ней.
Нѣтъ, нѣтъ! я не былъ съ нею друженъ!
Я для души ея не нуженъ,—
Нужна другая для моей“.

И тихо рѣчь его журчала
За Вѣрой, ей одной слышна.
Но что? вникала ли она
Въ слова его? Она молчала;
Была чуть-чуть обращена
Къ нему щека ея одна;
Но это легкое движенье
Замѣтить было мудрено:
Злословье самое оно
Не привело бы въ искушенье.

Ей измѣняло лишь одно:
Вниманье къ балу притупѣло,
И краснощекій офицеръ,
Тогдашній Вѣринъ кавалеръ,
Ее въ то время то-и-дѣло
Къ порядку танца пробуждалъ
И ей фигуры толковалъ.

Природа Вѣру сотворила
Съ живою, нѣжною душой:
Она ей чувствовать судила
Съ опасной въ жизни полнотой.
Недавно дѣва молодая,
Красою свѣжею блистая,
Вступила въ вихорь городской.
Она еще не разсудила,
Не поняла души своей;
Но темною мечтою въ ней
Она уже проговорила.
Странна ей суетность была;
Она плѣниться не могла
Ея несвязною судьбиной;
Хотѣло-бъ сердце у нее
Себѣ избрать кумиръ единой
И тѣмъ осмыслить бытіе.
Тутъ романическія встрѣчи
Съ героемъ повѣсти моей;
Его задумчивыя рѣчи
Тревожить стали душу ей.
Одно, быть можетъ, впечатлѣнье
Ей берегло воображенье...
Его разсѣялъ онъ. Съ какой
Благополучною душой
Съ тѣхъ поръ она ему внимала!
Съ какою сладостью о немъ
Въ невольномъ забытьи своемъ
Уединенная мечтала!
Какъ, новой жизнію дыша,
Легко ей было! Какъ блистала,

Какъ ликовала въ ней душа.
Дѣвица юная не знала,
Живого счастія полна,
Что такъ довѣрчиво она
Одной отравой въ немъ дышала;
Что сей привѣтный вѣтерокъ,
Ее ласкающій такъ нѣжно,
Грозы погибельный пророкъ;
Что вдругъ дохнетъ она мятежно
И міръ въ глазахъ ея затмитъ,
И всѣ красы его разрушитъ,
И всѣ цвѣты его изсушитъ,
И жизни путь опустошитъ.

ГЛАВА VII.

Летѣли дни. Свои свиданья
Елецкой съ Вѣрой продолжалъ,
И съ каждымъ больше упованья
Любви своей онъ обрѣталъ.
Увы! старательно скрывая
Заботу сердца, между тѣмъ,
Навѣрно дѣва молодая
Съ нимъ не обмолвилась ничѣмъ;
Но не владѣла выраженьемъ
Лица невиннаго она:
На немъ со всѣмъ ея смятеньемъ
Была душа ея видна.
„Любимъ я!“ съ ропотомъ и мукой
Елецкой самъ себѣ твердилъ.
Великій постъ ужъ подходилъ
И съ Вѣрой скорою разлукой,
Разлукой долгою грозилъ.

Въ сіи недѣли покаянья
У Волховскаго баловъ нѣтъ;
Затворитъ домъ ему сосѣдъ....

„Нѣтъ! мыслитъ онъ, до разставанья,
Во что бы ни было, должна
Рѣшить судьбу мою она!“

Онъ ждетъ удобнаго мгновенья;
И Вѣра, время разлученья
Предвидя, днями дорожитъ
И ихъ считаетъ и грустить.
Уѣхалъ дядя. Въ тихой залѣ,
При свѣтѣ двухъ свѣчей, одна
Твердила на своемъ роялѣ
Урокъ докучливый она;
Полна душой другой заботы,
Насильно всматривалась въ ноты...
Вдругъ... протянувшись передъ ней,
Закрыла ихъ рука чужая,
Вѣтръ пошатнулъ огонь свѣчей,—
Вздрогнула дѣва молодая,
Оборотилася, глядитъ:
Елецкой передъ ней стоитъ.
„Не безпокойтесь, ради Бога!
Какая странная тревога
У васъ написана въ глазахъ!
Я васъ прошу, не уходите!
Чего боитесь вы? сидите:
Я все скажу вамъ въ двухъ словахъ“.

Вѣра.

Я не могу остаться съ вами!
Подите. Разговоръ такой
Мнѣ неприличенъ. Боже мой!
Одна я, видите вы сами!
Подите.

Елецкой.

Напередъ я зналъ,
Что я застану васъ одною:
Одну я видѣть васъ желалъ.

Остаться должно вамъ со мною,
Вамъ должно выслушать меня.

ВѢРА.

Оставьте до другого дня,
Я умоляю васъ, подите!
Мой дядя будетъ сей же часъ.

ЕЛЕЦКОЙ.

Одинъ вопросъ: люблю я васъ,
Вы это знаете; скажите:
Я равнодушенъ вамъ иль нѣтъ?

ВѢРА.

На все, на все одинъ отвѣтъ:
Подите!.......

ЕЛЕЦКОЙ.

Вы ли говорили?
Я-ль слышалъ васъ? и не во снѣ!
Я не любимъ... Зачѣмъ же мнѣ
Давно вы это не внушили?
Своей холодности зачѣмъ
Вы мнѣ тотчасъ не показали?
Зачѣмъ, скажите, мнѣ внимали
Вы такъ привѣтно между тѣмъ?
Зачѣмъ, глаза мои встрѣчая,
Не отводили вашихъ глазъ?
Зачѣмъ дышала всякій разъ
Въ нихъ дума нѣжная такая?
Дитя, кокетки записной
Постигнувъ опытную ролю,
Признайтесь: вы играли въ волю
Моей безумною душой!
Кто-бъ могъ подумать въ ваши лѣта!
Мою любовь мнѣ не забыть;—
Желалъ бы я ея предмета
Не презирать. Но, такъ и быть!
Прощайте.

Вѣра.

1829—1830 гг. Нѣтъ! такого мнѣнья
Я не оставлю ни за что!
Не правы ваши заключенья.
Я прямодушна. Я не то
Сказать хотѣла... Нѣтъ... Просите
Руки моей, и если...

Елецкой.

Вы?
Вы мнѣ объ этомъ говорите?
Я, давній ужасъ всей Москвы!...
На нашъ союзъ вашъ дядя строгій
Не согласится никогда:
Молитвы будутъ безъ плода.
Нѣтъ, Вѣра, нѣтъ! другой дорогой
Итти намъ должно. Для вѣнца
Сегодня ночью у крыльца
Я ждать васъ буду. Все готово
Бѣжать со мною; дайте слово!
Любовь слѣпая мнѣ нужна.
Рѣшитесь.

Вѣра.

Я изумлена
Такимъ нежданнымъ предложеньемъ.
Нѣтъ, это будетъ преступленьемъ!
Нѣтъ, я и думать не хочу!
Я такъ ужасно огорчу
Того, который?...

Елецкой.

Все забудетъ
Онъ, нашимъ счастіемъ счастливъ,
И напослѣдокъ справедливъ
Онъ и ко мнѣ навѣрно будетъ.
Ему (вамъ нужно-ль обѣщать?)

Я буду сыномъ самымъ нѣжнымъ.
Страдалъ я долго безнадежнымъ,—
Ахъ, Вѣра! снова ли страдать!
Меня вы любите: судьбиной
Оставленъ намъ исходъ единой.
Ахъ, Вѣра, Вѣра! сердце въ васъ
Сей мигъ рѣшительный измѣритъ:
Меня печально разувѣритъ
Въ немъ малодушный вашъ отказъ.
Все, все онъ кончитъ между насъ!
Бѣгите, Вѣра! дайте руку!...
Не на ужасную разлуку,
Съ которой не сживуся я,
Но на союзъ святой и вѣчный.
Мой милый другъ, мой другъ сердечный!
Скажи: неправда-ль, ты моя?

Вѣра.

Люблю, люблю я васъ... Но что же?
Что предлагаете вы мнѣ?
На что рѣшусь я! Боже, Боже!
Подумать дайте въ тишинѣ!

Елецкой.

Я знаю, горестная мѣра,
Но—ты-ль не видишь?—нѣтъ иной!
Рѣшись!

Вѣра.

Не нынче!

Елецкой.

Нынче, Вѣра,
Сегодня, другъ безцѣнный мой.

Недолго дѣва молодая
Еще противилась ему.
Онъ нѣжно къ сердцу своему
Прижалъ ее; лицемъ пылая,
Потупя взоръ, склонивъ главу,
Она умомъ изнемогала

И, ни во снѣ, ни на яву,
Свое согласье прошептала.

Елецкой ликовалъ душой;
По темной улицѣ домой
Онъ шелъ походкою веселой.
Но у порога своего
Остановился; умъ его
Смутился думою тяжелой:
Тамъ Сара!—Въ головѣ своей
Уже Елецкой принялъ мѣры,
Чтобъ неприличной встрѣчѣ съ ней
Вновь не подвергнуть милой Вѣры.
Москву съ невѣстой въ эту ночь
Покинетъ онъ; обрядъ вѣнчальной
Онъ совершитъ въ деревнѣ дальной;
Онъ все предвидѣлъ; все точь-въ-точь
Обдумалъ. Сары онъ не знаетъ;
Любовью въ ней не почитаетъ
По немъ расчетливой любви;
Не вѣритъ въ ней ревнивой мукѣ.
„Изъ нихъ любую призови,—
„Всѣ тверды въ нужной имъ наукѣ“.
Такъ мыслилъ онъ. Но въ этотъ мигъ,
Иль Сару лучше онъ постигъ
При наступающей разлукѣ,
Упрекъ въ душѣ его возникъ.
Но тотъ же часъ его внушенье
Онъ опровергъ въ умѣ своемъ
И, отряхнувъ недоумѣнье,
Вошелъ въ свой домъ, гдѣ въ то мгновенье
И Сара думала о немъ.

ГЛАВА VIII.

Грустила брошеная Сара;
Но въ этотъ вечеръ было ей
Еще грустнѣй, еще тошнѣй.
Почти болѣзненнаго жара

Была тоска ея полна.
Въ своемъ волненіи она
Платкомъ въ лице себѣ махала,—
Прохлады воздухъ не давалъ,
Но кровь ей пуще волновалъ!
Иглу къ работѣ принуждала,—
Колола пальцы ей игла!
Гадать цыганка начала,—
Еще тошнѣе: карты врали,
Когда ей счастье предрекали,
И наводили страхъ, когда
Въ нихъ выходила ей бѣда.
Ихъ со стола она столкнула,
Шитье отбросила, вздохнула;
На столъ локтями опершись,
Цыганка стиснула руками
Чело... и смятыми кольцами
Вкругъ пальцевъ кудри обвились.
Закрывъ глаза, она сидѣла...
Вдругъ шепчутъ: Сара, Сара!—Къ ней
Въ покой изъ боковыхъ дверей
Цыганка старая глядѣла.

Сара.

Ненила, ты? войди скорѣй;
Я заждалась тебя, Ненила;
Совсѣмъ я брошена, совсѣмъ!
Не угожу ему ничѣмъ.
Хотя бы ты мнѣ услужила!
Что, принесла ли?

Старуха.

Принесла,
Да ужъ насилу добрела,
Метель такая закрутила!
Гляди-ка: вотъ твое вино.
Ужъ удружитъ тебѣ оно;
Спасибо скажешь.

Сара.

Ахъ, Ненила!
Вѣрь: ты мнѣ душу воротила!
Я полюблюсь ему опять?
Да полно, правда-ль?

Старуха.

Что мнѣ лгать!
Лишь дай испить, сама увидишь!
Онъ обвѣнчается съ тобой,
Какъ съ Фимкой Павелъ Удальской;
А тамъ меня ты не обидишь.
Тутъ травъ-то, травъ-то! босикомъ,
Весь день не пивъ, не ѣвъ, колдуньѣ
Сбирать ихъ надо въ полнолунье,
Да нашептать еще потомъ!
Ты мнѣ повѣрь, моя красотка,
Придутъ благія времена!

Сара.

Какъ я тобой одолжена!
Но тамъ идутъ... его походка.
Поставь подарокъ свой на столъ,
Да и прощай! уйди отселѣ,
Уйди скорѣе!
Въ самомъ дѣлѣ
Елецкой въ комнату вошелъ.
Въ глазахъ его была суровость.
Предъ Сарой молча онъ ходилъ,
Рѣчь, наконецъ, къ ней обратилъ:
„Тебѣ сказать я долженъ новость:
Съ тобой я скоро разстаюсь,
Послушай, Сара: я женюсь.“

Лице у Сары поблѣднѣло
И загорѣлось въ тотъ же мигъ.
Ножъ острый въ сердце ей проникъ:

Оно то стыло, то кипѣло;
Хотѣла-бъ смертная тоска
Излиться воплемъ и слезами...
Рвалися бурными волнами
У ней попреки съ языка...
Но эти первыя движенья
Она въ себѣ перемогла
И голосъ мирный обрѣла,
Хотя дрожащій отъ волненья.
„Давно я этого ждала!
Не удивишь меня разлукой“,
Сказала Сара.—„Долгой мукой
Я приготовлена была.
А скоро-ль свадьба?“

Елецкой.

Въ домѣ этомъ
Я не ночую; не жалѣй
О старинѣ. Въ судьбѣ твоей
Я обязуюся отвѣтомъ
И ужъ подумалъ я о ней;
Довольна будешь.

Сара.

Мнѣ не нужно
Постылыхъ милостынь твоихъ:
Не безпокойся, и безъ нихъ
Съ тобой разстануся я дружно.
Пенять не буду я тебѣ:
Жила я весело, счастливо;
Теперь не то—какое диво?
Не все стоять одной судьбѣ!
У насъ вѣрна одна могила;
А кто на свѣтѣ долго милъ!
Какъ ты сегодня разлюбилъ,
Такъ я бы завтра разлюбила;
За что сердиться?

Елецкой.

Очень радъ.
Дай руку, Сара. Предъ тобою
Я совершенно виноватъ.
Я вижу, выше ты душою,
Чѣмъ полагалъ доселѣ я:
Ты не притворщица пустая.
Обыкновенье ваше зная,
Я ждалъ упрековъ, слезъ, вытья...
Спасибо, нѣтъ ихъ: безъ сомнѣнья,
Простимся дружно мы съ тобой.
Мила ты, Сара!

Сара.

Плачъ и вой
Въ душѣ... Но что до сокрушенья!
Въ слезахъ и вопляхъ толку нѣтъ.
Мы разстаемся? Власть Господня!
Простимся весело. Сегодня
Я именинница, мой свѣтъ.
Въ послѣднiй разъ мое здоровье
Ты долженъ выпить... но до дна!
Какъ въ старину; смотри-жъ, условье!
Не то, сейчасъ заплачу... На!

Елецкой.

Твое здоровье? Радъ душою,
И вотъ ни капли нѣтъ на днѣ.
Теперь довольна ли ты мною?

Сара.

Спасибо! Сядь же ты ко мнѣ,
Поговоримъ по старинѣ.

И съ равнодушнымъ послушаньемъ
Къ ней на диванъ Елецкой сѣлъ,
Но, далеко уже мечтаньемъ,
Онъ на часы свои глядѣлъ.

„Скажи мнѣ, Сара продолжала,
Судьбою новою своей
Доволенъ ты?“

Елецкой.

А что?

Сара.

Ей-ей!
Я коротко твой нравъ узнала:
Не перемѣнишься ты въ немъ...
Привыкъ ты къ беззаботной долѣ,
Разгульной жизни, вольной волѣ,—
Стошнишь порядочнымъ житьемъ.
Наскучитъ, твердо предрекаю,
Тебѣ и милая твоя,—
Тебѣ наскучила же я!—
Жаль бѣдной! По себѣ я знаю,
И слишкомъ знаю, каково.
Какъ я бы выла, да рыдала,
Когда бы втайнѣ не питала
Еще у сердца моего
Одной надежды!

Елецкой.

Полно, что ты?
Всѣ были кончены расчеты,—
Что за надежда?

Сара.

Брежу я.
И какъ равняться я посмѣю
Съ невѣстой счастливой твоею!
О ней единой мысль твоя;
Ты ею дышешь. Ахъ, царица,
Царица свѣтлая она.
Я передъ нею пыль одна.
Но... въ умъ придетъ же небылица!

Забудь любовь свою на часъ:
Какая разница межъ насъ?—
Что я Цыганкой уродилась?
Что нѣтъ за мною селъ, хоромъ?
Что говорить не научилась
Я иностраннымъ языкомъ?
Вотъ все? Не шутка, очень знаю!
Но сердцемъ я не уступаю
Твоей невѣстѣ. Чѣмъ она
Любовь понынѣ доказала?
Какія слезы проливала?
Что перенесть была должна?
А я... что слезъ я источила,
Какихъ обидъ ни проглотила,
Молчанье горькое храня!
Ты разлюбилъ,—я все любила;
Ты гналъ безжалостно меня,—
Къ тебѣ я, злобному, ласкалась,
Какъ собаченка. Разсмотри
Меня получше: говори,
Такая-ль я тебѣ досталась?—
Глаза потухнули отъ слезъ,
Лице завяло, грудь изсохла;
Я только, только что не сдохла!...
Ты все молчишь?

Елецкой.

Тебѣ нанесъ
Я много горя... Я не вѣдалъ,
Когда другой мой жребій предалъ,
Что ты... Но что со мною?.. Свѣтъ
Въ глазахъ темнѣетъ... все кружится...
Мнѣ дурно, Сара, дурно...

Сара.

Нѣтъ!
Я знаю, что въ тебѣ творится.
Въ душѣ мятущейся твоей
Я чуднымъ чудомъ оживаю,

Разлучницы проклятой въ ней
Бѣсовскій образъ погашаю.
Блѣднѣешь ты... Не мудрена
Измѣна мнѣ, а ей страшна!
Будь ей теперь моя судьбина!
Томись она, крушись она!
Съ тоски изсохни, какъ лучина!
Умри она! ты мой: приди,
Прижмись опять къ моей груди!
Очнись отъ лютаго угара,
Приди, и все забуду я.
Узнай меня, узнай: я Сара!
Я Сара прежняя твоя.

Цыганка страстными руками
Его, рыдая, обвила
И жадно къ сердцу повлекла.
Глядѣлъ онъ мутными глазами,
Но не противился. Главой
Онъ даже тихо приклонился
Къ ея плечу; на немъ нѣмой,
Казалось, томно позабылся.—
По грозной бурѣ, тишина
Влилась отрадно въ сердце Сары:
Онъ мой: подѣйствовали чары!
Съ восторгомъ думала она.
Но время долгое проходитъ,—
Онъ все лежитъ, онъ все молчитъ;
Едва дыханье переводитъ
Цыганка. „Милый мой!..“ Онъ спитъ.
„Проснись, красавецъ!“ Зовъ безплодный
Мигъ страшной истины настадъ:
Она вглядѣлась,—трупъ холодный
Въ ея объятіяхъ лежалъ.

Стояла ночь уже давно;
Градскіе стогны опустѣли;
Въ домахъ уснувшихъ ни одно
Не озарялося окно,—
Всѣ одинаково чернѣли.
Луна не свѣтитъ, все молчитъ!
Лишь вѣтеръ воетъ и свиститъ,
Метель до кровель воздымая.
Обѣту своему вѣрна,
До самой улицы одна
Доходитъ Вѣра молодая;
Никѣмъ не встрѣчена она.
Въ лице суровый и холодный
Ей дуетъ вѣтеръ непогодный,
И ночь ненастная черна.
Она стоитъ; она мгновенья
Считаетъ, полная волненья.....
Бѣгутъ мгновенья! Вѣра ждетъ,—
Онъ не приходитъ, не придетъ!
Въ ней сердце замерло... дѣвицу
Пріемлетъ снова прежній кровъ.
Ужъ ранній вой колоколовъ
Порою той будилъ столицу,
И въ городъ, сквозь ночную тѣнь,
Ужъ голубѣя, крался день.

Погибъ женихъ ея мгновенный.
Слугами вынесенный въ залъ,
Трупъ на столѣ уже лежалъ,
Ихъ смутнымъ роемъ окруженный,
Который сбродъ обыкновенный
Зѣвакъ захожихъ умножалъ.
Цыганка въ вечеръ тотъ несчастной
Внезапно скрылась. Лекарь частной
Съ двумя квартальными стоялъ
И подозрительной рукою
Передъ встревоженной толпою

Трупъ посинѣлый осязалъ.
Но должностной обрядъ исправленъ;
Для любопытства пищи нѣтъ;
Залъ полицейскими оставленъ,
Всѣ разбрелись за ними вслѣдъ.—
Залъ опустѣлъ. Псалтирь читая,
Дьячокъ остался съ мертвецомъ,
Да горьки слезы кулакомъ
Ежеминутно отирая,
Въ углу стоялъ, потупя взоръ,
Осиротѣлый Черноморъ.

Холмъ, подъ которымъ спитъ Елецкой,
Гдѣ онъ забылъ любовь, вражду,
Гдѣ равнодушенъ онъ къ суду
Толпы и свѣтской и не свѣтской,
Ужъ не однажды поросталъ
Весенней, новою травою,
И снѣгъ пушистой пеленою
Его не разъ ужъ покрывалъ.
Но долго-ль юноша несчастный
Жилъ въ сердцѣ Вѣры? Много-ль слезъ
Ея сердечныхъ первыхъ грезъ
У ней исторгъ обманъ ужасный?
Въ ту-жъ зиму съ дядей старикомъ
Покинувъ городъ, возвратилась
Она лишь два года потомъ.
Лицемъ своимъ не измѣнилась,
Блистаетъ тою же красой.
Но строже смотритъ за собой.
Въ знакомство тѣсное не входитъ
Она ни съ кѣмъ. Всегда отводитъ
Чуть-чуть короткій разговоръ.
Подчинены ея движенья
Холодной мѣрѣ. Вѣринъ взоръ,
Не измѣняя выраженья,
Не выражаетъ ничего.
Блестящій юноша его
Не оживитъ, и нетерпѣнья

Въ немъ не замѣтитъ старый шутъ.
Ея смѣшливыя подруги
Въ нескромный смѣхъ не вовлекутъ;
Раздѣлены ея досуги
Между роялемъ и канвой;
Въ раздумьѣ праздномъ не видали
И никогда не заставали
Съ романомъ Вѣры Волховской.
Дѣвицей самой совершенной
Въ устахъ у всѣхъ она слыветъ.
Что-жъ эту скромность ей даетъ?
Увы! тоскою потаенной
Еще-ль душа ея полна?
Еще ли носитъ въ ней она
О прошломъ вѣрное мечтанье
И равнодушна ко всему,
Что не относится къ нему,
Что не его воспоминанье?
Или, созрѣвъ умомъ своимъ,
Уже теперь постигла имъ
Она безумство увлеченья?
Уразумѣла, какъ смѣшно
И легкомысленно оно,
Какъ правы принятыя мнѣнья
О романическихъ мечтахъ?
Или теперь въ ея глазахъ
За общій очеркъ въ мигъ забвенья
Полусвершенный ею шагъ
Сталъ дѣтской шалостью одною,
И съ утонченностью такою,
Осмотру свѣтскому вѣрна,
Его сама передъ собою
Желаетъ искупить она?

Одно-ль, другое-ль въ ней виною
Страстей безвременной тиши:
Утраченъ Вѣрой молодою
Иль жизни цвѣтъ, иль цвѣтъ души.

Куда заснувшею столицей,
При яркомъ блескѣ зимнихъ звѣздъ,

1829—1830 гг. Въ саняхъ несется вереницей
Весельчаковъ ея поѣздъ?—
Къ цыганамъ. Предъ знакомымъ домомъ
Остановились. Въ двери съ громомъ
Стучатъ; привычною рукой
Имъ отворилъ цыганъ сѣдой.
Въ хоромахъ спящихъ тьма густая,
Но путь знакомъ. Толпа лихая
Спѣшитъ проникнуть въ тотъ покой,
Гдѣ, ночи шумной ожидая,
Еще съ вечерней первой мглой
Въ свои постели пуховыя
Легли цыганки молодыя.
Ужъ гости вѣтреные тамъ,
Ужъ кличутъ дѣвъ по именамъ.
Но все Египетское племя
Въ непродолжительное время
Къ пріѣзжимъ шумно собралось,
И двадцать свѣчъ кругомъ зажглось.
Дремоту дѣвы покидаютъ,
Встаютъ на общій громкій зовъ,
Платками плечи прикрываютъ,
Ногами ищутъ башмаковъ,
У вотъ ужъ весело болтаютъ,
И таборъ къ пѣнію готовъ.
Одна цыганка на постели
Сидитъ недвижно. На гостей
Глядитъ сердито. Роемъ къ ней
Подруги смуглыя подсѣли;
Свой дикій взглядъ она хранитъ,
Устами молча шевелитъ
Или, безсмысленно порою
Вздохнувъ, качаетъ головою.
Но грянулъ своенравный хоръ:
Блеснулъ ея туманный взоръ,
Уста улыбка озарила;
Воскреснувъ въ крикѣ хоровомъ,
Она, веселая лицомъ,
Съ нимъ голосъ яркій огласила:

1829—1830 гг. Умолкнулъ хоръ, и вновь она
Сидитъ сурова и мрачна.
Такъ воротилась въ таборъ Сара.
Судьбы послѣдняго удара
Цыганка вынесть не могла
И разумъ въ горѣ погребла.
Вотще родимые напѣвы
Уносятъ душу бѣдной дѣвы
Въ былые, лучшіе года!
Такъ рѣзвый вѣтеръ иногда
Листокъ упадшій поднимаетъ,
Съ нимъ вьется въ свѣтлыхъ небесахъ,
Но, вдругъ утихнувъ, опускаетъ
Его опять на дольній прахъ.

Окончательныя редакціи поэмъ.

1833 г.

Пиры.

Друзья мои! я видѣлъ свѣтъ,
На все взглянулъ я вѣрнымъ окомъ:
Душа полна была суетъ,
И долго плылъ я общимъ токомъ....
Безумству долгъ мой заплачонъ,
Мнѣ что-то взоры прояснило;
Но, какъ премудрый Соломонъ,
Я не скажу: все въ мірѣ сонъ!
Не все мнѣ въ мірѣ измѣнило:
Бывалъ обманутъ сердцемъ я,
Бывалъ обманутъ я разсудкомъ;
Но никогда еще, друзья,
Обманутъ не былъ я желудкомъ.

Признаться каждый долженъ въ томъ,
Любовникъ, иль поэтъ, иль воинъ:
Лишь беззаботный гастрономъ
Названья мудраго достоинъ.
Хвала и честь его уму!
Дарами нужными ему
Земля усѣяна роскошно.
Пускай герою моему,
Пускай, друзья, порою тошно,
Зато не грустно: горя чуждъ
Среди веселостей вседневныхъ,
Не знаетъ онъ душевныхъ нуждъ,
Не знаетъ онъ и мукъ душевныхъ.

1833 г.

Трудясь надъ смѣсью риѳмъ и словъ,
Поэты наши чуть не плачутъ;
Своихъ почтительныхъ рабовъ
Порой красавицы дурачутъ;
Иной храбрецъ, въ отцовскій домъ
Явясь уродомъ съ поля славы,
Подозрѣвалъ себя глупцомъ:
О богъ стола, о добрый Комъ,
Въ твоихъ утѣхахъ нѣтъ отравы!
Прекрасно лирою своей
Добиться памяти людей,
Служить любви еще прекраснѣй,
Пріятно драться; но ей-ей,
Друзья, обѣдать безопаснѣй!

Какъ не любить родной Москвы!
Но въ ней не градъ первопрестольной,
Не золоченыя главы,
Не гулъ потѣхи колокольной,
Не сплетни вѣстницы-молвы
Мой умъ плѣнили своевольной:
Я въ ней люблю весельчаковъ,
Люблю роскошное довольство
Ихъ продолжительныхъ пировъ,
Богатой знати хлѣбосольство
И дарованья поваровъ.
Тамъ прямо веселы бесѣды;
Вполнѣ уваженъ хлѣбосолъ;
Вполнѣ торжественны обѣды;
Вполнѣ богатъ и лакомъ столъ.
Ужъ онъ накрытъ, ужъ онъ рядами
Несчетныхъ блюдъ отягощенъ
И беззаботными гостями
Съ благоговѣньемъ окруженъ.
Еще не сѣли; все въ молчаньи;
И каждый гость, вблизи стола,
Съ веселой ясностью чела
Стоитъ въ роскошномъ ожиданьи;
И сквозь прозрачный, легкій паръ

Сіяютъ лакомыя блюды,
Златыхъ плодовъ, дессерта груды....
Зачѣмъ удѣлъ мой слабый даръ!
Но такъ весной ряды кургановъ
При пробужденныхъ небесахъ
Сіяютъ въ пурпурныхъ лучахъ
Подъ дымомъ утреннихъ тумановъ.
Садятся гости. Графъ и князь,
Въ застольномъ дѣлѣ всѣ удалы,
И осушаютъ не лѣнясь
Свои широкіе бокалы:
Они веселье въ сердце льютъ,
Они смягчаютъ злые толки;
Друзья мои, гдѣ гости пьютъ,
Тамъ рѣчи вздорны, но не колки.
И начались чудеса:
Смѣшались быстро голоса;
Собранье глухо зашумѣло;
Своихъ собакъ, своихъ друзей,
Пѣвцовъ, героевъ хвалятъ смѣло;
Вино разнѣжило гостей
И даже умъ ихъ разогрѣло.
Тутъ все торжественно встаетъ,
И каждый гость, какъ мужъ толковой,
Узнать въ гостиную идетъ,
Чему смѣялся онъ въ столовой.

Межъ тѣмъ однимъ-ли богачамъ
Доступны праздничныя чаши?
Не мудрены пирушки наши,
Но не уступятъ ихъ пирамъ.
Въ углу безвѣстномъ Петрограда,
Въ тѣни древесъ, во мракѣ сада,
Тотъ домикъ помните-ль, друзья,
Гдѣ наша вѣрная семья,
Оставя скуку за порогомъ,
Соединялась въ шумный кругъ
И безъ чиновъ съ румянымъ богомъ
Дѣлила радостный досугъ?

Вино лилось, вино сверкало;
Сверкали блестки острыхъ словъ,
И вѣки сердце проживало
Въ немного пламенныхъ часовъ.
Столъ покрывала ткань простая;
Не восхищалися на немъ
Мы ни фарфорами Китая,
Ни драгоцѣннымъ хрусталемъ:
И между тѣмъ сынамъ веселья
Въ стекло простое богъ похмелья
Лилъ черезъ край, друзья мои,
Свое любимое Аи.
Его звѣздящаяся влага
Недаромъ взоры веселитъ;
Въ ней укрывается отвага,
Оно и блещетъ, и кипитъ,
Какъ дерзкій умъ не терпитъ плѣна,
Рветъ пробку рѣзвою волной,
И брызжетъ радостная пѣна,
Подобье жизни молодой.
Мы въ ней заботы потопляли
И средь восторженныхъ затѣй—
Пѣвцы пируютъ—восклицали:
Слѣпая чернь, благоговѣй!

Любви слѣпой, любви безумной
Тоску въ душѣ моей тая,
Насилу, милые друзья,
Дѣлить восторгъ бесѣды шумной
Тогда осмѣливался я.
Что потакать мечтѣ унылой?
Кричали вы: смѣлѣе пей,
Развеселись, товарищъ милой,
Для насъ живи, забудь о ней!
Вздохнувъ, разсѣянно послушной,
Я пилъ съ улыбкой равнодушной:
Свѣтлѣла мрачная мечта,
Толпой скрывалися печали,

И задрожавшія уста—
Богъ съ ней—невнятно лепетали.

И гдѣ-жъ измѣнница-любовь!
Ахъ, въ ней и грусть очарованье!
Я испытать желалъ бы вновь
Ея знакомое страданье!
И гдѣ-жъ вы, рѣзвые друзья,
Вы, кѣмъ жила душа моя!
Разлучены судьбою строгой:
И каждый съ ропотомъ вздохнулъ,
И брату руку протянулъ,
И вдаль побрелъ своей дорогой;
И каждый въ горести нѣмой,
Быть можетъ, праздною мечтой
Теперь былое пролетаетъ
Или за трапезой чужой
Свои пиры воспоминаетъ.

О если-бъ, теплою мольбой
Обезоруживъ гнѣвъ судьбины,
Перенестись отъ скалъ чужбины
Мнѣ можно было въ край родной!
(Мечтать позволено Поэту.)
У водъ домашняго ручья
Друзей, разбросанныхъ по свѣту,
Соединилъ бы снова я.
Дубравой темной осѣненной,
Родной отцамъ моихъ отцовъ,
Мой домъ, свидѣтель двухъ вѣковъ,
Поникнулъ кровлею смиренной.
За много лѣтъ до нашихъ дней
Тамъ въ чаши чашами стучали,
Любили пламенно друзей
И съ ними шумно пировали....
Мы, тѣ же сердцемъ въ вѣкъ иной,
Сберемтесь дружеской толпой
Подъ мирный кровъ домашней сѣни:
Ты, вѣрный мнѣ, ты, Д[ельви]гъ мой,

1833 г. Мой братъ по музамъ и по лѣни,
Ты, П[ушки]нъ нашъ, кому дано
Пѣть и героевъ, и вино,
И страсти молодости пылкой,
Дано съ проказливымъ умомъ
Быть сердца вѣрнымъ знатокомъ
И лучшимъ гостемъ за бутылкой.
Вы всѣ, дѣлившіе со мной
И наслажденья, и мечтанья,
О, поспѣшите въ домикъ мой
На сладкій пиръ, на пиръ свиданья!

Слѣпой владычицей суетъ
Отъ колыбели позабытый,
Чѣмъ угоститъ анахоретъ,
Въ смиренной хижинѣ укрытый?
Его пустынничій обѣдъ
Не будетъ лакомый, но сытый.
Веселый будетъ ли, друзья?
Со дня разлуки, знаю я,
И дни и годы пролетѣли,
И разгадать у бытія
Мы много тайнаго успѣли:
Что ни ласкало встарину,
Что прежде сердцемъ ни владѣло,
Подобно утреннему сну,
Все измѣнило, улетѣло!
Увы! на память намъ придутъ
Тѣ пѣсни за веселой чашей,
Что на Парнасѣ берегутъ
Преданья молодости нашей:
Собранье пламенныхъ замѣтъ
Богатой жизни юныхъ лѣтъ;
Плоды счастливаго забвенья,
Гдѣ воплотить умѣлъ поэтъ
Свои живыя сновидѣнья....
Не обрѣсти замѣны имъ!
Чему же вѣру мы дадимъ?—
Пирамъ! Въ безжизненныя лѣта

1833 г.

Душа остылая согрѣта
Ихъ утѣшеніемъ живымъ.
Пускай на вѣкъ исчезла младость,
Пируйте, други: стукомъ чашъ
Авось приманенная радость
Еще заглянетъ въ уголъ нашъ.

1833 г.

Эда.

Чего робѣешь ты при мнѣ,
Другъ милый мой, малютка Эда?
За что, за что наединѣ
Тебѣ страшна моя бесѣда?
Вѣрь, не коваренъ я душой;
Тамъ, далеко, въ странѣ родной,
Сестру я добрую имѣю,
Сестру чудесной красоты;
Я нѣжно, нѣжно друженъ съ нею,
И на нее похожа ты.
Давно... что дѣлать?... но такая
Ужъ наша доля полковая!
Давно я, Эда, не видалъ
Родного счастливаго края,
Сестры моей не цѣловалъ!
Лицемъ она, будь сердцемъ ею;
Мечтѣ моей не измѣни
И мнѣ любовiю твоею
Ея любовь напомяни!
Мила ты мнѣ. Веселье, муку,
Все жажду я дѣлить съ тобой;
Не уходи, оставь мнѣ руку!
Довѣрься мнѣ, другъ милый мой!

Съ улыбкой вкрадчивой и льстивой,
Такъ говорилъ гусаръ красивой
Финляндкѣ Эдѣ. Русь была
Ему отчизной. Въ горы Фина

Его недавно завела
Полковъ бродячая судьбина.
Суровый край: его красамъ,
Пугаяся, дивятся взоры;
На горы каменныя тамъ
Поверглись каменныя горы;
Синѣя, всходятъ до небесъ
Ихъ своенравныя громады;
На нихъ шумитъ сосновый лѣсъ;
Съ нихъ бурно льются водопады;
Тамъ долъ очей не веселитъ,
Гранитной лавой онъ облитъ;
Главу одѣвши въ мохъ печальный,
Огромнымъ сторожемъ стоитъ
На немъ гранитъ пирамидальный;
По дряхлымъ скаламъ бродитъ взглядъ;
Пришлецъ исполненъ смутной думы:
Не міра-ль давняго лежатъ
Предъ нимъ развалины угрюмы?
Въ доселѣ счастливой глуши,
Отца простого дочь простая,
Красой лица, красой души
Блистала Эда молодая.
Прекраснѣй не было въ горахъ:
Румянецъ нѣжный на щекахъ,
Летучій станъ, власы златые
Въ небрежныхъ кольцахъ по плечамъ
И очи блѣдно-голубыя,
Подобно Финскимъ небесамъ.

День гаснулъ, скалы позлащая.
Предъ хижиной своей одна
Сидѣла дѣва молодая,
Лицемъ спокойна и ясна.
Подсѣлъ онъ скромно къ дѣвѣ скромной
Завелъ онъ кротко съ нею рѣчь;
Ея не мыслила пресѣчь
Она въ задумчивости томной,
Внимала слабымъ сердцемъ ей:

1833 г.

Такъ роза первыхъ вешнихъ дней
Лучамъ невѣрнымъ довѣряетъ,
Почуя теплый вѣтерокъ,
Его лобзаньямъ открываетъ
Благоуханный свой шипокъ
И не предвидитъ хладъ суровый,
Мертвящій хладъ, дохнуть готовый.
Въ рукѣ гусара моего
Давно рука ея лежала:
Въ забвеньи сладкомъ у него
Она ея не отнимала.
Онъ къ сердцу бѣдную прижалъ:
Взоръ укоризны, даже гнѣва
Тогда поднять хотѣла дѣва,
Но гнѣва взоръ не выражалъ.
Веселость ясная сіяла
Въ ея младенческихъ очахъ,
И наконецъ въ такихъ словахъ
Ему Финляндка отвѣчала:
„Ты мной давно уже любимъ;
Зачѣмъ же нѣтъ? Ты добродушенъ,
Всегда заботливо послушенъ
Малѣйшимъ прихотямъ моимъ.
Онѣ докучливы бывали;
Меня ты любишь, вижу я:
Душа признательна моя.
Ты мнѣ любезенъ: не всегда-ли
Я угождать тебѣ спѣшу?
Я съ каждымъ утромъ приношу
Тебѣ цвѣты; я подарила
Тебѣ кольцо; всегда была
Твоимъ весельемъ весела;
Съ тобою грустнымъ я грустила.
Что-жъ? Я и въ этомъ погрѣшила:
Намъ строго-строго не велятъ
Дружиться съ вами. Говорятъ
Что вѣроломны, злобны всѣ вы:
Что васъ бѣжать должны бы дѣвы,
Что какъ-то губите вы насъ;

Что пропадешь, когда полюбишь;
И ты, я думала не разъ,
Ты, можетъ быть, меня погубишь?"

—„Я твой губитель, Эда? я?
Тогда пускай мнѣ казнь любую
Пошлетъ Небесный Судія!
Нѣтъ, нѣтъ! я съ тѣмъ тебя цѣлую!"
—„На что? зачѣмъ? какой мнѣ стыдъ!"
Младая дѣва говоритъ.
Ужъ поздно. Встать, бѣжать готова
Съ негодованіемъ она.
Но держитъ онъ: „Постой! два слова!
Постой! ты взорами сурова:
Ужель ты мной оскорблена?
О нѣтъ, останься; мигъ забвенья,
Минуту шалости прости!"
—„Я не сержуся; но пусти!"
—„Твой взоръ исполненъ оскорбленья,
И ты лицемъ не можешь лгать:
Позволь, позволь для примиренья
Тебя еще поцѣловать."
—„Оставь меня!"
                    —„Мой другъ прекрасной,
И за ребяческую блажь
Ты неизвѣстности ужасной
Меня безжалостно предашь!
И не поймешь мое страданье!
И такова любовь твоя!
Другъ милый мой, одно лобзанье,
Одно, иль ей не вѣрю я!"

И дѣва бѣдная вздохнула
И милый ликъ свой, до того
Отвороченный отъ него,
Къ нему тихонько обернула.

Какъ онъ самимъ собой владѣлъ!
Съ какою медленностью томной,

И между тѣмъ какъ будто скромной,
Напечатлѣть онъ ей умѣлъ
Свой поцѣлуй! Какое чувство
Ей въ грудь младую влилъ онъ имъ!
И лобызаніемъ такимъ
Владѣетъ хладное искусство!
Ахъ, Эда, Эда! Для чего
Такое долгое мгновенье
Во влажномъ пламени его
Пила ты страстное забвенье?
Теперь полна въ душѣ своей
Желанья смутнаго заботой,
Ты освѣжительной дремотой
Ужъ не сомкнешь своихъ очей;
Слетятъ на ложе сновидѣнья,
Тебѣ безвѣстныя досель,
Иль долго жаркая постель
Тебѣ не дастъ успокоенья.
На камняхъ розовыхъ твоихъ
Весна игриво засвѣтлѣла,
И ярко зеленъ мохъ на нихъ,
И птичка весело запѣла,
И по гранитному одру
Свѣтло бѣжитъ ручей сребристой,
И лѣсъ прохладою душистой
Съ востока вѣетъ поутру.
Тамъ за горою долъ таится,
Уже цвѣты пестрѣютъ тамъ;
Уже черемухъ ѳиміамъ
Тамъ въ чистомъ воздухѣ струится:
Своею нѣгою страшна
Тебѣ волшебная весна.
Не слушай птички сладкогласной!
Отъ сна возставшая, съ крыльца
Къ прохладѣ утренней лица
Не обращай и въ долъ прекрасной
Не приходи, а, сверхъ всего,
Бѣги гусара твоего!

Уже пустыня сномъ объята;
Всталъ ясный мѣсяцъ надъ горой,
Сливая свѣтъ багряный свой
Съ послѣднимъ пурпуромъ заката;
Двойная, трепетная тѣнь
Отъ черныхъ сосенъ возлегаетъ,
И ночь прозрачная смѣняетъ
Погасшій непримѣтно день.
Ужъ поздно. Дѣва молодая,
Жарка ланитами, встаетъ
И молча, глазъ не поднимая,
Въ свой уголъ медленно идетъ.

Была безпечна, весела
Когда-то добренькая Эда:
Одною Эдой и жила
Когда-то дѣвичья бесѣда;
Она привѣтно и свѣтло
Когда-то всѣмъ глядѣла въ очи:
Что-жъ измѣнить ее могло?
Что-жъ это утро облекло
И такъ внезапно въ сумракъ ночи?
Она разсѣянна, грустна,
Въ бесѣдахъ вовсе не слышна;
Какъ прежде, яснаго привѣта
Ни для кого во взорахъ нѣтъ;
Вопросы долго ждутъ отвѣта,
И часто страненъ сей отвѣтъ;
То жарки щеки, то безцвѣтны,
И, тайной горести плоды,
Нерѣдко свѣжіе слѣды
Горючихъ слезъ на нихъ замѣтны.

Бывало, слишкомъ зашалитъ
Неосторожный постоялецъ:
Она къ устамъ приставитъ палецъ,
Ему съ улыбкой имъ грозитъ.
Когда же ей онъ подаритъ
Какой-нибудь нарядъ дешовой,

Финляндка дивной ей обновой
Похвастать къ матери бѣжитъ,
Межъ тѣмъ его благодаритъ
Веселымъ книксомъ. Шаловливо
На друга соннаго порой
Плеснетъ холодною водой
И убѣгаетъ торопливо,
И долго слышенъ громкій смѣхъ.
Ея трудовъ, ея утѣхъ
Всегда въ товарищи малюткой
Бывалъ онъ призванъ съ милой шуткой.
Взойдетъ-ли утро, ночи-ль тѣнь
На усыпленны холмы ляжетъ,—
Ему красотка добрый день
И добру ночь привѣтно скажетъ.

Гдѣ время то? При немъ она
Какой-то робостію нынѣ
Въ своихъ движеньяхъ смущена;
Веселыхъ шутокъ и вноминѣ
Ужъ нѣтъ; незначущихъ рѣчей
Съ нимъ даже дѣва не заводитъ,
Какъ будто сталъ онъ недругъ ей;
Зато порой съ его очей
Очей задумчивыхъ не сводитъ;
Зато порой наединѣ
Къ груди гусара, вся въ огнѣ,
Бѣдняжка грудью припадаетъ,
И, страсти гибельной полна,
Сама уста свои она
Къ его лобзаньямъ обращаетъ;
А въ ночь безсонную одна,
Одна съ раскаяньемъ напраснымъ,
Сама волненіемъ ужаснымъ
Души своей устрашена,
Уныло шепчетъ: что со мною?
Мнѣ съ каждымъ днемъ грустнѣй, грустнѣй;
Ахъ, гдѣ ты, миръ души моей!
Куда пойду я за тобою!

1833 г.

И слезы дѣтскія у ней
Невольно льются изъ очей.

Она была не безъ надзора.
Отецъ ея, крутой старикъ,
Отчасти въ сердце къ ней проникъ.
Онъ подозрительнаго взора
Съ несчастной дѣвы не сводилъ;
За нею слѣдомъ онъ бродилъ;
И подсмотрѣлъ-ли что такое,
Но только молодой шалунъ
Разъ видѣлъ, слышалъ, какъ ворчунъ
Взадъ и впередъ въ своемъ покоѣ
Ходилъ сердито, какъ потомъ
Ударилъ сильно кулакомъ
Онъ по столу и Эдѣ бѣдной,
Предъ нимъ трепещущей и блѣдной,
Сказалъ рѣшительно: „Повѣрь,
Не сдобровать тебѣ съ гусаромъ!
Вы за углами съ нимъ недаромъ
Всегда встрѣчаетесь. Теперь
Ты рада слушать негодяя.
Худому выучитъ. Бѣда
Падетъ на дуру. Мнѣ тогда
Забота будетъ небольшая:
Кто мой обычай ни порочь,
А потаскушка мнѣ не дочь".
Тихонько слезы отирая
У грустной Эды, „что ворчать?"
Сказала съ кротостію мать:
„У насъ смиренная такая
До сей поры была она.
И въ чемъ теперь ея вина?
Грѣшишь, бѣдняжку обижая".
—„Да, молвилъ онъ, ласкай ее,
А я сказалъ уже свое".

День послѣ, въ комнаткѣ своей,
Уже вечернею порою,

1833 г.

Одна съ привычною тоскою
Сидѣла Эда. Передъ ней
Святая Библія лежала.
На длань склоненная челомъ,
Она разсѣяннымъ перстомъ
Разсѣянно перебирала
Ея измятые листы
И въ дни сердечной чистоты
Невольной думой улетала.
Взошелъ онъ съ пасмурнымъ лицомъ,
Въ молчаньи сѣлъ, въ молчаньи руки
Сжалъ на груди своей крестомъ;
Примѣты скрытой, тяжкой муки
Въ немъ все являло. Наконецъ:
—„Долгъ отъ меня, сказалъ хитрецъ,
Съ тобою требуетъ разлуки.
Теперь услышать милый гласъ,
Увидѣть милыя мнѣ очи
Я прихожу въ послѣдній разъ:
Покроетъ землю сумракъ ночи
И навсегда разлучитъ насъ.
Виною твой отецъ суровый:
Его укоры слышалъ я;
Нѣтъ, нѣтъ, тебѣ любовь моя
Не нанесетъ печали новой!
Прости!“ Чуть дышуща, блѣдна,
Гусара слушала она.
„Что говоришь? Возможно-ль? Нынѣ?
И навсегда, любезный мой!...“
—„Бѣгу отселѣ; но душой
Останусь въ милой мнѣ пустынѣ.
Съ тобою видѣть я любилъ
Потоки тѣ же, тѣ же горы;
Къ тому же небу возводилъ
Съ небесной радостію взоры;
Съ тобой въ разлукѣ свѣту дня
Уже не радовать меня!
Я волю далъ любви несчастной
И погубилъ, довѣрясь ей,

За мигъ летящій, мигъ прекрасный
Всю красоту грядущихъ дней.
Но слушай! Срокъ остался краткій:
Пугаяся ревнивыхъ глазъ,
Вездѣ преслѣдующихъ насъ,
Доселѣ мелькомъ и украдкой
Видались мы; моей мольбой
Не оскорбись. На разставанье
Позволь, позволь имѣть съ тобой
Мнѣ безмятежное свиданье!
Лишь мраки ночи низойдутъ,
И сномъ глубокимъ до денницы
Отяжелѣлыя зѣницы
Твои домашніе сомкнутъ,
Приду я къ тихому пріюту
Моей любезной: о, покинь
Дѣвичій страхъ и на минуту
Затворъ досадный отодвинь!
Прильну въ безмолвіи печальномъ
Къ твоимъ устамъ, о жизнь моя,
И въ лобызаніи прощальномъ
Тебѣ оставлю душу я.“

Прискорбно дѣва поглядѣла
На обольстителя; не смѣла,
Сама не зная почему,
Она довѣриться ему:
Бѣдою что-то ей грозило;
Какой-то страхъ въ нее проникъ;
Ей смутно сердце говорило,
Что не былъ простъ его языкъ.
Святая книга, какъ сначала,
Еще лежавшая предъ ней,
Ей долгъ ея напоминала.
Ко груди трепетной своей
Прижавъ ее: „нѣтъ, нѣтъ, сказала,
Зачѣмъ со злобою такой
Играть моею простотой?
Иль мало было прегрѣшеній?

Еще-ль, еще-ль охотный слухъ
Склоню на голосъ искушеній?
Оставь меня, лукавый духъ!
Оставь безъ новыхъ угрызеній.“

Но вправду врагъ ему едва-ль
Не помогалъ: съ такою силой
Излилъ онъ ропотъ свой, печаль
Столь горько выразилъ, что жаль
Гусара стало дѣвѣ милой:
И слезы падали у ней
Въ тяжелыхъ капляхъ изъ очей.
И въ то же время то моленья,
То пени расточалъ хитрецъ.
—„Что медлишь? Дороги мгновенья!“
Къ ней приступилъ онъ наконецъ:
„Дай слово!“—„Всей душой тоскуя,
„Какое слово дать могу я?
Сказала,—сжалься надо мной!
Владѣю-ль я сама собой!
И что я знаю!“ Пылко, живо
Тутъ къ сердцу онъ ее прижалъ.
„Я буду, жди меня!“ сказалъ,
Сказалъ и скрылся торопливо.

Уже и холмы и поля
Покрыты мраками густыми.
Смиренный ужинъ раздѣля
Съ неприхотливыми родными,
Вошла дѣвица въ уголъ свой;
На дверь задумчиво взглянула:
Повѣрь, опасенъ гость ночной!
Ей совѣсть робкая шепнула,—
И дверь ея заложена.
Въ бумажки мягкія она
Златые кудри завернула,
Снять поспѣшила какъ-нибудь
Дня одѣянія неловки,
Тяжелодышущую грудь

Освободила отъ шнуровки,
Легла и думала заснуть.
Ужъ поздно, полночь, но рѣсницы
Сонъ не смыкаетъ у дѣвицы:
„Стучаться будетъ онъ теперь.
Зачѣмъ задвинула я дверь?
Я своенравна въ самомъ дѣлѣ.
Пущу его: вѣдь мигъ со мной
Пробудетъ здѣсь любезный мой,
Потомъ навѣкъ уйдетъ отселѣ".
Такъ мнитъ ужъ дѣвица и вотъ
Съ одра тихохонько встаетъ,
Ко двери съ трепетомъ подходитъ
И вотъ задвижки роковой
Уже касается рукой;
Вотъ руку медленно отводитъ,
Вотъ приближаетъ руку вновь;
Желѣзо двинулось: вся кровь
Застыла въ дѣвушкѣ несчастной,
И сердце сжала ей тоска.
Тогда же чуждая рука
Дверь пошатнула: „Другъ прекрасный,
Не бойся, Эда, это я!"
И, отъ смятенья духъ тая,
Полна невѣдомаго жара,
Дѣвица бѣдная моя
Уже въ объятіяхъ гусара.

Увы! досталась въ эту ночь
Ему желанная побѣда:
Чувствъ упоенныхъ превозмочь
Ты не могла, бѣдняжка Эда!
Заря багрянитъ сводъ небесъ.
Восторгъ обманчивый исчезъ;
Съ нимъ улетѣлъ и призракъ счастья;
Открылась бездна нищеты:
Слезами скорби платишь ты
Уже за слезы сладострастья!
Стыдясь пылающаго дня,
На краѣ ложа рокового

Сидишь ты, голову склоня.
Взгляни на друга молодого!
Внимай ему: нѣтъ, нѣтъ, съ тобой
Онъ не снесетъ разлуки злой;
Тебѣ всѣ дни его и ночи;
Отецъ его не устрашитъ:
Онъ подозрѣнья усыпитъ,
Обманетъ бдительныя очи;
Твой будетъ онъ, покуда живъ....
Напрасно все: она не внемлетъ,
Очей на друга не подъемлетъ,
Уста безмолвныя раскрывъ,
Потупя въ землю взоръ незрящій;
Ей то же друга разговоръ,
Что вѣтръ, безсмысленно свистящій
Среди ущелинъ Финскихъ горъ.

Не долго, дѣва красоты,
Предателя чуждалась ты,
Томяся грустью безотрадной!
Ты уступила сердцу вновь:
Простила нѣжная любовь
Любви коварной и нещадной.

Идетъ поспѣшно день за днемъ.
Гусару дѣва молодая
Уже покорствуетъ во всемъ.
За нимъ она, какъ лань ручная,
Повсюду ходитъ. То четой
Пріемлетъ ихъ въ полдневный зной
Густая сѣнь дубравы сонной,
То зазоветъ дремучій боръ,
То приглашаютъ гроты горъ
Въ свой сумракъ нѣги благосклонной.
Но чаще сходятся они
Въ долу сосѣдственномъ, глубокомъ;
Въ густой рябиновой сѣни,
Надъ быстро льющимся потокомъ,

Они садятся на траву.
Порой любовникъ въ томной лѣни
Послушной дѣвѣ на колѣни
Кладетъ безпечную главу
И легкимъ сномъ глаза смыкаетъ.
Духъ притаивъ, она внимаетъ
Дыханью друга своего;
Древесной вѣткой отвѣваетъ
Докучныхъ мошекъ отъ него;
Его волнистыми власами
Играетъ дѣтскими перстами.
Когда-жъ подымется луна,
И дикій край подъ ней задремлетъ,
Въ пріютъ укромный свой она
Къ себѣ на одръ его пріемлетъ.

Но дѣва нѣжная моя
Томится тайною тоскою.
Разъ, обычайною порою,
У водъ любимаго ручья
Они сидѣли молчаливо.
Любовникъ въ тихомъ забытьи
Глядѣлъ на свѣтлыя струи,
Предъ нимъ бѣгущія игриво.
Дорогой сорванный цвѣтокъ
Онъ какъ-то бросилъ въ быстрый токъ.
Вздохнула дѣва молодая;
На друга голову склоня,
„Такъ, прошептала, и меня,
Мигъ полелѣя, поласкáя,
Гакъ на погибель бросишь ты!“
Уста незлобной красоты
Улыбкой милой улыбнулись,
Но скорбь взяла-таки свое:
И на рѣсницахъ у нея
Невольно слезы навернулись.
Она косынкою своей
Ихъ отерла и, веселѣй
Глядѣть стараяся на друга:

„Прости! Безумная тоска!
Сегодня жизнь моя сладка,
Сегодня я твоя подруга,
И завтра будешь ты со мной,
И день еще, и, статься можетъ,
Я до разлуки роковой
Не доживу, Господь поможетъ!“

Невинной нѣжностью не разъ
Она любовника смущала,
И сожалѣнье въ немъ подчасъ,
И угрызенье пробуждала;
Но чаще, чаще онъ скучалъ
Ея любовію тоскливой
И мигъ разлуки призывалъ,
Ужъ какъ свободы мигъ счастливой.
Не тщетно!

Буйный Шведъ опять
Не соблюдаетъ договоровъ:
Вновь хочетъ съ Русскимъ испытать
Неравный жребій бранныхъ споровъ.
Ужъ переходятъ за Кюмень
Передовыя ополченья:
Война, война! Грядущій день—
День рокового разлученья.

Нѣтъ слезъ у дѣвы молодой.
Мертва лицемъ, мертва душой,
На суету походныхъ сборовъ
Глядитъ она: всему конецъ!
На ней встревоженный хитрецъ
Остановить не смѣетъ взоровъ.
Сгустилась ночь. Въ глубокій сонъ
Все погрузилося. Унылой,
Въ послѣдній разъ идетъ онъ къ милой.
Ей утѣшенья шепчетъ онъ,
Ее лобзаетъ онъ напрасно,—
Внимаетъ, чувства лишена,
Даетъ лобзать себя она,

Но безотвѣтно, безучастно!
Мечтанья всѣ бѣжали прочь.
Они томительную ночь
Въ безмолвной горести проводятъ.
Ужъ въ путь зоветъ сіянье дня,
Уже ретиваго коня
Младому воину подводятъ,
Ужъ онъ садится. У дверей
Пустынной хижины своей
Она стоитъ, мутна очами.
Дѣвица бѣдная, прости!
Ужъ по далекому пути
Онъ поскакалъ. Ужъ за холмами
Не виденъ онъ твоимъ очамъ....
Согнувъ колѣна, къ небесамъ
Она сперва воздѣла руки,
За нимъ простерла ихъ потомъ
И въ прахъ поверглася лицомъ
Съ глухимъ стенаньемъ смертной муки.

Сковалъ потоки зимній хладъ,
И надъ стремнинами своими
Съ гранитныхъ горъ уже висятъ
Они горами ледяными.
Изъ-подъ одежды снѣговой,
Кой-гдѣ вставая головами,
Скалы чернѣютъ за скалами.
Во мглѣ волнистой и сѣдой
Исчезло небо. Зашумѣли,
Завыли зимнія метели.
Что съ бѣдной дѣвицей моей?
Потухъ огонь ея очей;
Въ ней Эды прежней нѣтъ и тѣни:
Изнемогаетъ въ цвѣтѣ дней,
Но чужды слезы ей и пени.
Какъ небо зимнее блѣдна,
Въ молчаньи грусти безнадежной,
Сидитъ недвижно у окна;
Сидитъ, и бури вой мятежной

1833 г.

Уныло слушаетъ она,
Мечтая: „Нѣтъ со мною друга;
Ты мнѣ постылъ, печальный свѣтъ!
Конца дождусь-ли я, иль нѣтъ?
Когда, когда сметешь ты, вьюга,
Съ лица земли мой легкій слѣдъ?
Когда, когда на сонъ глубокій
Мнѣ дастъ могила свой пріютъ,
И на нее сугробъ высокій,
Бушуя, вѣтры нанесутъ?“

Кладбище есть. Тѣснятся тамъ
Къ холмамъ холмы, кресты къ крестамъ,
Однообразные для взгляда;
Ихъ (межъ кустами чуть видна,
Изъ круглыхъ камней сложена)
Обходитъ низкая ограда;
Лежитъ уже давно за ней
Могила дѣвицы моей.

И кто теперь ее отыщетъ?
Кто съ нѣжной грустью навѣститъ?
Кругомъ все пусто, все молчитъ;
Порою только вѣтеръ свищетъ
И можжевельникъ шевелитъ.

———

1842 г.

Цыганка.

ГЛАВА I.

Прощай, Елецкой, ты не веселъ,
И разсвѣтаетъ ужъ давно;
Пошло мнѣ въ прокъ твое вино:
Ухъ, я встаю насилу съ креселъ!
Не правда-ль, братцы, по домамъ?
— Нѣтъ! пусть попляшетъ прежде намъ
Его Цыганка. Ангелъ Сара,
Ну что? потѣшить насъ нельзя-ль?
Ступай, я сяду за рояль.
— Могу сказать, васъ будетъ пара:
Ты охмѣленъ, и въ сонъ она
Уже давно погружена.
Прощайте, господа....

Гуляки

Встаютъ, шатаясь на ногахъ;
Берутъ на стульяхъ, на столахъ
Свои разбросанные фраки,
Свои мундиры, сюртуки;
Но, доброй волѣ вопреки,
Не споры сборы. Шляпу на лобъ
Надвинувъ, держитъ предъ собой
Стаканъ недопитый иной
И разсуждаетъ: Надлежало-бъ..
Умомъ и тѣломъ недвижимъ,
Онъ долго простоитъ надъ нимъ.
Другой предъ зеркаломъ на шею

Свой галстукъ вяжетъ, но рука
Его тяжка и неловка,—
Все какъ-то врозь идутъ подъ нею
Концы проклятаго платка.
Къ свѣчѣ приставя трубку задомъ,
Ждетъ третій пасмурный чудакъ,
Когда закурится табакъ.
Лихія шутки сыплютъ градомъ;—
Но полно: вонъ валитъ кабакъ.
„Прощай, Елецкой, до свиданья!"
—Прощайте, братцы, добрый путь!
И, сокращая провожанья,
Дверь поспѣшаетъ онъ замкнуть.

Одинъ оставшися, Елецкой
Брюзгливымъ окомъ обозрѣлъ
Покой, гдѣ праздникъ молодецкой
Порой недавнею гремѣлъ.
Онъ чувство возбуждалъ двойное:
Великолѣпье отжилое,
Штофъ полинялый на стѣнахъ,
Межъ оконъ зеркала большія,
Но всѣ и въ пятнахъ, и въ лучахъ,
Въ пыли завѣсы дорогія,
Давно нечищеный паркетъ;
Къ тому же буйнаго разгулья
Всегдашній безобразный слѣдъ:
Тутъ опрокинутые стулья,
Вездѣ табачная зола,
Стаканы середи стола
Съ остатками задорной влаги;
Тарелки жирныя кругомъ,
И вотъ, на выпускѣ печномъ,
Строй догорѣвшихъ до бумаги
И въ блескѣ утреннихъ лучей
Уже блѣднѣющихъ свѣчей.

Открывъ разсѣянной рукою
Окно, Елецкой взоръ тупой,
Взоръ, отуманенный мечтой,

Уставилъ прямо предъ собою.
Предъ нимъ, свѣтло озарена
Наставшимъ утромъ, ото сна
Москва торжественно вставала.
Подъ раннею лазурной мглой,
Блестящей влагой блескъ дневной
Рѣка мѣстами отражала;
Аркада длиннаго моста
Бѣлѣла ярко. Чуденъ, пышенъ,
Московскихъ зданій красота,
Надъ всѣми зданьями возвышенъ,
Огнемъ востока Кремль алѣлъ.
Зажгли лучи его живые
Соборовъ главы золотыя;
Межъ ними царственно горѣлъ
Иванъ Великій. Садъ красивой,
Кругомъ твердыни горделивой,
Віяся, живо зеленѣлъ.
Но онъ на пышную столицу
Глядѣлъ съ душевною враждой.
За что? О томъ въ главѣ другой
Найдутъ особую страницу.
Онъ былъ воскормленъ сей Москвой.
Минувшихъ дней воспоминанья
И дней грядущихъ упованья—
Все заключалъ онъ въ ней одной;
Но странной доли несъ онъ бремя
И былъ ей чуждымъ въ то же время,
И чуждымъ больше, чѣмъ другой.

ГЛАВА II.

Отца и матери Елецкой
Лишился въ годы тѣ, когда
Обыкновенно жизни свѣтской
Намъ наступаетъ череда.
И свѣтъ узналъ онъ и сначала
Являлся въ вечеръ на три бала;

1842 г.

Съ визитной карточкой порой
Летѣлъ на выѣздъ городской.
Согласно съ общимъ заведеньемъ,
Онъ въ праздникъ Пасхи, въ новый годъ
Къ дядямъ и теткамъ съ поздравленьемъ
Скакалъ съ прихода на приходъ.

Живѣе жизнью насладиться
Алкалъ безумецъ молодой
И началъ съ первыхъ дней томиться
Предѣловъ свѣтскихъ тѣснотой.
Ему въ гостиныхъ стало душно:
То было глупо, это скучно.
Изъ нихъ Елецкой мой исчезъ,
И на желанномъ имъ просторѣ
Житьемъ онъ новымъ зажилъ вскорѣ
Между буяновъ и повѣсъ.

Развратныхъ, своевольныхъ правилъ
Несчастный кодексъ онъ составилъ;
Всегда ссылалось на него
Его блажное болтовство.
Имъ проповѣдуемыхъ мнѣній,
Иль половины ихъ большой,
Навѣрно чуждъ онъ былъ душой,
Причастной лучшихъ вдохновеній;
Но, мысли буйствомъ увлеченъ,
Вдвойнѣ молву озлобилъ онъ.

Съ Москвой и Русью онъ разстался,
Края чужіе посѣтилъ;
Тамъ промотался, проигрался
И въ путь обратный поспѣшилъ.
Своимъ пенатамъ возвращенный,
Всему рѣшительнымъ вѣнцомъ,
Цыганку взялъ къ себѣ онъ въ домъ,
И, общимъ мнѣньемъ пораженный,
Самъ рушилъ онъ, надъ нимъ смѣясь,
Со свѣтомъ остальную связь.

Тутъ нашей повѣсти начало.
Недѣля Свѣтлая была
И подъ Новинское звала
Гражданъ Московскихъ. Все бѣжало,
Все торопилось: старъ и младъ,
Жильцы лачугъ, жильцы палатъ,
Живою смѣшанной толпою,
Туда, гдѣ, словно самъ собою,
На краткій срокъ, въ единый мигъ,
Блистая пестрыми дворцами,
Шумя цвѣтными флюгерами,
Средь града новый градъ возникъ,
Столица легкая бездѣлья
И безчиновнаго веселья,
Досуга русскаго кумиръ!
Тамъ цѣлый день разгульный пиръ,
Тамъ раздаются звуки трубны,
Звенятъ, гремятъ литавры, бубны;
Паясы съ зыбкихъ галлерей
Зовутъ, манятъ къ себѣ гостей.
Тамъ клеперъ чуетъ чётъ и нѐчетъ;
Ножи проворные вѣнцомъ
Кругомъ себя Индѣецъ мечетъ
И бисеръ нижетъ языкомъ.
Гордясь лихими сѣдоками,
Тамъ одноколки, застучавъ,
Съ потѣшныхъ горъ летятъ стремглавъ.
Своими длинными шестами
Качели крашеныя тамъ
Людей уносятъ къ небесамъ.
Волшебный праздникъ довершая,
Межъ тѣмъ, съ веселымъ торжествомъ,
Каретъ блестящихъ цѣпь тройная
Катится медленно кругомъ.

Межъ балагановъ оживленныхъ,
Ежеминутно осажденныхъ
Нетерпѣливою толпой,
Давно бродилъ Елецкой мой.

Окинувъ взорами собранье,
Въ одномъ остановилъ вниманье
Онъ на дѣвицѣ молодой:
Своими чистыми очами,
Своими дѣтскими устами,
Своей спокойной красотой,
Одушевленнымъ выраженьемъ
Сей драгоцѣнной тишины,
Она сходна была съ видѣньемъ
Его разборчивой весны.
Давно онъ зналъ ее заочно.
Съ его глазами ненарочно
Глазами встрѣтилась она:
Ихъ выраженьемъ смущена,
Покрылась краскою живою
И отвела тихонько взоръ.
Охваченъ бѣдственной межою,
Не зрѣлъ Елецкой съ давнихъ поръ
Румянца этого святого!
Упадшій духъ подъемля въ немъ,
Онъ былъ для путника ночного
Денницы розовымъ лучемъ.
Онъ къ милой думой умиленной
Летитъ; межъ тѣмъ она встаетъ;
Дѣвицѣ руку подаетъ
Ея сосѣдъ, старикъ почтенной;
Изъ балагана идутъ вонъ,
И ихъ въ толпѣ теряетъ онъ.

Узнать, душою не въ покоѣ,
Онъ жаждетъ имя дорогое!...
И незнакомка названа.
Гражданка сферы той она,
Того злопамятнаго свѣта,
Съ кѣмъ въ опрометчивыя лѣта,
Въ избыткѣ гордомъ юныхъ силъ,
Самъ въ бой неровный онъ вступилъ
Смягчитъ-ли идолъ оскорбленной
Онъ жертвой позднею своей?

Противъ него предубѣжденной,
Предстать осмѣлится-ли ей?
И всѣхъ преградъ онъ самъ виною!
Межъ тѣмъ въ борьбѣ его съ молвою
Прошло, промчалось много дней....
Елецкой мыслилъ промежуткомъ,
Полнѣй другихъ созрѣлъ разсудкомъ
Онъ въ самомъ опытѣ страстей;
И наконецъ, среди пороковъ,
Кипѣвшихъ роемъ вкругъ него,
И ядовитыхъ ихъ уроковъ,
И омраченья своего,
Въ душѣ сберегъ онъ чувства пламя.
Елецкой битву проигралъ,
Но, побѣжденный, спасъ онъ знамя
И предъ самимъ собой не палъ.

ГЛАВА III.

Незамѣчаемъ и невѣдомъ,
За милою бродилъ онъ слѣдомъ
Въ тѣни задумчивыхъ дубровъ
Прекрасныхъ Прѣсненскихъ прудовъ,
Въ аллеяхъ стриженыхъ бульвара:
Между красавицъ городскихъ
Искалъ онъ дѣвы думъ своихъ.
Не для блистательнаго дара
Актеровъ нашихъ посѣщалъ
Онъ душный театральный залъ:
Елецкой, сцену забывая,
Съ той ложи не сводилъ очей,
Въ которой Вѣра молодая
Сидѣла, изрѣдка встрѣчая
Взоръ, остановленный на ней.
Вкусивъ неполное свиданье,
Елецкой приходилъ домой,
Исполненъ мукою двойной;

Но, полюбивъ свое страданье,
Такой же встрѣчи съ новымъ днемъ
Искалъ въ безуміи своемъ.

Однажды... Погасалъ свѣжѣя
Іюльскій день... Бульваръ Тверской
Дремалъ подъ нисходящей мглой;
Пустѣла длинная аллея;
Царица тишины и сна,
Высоко поднялась луна,—
Но со знакомыми своими
Еще, въ болтливомъ забытьѣ,
Сидѣла Вѣра на скамьѣ.
Въ сосѣдствѣ, не замѣченъ ими,
За липой темной и густой,
Стоялъ влюбленный нашъ Герой.
Перчатку Вѣра уронила:
Поспѣшно поднялъ онъ ее
И подалъ ей,—лице свое
Къ нему съ испугомъ обратила
Младая дѣва. Разговоръ
Прервавъ, на немъ остановила
Встревоженный, но долгій взоръ.
Судьбу душой своей довольной
Онъ и за то благодарилъ.
Елецкой Вѣру поразилъ
Своей услугой своевольной,
И хоть на часъ ея мечта
Имъ вѣрно будетъ занята.

Что-жъ? и сомнительное счастье
Мгновенныхъ, бѣдныхъ этихъ встрѣчъ
Ему осеннее ненастье
Не позамедлило пресѣчь.
Покрылось небо облаками,
Дождь безконечный ливмя лилъ,
И вотъ морозъ его смѣнилъ.
Застыли воды, снѣгъ клоками
На мостовую повалилъ:

1842 г.

Пришла зима. Свистя, крутится
Метель на Прѣсненскихъ прудахъ;
На обнаженныхъ деревахъ
Бульвара иней серебрится.
Тамъ, гдѣ недавнею порой
Гуляли Граціи толпой,
Какой-нибудь жандармъ усатый
Шагая шпорами стучитъ;
Съ метлой стоитъ мужикъ брадатый,
Иль школьникъ съ сумкою бѣжитъ.
Для баловъ, вечеровъ при этомъ
Театръ оставленъ моднымъ свѣтомъ.
Елецкой мраченъ и сердитъ....

Но вотъ въ извѣстномъ маскарадѣ
Должна быть Вѣра. Ожилъ онъ
И въ полнадеждѣ, въ полдосадѣ
Лелѣетъ дѣятельный сонъ.

Живая музыка играетъ,
Кадрили вьются ей подъ ладъ,
Кипитъ, пестрѣетъ маскарадъ.
Въ его затѣю не вступаетъ—
И кстати—большинство гостей:
Въ тѣни ихъ онъ еще виднѣй.
Призраки всѣхъ вѣковъ и націй,
Гуляютъ феи, визири,
Полишинели, дикари;
Ихъ мучитъ бѣсъ мистификацій,
Но не выходитъ хитрыхъ фразъ:
„Я знаю васъ! я знаю васъ....“
Ни у кого для продолженья
Недостаетъ воображенья.
Признаться надобно: не намъ,
Сугробовъ сѣверныхъ сынамъ,
Приноровляться къ дѣтямъ Юга!
Метелей духъ не создалъ насъ
Для ихъ блистательныхъ проказъ,—
Къ чему неловкая натуга?

Мы сохраняемъ холодъ свой
Въ пріемахъ живости чужой.

Елецкой изъ ряду выходитъ
И Вѣру чуть съ ума не сводитъ.
Успѣлъ развѣдать онъ о ней
Довольно этихъ мелочей,
Въ которыхъ тайны роковыя
Дѣвицы видятъ молодыя;
Въ словахъ запутанныхъ своихъ
Онъ намекаетъ ей о нихъ.
И удивленья, и смущенья
Полна, горитъ она лицомъ
И вотъ выходитъ изъ терпѣнья:
„Я какъ обманутая сномъ!
„Скажите, ради Бога, кто вы?“

Елецкой.

Вы любопытны, какъ дитя.
Итакъ, со мною не шутя
Вы познакомиться готовы?
Нежданнымъ именемъ моимъ
Я испугаю васъ.

Вѣра.

Какъ скучно!
Все шутки.

Елецкой.

Я не склоненъ къ нимъ
И остерегъ васъ добродушно:
Я духъ... и нѣтъ глуши, жилья,
Гдѣ-бъ я незримый не былъ съ вами.
Все чуткимъ ухомъ слышу я,
Все вижу зоркими очами.
Не бойтесь: слушаю, гляжу
Я съ полной преданностью дружбы;
Неожидаемыя службы
Я вамъ догадливо служу.

Однажды передъ ваши очи
Я въ видѣ смертнаго предсталъ:
Въ ту пору сумракъ лѣтней ночи
Мнѣ образъ видимый давалъ...
Вы узнаете....

Вѣра.

Ваши сказки
Вы продолжите до утра.
Смотрите: всѣ снимаютъ маски,
Снимите же свою, пора.

Елецкой.

Не мнѣ. Оставьте убѣжденья,
Я не исполню вашъ приказъ.
Лице открылъ бы я для васъ
Безъ выраженья, безъ значенья.
Нѣтъ, нѣтъ: я вспомню веселѣй
Сей разговоръ непринужденный,
Почти нежданно уловленный
Счастливой маскою моей,
Чѣмъ взоръ холоднаго смущенья,
Который на лице мое
Вперите вы, когда ее
Сниму я вамъ изъ угожденья.
Нѣтъ, я-бъ не могъ его снести!
Прощайте, я не здѣшній житель:
Въ мою безвѣстную обитель
Я долженъ во-время сойти.

Елецкой тихо удалился;
Ужъ былъ у выхода и залъ
Совсѣмъ, казалось, покидалъ,
Но у дверей остановился:
Взглянуть онъ разъ еще желалъ
На Вѣру... Тихій взоръ онъ встрѣтилъ,
Мольбу нѣмую въ немъ замѣтилъ,
Укоръ въ немъ дружескій постигъ
И скинулъ маску. Въ этотъ мигъ

Предъ нимъ лице другое стало,
Очами гнѣвными сверкало
И дико поднятой рукой
Грозило Вѣрѣ и пропало
Съ Елецкимъ вмѣстѣ за толпой.

ГЛАВА IV.

Едва веселыми лучами
День новый окна озлатилъ,
Елецкой скорыми шагами
Уже по комнатѣ ходилъ.
Порой, въ забвеніи глубокомъ
Остановясь, прилежнымъ окомъ
Во что-то всматривался онъ.
Во взорахъ счастье выражалось;
Передъ душой его, казалось,
Леталъ веселый, свѣтлый сонъ.
Черезъ мгновенье пробужденный,
Онъ, тѣмъ же чувствомъ озаренный,
Свою прогулку продолжалъ
И скоро снова прерывалъ.
Въ покоѣ томъ же, занимая
Диванъ, Цыганка молодая
Сидѣла, блѣдная лицомъ.
Усталость выражали очи:
Казалось, въ продолженье ночи
Ихъ Сара не смыкала сномъ.
Она порывисто чесала
Густые, черные власы
И ихъ на темныя красы
Нагихъ плечей своихъ метала.
Она склонялась головой,
Но на Елецкаго порой
Взоръ исподлобья подымала:
Какою злобой онъ дышалъ!
Другой мечты душою полонъ,

1842 г.

Подруги онъ не замѣчалъ;
Къ ней напослѣдокъ подошелъ онъ.
„Что это смотришь ты совой?“
Сказалъ онъ: „Сара, что съ тобой?
Да молви слово!“

САРА.

Ахъ, мой Боже!
Ты ждешь отвѣта моего?
Вотъ онъ: я знаю, отчего
Ты такъ доволенъ!

ЕЛЕЦКОЙ.

Отчего же?

САРА.

Меня ты думалъ обмануть,
Когда вчера, кривя душою,
Ты мнѣ съ заботою такою
Скорѣй совѣтовалъ заснуть!
„Устала, Сара? дремлешь, Сара?
Лягъ, Сара, спать!“ и я легла,
Да ужъ нарочно не спала!—
Давно грозитъ мнѣ эта кара!
Давно я брошена тобой!
Ты сутки цѣлыя порой
Двухъ словъ со мной не произносишь,
Любимыхъ пѣсенъ пѣть не просишь!
Да и по комъ твоя душа
Ужъ такъ смертельно заболѣла?
Ее вчера я разглядѣла:
Совсѣмъ, совсѣмъ не хороша!

ЕЛЕЦКОЙ.

Такъ вотъ въ чемъ дѣло!

САРА.

Сара знаетъ,
Какая ждетъ ее судьба
За то, что служитъ, угождаетъ

Тебѣ по волѣ, какъ раба:
Со знатной барышней своею
Ты обвѣнчаешься, а съ нею
Простишься, и ее на дворъ
Метлою выметутъ, какъ соръ.

Елецкой.

Ты совершенно сумасбродишь!
Какія странныя мечты!
По пустякамъ горюешь ты
И на меня тоску наводишь.

Сара.

А кто, бывало, говорилъ,
Ко мнѣ ласкаясь то и дѣло:
„Тебя я, Сара, полюбилъ!
Жить одному мнѣ надоѣло.
Будь мнѣ подругою! со мной
Живи подъ кровлею одной!
Я нравомъ веселъ; живо, шумно,
Въ пирахъ и пѣсняхъ завсегда
Мы будемъ проводить года“.
Я согласилася безумно,—
Что-жъ вышло?—

Елецкой.

Изъ моихъ рѣчей
Тобой забыта половина.
Я говорилъ: „твоя судьбина
Не будетъ скована съ моей!
Покуда любо жить со мною,—
Живи! наскучило,—прощай,
Былую радость поминай!
Съ твоей свободой той порою
Я выговаривалъ мою.
Но я тебя не узнаю!
И, сердце будущимъ тревожа,
Ты на цыганку не похожа.
Вашъ родъ безпеченъ...

Сара.

Проклятъ онъ!
Онъ человѣчества лишенъ!
Намъ чужды всѣ края мірскіе!
Мы на обиды рождены!
Забавить прихоти чужія
Для пропитанья мы должны.
Я о себѣ молчу: цыганка
Вамъ не подруга, а служанка!
Она пляши и распѣвай,
А сердцу воли не давай.

Елецкой.

Оставь пустыя опасенья:
Не разлучимся мы съ тобой.
Хотя другого поколѣнья,
Родня я вашему судьбой.
И я, какъ вы, отверженъ свѣтомъ,
И мнѣ враждебенъ сердца гласъ...
Не распадется, вѣрь мнѣ въ этомъ,
Цѣпь, сопрягающая насъ.

Когда съ цыганкой молодою
Судьба Елецкаго свела,
Своей разгульною душою
Она мила ему была.
„Я горя знать не буду съ нею!
Какихъ тяжелыхъ, черныхъ думъ,
Мнѣ иногда гнетущихъ умъ,
Свободной рѣзвостью своею
Не удалитъ она сейчасъ?
Кому при блескѣ этихъ глазъ
Приснятся мрачныя печали?"
Такъ думалъ онъ; но дни мелькали.
Къ ея душѣ своей душой
На продолжительное время
Не могъ пристать Елецкой мой.
Ему потомъ ужъ стали въ бремя
Затѣи дѣвы удалой.

1842 г.

Не принимая въ нихъ участья,
Ужъ онъ желалъ другого счастья:
Души, съ которой могъ бы онъ
Дѣлиться всей своей душою.
Надеждой темной увлеченъ,
Онъ Сарѣ пробовалъ порою
Передавать свои мечты;
Но образованнаго чувства
Языкъ для дикой красоты
Былъ полонъ странной темноты.
Она, не вѣдая искусства,
Подъ рѣчи друга своего
Безъ всякой совѣсти зѣвала
Иль въ скоромъ времени его
Сторонней шуткой прерывала;
Но смутно трогалась, и ей
Невразумительныхъ рѣчей
Цыганка голосъ понимала.
Подругѣ вѣтреной своей
Онъ ежедневно былъ милѣй,
Но къ ней хладѣлъ по той же мѣрѣ.
Когда, любовью вспыхнувъ къ Вѣрѣ,
Онъ нравомъ сталъ еще мрачнѣй,
Она развлечь его хотѣла,
Она родныя пѣсни пѣла,
Она по стульямъ, по столамъ
Съ живыми кликами скакала,
Она при немъ по пустякамъ
Какъ можно громче хохотала;
Но завсегда ее смущалъ
Въ то время взоръ его брюзгливый:
Предъ нимъ порывъ ея игривый
Въ одно мгновенье упадалъ.
Она сердилась и роптала,
И грусть давила сердце ей,
И тщетно Сара призывала
Покой и радость прежнихъ дней.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Какъ часто въ серединѣ бала,
Когда ужъ музыка играла
Иль попури, иль котильонъ,
И Вѣра, со своимъ танцоромъ
Наскуча пошлымъ разговоромъ,
Погружена въ сторонній сонъ,
Глазами молча провожала
Среди блистательнаго зала
Предъ нею вьющіясь четы, —
Елецкой рѣчію своею,
Нежданно слышимой за нею,
Вдругъ прерывалъ ея мечты.
Довольно холодно сначала
Съ нимъ въ разговоръ она вступала,
Но оживлялася потомъ;
И ободренъ ея вниманьемъ,
Онъ былъ заманчивымъ свиданьемъ
Къ свиданью новому влекомъ.

Однажды онъ за стуломъ Вѣры
Средь вихря бальнаго сидѣлъ;
Въ своихъ рѣчахъ ужъ не умѣлъ
Онъ соблюдать холодной мѣры.
Она исчезнула. Лишенъ
Надъ пылкимъ сердцемъ всякой власти
Ужъ говорилъ открыто онъ
Съ ней языкомъ мятежной страсти,

Кончая: „Дайте мнѣ отвѣтъ!“
Онъ молвилъ: „Многое во вредъ
Мнѣ городская злоба трубитъ.
Сжился я со враждой молвы;
Но вы, что думаете вы
О томъ, который васъ такъ любитъ?“

Вѣра.

Что всѣ другіе; даже мнѣ
Еще извѣстнѣе, какъ права
О васъ разсѣянная слава,
Какъ должно вѣрить ей вполнѣ.

Елецкой.

Вамъ всѣхъ извѣстнѣй? Вы всѣхъ строже,
Но почему же, отчего же?

Вѣра.

Когда глаза мои въ тотъ разъ
Меня въ обманъ не проводили,
Словами вашими сейчасъ
Двухъ, не одну вы оскорбили.

Елецкой.

Я вашей искренности радъ.
Уже въ судьбѣ моей стократъ
Я съ вами жаждалъ объясненья!
Примите исповѣдь мою:
Весьма въ многомъ, нѣтъ сомнѣнья,
Останусь я безъ извиненья,
Но ничего не утаю.

Елецкой въ тягостную повѣсть
Минувшихъ дней своихъ вступилъ,
Свою запутанную совѣсть
Онъ передъ Вѣрой обнажилъ:
Повѣрилъ ей безъ украшенья
Свои былыя заблужденья,
Къ которымъ, впрочемъ, былъ влекомъ

Онъ меньше сердцемъ, чѣмъ умомъ.
Съ ея случайною знакомкой,
Своею смуглой однодомкой,
Свое сближенье передалъ,
Какъ самъ его онъ понималъ:
Однимъ внушеніемъ унылымъ
Души, томимой пустотой,
Союзомъ столько же постылымъ
Теперь ему, какъ ей самой;
„Къ ней обратиться“, онъ прибавилъ,
Безумный мигъ меня заставилъ;
Ошибся я въ себѣ и въ ней.
Нѣтъ, нѣтъ! я не былъ съ нею друженъ!
Я для души ея не нуженъ, —
Нужна другая для моей“.

И тихо рѣчь его журчала
За Вѣрой, ей одной слышна.
Но что? вникала ли она
Въ слова его? Она молчала.
Была чуть-чуть обращена
Къ нему щека ея одна;
Но это легкое движенье
Замѣтить было мудрено:
Злословье самое оно
Не привело бы въ искушенье.
Ей измѣняло лишь одно:
Вниманье къ балу притупѣло,
И краснощекій офицеръ,
Тогдашній Вѣринъ кавалеръ,
Ее въ то время то и дѣло
Къ порядку танца пробуждалъ
И ей фигуры толковалъ.

Природа Вѣру сотворила
Съ живою, нѣжною душой;
Она ей чувствовать судила
Съ опасной въ жизни полнотой.
Недавно дѣва молодая,

Красою свѣжею блистая,
Вступила въ вихорь городской.
Она еще не разсудила,
Не поняла души своей;
Но темною мечтою въ ней
Она уже проговорила.
Странна ей суетность была;
Она плѣниться не могла
Ея несвязною судьбиной;
Хотѣло-бъ сердце у нее
Себѣ избрать кумиръ единой
И тѣмъ осмыслить бытіе.
Тутъ романическія встрѣчи
Съ героемъ повѣсти моей;
Его задумчивыя рѣчи
Тревожить стали душу ей.
Одно, быть можетъ, впечатлѣнье
Ей берегло воображенье...
Его разсѣялъ онъ. Съ какой
Благополучною душой
Съ тѣхъ поръ она ему внимала!
Съ какою сладостью о немъ
Въ невольномъ забытьѣ своемъ
Уединенная мечтала!
Какъ, новой жизнію дыша,
Легко ей было! Какъ блистала,
Какъ ликовала въ ней душа!
Дѣвица юная не знала,
Живого счастія полна,
Что такъ довѣрчиво она
Одной отравой въ немъ дышала;
Что сей привѣтный вѣтерокъ,
Ее ласкающій такъ нѣжно,
Грозы погибельной пророкъ;
Что вдругъ дохнетъ она мятежно,
И міръ въ глазахъ ея затмитъ;
И всѣ красы его разрушитъ,
И всѣ цвѣты его изсушитъ,
И жизни путь опустошитъ.

ГЛАВА VI.

Летѣли дни. Свои свиданья
Елецкой съ Вѣрой продолжалъ,
И съ каждымъ больше упованья
Любви своей онъ обрѣталъ.
Увы! старательно скрывая
Заботу сердца, между тѣмъ
Навѣрно дѣва молодая
Съ нимъ не обмолвилась ничѣмъ;
Но не владѣла выраженьемъ
Лица невиннаго она:
На немъ со всѣмъ ея смятеньемъ
Была душа ея видна.
„Любимъ я!“ съ ропотомъ и мукой
Елецкой самъ себѣ твердилъ.
Великій постъ ужъ подходилъ
И съ Вѣрой скорою разлукой,
Разлукой долгою грозилъ!
Нѣтъ! мыслитъ онъ, до разставанья,
Во что бы ни было, должна
Рѣшить судьбу мою она!

Онъ ждетъ удобнаго мгновенья,
И Вѣра, время разлученья
Предвидя, днями дорожитъ
И ихъ считаетъ и груститъ.
Уѣхалъ дядя. Въ тихой залѣ,
При свѣтѣ двухъ свѣчей, одна
Твердила на своемъ роялѣ
Урокъ докучливый она;
Полна душой другой заботы,
Насильно всматривалась въ ноты....
Вдругъ.... протянувшись передъ ней,
Закрыла ихъ рука чужая.
Вѣтръ пошатнулъ огонь свѣчей;
Вздрогнула дѣва молодая,
Оборотилася, глядитъ:

Елецкой передъ ней стоитъ.
„Не безпокойтесь, ради Бога!
Какая странная тревога
У васъ написана въ глазахъ!
Я васъ прошу, не уходите;
Чего боитесь вы, сидите:
Я все скажу вамъ въ двухъ словахъ".

Вѣра.

Я не могу остаться съ вами!
Подите. Разговоръ такой
Мнѣ неприличенъ. Боже мой!
Одна я, видите вы сами!
Подите.

Елецкой.

Напередъ я зналъ,
Что я застану васъ одною:
Одну я видѣть васъ желалъ.
Остаться должно вамъ со мною,
Вамъ должно выслушать меня.

Вѣра.

Оставьте до другого дня,
Я умоляю васъ, подите!
Мой дядя будетъ сей же часъ.

Елецкой.

Одинъ вопросъ: люблю я васъ,
Вы это знаете; скажите:
Я равнодушенъ вамъ иль нѣтъ?

Вѣра.

На все, на все одинъ отвѣтъ:
Подите!.......

Елецкой.

Вы ли говорили?
Я-ль слышалъ васъ? и не во снѣ!

Я не любимъ... Зачѣмъ же мнѣ
Давно вы это не внушили?
Своей холодности зачѣмъ
Вы мнѣ тотчасъ не показали,
Зачѣмъ, скажите, мнѣ внимали
Вы такъ привѣтно, между тѣмъ?
Зачѣмъ, глаза мои, встрѣчая,
Не отводили вашихъ глазъ?
Зачѣмъ дышала всякій разъ
Въ нихъ дума нѣжная такая?
Дитя, кокетки записной
Постигнувъ опытную ролю,
Признайтесь: вы играли въ волю
Моей безумною душой!
Кто-бъ могъ подумать! въ ваши лѣта!
Мою любовь мнѣ не забыть;
Желалъ бы я ея предмета
Не презирать. Но, такъ и быть!
Прощайте!

Вѣра.

Нѣтъ! такого мнѣнья
Я не оставлю ни за что!
Не правы ваши заключенья!
Я прямодушна. Я не то
Сказать хотѣла.... Нѣтъ.... Просите
Руки моей, и если...

Елецкой.

Вы?
Вы мнѣ объ этомъ говорите?
А восклицанья всей Москвы!
На нашъ союзъ вашъ дядя строгой
Не согласится никогда;
Молитвы будутъ безъ плода.
Нѣтъ, Вѣра, нѣтъ! другой дорогой
Итти намъ должно! Для вѣнца
Сегодня ночью у крыльца

Я ждать васъ буду. Все готово
Бѣжать со мною; дайте слово!
Любовь слѣпая мнѣ нужна.
Рѣшитесь.

Вѣра.

Я изумлена
Такимъ нежданнымъ предложеньемъ.
Нѣтъ, это будетъ преступленьемъ!
Нѣтъ, я и думать не хочу!
Я такъ ужасно огорчу
Того, который...

Елецкой.

Все забудетъ
Онъ, нашимъ счастіемъ счастливъ,
И напослѣдокъ справедливъ
Онъ и ко мнѣ навѣрно будетъ.
Ему (вамъ нужно-ль обѣщать?)
Я буду сыномъ самымъ нѣжнымъ.
Страдалъ я долго безнадежнымъ,—
Ахъ, Вѣра! снова ли страдать!
Меня вы любите: судьбиной
Оставленъ намъ исходъ единой.
Ахъ, Вѣра, Вѣра! сердце въ васъ
Сей мигъ рѣшительный измѣритъ:
Меня печально разувѣритъ
Въ немъ малодушный вашъ отказъ,
Все, все онъ кончитъ между насъ!
Бѣгите, Вѣра! дайте руку!
Не на ужасную разлуку,
Съ которой не сживуся я,
Но на союзъ святой и вѣчной.
Мой милый другъ, мой другъ сердечной!
Скажи: неправда-ль? ты моя?

Вѣра.

Люблю, люблю я васъ.... Но что-же?
Что предлагаете вы мнѣ?

На что рѣшиться? Боже, Боже!
Подумать дайте въ тишинѣ!

Елецкой.

Я знаю, горестная мѣра,
Но—ты-ль не видишь?—нѣтъ иной!
Рѣшись!

Вѣра.

Не нынче!

Елецкой.

Нынче, Вѣра,
Сегодня, другъ безцѣнный мой!

Не долго дѣва молодая
Еще противилась ему.
Онъ нѣжно къ сердцу своему
Прижалъ ее; лицемъ пылая,
Потупя взоръ, склонивъ главу,
Она умомъ изнемогала
И, ни во снѣ, ни на яву,
Свое согласье прошептала.

Елецкой ликовалъ душой;
По темной улицѣ домой
Онъ шелъ походкою веселой.
Но у порога своего
Остановился; умъ его
Смутился думою тяжелой:
Тамъ Сара!—Въ головѣ своей
Уже Елецкой принялъ мѣры,
Чтобъ неприличной встрѣчѣ съ ней
Вновь не подвергнуть милой Вѣры.
Москву съ невѣстой въ эту ночь
Покинетъ онъ; обрядъ вѣнчальной
Онъ совершитъ въ деревнѣ дальной;
Онъ все предвидѣлъ, все точь въ точь
Обдумалъ. Сары онъ не знаетъ;
Любовью въ ней не почитаетъ

1842 г.

По немъ расчетливой любви,
Не вѣритъ въ ней ревнивой мукѣ.
„Изъ нихъ любую призови,—
„Всѣ тверды въ нужной имъ наукѣ“...
Такъ мыслитъ онъ. Но въ этотъ мигъ....
Иль Сару лучше онъ постигъ
При наступающей разлукѣ?—
Упрекъ въ душѣ его возникъ.
Его докучное внушенье
Онъ опровергъ въ умѣ своемъ
И, отряхнувъ недоумѣнье,
Вошелъ въ свой домъ, гдѣ въ то мгновенье
И Сара думала о немъ.

ГЛАВА VII.

Грустила брошеная Сара;
Но въ этотъ вечеръ было ей
Еще грустнѣй, еще тошнѣй.
Почти болѣзненнаго жара
Была тоска ея полна.
Въ своемъ волненіи она
Платкомъ въ лице себѣ махала,—
Прохлады воздухъ не давалъ,
Но кровь ей пуще волновалъ!
Иглу къ работѣ принуждала,—
Колола пальцы ей игла!
Гадать цыганка начала,—
Еще тошнѣе: карты врали,
Когда ей счастье предрекали,
И наводили страхъ, когда
Въ нихъ выходила ей бѣда.
Ихъ со стола она столкнула,
Шитье отбросила, вздохнула;
На столъ локтями опершись,
Цыганка стиснула руками
Чело.... и смятыми кольцами
Вкругъ пальца кудри обвились.

Закрывъ глаза, она сидѣла...
Вдругъ шепчутъ: Сара, Сара!—Къ ней
Въ покой изъ боковыхъ дверей,
Цыганка старая глядѣла.

Сара.

Ненила, ты? войди скорѣй;
Я заждалась тебя, Ненила;
Совсѣмъ я брошена, совсѣмъ!
Не угожу ему ничѣмъ.
Хотя бы ты мнѣ услужила!
Что, принесла-ли?

Старуха.

Принесла,
Да ужъ насилу добрела,
Метель такая закрутила!
Гляди-ка: вотъ твое вино!
Ужъ удружитъ тебѣ оно.
Спасибо скажешь!

Сара.

Ахъ, Ненила!
Вѣрь: ты мнѣ душу воротила!
Я полюблюсь ему опять?
Да полно, правда-ль?

Старуха.

Что мнѣ лгать!
Лишь дай испить, сама увидишь!
Онъ обвѣнчается съ тобой,
И заживешь ты госпожой,
А тамъ старухи не обидишь.
Ты мнѣ повѣрь, моя красотка,
Придутъ благія времена.

Сара.

Какъ я тобой одолжена!
Но тамъ идутъ!... его походка;
Поставь подарокъ свой на столъ,

Да и прощай! уйди отселѣ,
Уйди скорѣе!
Въ самомъ дѣлѣ
Елецкой въ комнату вошелъ.
Въ глазахъ его была суровость.
Предъ Сарой молча онъ ходилъ;
Рѣчь, наконецъ, къ ней обратилъ:
„Тебѣ сказать я долженъ новость:
Съ тобой я скоро разстаюсь.
Послушай, Сара! я женюсь.“

Лице у Сары поблѣднѣло
И загорѣлось въ тотъ же мигъ.
Ножъ острый въ сердце ей проникъ:
Оно то стыло, то кипѣло;
Хотѣла-бъ смертная тоска
Излиться воплемъ и слезами....
Рвалися бурными волнами
У ней попреки съ языка...
Но эти первыя движенья
Она въ себѣ перемогла
И голосъ мирный обрѣла,
Хотя дрожащій отъ волненья.
„Давно я этого ждала!
Не удивишь меня разлукой“,
Сказала Сара.—„Долгой мукой
Я приготовлена была.
А скоро-ль свадьба?“

Елецкой.

Въ домѣ этомъ
Я не ночую; не жалѣй
О старинѣ. Въ судьбѣ твоей
Я обязуюся отвѣтомъ,
И ужъ подумалъ я о ней;
Довольна будешь.

Сара.

Мнѣ не нужно
Постылыхъ милостынь твоихъ:

Не безпокойся, и безъ нихъ
Съ тобой разстанусь я дружно,
Пенять не буду я тебѣ:
Жила я весело, счастливо;
Теперь не то,—какое диво?
Не все стоять одной судьбѣ!
У насъ вѣрна одна могила;
А кто на свѣтѣ долго милъ?
Какъ ты сегодня разлюбилъ,
Такъ я бы завтра разлюбила;
За что сердиться?

Елецкой.

Очень радъ.
Дай руку, Сара! Предъ тобою
Я совершенно виноватъ.
Я вижу, выше ты душою,
Чѣмъ полагалъ доселѣ я:
Ты не притворщица пустая.
Обыкновенье ваше зная,
Я ждалъ упрековъ, слезъ, вытья...
Спасибо, нѣтъ ихъ; безъ сомнѣнья,
Простимся дружно мы съ тобой.
Мила ты, Сара!

Сара.

Плачъ и вой
Въ душѣ... Но что до сокрушенья!
Въ слезахъ и во пляхъ толку нѣтъ.
Мы разстаемся? Власть Господня!
Простимся весело. Сегодня
Я именинница, мой свѣтъ!
Въ послѣдній разъ мое здоровье
Ты долженъ выпить... но до дна!
Какъ въ старину; смотри-жъ: условье!
Не то, сейчасъ заплачу.... На!

Елецкой.

Твое здоровье? Радъ душою.....
И вотъ—ни капли нѣтъ на днѣ.
Надѣюсь, ты довольна мною?

Сара.

Спасибо! Сядь теперь ко мнѣ,
Поговоримъ по старинѣ.

И съ равнодушнымъ послушаньемъ
Къ ней на диванъ Елецкой сѣлъ,
Но, далеко уже мечтаньемъ,
Онъ на часы свои глядѣлъ.

„Скажи мнѣ, Сара продолжала,
Судьбою новою своей
Доволенъ ты?

Елецкой.

А что?

Сара.

Ей-ей,
Я коротко твой нравъ узнала:
Не перемѣнишься ты въ немъ...
Привыкъ ты къ беззаботной долѣ,
Разгульной жизни, вольной волѣ,
Стошнишь порядочнымъ житьемъ.
Наскучитъ, твердо предрекаю,
Тебѣ и милая твоя,—
Тебѣ наскучила же я!—
Жаль бѣдной! По себѣ я знаю,
И слишкомъ знаю, каково.
Какъ я бы выла, да рыдала,
Когда бы втайнѣ не питала
Еще у сердца моего
Одной надежды!

Елецкой

Полно, что ты?
Всѣ были кончены расчеты,—
Что за надежда?

Сара.

Брежу я!
И какъ равняться я посмѣю
Съ невѣстой счастливой твоею!
О ней единой мысль твоя;
Ты ею дышишь. Ахъ, царица,
Царица свѣтлая она!
Я передъ нею пыль одна.
Но.... въ умъ придетъ же небылица!
Забудь любовь свою на часъ:
Какая разница межъ насъ?—
Что я Цыганкой уродилась?
Что нѣтъ за мною селъ, хоромъ?
Что говорить не научилась
Я иностраннымъ языкомъ?—
Вотъ все? Не шутка, очень знаю!
Но сердцемъ я не уступаю
Твоей невѣстѣ. Чѣмъ она
Любовь понынѣ доказала?
Какія слезы проливала?
Что перенесть была должна?
А я... что слезъ я источила,
Какихъ обидъ не проглотила,
Молчанье горькое храня!
Ты разлюбилъ, я все любила;
Ты гналъ безжалостно меня,—
Къ тебѣ я злобному ласкалась,
Какъ собаченка. Разсмотри
Меня получше.... говори,
Такая-ль я тебѣ досталась!
Глаза потухнули отъ слезъ,
Лице завяло, грудь изсохла;
Я только, только-что не сдохла!
Ты все молчишь?

Елецкой.

Тебѣ нанесъ
Я много горя.... Я не вѣдалъ,
Когда другой мой жребій предалъ,

Что ты... Но что со мною?.... Свѣтъ
Въ глазахъ темнѣетъ.... все кружится...
Мнѣ дурно, Сара, дурно...

САРА.

Нѣтъ!
Я знаю, что въ тебѣ творится:
Въ душѣ мятущейся твоей
Я чуднымъ чудомъ оживаю,
Разлучницы проклятой въ ней
Бѣсовскій образъ погашаю.
Блѣднѣешь ты... Не мудрена
Измѣна мнѣ, а ей страшна!
Будь ей теперь моя судьбина!
Томись она! крушись она!
Съ тоски изсохни, какъ лучина!
Умри она! ты мой: приди,
Прижмись опять къ моей груди!
Очнись отъ лютаго угара,
Приди, и все забуду я.
Узнай меня, узнай: я Сара!
Я Сара прежняя твоя.

Цыганка страстными руками
Его, рыдая, обвила
И жадно къ сердцу повлекла.
Глядѣлъ онъ мутными глазами,
Но не противился. Главой
Онъ даже тихо приклонился
Къ ея плечу; на немъ нѣмой,
Казалось, томно позабылся.—
По грозной бурѣ, тишина
Влилась отрадно въ сердце Сары:
Онъ мой! подѣйствовали чары!
Съ восторгомъ думала она.
Но время долгое проходитъ,—
Онъ все лежитъ, онъ все молчитъ;
Едва дыханье переводитъ
Цыганка: „Милый мой!....“ Онъ спитъ.

1842 г. „Проснись, красавецъ!“ Зовъ безплодный;
Мигъ страшной истины насталъ:
Она вглядѣлась,—трупъ холодный
Въ ея объятіяхъ лежалъ.

ГЛАВА VIII.

Стояла ночь уже давно.
Градскія стогны опустѣли;
Въ домахъ уснувшихъ ни одно
Не озарялося окно,—
Всѣ одинаково чернѣли.
Луна не свѣтитъ, все молчитъ;
Лишь вѣтеръ воетъ и свиститъ,
Метель до кровель воздымая.
Обѣту своему вѣрна,
До самой улицы одна
Доходитъ Вѣра молодая,—
Никѣмъ не встрѣчена она!
Въ лице суровый и холодный
Ей дуетъ вѣтеръ непогодный,
И ночь ненастная черна.
Она стоитъ; она мгновенья
Считаетъ, полная волненья...
Бѣгутъ мгновенья! Вѣра ждетъ,—
Онъ не приходитъ; не придетъ!
Въ ней сердце замерло... дѣвицу
Пріемлетъ снова прежній кровъ.
Ужъ ранній вой колоколовъ
Порою той будилъ столицу,
И въ городъ, сквозь ночную тѣнь,
Ужъ голубѣя крался день.

Холмъ, подъ которымъ спитъ Елецкой,
Гдѣ онъ забылъ любовь, вражду,
Гдѣ равнодушенъ онъ къ суду
Толпы и свѣтской и не свѣтской,
Ужъ не однажды пороcталъ

Весенней, новою травою,
И снѣгъ пушистой пеленою
Его не разъ ужъ покрывалъ.
Но долго-ль юноша несчастный
Жилъ въ сердцѣ Вѣры? Много-ль слезъ
Ея сердечныхъ первыхъ грезъ
У ней исторгъ обманъ ужасный?—
Въ ту-жъ зиму съ дядей старикомъ
Покинувъ городъ, возвратилась
Она лишь два года потомъ.
Лицемъ своимъ не измѣнилась,
Блистаетъ тою же красой,
Но строже смотритъ за собой.
Въ знакомство тѣсное не входитъ
Она ни съ кѣмъ. Всегда отводитъ
Чуть-чуть короткій разговоръ.
Подчинены ея движенья
Холодной мѣрѣ. Вѣринъ взоръ,
Не измѣняя выраженья,
Не выражаетъ ничего.
Блестящій юноша его
Не оживитъ, и нетерпѣнья
Въ немъ не замѣтитъ старый шутъ;
Ее смѣшливыя подруги
Въ нескромный смѣхъ не вовлекутъ;
Раздѣлены ея досуги
Между роялемъ и канвой;
Въ раздумьи праздномъ не видали
И никогда не заставали
Съ романомъ Вѣры Волховской.
Дѣвицей самой совершенной
Въ устахъ у всѣхъ она слыветъ.
Что-жъ эту скромность ей даетъ?
Увы! тоскою потаенной
Еще-ль душа ея полна?
Еще ли носитъ въ ней она
О прошломъ вѣрное мечтанье
И равнодушна ко всему,
Что не относится къ нему,

Что не его воспоминанье?
Или, созрѣвъ умомъ своимъ,
Уже теперь постигла имъ
Она безумство увлеченья?
Уразумѣла, какъ смѣшно
И легкомысленно оно,
Какъ правы принятыя мнѣнья
О романическихъ мечтахъ?
Или теперь въ ея глазахъ
За общій очеркъ, въ мигъ забвенья,
Полусвершенный ею шагъ
Сталъ дѣтской шалостью одною,
И съ утонченностью такою,
Осмотру свѣтскому вѣрна,
Его сама передъ собою
Желаетъ искупить она?

Одно-ль, другое-ль въ ней виною
Страстей безвременной тиши,—
Утраченъ Вѣрой молодою
Иль жизни цвѣтъ, иль цвѣтъ души.

Куда, заснувшею столицей,
При яркомъ блескѣ зимнихъ звѣздъ,
Въ саняхъ несется вереницей
Весельчаковъ ея поѣздъ?—
Къ цыганамъ.—Предъ знакомымъ домомъ
Остановились. Въ двери съ громомъ
Стучатъ; привычною рукой
Имъ отворилъ цыганъ сѣдой.
Въ хоромахъ спящихъ тьма густая,
Но путь знакомъ. Толпа лихая
Спѣшитъ проникнуть въ тотъ покой,
Гдѣ, ночи шумной ожидая,
Еще съ вечерней первой мглой
Въ свои постели пуховыя
Легли цыганки молодыя.
Ужъ гости вѣтреные тамъ,
Ужъ кличутъ дѣвъ по именамъ.

1842 г.

Но все Египетское племя
Кругомъ пріѣзжихъ въ то же время
Съ весельемъ шумнымъ собралось,
И свѣчъ сіянье разлилось.
Дремоту дѣвы покидаютъ,
Встаютъ на общій громкій зовъ,
Платками плечи прикрываютъ,
Ногами ищутъ башмаковъ,
И вотъ ужъ весело болтаютъ,
И таборъ къ пѣнію готовъ.
Одна цыганка на постели
Сидитъ недвижно. На гостей
Глядитъ сердито. Роемъ къ ней
Подруги смуглыя подсѣли;
Свой дикій взглядъ она хранитъ,
Устами молча шевелитъ,
Или, безсмысленно порою
Вздохнувъ, качаетъ головою.
Но грянулъ своенравный хоръ:
Блеснулъ ея туманный взоръ,
Уста улыбка озарила;
Воскреснувъ въ крикѣ хоровомъ,
Она, веселая лицомъ,
Съ нимъ голосъ яркій согласила.
Умолкнулъ хоръ, и вновь она
Сидитъ сурова и мрачна.
Такъ воротилась въ таборъ Сара.
Судьбы послѣдняго удара
Цыганка вынесть не могла
И разумъ въ горѣ погре́бла.
Вотще родимые напѣвы
Уносятъ душу бѣдной дѣвы
Въ былые лучшіе года!
Такъ рѣзвый вѣтеръ иногда
Листокъ упадшій подымаетъ,
Съ нимъ вьется въ свѣтлыхъ небесахъ,
Но, вдругъ утихнувъ, опускаетъ
Его опять на дольній прахъ.

1831 г.

Перетень.

Въ деревушкѣ, состоящей не болѣе какъ изъ десяти дворовъ (не нужно знать, какой губерніи и уѣзда), нѣкогда жилъ небогатый дворянинъ Дубровинъ. Умѣренностью, хозяйствомъ онъ замѣнялъ въ быту своемъ недостатокъ роскоши. Сводилъ расходы съ приходами, любилъ жену и ежегодно умножающееся семейство, словомъ, былъ счастливъ; но судьба позавидовала его счастью. Пошли неурожаи за неурожаями. Не получая почти никакого дохода и почитая долгомъ помогать своимъ крестьянамъ, онъ вошелъ въ большіе долги. Часть его деревушки была заложена одному скупому помѣщику, другую оттягивалъ у него безпокойный сосѣдъ, извѣстный ябедникъ. Скупому не былъ онъ въ состояніи заплатить своего долга; противъ дѣльца не могъ поддержать своего права, конечно, безспорнаго, но скуднаго наличными доказательствами. Заимодавецъ протестовалъ вексель, проситель съ жаромъ преслѣдовалъ дѣло, и бѣдному Дубровину приходилось до зарѣза.

Всего нужнѣе было заплатить долгъ; но гдѣ найти деньги? Не питая никакой надежды, Дубровинъ рѣшился однакожъ испытать всѣ способы къ спасенію. Онъ бросился по сосѣдямъ, просилъ, умолялъ; но вездѣ слышалъ тотъ же учтивый, а иногда и неучтивый отказъ. Онъ возвратился домой съ раздавленнымъ сердцемъ.

Утопающій хватается за соломинку. Несмотря на свое отчаяніе, Дубровинъ вспомнилъ, что между сосѣдями не посѣтилъ одного, правда, ему незнакомаго, но весьма богатаго помѣщика. Онъ у него не былъ, и тому причиною было не одно незнакомство. Опальскій (помѣщикъ, о которомъ идетъ дѣло) былъ человѣкъ отмѣнно странный. Имѣя около полутора тысячъ душъ, огромный домъ, великолѣпный садъ, имѣя доступъ ко всѣмъ наслажденіямъ жизни,

онъ ничѣмъ не пользовался. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ онъ пріѣхалъ въ свое помѣстье, но не заглянулъ въ свой богатый домъ, не прошелъ по своему прекрасному саду, ни о чемъ не разспрашивалъ своего управителя. Вдали отъ всякаго жилья, среди обширнаго дикаго лѣса, онъ поселился въ хижинѣ, построенной для лѣсного сторожа. Управитель, безъ его приказанія и почти насильно, пристроилъ къ ней двѣ комнаты, которыя съ третьею, прежде существовавшею, составили его жилище. Въ сосѣдствѣ были о немъ разные толки и слухи. Многіе приписывали уединенную жизнь его скупости. Въ самомъ дѣлѣ, Опальскій не проживалъ и тридцатой части своего годового дохода, питался самою грубою пищею и пилъ одну воду; но въ то же время онъ вовсе не занимался хозяйствомъ, никогда не являлся на деревенскія работы, никогда не повѣрялъ своего управителя, къ счастію, отмѣнно честнаго человѣка. Другіе довольно остроумно заключили, что, отличаясь образомъ жизни, онъ отличается и образомъ мыслей, и подозрѣвали его дерзкимъ философомъ, вольнодумнымъ естествоиспытателемъ, тѣмъ болѣе, что, по слухамъ, не занимаясь леченьемъ, онъ то и дѣло варилъ невѣдомыя травы и коренья, что въ домѣ его было два скелета, и страшный желтый черепъ лежалъ на его столѣ. Мнѣнію ихъ противорѣчила его набожность: Опальскій не пропускалъ ни одной церковной службы и молился съ особеннымъ благоговѣніемъ. Нѣкоторые люди, и въ томъ числѣ Дубровинъ, думали однакожъ, что какая-нибудь горестная утрата, а можетъ быть и угрызенія совѣсти были причиною странной жизни Опальскаго.

Какъ-бы то ни было, Дубровинъ рѣшился къ нему ѣхать: „Прощай, Саша!“ сказалъ онъ со вздохомъ женѣ своей, „еще разъ попробую счастья“,—обнялъ ее и сѣлъ въ телѣгу, запряженную тройкою.

Помѣстье Опальскаго было верстахъ въ пятнадцати отъ деревушки Дубровина; часа черезъ полтора онъ уже ѣхалъ лѣсомъ, въ которомъ жилъ Опальскій. Дорога была узкая и усѣяна кочками и пнями. Во многихъ мѣстахъ не проходила его тройка, и Дубровинъ былъ принужденъ отпрягать лошадей. Вообще нельзя было ѣхать иначе, какъ шагомъ. Наконецъ онъ увидѣлъ отшельническую обитель Опальскаго.

Дубровинъ вошелъ. Въ первой комнатѣ не было никого. Онъ окинулъ ее глазами и удостовѣрился, что слухи о странномъ помѣщикѣ частью были справедливы. Въ углахъ стояли скелеты, стѣны

были обвѣшаны пуками сушеныхъ травъ и кореньевъ, на окнахъ стояли бутылки и банки съ разными настоями. Некому было о немъ доложить: онъ рѣшился войти въ другую комнату, отворилъ двери и увидѣлъ пожилого человѣка, въ изношенномъ халатѣ, сидящаго къ нему задомъ и глубоко занятаго какимъ-то математическимъ вычисленіемъ.

Дубровинъ догадался, что это былъ самъ хозаинъ. Молча стоялъ онъ у дверей, ожидая, чтобы Опальскій кончилъ или оставилъ свою работу; но время проходило, Опальскій не прерывалъ ея. Дубровинъ нарочно закашлялъ, но кашель его не былъ примѣченъ. Онъ шаркалъ ногами,—Опальскій не слышалъ его шарканья. Бѣдность застѣнчива. Дубровинъ находился въ самомъ тяжеломъ положеніи. Онъ думалъ, думалъ и, ни на что не рѣшаясь, вертѣлъ на рукѣ своей перстень: наконецъ, уронилъ его, хотѣлъ подхватить на лету, но только подбилъ, и перстень, перелетѣвъ черезъ голову Опальскаго, упалъ на столъ передъ самымъ его носомъ.

Опальскій вздрогнулъ и вскочилъ съ своихъ креселъ. Онъ глядѣлъ то на перстень, то на Дубровина и не говорилъ ни слова. Онъ взялъ со стола перстень, съ судорожнымъ движеніемъ прижалъ его къ своей груди, остановивъ на Дубровинѣ взоръ, выражавшій попеременно торжество и опасеніе. Дубровинъ глядѣлъ на него съ замѣшательствомъ и любопытствомъ. Онъ былъ высокаго роста; рѣдкіе волосы покрывали его голову, коей обнаженное темя лоснилось; живой румянецъ покрывалъ его щеки; онъ въ одно и то же время казался моложавъ и старообразенъ. Прошло еще нѣсколько мгновеній. Опальскій опустилъ голову и казался погруженнымъ въ размышленіе; наконецъ сложилъ руки, поднялъ глаза къ небу, лице его выразило глубокое смиреніе, безпредѣльную покорность. „Господи, да будетъ воля Твоя!“ сказалъ онъ. „Это вашъ перстень“, продолжалъ Опальскій, обращаясь къ Дубровину: „и я вамъ его возвращаю.... Я могъ бы не возвратить его.... что прикажете?“.

Дубровинъ не зналъ, что думать; но, собравшись съ духомъ, объяснилъ ему свою нужду, прибавя, что въ немъ его единственная надежда.

„Вамъ надобно десять тысячъ“, сказалъ Опальскій, „завтра-же я вамъ ихъ доставлю; что вы еще требуете?“

„Помилуйте“, вскричалъ восхищенный Дубровинъ, „что я могу еще требовать? - Вы возвращаете мнѣ жизнь неожиданнымъ вашимъ

благодѣяніемъ. Какъ мало людей вамъ подобныхъ! Жена, дѣти опять съ хлѣбомъ; я, она до гробовой доски будемъ помнить"....

„Вы ничѣмъ мнѣ не обязаны, прервалъ Опальскій. Я не могу отказать вамъ ни въ какой просьбѣ. Этотъ перстень..... (тутъ лице его снова омрачилось) этотъ перстень даетъ вамъ безпредѣльную власть надо мною......... Давно не видалъ я этого перстня... Онъ былъ моимъ.... но что до этого? Ежели я вамъ болѣе не нуженъ, позвольте мнѣ докончить мою работу: завтра я къ вашимъ услугамъ".

Ѣдучи домой, Дубровинъ былъ въ неописанномъ волненьи. Неожиданная удача, удача, спасающая его отъ неизбѣжной гибели, конечно, его радовала, но нѣкоторыя слова Опальскаго смутили его сердце.—„Что это за перстень? — думалъ онъ. Нѣкогда принадлежалъ онъ Опальскому; мнѣ подарила его жена моя. Какія сношенія были между нею и моимъ благодѣтелемъ? Она его знаетъ! Зачѣмъ же всегда таила отъ меня это знакомство? Когда она съ нимъ познакомилась?" Чѣмъ онъ болѣе думалъ, тѣмъ онъ становился безпокойнѣе; все казалось страннымъ и загадочнымъ Дубровину.

„Опять отказъ?" сказала бѣдная Александра Павловна, видя мужа своего, входящаго съ лицемъ озабоченнымъ и пасмурнымъ. „Боже! что съ нами будетъ!" Но не желая умножить его горести: „утѣшься, прибавила она голосомъ болѣе мирнымъ, „Богъ милостивъ, можетъ быть, мы получимъ помощь откуда не чаемъ".

„Мы счастливѣе, нежели ты думаешь", сказалъ Дубровинъ: „Опальскій даетъ десять тысячъ... Все славу Богу."

„Слава Богу? отчего же ты такъ печаленъ?"

„Такъ... ничего... Ты знаешь этого Опальскаго?"

„Знаю, какъ ты, по слухамъ... но ради Бога..."

„По слухамъ... только по слухамъ.—Скажи, какъ достался тебѣ этотъ перстень?„

„Что за вопросъ! Мнѣ подарила его моя пріятельница Анна Петровна Кузмина, которую ты знаешь: что тутъ удивительнаго?"

Лице Александры Павловны было такъ спокойно, голосъ такъ свободенъ, что всѣ недоумѣнія Дубровина исчезли. Онъ разсказалъ женѣ своей всѣ подробности своего свиданія съ Опальскимъ, признался въ невольной тревогѣ, наполнившей его душу, и Александра Павловна, посердясь немного, съ нимъ помирилась. Между тѣмъ она сгорала любопытствомъ. „Непремѣнно напишу къ Аннѣ Петровнѣ", сказала она. „Какая скрытная! никогда не говорила мнѣ объ

Опальскомъ. Теперь поневолѣ признается, видя, что мы знаемъ уже половину тайны".

На другой день, рано поутру, Опальскій самъ явился къ Дубровину, вручилъ ему обѣщанныя десять тысячъ и на всѣ выраженія благодарности отвѣчалъ вопросомъ: „Что еще прикажете?"

Съ этихъ поръ Опальскій каждое утро пріѣзжалъ къ Дубровину, и „что прикажете" было всегда его первымъ словомъ. Благодарный Дубровинъ не зналъ, какъ отвѣчать ему, наконецъ, привыкъ къ этой странности и не обращалъ на нее вниманія. Однакожъ онъ имѣлъ многіе случаи удостовѣриться, что вопросъ этотъ не былъ одною пустою поговоркою. Дубровинъ разсказалъ ему о своемъ дѣлѣ, и на другой же день явился къ нему стряпчій и подробно освѣдомился о его тяжбѣ, сказавъ, что Опальскій велѣлъ ему хлопотать о ней. Въ самомъ дѣлѣ, она въ скоромъ времени была рѣшена въ пользу Дубровина. Дубровинъ прогуливался однажды съ женою и Опальскимъ по небольшому своему помѣстью. Они остановились у рощи надъ рѣкою, и видъ на деревни, по ней разсыпанныя, на зеленый лугъ, разстилающійся передъ нею на необъятное пространство,—былъ прекрасенъ. „Здѣсь-бы, по настоящему, должно было построить домъ", сказалъ Дубровинъ, „я часто объ этомъ думаю. Хоромы мои плохи, кровля течетъ, надо строить новыя, и гдѣ же лучше?"—На другое утро крестьяне Опальскаго начали свозить лѣсъ на мѣсто, избранное Дубровинымъ, и вскорѣ поднялся красивый, свѣтлый домикъ, въ который Дубровинъ перешелъ съ своимъ семействомъ.

Не буду разсказывать, по какому именно поводу Опальскій помогъ ему развести садъ, запастись тѣмъ и другимъ: дѣло въ томъ, что каждое желаніе Дубровина было тотъ же часъ исполнено.

Опальскій былъ какъ свой у Дубровиныхъ и казался имъ весьма умнымъ и ученымъ человѣкомъ. Онъ очень любилъ хозяина, но иногда выражалъ это чувство довольно страннымъ образомъ. Напримѣръ, сжимая руку облагодѣтельствованному имъ Дубровину, онъ говорилъ ему съ умиленіемъ, отъ котораго навертывались на глазахъ его слезы: „Благодарю васъ, вы ко мнѣ очень снисходительны!"

Анна Петровна отвѣчала на письмо Александры Павловны. Она не понимала ея намековъ, увѣряла, что и во снѣ не видывала никакого Опальскаго, что перстень былъ подаренъ ей одною изъ ея знакомокъ, которой принесъ его дворовый мальчикъ, нашедшій его

на дорогѣ. Такимъ образомъ любопытство Дубровиныхъ осталось неудовлетвореннымъ.

Дубровинъ разспрашивалъ объ Опальскомъ въ его помѣстьѣ. Никому не было извѣстно, гдѣ и какъ онъ провелъ свою молодость; знали только, что онъ родился въ Петербургѣ, былъ въ военной службѣ, наконецъ, лишившись отца и матери, прибылъ въ свои помѣстья. Единственный крѣпостной служитель, находившійся при немъ, скоропостижно умеръ дорогою, а наемный слуга, съ нимъ пріѣхавшій, и котораго онъ тотчасъ отпустилъ, ничего объ немъ не вѣдалъ.

Народные слухи были занимательнѣе. Покойный приходскій дьячекъ разсказывалъ женѣ своей, что однажды, исповѣдуясь въ алтарѣ, Опальскій говорилъ такъ громко, что каждое слово до него доходило. Опальскій каялся въ ужасныхъ преступленіяхъ, въ чернокнижествѣ; признавался, что ему отъ роду 450 лѣтъ, что долгая эта жизнь дана ему въ наказаніе, и неизвѣстно, когда придетъ минута его успокоенія. Многія другія были росказни, однѣ другихъ замысловатѣе и нелѣпѣе; но ничто не объясняло таинственнаго перстня.

Безпрестанно навѣщаемый Опальскимъ, Дубровинъ почиталъ обязанностію навѣщать его по возможности столь же часто. Однажды, не заставъ его дома (Опальскій собиралъ травы въ окрестности), онъ сталъ перебирать лежащія на столѣ его бумаги. Одна рукопись привлекла его вниманіе. Она содержала въ себѣ слѣдующую повѣсть:

„Антоніо родился въ Испаніи. Родители его были люди знатные и богатые. Онъ былъ воспитанъ въ гордости и роскоши: жизнь могла для него быть однимъ долгимъ праздникомъ..... Двѣ страсти — любопытство и любовь—довели его до погибели.

„Несмотря на набожность, въ которой его воспитывали, на ужасъ, внушаемый инквизиціей (это было при Филиппѣ II), рано предался онъ преступнымъ изысканіямъ: тайно бесѣдовалъ съ учеными Жидами, рылся въ кабалистическихъ книгахъ, долго и безуспѣшно; наконецъ, край завѣсы началъ передъ нимъ приподыматься.

„Тутъ увидѣлъ онъ въ первый разъ Донну Марію, прелестную Марію, и позабылъ свои гаданія, чтобы покориться очарованію ея взоровъ. Она замѣтила любовь его и сначала казалась благосклонною, но мало по малу стала холоднѣе и холоднѣе. Антоніо былъ въ отчаяніи, и оно дошло до изступленія, когда онъ увѣрился, что

другой, а именно донъ Педро-де-ла-Савина владѣлъ ея сердцемъ. Съ бѣшенствомъ упрекалъ онъ Марію въ ея перемѣнѣ. Она отвѣчала однѣми шутками; онъ удалился, но не оставилъ надежды обладать ею.

„Онъ снова принялся за свои изысканія, испытывалъ всѣ порядки магическихъ словъ, испытывалъ всѣ чертежи волшебные, пріобщалъ къ показаніямъ ученыхъ собственныя свои догадки, и упрямство его, наконецъ, увѣнчалось несчастнымъ успѣхомъ. Однажды вечеромъ, одинъ въ своемъ покоѣ, онъ испытывалъ новую магическую фигуру. Работа приходила къ концу; онъ провелъ уже послѣднюю линію: напрасно!.... фигура была недѣйствительна. Сердце его кипѣло досадою. Съ горькою внутреннею усмѣшкою онъ увѣнчалъ фигуру безсмысленнымъ своенравнымъ знакомъ. Этого знака не доставало.... Антоніо поднялъ глаза.... Легкій прозрачный духъ стоялъ передъ нимъ, вперивъ на него тусклыя, но пронзительныя свои очи.

„Чего ты хочешь?“ сказалъ онъ ему голосомъ тихимъ и тонкимъ, но отъ котораго кровь застыла въ его сердцѣ и волосы встали у него дыбомъ. Антоніо колебался, но Марія предстала ему со всѣми своими прелестями, съ лицомъ привѣтливымъ, съ глазами полными любовію..... Онъ призвалъ всю смѣлость. „Хочу быть любимъ Маріею“, отвѣчалъ онъ голосомъ твердымъ.

— „Можешь, но съ условіемъ“.

Антоніо задумался. „Согласенъ!“ сказалъ онъ, наконецъ, „но для меня этого мало. Хочу любви Маріи, но хочу власти и знанія: тайна природы будетъ мнѣ открыта?“

— „Будетъ“—отвѣчалъ духъ. „Слѣдуй за своею тѣнью“. Духъ исчезъ. Антоніо всталъ. Тѣнь его чернѣла у дверей. Двери отворились: тѣнь пошла,—Антоніо за нею.

„Антоніо шелъ, какъ безумный, повинуясь безмолвной своей путеводительницѣ. Она привела его въ глубокую уединенную долину и внезапно слилась съ ея мракомъ. Все было тихо, ничто не шевелилось.... Наконецъ, земля подъ нимъ вздрогнула.... Яркіе огни стали вылетать изъ нея одни за другими; вскорѣ наполнился ими воздухъ: они метались около Антонія, метались милліонами; но свѣтъ не разогналъ тьмы, его окружающей. Вдругъ пришли они въ порядокъ и безчисленными правильными рядами окружили его на воздухѣ. „Готовъ ли ты?“ вопросилъ его голосъ, выходящій изъ-подъ земли. „Готовъ“, отвѣчалъ Антоніо.

„Огненная купель передъ нимъ возникла. За нею поднялся безобразный бѣсъ въ жреческомъ одѣяніи. По правую свою руку онъ увидѣлъ огромную вѣдьму, по лѣвую такого же демона.

„Какъ описать ужасный обрядъ, совершенный надъ Антоніемъ, эту уродливую насмѣшку надъ священнѣйшимъ изъ обрядовъ! Вѣдьма и демонъ занимали мѣсто кумы и кума, отрекаясь за неофита Антонія отъ Бога, добра и спасенія; адскій хохотъ раздавался по временамъ вмѣсто пѣнія; страшны были знакомыя слова спасенія, превращенныя въ заклятія гибели. Голова кружилась у Антонія; наконецъ, прежній свистъ раздался; все исчезло. Антоніо упалъ въ обморокъ, утро возвратило ему память, онъ взглянулъ на Божій міръ глазами Демона: такъ онъ постигнулъ тайну природы, ужасную, безполезную тайну; онъ чувствовалъ, что все ему вѣдомо и подвластно, и это чувство было адскимъ мученіемъ. Онъ старался заглушить его, думая о Маріи.

„Онъ увидѣлъ Марію. Глаза ея обращались къ нему съ любовію; шли дни,—и скорый бракъ долженъ былъ соединить ихъ навѣки.

„Лаская Марію, Антоніо не оставлялъ свои кабалистическія занятія; онъ трудился надъ составленіемъ талисмана, которымъ хотѣлъ укрѣпить свое владычество надъ жизнью и природой; онъ хотѣлъ подѣлиться съ Маріей выгодами, за которыя заплатилъ душевнымъ спасеніемъ, и вылилъ этотъ перстень, впослѣдствіи послужившій ему наказаніемъ, быть можетъ, легкимъ въ сравненіи съ его преступленіями.

„Антоніо подарилъ его Маріи; онъ ей открылъ тайную его силу. „Отнынѣ нахожусь я въ совершенномъ твоемъ подданствѣ", сказалъ онъ ей: „какъ все земное, я самъ подвластенъ этому перстню; не употребляй во зло моей довѣренности; люби, о люби меня, моя Марія."

„Напрасно. На другой же день онъ нашелъ ее сидящею рядомъ съ его соперникомъ. На рукѣ его былъ магическій перстень. „Что, проклятый чернокнижникъ", закричалъ Донъ-Педро, увидя входящаго Антонія: „ты хотѣлъ разлучить меня съ Маріей, но попалъ въ собственныя сѣти. Вонъ отсюда! жди меня въ передней!"

„Антоніо долженъ былъ повиноваться. Какимъ униженіямъ подвергнулъ его Донъ-Педро! Онъ исполнялъ у него самыя тяжелыя рабскія службы. Марія стала супругою его повелителя. Одно горестное утѣшеніе оставалось Антонію: видѣть Марію, которую

любилъ, несмотря на ужасную ея измѣну. Донъ-Педро это замѣтилъ: „Ты слишкомъ заглядываешься на жену мою", сказалъ онъ. „Присутствіе твое мнѣ надоѣло: я тебя отпускаю". Удаляясь, Антоніо остановился у порога, чтобы еще разъ взглянуть на Марію. „Ты еще здѣсь?" закричалъ Донъ-Педро: „ступай, ступай, не останавливайся!"

„Роковыя слова! Антоніо пошелъ, но не могъ уже остановиться; двадцать разъ въ продолженіе ста пятидесяти лѣтъ обошелъ онъ землю. Грудь его давила усталость; голодъ грызъ его внутренности: Антоніо призывалъ смерть, но она была глуха къ его моленіямъ; Антоніо не умиралъ, и ноги его все шагали. „Постой!" закричалъ ему, наконецъ, какой-то голосъ. Антоніо остановился, къ нему подошелъ молодой путешественникъ. „Куда ведетъ эта дорога?" спросилъ онъ его, указывая направо рукой, на которой Антоніо увидѣлъ свой перстень. „Туда-то....." отвѣчалъ Антоніо. „Благодарю", сказалъ учтиво путешественникъ и остановилъ его. Антоніо отдыхалъ отъ полуторавѣковаго похода, но скоро замѣтилъ, что положеніе его не было лучше прежняго: онъ не могъ ступить съ мѣста, на которомъ остановился. Вяла трава, обнажались деревья, стыли воды, зимніе снѣга падали на его голову, морозы сжимали воздухъ,— Антоніо стоялъ неподвижно. Природа оживлялась, у ногъ его таялъ снѣгъ, цвѣли луга, жаркое солнце палило его темя.... Онъ стоялъ, мучился адскою жаждою, и смерть не прерывала его мученія. Пятьдесятъ лѣтъ провелъ онъ такимъ образомъ. Случай освобождалъ его отъ одной казни, чтобы подвергнуть другой, тягчайшей. Наконецъ...."

Здѣсь прерывалась рукопись. Всего страннѣе было сходство нѣкоторыхъ ея подробностей съ народными слухами объ Опальскомъ. Дубровинъ нисколько не вѣрилъ колдовству. Онъ терялся въ догадкахъ. „Какъ я глупъ", подумалъ онъ напослѣдокъ: „это переводъ какой-нибудь изъ этихъ модныхъ повѣстей, въ которыхъ чепуху выдаютъ за геніальное своенравіе".

Онъ остался при этой мысли; прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ, Опальскій, являвшійся ежедневно къ Дубровину, не пріѣхалъ въ обыкновенное свое время. Дубровинъ послалъ его провѣдать. Опальскій былъ очень боленъ.

Дубровинъ готовился ѣхать къ своему благодѣтелю, но въ ту же минуту остановилась у крыльца его повозка.

„Марья Петровна, вы ли это?" вскричала Александра Павловна, обнимая вошедшую довольно пожилую женщину. „Какими судьбами?"

— „Ѣду въ Москву, моя милая, и, хотя ты 70 верстъ въ сторонѣ, заѣхала съ тобой повидаться. Вотъ тебѣ дочь моя, Дашенька," прибавила она, указывая на пригожую дѣвицу, вошедшую вмѣстѣ съ нею. „Не узнаешь? ты оставила ее почти ребенкомъ. Здравствуйте, Владиміръ Ивановичъ, привелъ Богъ еще разъ увидѣться!"

Марья Петровна была давняя дорогая пріятельница Дубровиныхъ. Хозяева и гости сѣли. Стали вспоминать старину; мало по малу дошли и до настоящаго. „Какой у васъ прекрасный домъ", сказала Марья Петровна, „вы живете господами". — „Слава Богу!" отвѣчала Александра Павловна, „а чуть было не пошли по міру. Спасибо этому доброму Опальскому". — „И моему перстню", прибавилъ Владиміръ Ивановичъ. — „Какому Опальскому? какому перстню? вскричала Марья Петровна. Я знала одного Опальскаго: помню и перстень.... Да нельзя ли мнѣ его видѣть?"

Дубровинъ подалъ ей перстень. „Тотъ самый", продолжала Марья Петровна: „перстень этотъ мой, я потеряла его назадъ тому лѣтъ восемь.... О, этотъ перстень напоминаетъ мнѣ много проказъ! Да что за чудеса были съ вами?" Дубровинъ глядѣлъ на нее съ удивленіемъ, но передалъ ей свою повѣсть въ томъ видѣ, въ какомъ мы представляемъ ее и нашимъ читателямъ. Марья Петровна помирала со смѣху.

Все объяснилось. Марья Петровна была Донна Марія, а самъ Опальскій, превращенный изъ Антона въ Антоніо, страдальцемъ таинственной повѣсти. Вотъ какъ было дѣло: полкъ, въ которомъ служилъ Опальскій, стоялъ нѣкогда въ ихъ околоткѣ. Марья Петровна была то время молодой прекрасной дѣвицей. Опальскій, который тогда уже былъ нѣсколько слабъ головою, увидѣлъ ее въ первый разъ на святкахъ одѣтою Испанкой, влюбился въ нее и даже начиналъ ей нравиться, когда она замѣтила, что мысли его были не совершенно здравы: разговоръ о таинствахъ природы, сочиненія Эккартсгаузена навели Опальскаго на предметъ его помѣшательства, котораго до той поры не подозрѣвали самые его товарищи. Это открытіе было для него пагубно. Всеобщія шутки развили несчастную наклонность его воображенія; но онъ совершенно лишился ума, когда замѣтилъ, что Марья Петровна благосклонно слушаетъ одного изъ его сослуживцевъ, Петра Ивановича Савина (Донъ-Педро-де-ла-Савина), за котораго она и вышла потомъ замужъ. Онъ рѣшительно предался магіи. Офицеры и нѣкоторые изъ сосѣдственныхъ дворянъ выдумали непростительную шутку, описанную въ

рукописи: дворовый мальчикъ явился духомъ, Опальскій до извѣстнаго мѣста въ самомъ дѣлѣ слѣдовалъ за своею тѣнью. На это употребили очень простой способъ: сзади его несли фонарь. Марья Петровна въ то время была довольно вѣтрена и рада случаю посмѣяться. Она согласилась притвориться въ него влюбленною. Онъ подарилъ ей свой таинственный перстень; посредствомъ его разнымъ образомъ издѣвались надъ бѣднымъ чародѣемъ: то посылали его верстъ за двадцать пѣшкомъ съ какимъ-нибудь порученьемъ, то заставляли простоять цѣлый день на морозѣ; всего разсказывать не нужно: читатель догадается, какъ онъ пересоздалъ всѣ эти случаи своимъ воображеніемъ, и какъ тяжелыя минуты казались ему годами. Наконецъ, Марья Петровна надъ нимъ сжалилась, приказала ему выйти въ отставку, ѣхать въ деревню и въ ней жить какъ можно уединеннѣе.

„Возьмите же вашъ перстень", сказалъ Дубровинъ: „съ чужаго коня и среди грязи долой". — „И, батюшка, что мнѣ въ немъ?" отвѣчала Марья Петровна. — „Не шутите имъ", прервала Александра Павловна, „онъ принесъ намъ много счастья: можетъ быть, и съ вами будетъ то же." — „Я колдовству не вѣрю, моя милая, а ежели уже на то пошло, отдайте его Дашенькѣ: ея бѣдѣ одно чудо поможетъ."

Дубровины знали, въ чемъ было дѣло: Дашенька была влюблена въ одного молодого человѣка, тоже страстно въ нее влюбленнаго, но Дашенька была небогатая дворяночка, а родные его не хотѣли слышать объ этой свадьбѣ; оба равно тосковали, а дѣлать было нечего.

Тутъ прискакалъ посланный отъ Опальскаго и сказалъ Дубровину, что его баринъ желаетъ какъ можно скорѣе его видѣть. „Каковъ Антонъ Исаичъ? спросилъ Дубровинъ. — „Слава Богу", отвѣчалъ слуга: „вчера вечеромъ и даже сегодня утромъ было очень дурно, но теперь онъ здоровъ и спокоенъ."

Дубровинъ оставилъ своихъ гостей и поѣхалъ къ Опальскому. Онъ нашелъ его лежащаго въ постели. Лицо его выражало страданіе, но взоръ былъ ясенъ. Онъ съ чувствомъ пожалъ руку Дубровина: „Любезный Дубровинъ", сказалъ онъ ему, „кончина моя приближается: мнѣ предвѣщаетъ ее внезапная ясность моихъ мыслей. Отъ какого ужаснаго сна я проснулся!.... Вы вѣрно замѣтили разстройство моего воображенія.... Благодарю васъ: вы не употребили его во зло, какъ другіе,—вы утѣшили вашею дружбою бѣднаго безумца!..."

Онъ остановился, и замѣтно было, что долгая рѣчь его утомила. „Преступленія мои велики“, продолжалъ онъ послѣ долгаго молчанія. „Такъ! хотя воображеніе мое было разстроено, я вѣдалъ, что я дѣлаю: я знаю, что я продалъ вѣчное блаженство за временное..... Но и мечтательныя страданія мои были велики! Ихъ возложитъ на вѣсы свои Богъ милосердый и праведный“.

Вошелъ священникъ, за которымъ было послано въ то же время, какъ и за Дубровинымъ. Дубровинъ оставилъ его наединѣ съ Опальскимъ.

„Онъ скончался“, сказалъ священникъ, выходя изъ комнаты, „но успѣлъ совершить обязанности христіанина. Господи, пріими духъ его съ миромъ!“

Опальскій умеръ. По истеченіи законнаго срока, пересмотрѣли его бумаги и нашли завѣщаніе. Не имѣя наслѣдниковъ, онъ отдалъ имѣніе свое Дубровину, то называя его по имени, то означая его владѣтелемъ такого-то перстня; словомъ, завѣщаніе было написано такимъ образомъ, что Дубровинъ и владѣтель перстня могли имѣть безконечную тяжбу.

Дубровины и Дашенька, тогдашняя владѣтельница перстня, между собою не ссорились и раздѣлили поровну неожиданное богатство.—Дашенька вышла замужъ по выбору сердца и поселилась въ сосѣдствѣ Дубровиныхъ. Оба семейства не забываютъ Опальскаго, ежегодно совершаютъ по немъ панихиду и молятъ Бога помиловать душу ихъ благодѣтеля.

1820 г.

О Заблужденіяхъ и Истинѣ.

Что называемъ мы заблужденіемъ? что называемъ мы истиной? Я не говорю объ истинахъ историческихъ, математическихъ или нравственныхъ; нѣтъ, я говорю о минутныхъ соображеніяхъ разума, основанныхъ на какихъ-либо мнѣніяхъ, почитаемыхъ нами за истинныя, вслѣдствіе которыхъ мы такъ или иначе принимаемъ впечатлѣнія окружающихъ насъ предметовъ. Я спрашиваю: почему одни впечатлѣнія, или родившіяся отъ нихъ мысли, мы называемъ истинными, а другія ложными?

Ежели въ прекрасный вечеръ, смотря на заходящее солнце, послѣдними лучами озлащающее зеленые холмы,—полный тихимъ спокойствіемъ засыпающей природы, я воскликну въ минуту восторга: какъ величественно, какъ прекрасно твореніе!—никто не подумаетъ назвать заблужденіемъ чувство, которое заставило меня изъясниться такимъ образомъ.—Дитя ловитъ бабочку и, поймавъ ее, восклицаетъ: какъ прекрасна бабочка! какъ я радъ, что поймалъ ее!—Мы говоримъ съ чувствомъ собственнаго превосходства: прелестный возрастъ! бабочка составляетъ твое счастіе; но придетъ время, и заблужденіе исчезнетъ!

Почему заблужденіе? потому ли, что оно проходчиво? Но что же въ мірѣ не проходчиво? Природа въ цѣломъ не существуетъ для дитяти: въ ней существуетъ для него только бабочка; насъ восхищаетъ Природа, но бабочка уже для насъ не существуетъ. Много ли мы выиграли въ обманѣ? и кто поручится, что мы теперь видимъ яснѣе, нежели видѣли прежде?

Молодость называютъ временемъ слѣпоты и заблужденій; самовластная старость умѣла опредѣлить ее такимъ образомъ: Юноши, говоритъ намъ ворчунья, страсти ослѣпляютъ васъ; мечты

ваши украшаютъ всѣ предметы; воображеніе устилаетъ цвѣтами бездну, готовую разступиться подъ стопами вашими; но поживите съ мое, и вы увидите истину безъ покрова.

Бабушка, я бы отвѣчалъ ей: твои уроки мнѣ бы досадили въ другое время, но сегодня я не расположенъ сердиться и тебѣ совѣтую отвыкнуть отъ твоего брюзгливаго ворчанья. Но послушай: глаза твои слабѣютъ, а ты хочешь лучше меня видѣть! Чувства твои завяли,—а ты хочешь лучше меня чувствовать! Какъ? потому, что годы, лишивъ тебя зрѣнія, накинули мрачное покрывало на окружающіе тебя предметы, я долженъ вѣрить, что они въ самомъ дѣлѣ одѣты туманомъ! Какъ, потому, что твое воображеніе угасло, я назову мечтательными цвѣты, которые вижу при свѣтѣ собственнаго воображенія! Я не могу сомнѣваться въ ихъ существованіи потому, что ихъ вижу, а вижу потому, что имѣю хорошее зрѣніе. Ты лишена и глазъ, и чувства; займи ихъ у меня, моя милая, и ты почувствуешь всю вѣтреность твоихъ заключеній.

Я думала, какъ ты, въ твои лѣта, мнѣ отвѣчаетъ старушка: опытъ разрушилъ мои воздушные замки; годы отнимаютъ глаза, но дѣлаютъ зоркимъ разсудокъ.

Я не знаю, что ты понимаешь подъ словомъ разсудокъ? Я думаю, что это ничто иное, какъ то чувство, которое, вслѣдствіе пріобрѣтенныхъ мною понятій чрезъ различныя впечатлѣнія, заставляетъ меня видѣть предметы въ томъ порядкѣ, въ какомъ я въ сію минуту ихъ вижу. И могу ли я ихъ видѣть иначе? Могу ли отдѣлять отъ себя мечты и страсти, составляющія необходимую часть самого меня? Ты мнѣ говоришь объ опытѣ; но я не знаю еще, что такое опытъ. Онъ или прибавитъ что-нибудь къ существу моему, или уничтожитъ нѣкоторую часть его: въ обоихъ случаяхъ я перестану быть самимъ собою,—я перемѣнюсь одинъ, предметы не перемѣнятся. И зачѣмъ мнѣ промѣнять мечты свои на твой разсудокъ?—Ты сказала въ какой-то книгѣ: суди о человѣкѣ по его поступкамъ,—нельзя ли сказать тоже: суди о правилахъ по ихъ послѣдствіямъ?—Суди же, моя радость: ты печальна, а я веселъ; ты подозрительна, а я довѣрчивъ; ты сердишься и кашляешь, а я смѣюсь и напѣваю шутливую пѣсню; я умнѣе потому, что счастливѣе.

Но было время, когда ты строилъ карточные замки, забавлялся восковою куклою, снаряжалъ бумажные корабли: игрушки для тебя уже стали игрушками; скоро и мечты для тебя будутъ мечтами.

Не спорю! Но со временемъ я и самъ умру—всему есть границы; но не замки изъ мраморныхъ превратились въ карточные, не корабли изъ деревянныхъ превратились въ бумажные: я одинъ лишился чувства, которое или меня обманывало, или заставляло лучше видѣть; по крайней мѣрѣ, наслажденія были истинными.

Ты нечаянно согласился, что есть предметы, существующіе для одного только воображенія, слѣдственно, мечтательные.

Мечтательные потому, что существуютъ для одного только воображенія! Забавное заключеніе! Почему довѣрять одному чувству болѣе, нежели другому? Звуки существуютъ для одного только слуха; слѣдственно, звуки не существуютъ! Неужели Природа дѣлаетъ что-нибудь безъ цѣли? Воображеніе есть такое же свойство, какъ и другія свойства. Ты скажешь, что оно измѣняетъ намъ прежде, нежели другія способности; что опытъ разрушаетъ призраки его. Согласенъ; но мы нѣсколько позже лишаемся зрѣнія, слуха, иногда и разума. Не все ли равно лишиться физически способности видѣть или метафизически—способности воображать?—Ты говоришь, что меня обманываютъ мечты мои; я въ правѣ сказать, что тебя обманываютъ твои умозрѣнія. Послушай: дѣтство забавляется игрушками, юность забавляется мечтами, старость забавно важничаетъ мнимою своею мудростію, и каждый играетъ свойственною ему игрушкою.

Я нѣсколько отдалился отъ своего предмета; по крайней мѣрѣ, вы видѣли, что невозможно заставить человѣка перемѣнить свои мысли, не заставивъ его самого перемѣниться, т. е. что-нибудь потерять или что-нибудь пріобрѣсти.—Остается опредѣлить: въ какихъ точно случаяхъ мы пріобрѣтаемъ и въ какихъ лишаемся. Я ничего не утверждаю и потому сдѣлаю только нѣсколько вопросовъ.

Что вы почитаете вѣрнѣйшимъ способомъ къ отысканію истины?—Разсудокъ и опытъ.—Согласенъ.—Но положимъ, что вы имѣли одни только горестные опыты, что въ дѣтствѣ вы зависѣли отъ своенравнаго наставника; что въ юности вамъ измѣнила любовница, измѣнилъ другъ, измѣнила надежда; что въ старости вы остались одинокимъ и печальнымъ.—Какъ вы опишете жизнь? Дѣтство для васъ будетъ временемъ рабства и безсилія; юность—временемъ мятежныхъ сновъ и безумныхъ желаній; старость—торжественнымъ срокомъ, когда является истина и съ насмѣшкой погашаетъ свѣчу въ Китайскомъ фонарѣ воображенія.—Относительно къ

себѣ, вы совершенно правы; напротивъ, въ дѣтствѣ я ничего не зналъ, кромѣ радостей: добрая мать мнѣ была снисходительною наставницею. Теперь имѣю веселыхъ, любезныхъ друзей, всею душою мнѣ преданныхъ; быть можетъ, буду еще имѣть подругу милую и вѣрную; надѣюсь, что старость моя согрѣется воспоминаніями о прежней разнообразной, полной жизни; что и въ преклонныхъ лѣтахъ сохраню еще любовь къ прекрасному, хотя не такъ живо его буду чувствовать; что сквозь очки еще съ наслажденіемъ буду смотрѣть на румяную молодость, а подчасъ и самъ буду забавлять ее разсказами про старое время.—Положимъ, что такова будетъ жизнь моя; не правда ли, что, подобно вамъ, руководствуясь разсудкомъ и опытомъ, я сдѣлаю заключеніе совершенно противное вашему? и не будемъ ли мы здраво судить каждый въ свою очередь?

Ежели вѣтреная молодость все разрушаетъ, все очаровываетъ блестящимъ своимъ воображеніемъ,—брюзгливая старость не слишкомъ ли все очерняетъ своею холодною недовѣрчивостію? и есть ли минута въ жизни, въ которую мы совершенно чужды того или другого предубѣжденія?

Въ какомъ случаѣ мы пріобрѣтаемъ и въ какомъ лишаемся? Истина, ежели въ самомъ дѣлѣ есть какое-то отвлеченное благо, которое мы называемъ истиною, не должна ли быть нѣкоторымъ верховнымъ наслажденіемъ, способнымъ замѣнить намъ всѣ прочія мечтательныя или, лучше сказать, недостаточныя наслажденія? Но мы видимъ совершенно противное. Мы теряемъ, удостовѣряясь въ томъ, что привыкли называть истиною; мы уважаемъ аксіомы опыта и между тѣмъ часто сожалѣемъ о прелестныхъ заблужденіяхъ, которыя нѣкогда составляли наше счастье.

Старость имѣетъ только то преимущество передъ молодостію, что приходитъ послѣ; она ко всему равнодушна потому, что не имѣетъ страстей; она видитъ вчернѣ всѣ предметы потому, что неспособна ихъ видѣть иначе; она изъ всего выводитъ печальныя заключенія потому, что сама печальна и, не бывъ еще лишена способности мыслить, должна присвоить себѣ какія-либо мнѣнія. Но кто поручится за ихъ безпристрастіе?

Мы называемъ старость временемъ благоразумія и мудрости. Но положимъ, что она же со всею своею опытностію будетъ первымъ періодомъ нашей жизни, что за нею послѣдуетъ мужество, юность, наконецъ и дѣтство. Старецъ, чувствуя новую жизнь, про-

ливающуюся въ его сердце, новыя ясныя мысли, которыя мало по малу освѣжаютъ его голову и разглаживаютъ морщины на челѣ его,—не заключитъ ли довольно правдоподобно, что существо его начинаетъ усовершенствоваться? Онъ слышитъ голосъ славы и честолюбія, летитъ на поле брани, спѣшитъ въ совѣтъ къ согражданамъ; онъ снова знакомится съ прежними мечтами и думаетъ: я опровергалъ разсудкомъ то, что теперь ясно понимаю посредствомъ страстей и воображенія; я заблуждался, но время открываетъ истину.—Приходитъ и пора любви; онъ видитъ прекрасную женщину и удивляется, что до сихъ поръ не примѣчалъ, что существуютъ женщины; онъ во многихъ предметахъ усматриваетъ то, чего не усматривалъ до послѣдней минуты. Онъ вспоминаетъ прежнія свои предубѣжденія и думаетъ: Безумецъ! я хотѣлъ понять холоднымъ разумомъ то, что можно только понять сердцемъ и чувствомъ: ясно вижу свое заблужденіе. Наконецъ, въ дѣтствѣ, пуская мыльные пузыри, онъ скажетъ, увидя за книгою старика—новаго жителя міра: посмотри, это гораздо полезнѣе твоей книги.

Въ заключеніяхъ чудака, переходящаго отъ старости къ дѣтству, вы найдете почти болѣе логики, нежели въ заключеніяхъ отрока, переходящаго отъ дѣтства къ старости.

Поэтому нѣтъ истины? Кто вамъ говоритъ что-нибудь подобное? Но истина не есть ли вещь до крайности относительная? Каждый возрастъ, каждая минута нашей жизни не имѣетъ ли собственныя, ей одной свойственныя истины? Предметы, насъ окружающіе, не также ли относятся къ нашему разсудку, какъ солнечные лучи ко внутреннему расположенію нашихъ глазъ? Не безумно ли отречься отъ пріятнаго чувства потому только, что другіе называютъ его заблужденіемъ? Не безумно ли называть человѣка безразсуднымъ потому только, что поступки его намъ кажутся безрасудными? Не странно ли писать разсужденіе объ истинѣ, когда доказываешь, что каждый изъ насъ имѣетъ собственныя свои истины?

1824 г.

Исторія кокетства.

Венера почитается матерью богини кокетства. Отцомъ ея называютъ и Меркурія, и Аполлона, и Марса, и даже Вулкана. Говорятъ, что, передъ ея рожденіемъ, непостоянная Киприда была въ равно короткой связи со всѣми ими и, разрѣшившись отъ бремени, каждаго поздравила на ухо счастливымъ отцомъ новорожденной богини.

Малютка, въ самомъ дѣлѣ, съ каждымъ имѣла сходство. Вообще была она подобіемъ своей матери; но въ глазахъ ея, несмотря на ихъ нѣжность и томность, было что-то лукавое, принадлежащее Меркурію. Тонкимъ вкусомъ и живымъ воображеніемъ казалась она обязанною Аполлону. Марсу нравились ея свободныя движенія, доказывающія, по словамъ его, что отецъ ея былъ человѣкъ военный; добрый же Вулканъ не обнаруживалъ своихъ замѣчаній, но ласкалъ малютку съ истинно-родительской нѣжностію.

Всѣ они имѣли одинакое право принимать нѣкоторое участіе въ будущей судьбѣ новой богини, съ равнымъ усердіемъ старались о ея воспитаніи. Жители Олимпа удивлялись быстрымъ ея успѣхамъ и превозносили необыкновенныя ея дарованія. Одна Паллада усмѣхалась имъ подозрительно, да иногда Амуръ поглядывалъ на молодую богиню съ видомъ безпокойства и недовѣрчивости.

Многіе недостатки были въ ней замѣтны, особенно непомѣрное тщеславіе. Она болѣе любила высказывать свои знанія, нежели любила самыя науки; въ угодительномъ ея обхожденіи съ богами было болѣе желанія казаться любезною, нежели истиннаго благонравія. Ко всему она имѣла нѣкоторое расположеніе, ни къ чему настоящей склонности, и потому никѣмъ и ничѣмъ не могла заниматься долго. Непостоянство ея, можетъ быть, происходило отъ

ея Генеалогіи, но усовершенствовалось своевольнымъ ея воспитаніемъ. „Наставники ея недальновидны", говорила иногда Паллада (которая кстати и не кстати любила-таки похвастать своимъ глубокомысліемъ и мѣрною прозою произносить торжественныя изреченія), наставники ея недальновидны: поверхностное обо всемъ понятіе составитъ удивительный хаосъ въ головѣ ея. Они стараются усовершенствовать ея дарованія, образовать вкусъ и развить воображеніе, но некому просвѣтить ея разума и наставить сердце. По моему, она не доставитъ особенной чести Олимпу".

Давно уже достигнувъ совершеннолѣтія, пресытясь однообразными похвалами боговъ ея остроумію, красотѣ и любезности, можетъ быть, нѣсколько завидуя Граціямъ, помраченнымъ ею сначала, но которымъ мало-по-малу стали отдавать справедливость, новая богиня упала къ ногамъ Юпитера и выпросила себѣ дозволеніе переселиться на землю.

Въ послѣдній день ея пребыванія на Олимпѣ пригласила она боговъ на прощальное пиршество. Привѣтливость ея при угощеніи, соединенная съ нѣкоторою задумчивостію, тронула безсмертныхъ; всѣ оставили ее съ нѣкоторою грустію; правда, каждому изъ нихъ дала она почувствовать, что одна разлука съ нимъ заставляетъ ее жалѣть объ Олимпѣ.

Богиня сначала поселилась въ Греціи, однакожъ не имѣла въ ней храмовъ. Народы, принявшіе ее за любезность, поздно замѣтили свою ошибку и стали подозрѣвать существованіе новой богини. Въ обхожденіи нѣкоторыхъ прелестницъ, въ блестящихъ, но неосновательныхъ сочиненіяхъ многихъ софистовъ ощутительно стало ея вліяніе. Раздоры, возгорѣвшіеся между наслѣдниками Александра Македонскаго, раздоры, наполнившіе Грецію ужасомъ и кровію, отвлекли ихъ вниманіе, и самую богиню принудили искать другого убѣжища: она переселилась въ Римъ.

Худо ее приняли въ Римѣ. Изнѣженность ея нрава и слишкомъ вольное обращеніе не полюбилось строгимъ республиканцамъ. При тріумвирахъ было ей лучше, но немногимъ: *буйный развратъ* столько же противорѣчилъ ея свойству, сколько чрезмѣрно строгіе обычаи.

Дикія племена, завоевавшія Римъ, изгнали ее изъ сей столицы вселенной. Здѣсь исторія ея становится темною: иные говорятъ, что, до самаго ея возвращенія въ Европу, странствовала она по Азіи и Африкѣ; другіе, что она провела это время въ уединеніи, придумывая способы для будущаго своего величія.

Какъ бы то ни было, но въ XVIII вѣкѣ торжественно явилась она въ Италіи и во Франціи съ молодою, прелестною дочерью, не уступающею своей матери въ непостоянствѣ, своенравіи и проворствѣ: дочь сія была Мода. Подобно Юпитеру, отцу Паллады, богиня зачала ее въ головѣ своей и также счастливо разрѣшилась отъ бремени. Народы приняли ее съ восторгомъ. Воздвиглися храмы, и воскурились жертвы. Обрадованная усердіемъ Галловъ, богиня основала свое пребываніе между ними.

На берегахъ Сены, посреди великолѣпнаго сада, возвышается столичный храмъ ея. Витыя золотыя колонны поддерживаютъ его куполъ. На барельефахъ изображены разныя двусмысленныя аллегоріи, понынѣ еще неразгаданныя, напримѣръ: въ одномъ мѣстѣ представлена она подающею руку Амуру, вмѣсто дурачества, которому грозитъ пальцемъ, чтобъ оно молчало; въ другомъ—побѣждающею богиню красоты; въ третьемъ — наряжающею Грацій и проч. Многіе приняли сіи аллегоріи въ выгодномъ значеніи для богини, другіе совершенно напротивъ. Кто-вѣсть, говорили они, какой путеводитель выгоднѣе для Амура: дурачество увлекало его силою, кокетство завлекаетъ обманомъ. Что лучше? Искусство превышаетъ природу! Жаль, ежели это правда! Наряженныя Граціи похожи на прелестницъ, и тому подобное. Внутри храма, въ зеркальной, освѣщенной кенкетами залѣ таится непонятная богиня. Мечты блестящія, но почти неимѣющія образа (такъ быстро онѣ переходятъ изъ одного въ другой), вьются, волнуются передъ нею. Мусикійскія орудія, отличительные знаки всѣхъ искусствъ, разныя игрушки, выдуманныя прихотью, небрежно около ея разбросаны. Тутъ-то проводитъ она время, примѣряя наряды, вымышленныя ея дочерью, и пріучая лицо свое къ разнаго рода выраженіямъ. Въ извѣстные дни принимаетъ она своихъ обожателей и издаетъ свои прорицанія; ласковость ея обхожденія привлекаетъ каждаго; разнообразныя дарованія, полученныя ею отъ Олимпійскихъ ея наставниковъ, заслужили ей уваженіе людей всякаго состоянія, всякихъ понятій, всякаго нрава: даже два великіе, хотя разнородные, генія послѣдняго времени, Фридрихъ III и Вольтеръ, не пренебрегали ея совѣтами. Не говорю уже о женщинахъ: кокетство можно назвать политикою прекраснаго пола.

По прошествіи нѣкотораго времени, богиня замѣтила однакожъ разительное охлажденіе въ мужской половинѣ своихъ поклонниковъ. Ужасъ объялъ ея сердце; но умъ ея, богатый вымыслами, скоро

внушилъ ей способъ оживить ихъ усердіе. Она удвоила свою привѣтливость, даже казалась нѣжною наединѣ со многими. Новаго рода надежда закралась въ ихъ сердце и совершенно его взволновала, когда въ пріемной залѣ богини увидѣли посѣтители нѣсколько новыхъ картинъ довольно замѣчательнаго содержанія. На нихъ изображены были нѣкоторыя приключенія жителей Олимпа, гдѣ они являлись довольно благосклонными къ бѣднымъ смертнымъ: Діана, посѣщающая Эндиміона; Киприда, ласкающая Адониса, и пр. Внизу надписано было: *Для любви не существуетъ разницы между смертными и богами.* Хитрость сія удалась богинѣ: охлажденные поклонники превратились въ пламенныхъ искателей; и хотя никому еще не сдержала она нѣжнаго своего обѣщанія, но всѣ надѣются, что она сдержитъ его нѣкогда, и храмъ ея никогда не бываетъ празденъ.

Ученый антикварій, собравшій матерьялы для сей достовѣрной исторіи, собралъ ихъ прежде Французской революціи и, сдѣлавшись жертвою ея, не могъ продолжать занимательнаго труда своего. Если вѣрить слухамъ, то ужасы возмущенія сильно и благодѣтельно подѣйствовали на сердце богини; говорятъ, что она отреклась отъ божества своего и даже сама сдѣлалась набожною. Живетъ уединенно, читаетъ полезныя книги и вздыхаетъ о прежнихъ своихъ заблужденіяхъ. Время покажетъ, справедливы ли сіи слухи, и чистосердечно ли ея обращеніе.

1827 г.

Таврида.

А. Муравьева. М. 1827 г. in 12, 148 стр.

Полезна критика строгая, а не ѣдкая. Тотъ не любитъ искусства, кто разбираетъ произведеніе съ эпиграмматическимъ остроуміемъ. Болѣе или менѣе отзываясь недоброжелательствомъ, оно заставляетъ подозрѣвать критика въ пристрастіи и удаляетъ его отъ настоящей его цѣли: увѣрить читателя въ справедливости своего мнѣнія. Еще замѣчу, что, разбирая сочиненіе, не одной публикѣ, но и автору (разумѣется, ежели онъ имѣетъ дарованіе) нужно показать его недостатки, а этого никогда не достигнешь, ежели будешь расточать болѣе насмѣшки, нежели доказательства, болѣе будешь стараться пристыдить, нежели убѣдить сочинителя.

Ежели строго разбирать стихотворенія Г-на Муравьева, конечно, многое и очень многое найдешь достойнымъ осужденія; но въ тó же время увидишь красоты, ручающіяся за истинное дарованіе. Г-нъ Муравьевъ поэтъ неопытный, но Поэтъ—и это главное. Во всѣхъ его пьесахъ небрежность слога доведена до крайности; но почти во всѣхъ ощутительно возвышенное вдохновеніе. Онъ еще не написалъ ничего истинно хорошаго, но подаетъ прекрасныя надежды.

Книга Г-на Муравьева заключаетъ въ себѣ описательную поэму, подъ названіемъ *Таврида,* и нѣсколько мелкихъ стихотвореній.

Таврида—произведеніе совершенно ученическое. Созданіе ея бѣдно или, лучше сказать, въ ней нѣтъ никакого созданія. Это риторическое распространеніе двухъ стиховъ Пушкина въ Бахчисарайскомъ Фонтанѣ:

Гдѣ скрылись ханы? гдѣ гаремъ?
Кругомъ все пусто, все уныло...

Ежели мы прибавимъ, что въ Поэмѣ Г-на Муравьева нѣтъ ни одной строфы, сначала до конца написанной истинно хорошими стихами, достоинство ея будетъ весьма не велико. Таврида, кажется, первый опытъ Г-на Муравьева; но ежели въ ней еще не видно искусства, то видны уже силы. Таврида писана небрежно, но не вяло. Неточныя ея описанія иногда ярки, и необработанные стихи иногда дышатъ какимъ-то безпокойствомъ, похожимъ на вдохновеніе. Не привожу примѣровъ, ибо сказанное мною чувствительнѣе въ цѣломъ сочиненіи, нежели въ его частностяхъ.

Въ мелкихъ стихотвореніяхъ дарованіе г-на Муравьева гораздо зрѣлѣе. Каждая пьеса уже заключаетъ въ себѣ болѣе или менѣе полное созданіе, и отъ времени до времени встрѣчаются прекрасные стихи. Приведемъ отрывокъ изъ стихотворенія „Ермакъ", которое одно изъ хорошихъ въ разбираемой нами книгѣ. Остякъ разсказываетъ путнику о завоеваніи Сибири, по темнымъ преданіямъ, сохранившимся въ его племени.

Вотъ видишь, путникъ: много, много
Прошло холодныхъ, бурныхъ зимъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ бранною тревогой
Иртышъ великій былъ грозимъ.
Отколь? зачѣмъ? я не открою;
Но бурной вьюгой притекли
Сюда, къ убійственному бою,
Другого племя остяки:
Они другъ друга убивали,
Вездѣ лишь кровь текла одна;
Снѣга съ полей ужь не смывали
Войны багроваго пятна.
И вотъ однажды ночь застала
Здѣсь, на Иртышскихъ берегахъ,
Пришельцовъ. Все межь ними спало,
Забывъ о мстительныхъ врагахъ.
Они-жь стрѣлами разбудили
И смертью отогнали сонъ!
Но челноки пришельцовъ плыли
Среди кипящихъ, грозныхъ волнъ.
Ихъ вождь былъ скованъ изъ желѣза,
И нашей смерти чуждъ онъ былъ!
Въ Иртышъ, добыча мрачной грезы,

Прыгнулъ, проснулся и поплылъ,
И близокъ былъ къ ладьямъ союзнымъ;
Быть можетъ, ихъ бы досягнулъ,
Иртышу показался грузнымъ:
Иртышъ взревѣлъ,—онъ потонулъ!

Другого племя остяки, и нашей смерти чуждъ онъ былъ, Иртышу показался грузнымъ. Прекрасно! Но сколько недостатковъ въ этомъ отрывкѣ! *Я не открою*—нужно *я не знаю; они другъ друга убивали,* т.-е. воины Ермака другъ друга убивали, по смыслу стиховъ: это ли хотѣлъ сказать сочинитель? *Снѣга съ полей ужъ не смывали войны багроваго пятна,* слишкомъ изысканно для остяка. *Забывъ о мстительныхъ врагахъ: мстительныхъ* ненужный эпитетъ. *Они-жъ стрѣлами разбудили...* Кого? Все четверостишіе дурно. *Въ Иртышъ, добыча мрачной грезы...* Почему знаетъ остякъ, что Ермаку въ это время что-нибудь грезилось? Лучше было сказать: *полусонный.* Надобно замѣтить, что я разбираю хорошее у Г-на Муравьева.

Не буду говорить особо о каждомъ стихотвореніи Г-на Муравьева,—это бы заняло слишкомъ много времени. Не могу, однакожъ, оставить безъ вниманія стихотвореніе его *Стихіи,* которое мнѣ кажется лучшимъ изъ всего собранія какъ по созданію, такъ и по исполненію. Я приведу его въ новое доказательство и прекраснаго дарованія Г-на М. и великихъ его недостатковъ.

Я съ духомъ бесѣдовалъ дикихъ пустынь!
Предъ юношей, съ мрачнаго трона,
Клубящимся вихремъ возсталъ исполинъ;
Земли разступилося лоно!
Онъ эхомъ раздался, онъ вѣтромъ завылъ,
И юношу тучею праха покрылъ.

Строфа сія звучна и живописна; но гдѣ же логика? Къ чему: *земли разступилося лоно?* Г-нъ Муравьевъ изобразилъ уже своего духа, *возставшаго съ мрачнаго трона,* слѣдовательно, тронъ этотъ ему видимъ, слѣдовательно, онъ не въ глубинѣ земли; а ежели не такъ, то прежде, нежели явится духъ, земля должна разступиться. Сколько несообразностей! Послѣдніе два стиха прекрасны.

Я съ духомъ бесѣдовалъ бурныхъ валовъ!
Завыли широкія волны;

Онъ съ пиршества шелъ поглощенныхъ судовъ,
Утопшихъ отчаяньемъ полный!
И много о тайнахъ бездонныхъ ревѣлъ,
И юноша пѣной его посѣдѣлъ.

Завыли широкія волны... вставка. Слѣдующіе три стиха красоты превосходной. Ежели-бъ Г-нъ Муравьевъ всегда облекалъ въ подобные стихи картины своенравнаго воображенія, мы бы уже поздравили себя съ великимъ Поэтомъ. *И юноша пѣной его посѣдѣлъ:* дурно, потому что изысканно. Надобно было сказать: *И юношу пѣной своею покрылъ.* Лирическая поэзія любитъ простоту выраженій.

Я съ духомъ бесѣдовалъ горнихъ зыбей,
Съ лазурнымъ владыкой эѳира!
И онъ, улыбаясь во звукѣ рѣчей,
Открылъ мнѣ всѣ прелести міра;
Меня облаками, смѣясь, одѣвалъ,
И юноша свѣжесть эѳира вдыхалъ!

Въ этой строфѣ хорошъ одинъ только стихъ: *Меня облаками, смѣясь, одѣвалъ.* Что такое значитъ: *во звукѣ рѣчей открыть всѣ прелести міра?* Прочтите кому угодно эти два стиха: каждый будетъ ихъ толковать по-своему, и, можетъ быть, никто не угадаетъ настоящей мысли автора. Къ тому же, духъ эѳира долженъ говорить только о своей области, а не о цѣломъ мірѣ; а не то Г-ну Муравьеву не для чего бесѣдовать особо съ каждымъ стихійнымъ духомъ: довольно поговорить съ воздушнымъ, который всевѣдущъ.

Я съ духомъ бесѣдовалъ вѣчныхъ огней!
Гулъ дальняго грома раздался!
Не могъ усидѣть онъ на тучѣ своей,
Палящій, клубами свивался,
И съ трескомъ слѣдилъ свой убійственный путь,
И юношѣ бросилъ онъ молнію въ грудь!

Отчего духъ огня не могъ усидѣть на своей тучѣ (не говорю уже о низкомъ выраженіи: усидѣть)? Чего же онъ испугался? Можно ли писать такимъ образомъ и никогда не повѣрять воображенія разсудкомъ? Для пользы искусства почти досадно, что г-нъ Муравьевъ человѣкъ съ дарованіемъ.

Я духомъ напитанъ ревущихъ стихій,
Онѣ и съ младенцемъ играли;

Вокругъ колыбели моей возлегли
И бурной рукою качали;
Я помню ихъ дикую пѣснь надо мной,
Но какъ передамъ ея звукъ громовой?

Эта строфа сначала до конца прекрасна, кромѣ риѳмъ: *стихій и возлегли,* которыя черезчуръ не точны. Еще: *и бурной рукою качали*—кого, что? Должно подразумѣвать колыбель, но это не сказано: мѣстоимѣніе здѣсь необходимо.

Скажемъ вообще о Г-нѣ Муравьевѣ, что, богатому жаромъ и красками, ему недостаетъ обдуманности и слога, слѣдственно—очень многаго. Истинные поэты потому именно рѣдки, что имъ должно обладать въ то же время свойствами, совершенно противорѣчащими другъ другу: пламенемъ воображенія творческаго и холодомъ ума повѣряющаго. Что касается до слога, надобно помнить, что мы для того пишемъ, чтобы передавать другъ другу свои мысли; если мы выражаемся неточно, насъ понимаютъ ошибочно или вовсе не понимаютъ: для чего-жъ писать? Надѣемся, что Г-нъ Муравьевъ въ будущихъ сочиненіяхъ исполнитъ наши ожиданія и порадуетъ насъ красотами, не затемненными столькими недостатками.

1831 г.

Антикритика.

Въ 10-мъ N Телескопа 1831 года помѣщенъ разборъ Наложницы, на который, хотя поздно, мы позволимъ себѣ нѣсколько замѣчаній.

Критикъ, порицая, во-первыхъ, самое имя поэмы, старается доказать, что, хотя не въ названіи дѣло, названіе много значитъ. „Имя не бездѣлица"—говоритъ онъ: по имени встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ; но для того, чтобы проводить, безъ сомнѣнія надобно прежде встрѣтить."

Авторъ назвалъ поэму свою *Наложницей*, потому что не нашелъ названія точнѣе. Онъ не полагалъ его неблагопристойнымъ, ибо его употребляютъ даже въ учебныхъ книгахъ. Въ любой изъ нихъ прочтете: Турецкій Султанъ имѣетъ столько-то женъ и столько-то *наложницъ*. Онъ не почиталъ его низкимъ, ибо оно употребляется поэтами. Въ Борисѣ Годуновѣ Марина говоритъ Самозванцу: „ввѣряюся тебѣ"

Не какъ раба желаній легкихъ мужа
Наложница безмолвная твоя.—

Ежели не слово, то самый полный его смыслъ въ ежедневномъ разговорномъ обращеніи. Всѣ говорятъ не краснѣя о любовницахъ Людвига XIV. Должно замѣтить, что замѣняютъ словомъ: любовница, другое, порицаемое критикомъ, болѣе въ избѣжаніе педантизма, нежели неблагопристойности. Конечно, изъ двухъ однозначительныхъ словъ одно почитается пристойнымъ, другое непристойнымъ. Но кто немного подумаетъ, тотъ увидитъ, что либо общество, которому они принадлежатъ преимущественно, либо нравы людей, у которыхъ они чаще на языкѣ, пріобщаютъ ихъ къ словамъ, не оскорбляющимъ стыдливости, или кладутъ на нихъ печать отверженія; но слово

наложница, непринадлежащее языку разговорному, неупотребительное нигдѣ, слово книжное, можетъ быть пристойнымъ или непристойнымъ только по существенному своему значенію. Мы уже доказали, что свѣтская утонченность не оскорбляется смысломъ слова наложница; слѣдовательно, авторъ поэмы подъ симъ именемъ могъ употребить его, не заслуживая порицанія.

По имени встрѣчаютъ, говоритъ критикъ: это справедливо; но кому вредитъ авторъ, назвавъ поэму свою Наложницей, ежели въ самомъ дѣлѣ это названіе такъ ужасно? Одному себѣ. Многіе, испугавшись имени, не прочтутъ сочиненія и, что еще хуже, не купятъ его; но въ такомъ случаѣ авторъ не подвергается осужденію моралиста, а только литературный дѣлецъ можетъ сердечно пожалѣть о неловкости писателя, не умѣющаго сбывать съ рукъ свои сочиненія.

„Самъ сочинитель", говоритъ далѣе критикъ (стр. 223), „кажется чувствовалъ, что впечатлѣніе, имъ производимое, не совсѣмъ можетъ быть выгоднымъ; ибо поспѣшилъ вооружиться предисловіемъ, въ которомъ, разсуждая о нравственности литературныхъ произведеній, старается укрѣпить ее за новымъ своимъ произведеніемъ и тѣмъ обнаруживаетъ желаніе предупредить соблазнъ, котораго, очевидно, страшится." На страницѣ же 238, изрекая окончательный судъ поэмѣ, критикъ объявляетъ ее *совершенно невинной.*

Слѣдственно, критикъ въ отношеніи къ нравственности порицаетъ въ Наложницѣ одно названіе; но авторъ не защищаетъ его въ своемъ предисловіи, онъ даже о немъ не упоминаетъ; слѣдственно, это предисловіе писано не съ тою цѣлью, которую предполагаетъ критикъ. Настоящая цѣль его очевидна: желаніе рѣшить вопросъ: въ чемъ состоитъ нравственность литературныхъ произведеній?

Критикъ, разбирая предисловіе, укоряетъ автора въ томъ, что онъ почитаетъ литературу наукою, а не искусствомъ, что онъ предлагаетъ искать въ ней истины, а не изящнаго (стр. 229—230). „Въ изящномъ зрѣлищѣ дѣйствительности," говоритъ критикъ,—„эстетическая нравственность литературныхъ произведеній. Онѣ должны быть изящны, и довольно" (стр. 232).

Автору принадлежитъ вопросъ, въ чемъ состоитъ нравственность литературныхъ произведеній? Онъ говоритъ о литературѣ только въ отношеніи ея къ нравственности: онъ моралистъ, а не эстетикъ, и долженъ разсматривать литературу не какъ искусство,

но какъ стихію, въ одномъ случаѣ вредоносную, въ другомъ—благодѣтельную. Онъ не называетъ ее наукой, а уподобляетъ наукѣ. Таковыя подобія весьма позволены, и мы увидимъ ниже, что самъ критикъ на нихъ не скупится. Сравненіе это довольно точно, ибо литература весьма немногихъ занимаетъ, какъ искусство, какъ способъ творить изящное; всѣхъ же остальныхъ занимаетъ она, какъ представленіе жизни, какъ самая жизнь, ибо философія сознала тождество бытія и мысли. Жизнь есть наука въ обширномъ ея смыслѣ, смыслѣ, въ которомъ принимаетъ ее авторъ предисловія.

Сочинитель, говоря о нравственности литературныхъ произведеній, не ищетъ ее въ ихъ изяществѣ, потому что ищетъ условій нравственности для всѣхъ произведеній словесности, а не для однихъ изящныхъ. Изящное произведеніе всегда нравственно, положимъ; но оно можетъ быть нравственнымъ и не будучи изящнымъ; что же въ такомъ случаѣ составляетъ его нравственность? Нельзя ли найти закона, обнимающаго какъ изящныя, такъ и неизящныя творенія? Авторъ видитъ его въ истинѣ показаній. Съ симъ положеніемъ критикъ согласенъ, ежели оно относится къ литературѣ вообще (стр. 232). Приходится ли оно къ изящной? Посмотримъ.

Что истинно, то нравственно, говоритъ авторъ предисловія. Нѣтъ, отвѣчаетъ критикъ: что изящно, то нравственно; а въ чемъ дѣло? Въ томъ, что въ отношеніи къ нравственности, обѣ формулы однозначительны, съ тою разницей, что одна объемлетъ всю литературу, а другая весьма немногія изъ ея произведеній, съ тою разницей, что первая идетъ прямо къ дѣлу, а другая требуетъ объясненій. Критикъ и приводитъ оныя, и, чтобы растолковать читателю, какимъ образомъ изящное всегда нравственно, онъ открываетъ ему—что бы вы думали?—что изящное всегда истинно. Вотъ слова его (стр. 232).

„Объяснимся подробнѣе. Какое существенное назначеніе всякаго изящнаго творенія? Воспроизведеніе дѣйствительной жизни по образцу изящества или, что то же, представленіе ея въ совершенномъ равенствѣ съ собою. Мысль и дѣйствіе разлагаютъ элементы, изъ коихъ она слагается, порабощая ихъ взаимно другъ другу, но изящное произведеніе должно сдружать ихъ въ совершенную гармонію, точно такъ, какъ сдружены они рукою всехудожною въ великомъ зданіи вселенной, которая есть образецъ высочайшаго изящества".

Что говоритъ критикъ?—Что онъ признаетъ міръ дѣйствительный образцомъ высочайшаго изящества; но, сказавъ выше, что нравственность литературныхъ произведеній въ ихъ изяществѣ, онъ при-

знаетъ его въ то же время образцомъ высочайшей нравственности: изъ чего слѣдуетъ, что твореніе не можетъ быть ни изящнымъ, ни нравственнымъ иначе, какъ вѣрно отражая дѣйствительность, иначе, какъ будучи истиннымъ.

„Неоспоримо, продолжаетъ критикъ, что гармонія, составляющая изящество великой вселенной, для нашего человѣческаго уха, постигающаго ее только въ отдѣльныхъ частяхъ и дробныхъ отрывкахъ, звучитъ нерѣдко яркими диссонансами: но сіи диссонансы спасаются въ всеобщей симфоніи безчисленныхъ аккордовъ бытія, открывающейся иногда и намъ въ минуты превыше-земного одушевленія."

Что это значитъ, ежели не то, что, творя изящное, мы угадываемъ истинное, и что чѣмъ изящнѣе твореніе, тѣмъ оно истиннѣе? ибо самъ критикъ говоритъ, что въ минуты превыше-земного одушевленія, т. е. художественнаго творчества, намъ открывается симфонія безчисленныхъ аккордовъ бытія, т. е., что въ эти минуты мы видимъ яснѣе настоящее устройство вселенной, слѣдственно, глядимъ на нее съ точки зрѣнія самой истинной?

Зачѣмъ же критикъ требуетъ отъ сочинителя предисловія, чтобы онъ сказалъ: что изящно, то нравственно, а не что истинно, то нравственно, когда онъ самъ первое положеніе доказываетъ послѣднимъ? когда изъ собственныхъ словъ его явствуетъ, что одно положеніе заключено въ другомъ; когда одна формула частная, а другая всеобъемлющая, что именно было нужно для его разсужденія?

Изъ собственныхъ доводовъ критика слѣдуетъ, что твореніе не можетъ быть изящнымъ иначе, какъ будучи истиннымъ; но онъ объявилъ уже, что ежели оно изящно, оно нравственно; слѣдовательно, ежели оно истинно, то тоже нравственно. Это разсужденіе имѣетъ всю ясность и всю силу математическаго доказательства и забавно напоминаетъ аксіому: два количества, равныя одному третьему, равны между собою. Это не вредитъ автору предисловія и доказываетъ ясно, что формула, имъ употребляемая, приходится литературѣ вообще и литературѣ изящной въ особенности; слѣдовательно, онъ употребилъ ту самую формулу, которую надлежало, ибо опредѣлено ею, въ чемъ состоитъ нравственность литературныхъ произведеній, какъ изящныхъ, такъ и неизящныхъ.

„Авторъ", говоритъ далѣе критикъ (стр. 234), „горько жалуется на журналистовъ, которые требуютъ отъ поэтовъ, чтобы они воспѣвали добродѣтели, а не пороки, изображали лица, достойныя подражанія. Не можемъ не подивиться добродушію автора предисловія,

который считаетъ достойными опроверженія такія нелѣпыя требованія. Не болѣе слѣдовало удѣлить вниманія людямъ, называющимъ нравственными произведеніями только тѣ, въ которыхъ наказывается порокъ и награждается добродѣтель, ежели еще таковые люди существуютъ въ наше время."

Предоставляемъ судить публикѣ, существуютъ или нѣтъ предразсудки, которые опровергаетъ авторъ предисловія; а ежели существуютъ,—чѣмъ предразсудокъ нелѣпѣе, тѣмъ онъ достойнѣе опроверженія. Но когда бы сіи предразсудки принадлежали даже и немногимъ, можно ли оставлять ихъ безъ вниманія въ сочиненіи умозрительномъ? Что бы сказалъ критикъ о сочинителѣ курса математики, который пропустилъ бы въ немъ начальныя теоремы, оправдываясь тѣмъ, что рѣшеніе ихъ довольно извѣстно?

„Напрасно авторъ предисловія увѣряетъ, что не всѣ пороки имѣютъ видъ рѣшительно гнусный. Шуточные стихи Панара, которыми онъ старается подкрѣпить мысль свою, ничего не доказываютъ. Ежели нѣкоторые пороки кажутся намъ иногда привлекательными, то это не почему иному, какъ по тому, что представляются намъ не въ истинномъ видѣ. Сократъ говаривалъ, что если бы добродѣтель могла явиться въ человѣческомъ образѣ, то нельзя бы было не полюбить ее всѣмъ сердцемъ; противное должно сказать о порокѣ: это положительное безобразіе!"

Авторъ доказываетъ свое положеніе не одними стихами Панара, которые онъ выписываетъ не въ доводъ, а въ объясненіе своей мысли. Наши добрыя и злыя качества такъ смежны, говоритъ онъ, что нельзя провести раздѣляющей линіи между ними. Въ этомъ случаѣ отмѣнно истинны стихи Панара:

Trop de froideur est indolénce,
Trop d'activité turbulence,
Trop de rigueur est dureté etc.

Вотъ естественная причина той привлекательности, которую имѣютъ иные пороки: мы обмануты сходствомъ ихъ со смежными имъ добродѣтелями; но должно замѣтить, что въ самомъ увлеченіи нашемъ мы поклоняемся доброму началу, а не злому.

Авторъ показываетъ ясно, о какихъ порокахъ онъ говоритъ: о порокахъ, смежныхъ съ добродѣтелями, о порокахъ, могущихъ насъ обмануть сходствомъ своимъ съ нею. Сколько есть людей, готовыхъ принять въ себѣ и въ другихъ расточительность за щедрость, упрям-

ство за твердость, гордость за самочувствіе и т. д. Кто сомнѣвается въ томъ, что пороки всегда остаются пороками и чѣмъ-нибудь да отличаются отъ добродѣтелей? Но ежели въ дѣйствительномъ ихъ присутствіи мы можемъ обмануться, насъ по необходимости можетъ подвергнуть тому же заблужденію и ихъ искусственное изображеніе. Отчего?—Оттого, что они не имѣютъ вида рѣшительно гнуснаго; оттого (поневолѣ повторяемъ фразу автора), что они сходствуютъ съ добродѣтелями, къ которымъ примыкаютъ.

Желаніе Сократа не опровергаетъ, а подтверждаетъ замѣчанія автора. Онъ говоритъ: добродѣтель прекрасна; но, желая, чтобы она приняла видимый образъ и тѣмъ покорила сердца людскія, онъ яснѣй показываетъ, что въ дѣйствительности она, по его мнѣнію, никогда не предстаетъ намъ въ полной своей красотѣ, изъ чего (слѣдуя примѣру критика) мы можемъ заключить, что, по мнѣнію Сократа, и порокъ никогда не предстаетъ намъ въ полномъ своемъ безобразіи. Одно изъ двухъ: либо Сократъ сѣтуетъ, что ни добродѣтель, ни порокъ не являются намъ безъ примѣси, либо онъ находитъ, что любовь къ добродѣтели, отвращеніе отъ порока, т. е. законы нравственности не довольно ясно истекаютъ изъ воззрѣнія на дѣйствительность; сіи оба смысла въ пользу автора предисловія и доказываютъ только, что во многихъ случаяхъ не отъ сочинителя такого-то и такого-то произведенія должно требовать больше осмотрительности, а отъ судей его больше справедливости или вниманія.

„Хладнокровный отчетъ, передающій офиціальныя извлеченія изъ архивовъ соблазна и преступленій, сколько бы ни былъ справедливъ и полонъ, есть произведеніе безобразное и безнравственное, или лучше: тѣмъ безобразнѣе и безнравственнѣе, чѣмъ справедливѣе и полнѣе“.

Въ государствахъ, гдѣ судопроизводство публично, печатаютъ уголовные процессы со всѣми ихъ подробностями; кажется, это въ точномъ смыслѣ извлеченія изъ архивовъ соблазна и преступленія. Никто однакожъ не подозрѣвалъ до сихъ поръ, что собраніе уголовныхъ процессовъ можетъ имѣть безнравственное вліяніе. Одни любострастныя повѣсти могутъ вредить нравственности; но авторъ сказалъ въ своемъ предисловіи, почему показанія ихъ неполны. Мы отвѣчали на всѣ замѣчанія критика касательно предисловія; доказали, что критикъ или не понялъ, или не хотѣлъ понять его, ибо онъ безпрестанно отклоняется отъ настоящаго вопроса и говоритъ о законахъ изящнаго, когда дѣло идетъ о законахъ нравствен-

ности. Онъ не опровергаетъ ни въ чемъ автора предисловія и повторяетъ другими словами его мысли. Чтобы опровергнуть предисловіе, слѣдовало опровергнуть основную мысль его: *что̀ истинно, то нравственно.* Не только онъ не опровергаетъ оную, но и самъ на нее опирается, какъ на неоспоримую аксіому. Онъ упрекаетъ автора въ смѣшеніи понятій, въ томъ, что онъ не умѣетъ отличить литературы изящной отъ литературы вообще. Этотъ упрекъ принадлежитъ ему съ большею справедливостью, и мы произносимъ его не самопроизвольно, но основываясь на неоспоримыхъ доказательствахъ. Читатель чувствуетъ, что критика, заключающая въ себѣ столько противорѣчій, такое отсутствіе всякой послѣдовательности въ мысляхъ и доводахъ, съ одной стороны подвергаясь нещаднымъ уликамъ анализа, съ другой можетъ повеселить охотника до шутокъ; но орудіе шутки сдѣлалось въ наше время слишкомъ обыкновеннымъ. Кто не смѣется? Взгляните на нашихъ полемиковъ! У всѣхъ на устахъ ядовитая улыбка Вольтера, у всѣхъ подъ перомъ его иронія. Мы приводили одни доказательства; намъ это показалось убѣдительнѣе и новѣе.

Далѣе, въ нѣсколькихъ словахъ, критикъ отдаетъ отчетъ въ самой поэмѣ и, пользуясь тѣмъ, что авторъ въ своемъ предисловіи полагаетъ, что нравственность литературныхъ произведеній состоитъ въ истинѣ и полнотѣ показаній, онъ не находитъ въ поэмѣ ни полноты, ни истины, изъ чего заключаетъ, что поэма безнравственна, однако безвредна, потому что ничтожна. Зачѣмъ было автору видѣть нравственность въ истинѣ? Критикъ поражаетъ его собственнымъ его орудіемъ.—Не легче ли было бы ему, ежелибъ онъ находилъ ее въ изяществѣ, какъ то требуетъ его критика? Поэма, сказалъ бы онъ, весьма неизящна, слѣдственно, по собственному сознанію автора, весьма безнравственна; но утѣшимъ его: она безвредна, потому что ничтожна.

Выписываемъ то, что можетъ почесться положительнымъ обвиненіемъ и просимъ читателя заглянуть въ № 10 Телескопа, дабы увѣриться, что мы нисколько не ослабляемъ замѣчаній критика и, когда можно, пользуемся собственными его словами.

Вся поэма кажется ему самопроизвольнымъ сцѣпленіемъ случаевъ, слѣдственно неестественною, потому что:

1-е. Елецкой, оледенѣвшій въ распутствѣ до хвастовства развратомъ, не могъ воспламениться къ Вѣрѣ идеальною любовію.

2-е. Елецкой не могъ обратить на себя вниманія Вѣры только тѣмъ, что подалъ ей на бульварѣ уроненную перчатку.

3-е. Дядя Вѣры не могъ сѣсть ошибкою въ карету, подосланную Елецкимъ, ибо зналъ въ лице своего лакея.

4-е. Вѣра не могла согласиться такъ скоро на побѣгъ съ Елецкимъ, оглашеннымъ развратникомъ, котораго смуглая однодомка была ея знакомкой.

5-е. Привóротное питье обратилось въ ядъ невѣдомо какимъ образомъ.

Поэма ничтожна, потому что, кромѣ Сары, всѣ лица безъ физіогноміи; а Елецкой не что иное, какъ темный силуетъ Онѣгина.

1-е. Хвастовство развратомъ нисколько не показываетъ оледенѣльности въ распутствѣ. Хвастливость эта въ особенности свойственна самой пылкой, самой неопытной молодости. Желаніе первенствовать между повѣсами не есть еще любовь къ разврату: это не что иное, какъ дурно направленное славолюбіе. Сей послѣдній недостатокъ и выставленъ въ Елецкомъ. Изъ него не слѣдуетъ сердечнаго охлажденія; напротивъ, онъ свидѣтельствуетъ особенную способность къ увлеченію. Слѣдственно, Елецкой весьма могъ возгорѣться къ Вѣрѣ любовью, свойственною пылкому молодому человѣку.

2-е. На это не нужно отвѣчать. Кто пересмотритъ поэму, тотъ увидитъ, что не одна поданная перчатка обращаетъ вниманіе Вѣры на Елецкаго, и что половины случаевъ, дѣйствующихъ на ея воображеніе, достаточно, чтобы вскружить голову даже и неромантической дѣвушкѣ.

3-е. Сѣсть въ чужую карету, въ чужія сани, заѣхать къ незнакомымъ, вмѣсто знакомыхъ, обманувшись легкимъ сходствомъ домовъ, — случаи весьма обыкновенные. Въ обществѣ ежедневно разсказываютъ анекдоты этого рода, и это случается безъ приготовленія, среди бѣлаго дня, на всевозможномъ просторѣ: удивительно ли, что дядя Вѣры вдался въ обманъ, когда все было придумано для удобности этого обмана; въ тѣснотѣ театральнаго разъѣзда, въ торопливости, съ которою обыкновенно садятся въ поданную карету, боясь, чтобы ее не отогнали? До того ли тутъ, чтобы подозрительно разглядывать физіогномію своего лакея? И зачѣмъ ее разглядывать? Изъ боязни романическаго происшествія? Но въ это время повѣсть Елецкаго еще не была обнародована. Нынѣ, когда она напечатана, можно въ подобномъ случаѣ винить почтенныхъ родственниковъ въ преступной неосмотрительности; но дядя Вѣры очень простителенъ.

4-е. Вѣра совсѣмъ не скоро соглашается на побѣгъ съ Елецкимъ: это согласіе приготовлено всею повѣстью. Всякій безпристраст-

ный читатель видитъ, что Вѣрѣ не мудрено было влюбиться въ Елецкаго, а ежели она могла влюбиться, она могла и дѣйствовать, какъ влюбленная. Елецкой не развратникъ въ глазахъ Вѣры; онъ въ одномъ изъ разговоровъ съ нею внушаетъ ей понятіе довольно выгодное о своемъ характерѣ: онъ ей истолковываетъ, что его отступленія происходили болѣе отъ незрѣлости ума, нежели отъ испорченнаго сердца. Вѣра, уже къ нему привязанная (ибо знакомство съ Сарой не могло хладить любви ея къ Елецкому, напротивъ подстрекнуть ее, возбудивъ въ ней ревность),—Вѣра охотно слушаетъ его извиненія, охотно вѣритъ въ совершенную его перемѣну, ибо приписываетъ ее любви, любви къ ней, что довольно пріятно женскому самолюбію. Елецкой оправданъ ея сердцемъ, но для свѣта, но для дяди онъ остается оглашеннымъ развратникомъ, и это самое заставляетъ Вѣру бѣжать съ Елецкимъ, ибо она чувствуетъ, что никогда не вымолитъ у своего дяди согласія на ихъ соединеніе. Какъ ей не довершить начатое? Какъ не дать ему счастіе, которое она уже безмолвно обѣщала, слушая влюбленныя его признанія? И когда Елецкой при первомъ ея отказѣ, вынужденномъ стыдливостью, а не сердечнымъ убѣжденіемъ, укоряетъ ее въ кокетствѣ, она должна показать любовь свою на дѣлѣ. Не одно краснорѣчіе Елецкаго въ разговорѣ 7-ой главы убѣждаетъ ее къ побѣгу, но всѣ прежнія, собственныя ея неосторожности; эта общая исторія всѣхъ увлеченій и нужно объяснить ее!

5-е. Правда, что авторъ поэмы не истолковываетъ, какимъ образомъ приворотное питье обратилось въ ядъ. Ему показалось это ненужнымъ. Столько разсказовъ о несчастныхъ слѣдствіяхъ невѣжества, прибѣгающаго къ этимъ колдовскимъ настоямъ, часто составленнымъ изъ самыхъ вредныхъ растеній! Самому автору внушена развязка его поэмы подобнымъ разсказомъ. Онъ не хотѣлъ обременять своей повѣсти лишними подробностями, полагаясь на проницательность читателя. Ежели это недостатокъ, его легко исправить. При второмъ изданіи авторъ сдѣлаетъ выноску, въ которой разрѣшитъ это недоумѣніе.

На общія сужденія поэмы отвѣчать нельзя: у всякаго свой вкусъ, свое чувство, свое мнѣніе; только сходство Елецкаго съ Онѣгинымъ кажется довольно страннымъ. Онѣгинъ человѣкъ разочарованный, пресыщенный; Елецкой страстный, романтическій. Онѣгинъ отжилъ, Елецкой только начинаетъ жить. Онѣгинъ скучаетъ отъ пустоты сердца; онъ думаетъ, что ничто уже не можетъ занять его;

Елецкой скучаетъ отъ недостатка сердечной пищи, а не отъ невозможности чувствовать: онъ еще исполненъ надеждъ, онъ еще вѣритъ въ счастье и его домогается. Онѣгинъ неподвиженъ, Елецкой дѣйствуетъ. Какое же между ними сходство? И вотъ какъ у насъ критикуютъ! Вся поэма кажется критику произвольнымъ сцѣпленіемъ случаевъ, а во всей поэмѣ только одна случайность: смерть Елецкаго; но она, во-первыхъ, оправдана множествомъ истинныхъ примѣровъ, отнимающихъ у нея особенную необычайность; во-вторыхъ, она есть нѣкоторымъ образомъ слѣдствіе главной ошибки Елецкаго, уповавшаго найти счастіе въ неровномъ союзѣ. Унизившись до товарищества съ невѣжествомъ, онъ, такъ или иначе, все былъ бы его жертвою. Но просимъ критика найти романъ, указать драму, гдѣ не было бы ничего случайнаго! И дѣльно ли требовать отъ сочинителя такого насилія? Случай въ природѣ, какъ и характеръ. Поэма, вся основанная на случайностяхъ, и поэма вовсе безъ случайностей, — произведенія равно неестественныя, равно подлежащія осужденію. Перчатка, уроненная Вѣрой, обстоятельство такое же обыкновенное, какъ обѣдъ, какъ ужинъ, и въ немъ мудрено видѣть особенную игру судьбы. Все же остальное въ поэмѣ: разговоръ въ маскерадѣ, подосланная карета, свиданіе на балахъ, все слѣдствіе любви и характера Елецкаго: онъ дѣйствуетъ и создаетъ обстоятельства. Просимъ читателя замѣтить, что каждое изъ сихъ обстоятельствъ довольно обыкновенно, и что только въ своей совокупности они составляютъ повѣсть, поражающую воображеніе. Спрашивается: въ чемъ искусство романиста, ежели не въ этомъ? И есть ли другой способъ быть вмѣстѣ естественнымъ и занимательнымъ?

Критикъ оканчиваетъ свои замѣчанія слѣдующими словами: „Считаемъ не нужнымъ заниматься наружною отдѣлкою сочиненія. Дозорчивая наблюдательность Московскаго Телеграфа выклевала уже по зернышку всѣ типографическія опечатки и другіе буквальные недосмотры, слѣдственно поживиться уже нечѣмъ.... Желаемъ, чтобы муза поэта, уважаемаго нами болѣе многихъ другихъ, послѣ прошедшихъ неудачныхъ опытовъ, измѣнивъ ложныя понятія объ изящномъ, захотѣла быть не тѣмъ, что нынѣ, а... невѣстою истинно прекраснаго!"

Первыя строки, мы охотно принимаемъ за иронію, за небрежную, слѣдовательно, тонкую шутку надъ неблагонамѣренною привязчивостію Московскаго Телеграфа. Не будемъ оспаривать чувства собственнаго преимущества, которое ихъ внушило; замѣтимъ только,

что онѣ не на своемъ мѣстѣ, и что ихъ могутъ принять за неосторожное признаніе. Отдадимъ справедливость критику: въ пристрастномъ разборѣ его видно желаніе быть учтивымъ, и ежели встрѣчаются выраженія неприличныя, въ этомъ должно винить не критика, а неопытность его въ слогѣ этого рода. Забавно только, что въ единственномъ похвальномъ отзывѣ, которымъ онъ удостоилъ разбираемаго имъ автора, виденъ тотъ же недостатокъ обдуманности, какъ и въ его осужденіяхъ: ежели всѣ опыты сочинителя Наложницы были неудачны, за что же онъ его уважаетъ?

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Два стихотворенія Е. А. Боратынскаго, не вошедшія въ I томъ.

Запросъ М[ухано]ву.

Что скажетъ другу своему,
Любовникъ пламенной Авроры?
Сіяли-ль счастіемъ ему
Ея застѣнчивые взоры?
Любви заботою полна,
Огнемъ очей, ланитъ пыланьемъ
И персей томныхъ волнованьемъ
Была-ль прямой зарей она,
Иль только сѣвернымъ сіяньемъ?

На смерть собаки.

Мой добрый песъ, ты кончилъ ужъ свой вѣкъ!
Я въ жизни зналъ тебя мошенникомъ и воромъ·
Когда бъ ты былъ не песъ, а человѣкъ,
Ты бъ околѣлъ навѣрно . . . . !

ПРИМѢЧАНІЯ.

Воспоминанія. Отрывки изъ поэмы (стр. 1). Напечатано въ „Невскомъ Зрителѣ“ 1820 года, часть первая, Генварь, стр. 85—94, подъ заглавіемъ „*Отрывки изъ поэмы: Воспоминанія*“ и съ подписью *Е. Баратынскій*, и при жизни поэта не перепечатывалось. „Воспоминанія“ вошли во всѣ посмертныя собранія сочиненій Боратынскаго со слѣдующими незначительными измѣненіями (опечатками?):

68 И къ играмъ, и трудамъ обычнымъ мы спѣшимъ.
85 Кавказа дивныя, волшебныя картины

Въ изданіи „Сѣвера“, 1894, стихи 58 и 86 помѣщены съ опечатками.

Время написанія отрывковъ точно опредѣляется 1819 годомъ: въ январѣ 1820 года отрывки уже были напечатаны, раньше же 1819 года поэма не могла быть написана, такъ какъ до того времени поэтъ весьма несвободно владѣлъ стихомъ. Какъ можно думать, поэма „Воспоминанія“, имѣющая несомнѣнный автобіографическій характеръ, была задумана очень широко, но осталась неоконченной, вслѣдствіе того, что поэтъ охладѣлъ къ своему замыслу. Можно считать почти несомнѣннымъ, что первая поэма Боратынскаго создавалась подъ сильнымъ вліяніемъ разсказовъ его дядьки Боргезе, слышанныхъ поэтомъ въ дѣтствѣ. Любопытно, что почти тѣ же самые образы Италіи повторяются и въ дальнѣйшихъ моментахъ творчества Боратынскаго.

Отрывки изъ „Воспоминаній“ прошли мало замѣченными въ печати, и только въ 1827 году отозвался на нихъ Ѳ. Булгаринъ при разборѣ собранія стихотвореній Боратынскаго: Булгаринъ сѣтовалъ на то, что поэтъ не включилъ въ свой сборникъ „прекрасныхъ Поэмъ *Пиры* и *Воспоминанія*“, и писалъ: „Не знаемъ, кончена-ли Поэма *Воспоминанія;* но отрывки изъ нея были прекрасны“ („Сѣверная Пчела“, 1827, 8 декабря, № 147).

Пиры (стр. 7). Издается по „Соревнователю Просвѣщенія и Благотворенія“ 1821 года (ч. XIII, стр. 385—394, подпись *Е. Баратынскій*). Въ значительно измѣненномъ видѣ „Пиры“ (съ подзаголовкомъ „Описательная поэма“) были напечатаны въ 1826 году отдѣльной книжкой вмѣстѣ съ „Эдой“. Въ изданіи 1826 года къ „Пирамъ“ прибавленъ эпиграфъ: „Воображеніе раскрасило тусклыя окна тюрьмы Серванта. Стернъ“, и поэмѣ предпослано слѣдующее предисловіе:

„Сія небольшая поэма писана въ Финляндіи. Это своенравная шутка, которая, подобно музыкальнымъ фантазіямъ, не подлежитъ строгому крити-

ческому разбору. Сочинитель писалъ ее въ веселомъ расположеніи духа: мы надѣемся, что не будутъ судить его сердито".

Такъ какъ хлопоты по изданію „Эды и Пировъ" лежали на баронѣ А. А. Дельвигѣ, то вполнѣ возможно, что это предисловіе принадлежитъ его перу; вѣроятнѣе, впрочемъ, что оно было написано Боратынскимъ (за авторство Боратынскаго говорятъ не только мысли, но и самый стиль предисловія).

Въ изданіи 1826 года находятся слѣдующія разночтенія сравнительно съ первоначальнымъ текстомъ:

5—14 Досталось много мнѣ на часть
Душѣ любезныхъ заблужденій;
Прошла ихъ временная власть:
Утихла жажда наслажденій
И охладѣла къ славѣ страсть.
Мнѣ что-то взоры прояснило;
Но, какъ премудрый Соломонъ,
Я не скажу: все въ мірѣ сонъ!
18 Но никогда еще, друзья,
37—46 Трудясь надъ смѣсью риѳмъ и словъ,
Поэты наши чуть не плачутъ;
Своихъ почтительныхъ рабовъ
Порой красавицы дурачутъ;
Иной храбрецъ, въ отцовскій домъ
Пришедъ уродомъ съ поля славы,
Подозрѣвалъ себя глупцомъ:
О богъ стола, о добрый Комъ,
48—51 Прекрасно, други, риѳмы плесть,
Служить любви еще прекраснѣй,
Пріятно драться: слаще есть (sic)
И право, право безопаснѣй!
54 Не золоченыя главы,
79 Но такъ весной ряды кургановъ
81 Сіяютъ въ пурпурныхъ лучахъ
83—86 Садятся гости. Графъ и князь,
Въ застольномъ дѣлѣ всѣ удалы
И осушаютъ не лѣнясь
Свои широкіе бокалы:
120—130 Въ немного пламенныхъ часовъ.
Столъ покрывала ткань простая;
Не восхищалися на немъ
Мы ни фарфорами Китая,
Ни драгоцѣннымъ хрусталемъ:
И между тѣмъ сынамъ веселья
Въ стекло простое богъ похмѣлья
Лилъ черезъ край, друзья мои,
134—136 Недаромъ взоры веселитъ:

Она отрадою кипитъ;
Какъ дикій конь, не терпитъ плѣна,
149—152 выпущены вовсе.
165—171 Я испытать желалъ бы вновь
Ея знакомое страданье!
И гдѣ жь вы, рѣзвые друзья,
Вы, кѣмъ жила душа моя!
Разлучены судьбою строгой:
181 Обезоруживъ гнѣвъ судьбины,
196—204 Мы, тѣже сердцемъ въ вѣкъ иной,
209—221 Ты, П....нъ нашъ, кому дано
Пѣть и героевъ и вино
И страсти дикія и шалость,
Дано съ проказливымъ умомъ
Быть сердца чуднымъ знатокомъ *)
И, что помоему не малость,
Быть прелюбезнымъ за столомъ!
Друзья камень и пированья,
225—229 На сладкій пиръ, на пиръ свиданья!
235—268 Не будетъ лакомый, но сытый.
Веселый будетъ ли друзья?
Со дня разлуки, знаю я,
И дни и годы пролетѣли,
И разгадать у бытія
Мы много тайнаго успѣли:
Что ни ласкало встарину,
Что прежде сердцемъ ни владѣло,
Подобно утреннему сну,
Все измѣнило, улетѣло!
270 Пирамъ! Въ безжизненныя лѣта

Необходимо прибавить, что стихи 135—136 въ изданіи 1826 года измѣнены (барономъ А. А. Дельвигомъ?) въ силу цензурныхъ требованій; объ этомъ говоритъ письмо барона Дельвига къ Боратынскому: „...Монахъ и смерть Андре Шенье перебѣсили нашу цензуру, она совсѣмъ готовую книжку остановила и принудила насъ перепечатать по ея волѣ Листокъ пировъ. Напрасно мы хотѣли поставить точки или сказать: оно и блещетъ и кипитъ, какъ *дерзкой* умъ не терпитъ плѣна. Нѣтъ. На всѣ наши просьбы суровый отказъ былъ отвѣтомъ! взгляни на сей экземпляръ, потряси его, листокъ этотъ выпадетъ"... (Письмо это хранится въ Казанскомъ архивѣ Боратынскихъ и неточно напечатано въ собраніяхъ сочиненій Дельвига и

*) Замѣтимъ кстати, что въ экземплярѣ „Эды и Пировъ", пожертвованномъ баронессой С. Б. Вревской въ Пушкинскій Домъ, этотъ стихъ заключенъ въ чернильную рамку (П. А. Осиповой?). Экземпляръ П. А. Осиповой былъ пересланъ авторомъ черезъ Пушкина и имѣетъ слѣдующую посвятительную надпись: Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой отъ Сочинителя.

Боратынскаго; листокъ съ указанными стихами въ изданіи „Эды и Пировъ“ дѣйствительно вырѣзанъ, и на мѣсто его вклеенъ новый листокъ).

Въ Татевскомъ архивѣ Рачинскихъ хранится альбомъ, въ которомъ списанъ рукою Боратынскаго отрывокъ изъ „Пировъ“ (52—101 стихи). Боратынскій записалъ этотъ отрывокъ между 1821 и 1825 гг., и онъ занимаетъ среднее положеніе между чтеніемъ „Соревнователя Просвѣщенія и Благотворенія“ и изданіемъ 1826 года:

54 по изданію 1826 года.
57 Плѣнили умъ мой своевольный.
67 Ужъ онъ накрытъ; ужъ рядами (sic!).
90 Тамъ рѣчи вздорны—но не колки.
91 И вотъ начлися чудеса:

Работая надъ изданіемъ своихъ сочиненій, вышедшимъ въ 1835 году, Боратынскій значительно измѣнилъ „Пиры“; чтеніе 1835 года помѣщается нами въ окончательныхъ редакціяхъ поэмъ.

Поэма „Пиры“ носитъ несомнѣнно автобіографическій характеръ; упоминаніе о Пушкинѣ говоритъ за то, что Боратынскій былъ знакомъ съ Пушкинымъ до ссылки послѣдняго на югъ.

Образцами для „Пировъ“ Боратынскому могли послужить многочисленныя французскія и русскія стихотворенія, изъ которыхъ наибольшей близостью къ „Пирамъ“ отличается стихотвореніе Мильвуа „Le dejeuner“ и поэма Пушкина „Русланъ и Людмила“. Нѣкоторые отдѣлы и фактура стиховъ послѣдней поэмы почти совпадаютъ съ „Пирами“, какъ напр.:

Съ кипящимъ пивомъ и виномъ
Они веселье въ сердце лили...
Шипѣла пѣна по краямъ,
Слилися рѣчи въ шумъ невнятный,
Жужжитъ гостей веселый кругъ...
Вотъ конченъ онъ; встаютъ рядами... и пр. и пр,

Время написанія „Пировъ“ (1820 годъ) опредѣляется свидѣтельствомъ Боратынскаго, что его поэма писана въ Финляндіи, а между тѣмъ уже 28 февраля 1821 года „Пиры“ были читаны Н. И. Гнѣдичемъ (почетнымъ членомъ) въ Вольномъ Обществѣ Любителей Россійской Словесности, членомъ-корреспондентомъ котораго въ то время состоялъ поэтъ („Благонамѣренный“ 1821, февраль, № 4, стр. 251—252). Въ „Благонамѣренномъ“, послѣ чтенія „Пировъ“, отмѣтили въ Боратынскомъ „истинныя піитическія красоты“ и „прекрасную версификацію“. М. Н. Лонгиновъ писалъ объ этомъ чтеніи: „Въ засѣданіи „Пиры“ были читаны Гнѣдичемъ, пользовавшимся репутаціей отличнаго декламатора. Онъ былъ, какъ извѣстно, кривъ, и произнеся первые два стиха:

„Друзья мои, я видѣлъ свѣтъ,
На все взглянулъ я вѣрнымъ окомъ“, (глазомъ?—М. Г.).

Гнѣдичъ остановился и посмотрѣлъ вокругъ себя. При такомъ контрастѣ слушатели не могли не разсмѣяться“. („Русскій Архивъ“ 1867, „Баратынскій и его сочиненія“, стр. 248—264).

При первомъ своемъ появленіи (въ 1821 году) „Пиры“ мало обратили на себя вниманіе критики, и только А. Бестужевъ писалъ въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1823 годъ: „*Баратынскій*, по гармоніи стиховъ и мѣткому употребленію языка, можетъ стать на ряду съ Пушкинымъ. Онъ нравится новостью оборотовъ; его мысли не величественны, но очень милы.

Пиры Боратынскаго игривы и забавны. Во многихъ бездѣлкахъ видѣнъ развивающійся даръ; нѣкоторыя изъ нихъ похищены, кажется, изъ Альбома Грацій“... („Взглядъ на старую и новую Словесность въ Россіи“, стр. 1—44).

Гораздо болѣе радушный пріемъ встрѣтили „Пиры“, когда вышли отдѣльнымъ изданіемъ (вмѣстѣ съ „Эдой“) въ 1826 году. Въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1826 года (ч. VIII) писали о „Пирахъ“: „Поэтъ называетъ Пиры описательною Поэмою, но съ этимъ едва ли можно согласиться, если Поэму принять въ *собственномъ значеніи* сего слова. Пиры болѣе похожи на эпистолу. Поэтъ въ шутливомъ тонѣ описываетъ друзьямъ своимъ утѣхи пировъ. Разсказъ блеститъ остротою мыслей, живостью чувствъ... Описаніе Московскихъ пировъ прелестно; но признаемся, что намъ всего лучше кажется окончаніе стиховъ, гдѣ *любимое чувство Поэта* преодолѣваетъ шутливость, и веселость смѣшивается съ уныніемъ...“

Въ „Краткомъ обозрѣніи 1826 года“, помѣщенномъ въ „Литературномъ Музеумѣ“ на 1827 г. (стр. 3—46, подпись *В. И.)*, Влад. Измайловъ писалъ: „Баратынскій украсилъ нашу поэзію финляндскою повѣстью: *Эда*, и описательною поэмою: *Пиры*. Въ обѣихъ видны черты легкой и пріятной кисти; но послѣдняя плѣняетъ особенно роскошью живописи, блескомъ остроумія и духомъ веселости, смѣшанной съ какою-то безпечностію философа или... Гастронома“.

Одобрительно отозвался о „Пирахъ“ и Ѳ. В. Булгаринъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ (1826 г., 16 февраля, № 20, отдѣлъ „Новыя книги“, подпись *Ѳ. Б.*): „Пиры—пріятная литературная игрушка, въ которой Авторъ иронически прославляетъ гастрономію, и приглашаетъ любимцевъ Комуса наслаждаться невинными удовольствіями жизни. Остротъ и хорошихъ стиховъ множество... Описаніе Москвы, въ гастрономическомъ отношеніи, также весьма забавно... Вся поэма написана въ такомъ шутливомъ тонѣ и гладкими, хорошими стихами“.

Вспомнилъ о „прекрасной Поэмѣ“ Булгаринъ и въ 1827 году, когда писалъ по поводу сборника стихотвореній Боратынскаго („Сѣверная Пчела“ 1827, № 147, 8 декабря), и не переставалъ до конца жизни поэта называть его пѣвцомъ *Пировъ*, считая, что всѣ послѣдующія произведенія Боратынскаго далеко уступаютъ его „Пирамъ“ и „Финляндіи“.

Несомнѣнно, однако, что успѣхъ „Пировъ“ Боратынскаго въ публикѣ далеко не опредѣляется журнальными замѣтками того времени: общество прислушалось къ голосу пѣвца „Пировъ“ и поставило его имя рядомъ съ именемъ Пушкина; Пушкинъ принялъ это соперничество съ Боратынскимъ и болѣе всѣхъ оцѣнилъ значительность описательной поэмы-шутки, какъ серьезнаго литературнаго событія. Впервые упомянулъ Пушкинъ о „Пирахъ“ въ 1822 году, въ „Первомъ посланіи цензору“:

Докучнымъ евнухомъ ты бродишь между музъ:
Ни чувства пылкія, ни блескъ ума, ни вкусъ,

Ни слогъ пѣвца „Пировъ", столь чистый, благородный,—
Ничто не трогаетъ души твоей холодной!

Болѣе всего свидѣтельствуетъ о томъ, насколько любилъ и цѣнилъ Пушкинъ Боратынскаго — „Евгеній Онѣгинъ", написанный даже подъ нѣкоторымъ вліяніемъ „Пировъ" (хлопаніе бутылки, освобожденной отъ пробки влажной, волшебная струя Аи и другія „гастрономическія" мѣста, а главное—привнесеніе этого элемента въ лирическій романъ). Съ робостью приступая къ письму свой „милой Тани", Пушкинъ обращается къ Боратынскому:

Пѣвецъ „Пировъ" и грусти томной!
Когда бъ еще ты былъ со мной,
Я сталъ бы просьбою нескромной
Тебя тревожить, милый мой,
Чтобъ на волшебные напѣвы
Переложилъ ты страстной дѣвы
Иноплеменныя слова.
Гдѣ ты? Приди—свои права
Передаю тебѣ съ поклономъ...
Но посреди печальныхъ скалъ,
Отвыкнувъ сердцемъ отъ похвалъ,
Одинъ подъ Финскимъ небосклономъ
Онъ бродитъ, и душа его
Не слышитъ горя моего. (XXX строфа 3-ей главы)

Въ числѣ эпиграфовъ къ седьмой главѣ Пушкинъ взялъ 52-й стихъ изъ „Пировъ" и предполагалъ включить въ „Арапа Петра Великаго" также эпиграфъ изъ „Пировъ" (стихи 67—68).

Въ 1842 году Бѣлинскій писалъ: „Пиры" собственно не поэма, а такъ—шутка въ началѣ и элегія въ концѣ. Поэтъ, какъ-будто только принявшись воспѣвать пиры, замѣтилъ, что уже прошла пора и для пировъ и для воспѣванія пировъ... У времени есть своя логика, противъ которой никому не устоять... Въ „Пирахъ" г. Баратынскаго много прекрасныхъ стиховъ. Какъ мила, напр., эта характеристика нашей доброй Москвы:... (выписаны стихи 52—66) и прочее. Г. Баратынскаго, за эту поэму, нѣкогда величали „пѣвцомъ пировъ": мы думаемъ, что за этотъ отрывокъ, его слѣдовало бы называть „пѣвцомъ Москвы"....

Какъ хороши эти стихи въ „Пирахъ":.... (выписаны стихи 144—162, причемъ послѣдніе 4 набраны курсивомъ. Соч. т. VII, стр. 492—493).

Во второй половинѣ вѣка „Пиры" были настолько забыты, что до послѣдняго времени эпиграфъ къ „Арапу Петра Великаго" былъ загадкой, и даже многимъ неизвѣстенъ былъ авторъ, изъ котораго Пушкинъ взялъ стихи:

Ужъ онъ накрытъ; ужъ онъ рядами
Несчетныхъ блюдъ отягощенъ.

Эда. Финляндская повѣсть (стр. 15). Печатается по изданію 1826 года „Эда и Пиры. Стихотворенія Евгенія Баратынскаго". По другимъ изданіямъ

исправлены опечатки въ двухъ стихахъ: въ 640-мъ (напечатано: „Сидитъ *недвижимо* у окна") и въ 646-мъ (напечатано: „Когда сметешь ты, вьюга").

Прежде, чѣмъ выпустить въ свѣтъ полностью свою поэму, Боратынскій помѣстилъ нѣсколько отрывковъ въ „Мнемозинѣ", въ „Полярной Звѣздѣ" и въ „Московскомъ Телеграфѣ".

Въ IV части „Мнемозины", вышедшей въ 1825 году (цензурное одобреніе отъ 13 октября 1824 года), помѣщены три отрывка, подъ заглавіемъ „Отрывки изъ поэмы: Эда" и съ подписью **** (стр. 216—220).

Въ первомъ отрывкѣ, заключающемъ въ себѣ 201—255 стихи „Эды", имѣются слѣдующія различія сравнительно съ принятымъ нами текстомъ:

219 Горячихъ слезъ на нихъ замѣтны!
221 Съ красоткой хитрый постоялецъ,
224 Когда жъ ей серьги подаритъ
228 Потомъ его благодаритъ
230 На соннаго его порой
233 И долго слышенъ дѣтскій смѣхъ.
252 Сама бѣдняжка припадаетъ
255 Къ лобзаньямъ страстнымъ обращаетъ!

Кромѣ того, стихи 234—240 (включительно) замѣнены въ „Мнемозинѣ" многоточіемъ со слѣдующей выноской: „Точки поставлены самимъ сочинителемъ".

Второй отрывокъ заключаетъ въ себѣ 479—537 стихи и имѣетъ слѣдующія разночтенія:

486 То пріютитъ безмолвный боръ,
489—492 Но чаще въ ближній долъ они
Нисходятъ разными путями.
Тамъ надъ прозрачными струями
Ручья веселаго, въ тѣни
Густыхъ березъ, рябинъ узорныхъ,
Обросшихъ, вѣсти нѣтъ когда,
Два камня,—падшіе туда
Съ высотъ сосѣдственныхъ нагорныхъ;
496—503 Кладетъ усталую главу,
Безпечнымъ сномъ глаза смыкаетъ.
Она отъ друга своего
Докучныхъ мошекъ отгоняетъ;
Власами мягкими его
Рукой младенческой играетъ!
504 Когда-жъ подымется луна
507 Къ себѣ — — его пріемлетъ.
512 Они возсѣли молчаливо.
513—514 Глазами въ тихомъ забытьи
Шалунъ слѣдилъ его струи,
523—525 У добродушный (sic!) красоты
Уста въ то время улыбнулись;

Но тутъ же скорбь взяла свое
531 „Нѣтъ, нѣтъ, не кстати мнѣ тоска!

Въ третьемъ отрывкѣ (623—651 стихи) мы находимъ слѣдующіе варіанты:

627 Изъ подъ сугробовъ снѣговыхъ
Скалы чернѣютъ: снѣгъ буграми
629—631 Лежитъ на соснахъ вѣковыхъ.
Кругомъ все пусто. Зашумѣли,
644—645 Давно увянулъ щастья цвѣтъ:
Чтожъ для меня кончины нѣтъ?
648—651 На сонъ желанной, сонъ глубокой,
О, скоро ль гробъ меня возметъ;
И на него сугробъ высокой
Дыханье бури нанесетъ!"

Въ „Полярной Звѣздѣ" на 1825 годъ (цензурное одобреніе отъ 20 марта 1825) помѣщенъ тотъ же отрывокъ (послѣдній) подъ заглавіемъ „Зима. (Отрывокъ изъ Повѣсти: Эда)" и съ подписью *Б.*, стр. 372—373. Чтеніе „Полярной Звѣзды" отличается отъ чтенія „Мнемозины" только 645 стихомъ (въ „Полярной Звѣздѣ" 645-й стихъ читается такъ же, какъ и въ изданіи 1826 года).

Небольшой отрывокъ (стихи 41—57) былъ помѣщенъ въ „Московскомъ Телеграфѣ" 1825 г., № 22, ноябрь, подъ заглавіемъ „Финляндія (примѣчаніе: изъ повѣсти Эды)" и съ подписью *Баратынскій*, съ разночтеніемъ 41 стиха:

Чудесный край! его красамъ

Въ Казанскомъ архивѣ Боратынскихъ хранится автографъ—начало поэмы „Эда" (первые 95 стиховъ) со слѣдующими разночтеніями:

24 Дѣлить съ тобою жажду я:
26—28 Оставь красавица моя;
Къ чему пустая боязливость,
Къ чему?.....
Питая чувства жаръ,
30 Финляндкѣ Эдѣ. Взоровъ живость,
34—40 Одѣвшій ловко ловкой станъ
Щеголеватый доламанъ
И безъ рѣчей краснорѣчиво
Все было въ немъ. Но кто-бы мнилъ,
Любуясь на его ланиты
Легчайшимъ пухомъ чуть покрыты
Что-бы умѣлъ... Онъ Руской былъ
И завела въ отчизну фина
Его походная судьбина.
59—62 Красой лица, красой души
Уединенно разцвѣтая
Отца простова дочь простая

Являлась Эда въ сей глуши
Очей отрадою нежданной.
Такъ на нагихъ ея скалахъ
Растетъ цвѣтокъ благоуханный.
65 Въ раскошныхъ кольцахъ по щекамъ
71 Сидѣла невзначай она.
Сходилъ на землю вечеръ томной.
Какъ мигъ такой не подстеречь?
74—76 Увы! красотка молодая
Прервать не думала ее
И сердце нѣжное свое
Ей съ вѣрой дѣтской открывая
Въ сѣтяхъ, не видѣла сѣтей!
80—86 Его лобзаньямъ открываетъ
Благоуханный свой листокъ
И не предвидитъ хладъ суровый
Отъ сѣвѣра дохнуть готовый
Въ рукѣ гусара моего
Давно рука ее лежала
Стыдомъ красавица пылала
Межъ тѣмъ, забывшись, у него
91—92 Любовь, одна любовь дышала
Въ ея неопытныхъ очахъ.

Еще одинъ отрывокъ первоначальной редакціи „Эды" сохранился въ письмѣ А. И. Тургенева князю П. А. Вяземскому отъ 26-го февраля 1825 года (Остафьевскій архивъ, т. III, стр. 100—101); въ этомъ письмѣ Тургеневъ сообщаетъ князю Вяземскому: „Баратынскій прислалъ мнѣ свою „Эду". Прекрасная повѣсть! Я выписалъ нѣсколько стиховъ въ письмѣ къ Жихареву, которые можешь прочесть. Вотъ еще. Когда гусаръ-обольститель оставилъ бѣдную финку въ добычу грусти и отчаянія, она:

Очнувшись, долго грустный взоръ
Кругомъ себя она водила:
Не утѣшительный позоръ!
За лѣтомъ осень наступила;
Тяжелая, сѣдая мгла
Нагія скалы обвила.
Все мертво было; листъ дубравный
Крутилъ ужъ вихорь своенравный.
Съ природой вмѣстѣ расцвѣла
Ты для любви, младая дѣва!
Жила въ ея восторгахъ ты:
Вся отлетѣла, какъ со древа
Летятъ поблеклые листы!
Жестоко сердце обманула
Любви коварная мечта!
Какъ дней весеннихъ красота,

Тебѣ на мигъ она блеснула:
Исчезло все—земля пуста!
Силъ на роптанье не имѣя,
Вошла бѣдняжка въ уголъ свой
И зритъ письмо передъ собой,
Письмо отъ милаго злодѣя.
„Прости,“ несчастный пишетъ ей,
„Прости! Быть можетъ, сонъ мятежный,
„Что ты была въ любви своей,
„А не казалась прямо нѣжной;
„Что съ Эдой счастливъ былъ бы я,
„Когда бъ умѣлъ я въ счастье вѣрить...
„Богъ намъ обоимъ судія!
„Вашъ полъ умѣетъ лицемѣрить!
„Меня зоветъ кровавый бой;
„Не знаю самъ, куда судьбой
„Я увлеченъ отселѣ буду;
„Но ты была любима мной,
„Но ввѣкъ тебя я не забуду.
„Забудь меня; въ душѣ своей
„Любовь другую возлелѣй.
„Всякъ будетъ плѣнникомъ послушнымъ
„Твоей цвѣтущей красоты.
„Легко воспользуешься ты
„Моимъ совѣтомъ добродушнымъ.
„Легко... но если изъ очей
„Слезу уронишь въ самомъ дѣлѣ
„Ты на листокъ завѣтный сей,
„Утѣшься: жребій мой тяжелѣ
„Судьбины бѣдственной твоей“.

Кто изъ насъ, тяжеле или легче, не вздохнетъ съ грустнымъ воспоминаніемъ и съ укоромъ совѣсти при этомъ окончаніи! Оно мнѣ нравится, ибо я нахожу въ немъ *быль,* а не сказку....“

28 января 1829 года Боратынскій вписалъ въ альбомъ Н. Д. Иванчина-Писарева („Старина и Новизна“ 1905, кн. X, стр. 510—511) отрывокъ изъ 3-ей части (стихи 479—507); въ этомъ отрывкѣ 504-й стихъ читается по „Мнемозинѣ“ и измѣнены два стиха:

498 Духъ притаивъ, она внимаетъ
502 Его волнистыми власами

Работая надъ изданіемъ своихъ сочиненій, вышедшимъ въ 1835 году, Боратынскій существенно измѣнилъ Эду (см. окончательную редакцію).

Подобно тому, какъ цензурному измѣненію подверглись „Пиры“, цензура коснулась и „Эды“, какъ о томъ свидѣтельствуетъ цитированное уже нами письмо барона А. А. Дельвига къ Боратынскому: „Во всей Эдѣ одна значительная ошибка: *когда сметешь ты вьюга.* Четыре стиха, которые тебѣ

кажутся очень нужными для смысла, выкинула Цензура. Мы совѣтовались съ Жуковскимъ и прочими братьями и намъ до сихъ поръ кажется, что безъ нихъ смыслъ не теряетъ, но напротивъ видно намѣреніе автора дать читателю самому вообразить соблазнительную сцену всей Поэмы. Ты пишешь, что Эда хорошо разходится въ Москвѣ. Мы этаго не видимъ. Съ самаго начала послано туда сто экземпляровъ и до сихъ поръ болѣе не требуютъ. Въ Петербургѣ она живѣе идетъ, но появленіе полныхъ сочиненій дастъ ей настоящій ходъ"...

Время написанія „Эды" опредѣляется 1824 и 1825 годами. 31 октября 1824 года Боратынскій писалъ А. И. Тургеневу: „Хотя Ваше Превосходительство сами удостоиваете освѣдомляться о поэтическихъ моихъ занятіяхъ, можетъ быть, я поступлю нескромно, ежели скажу вамъ, что я написалъ небольшую поэму и ежели попрошу у васъ позволенія доставить вамъ съ нея списокъ"... (Подлинникъ письма хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ).

Объ окончаніи „Эды" въ 1824 году говоритъ также и слѣдующее письмо Боратынскаго къ И. И. Козлову: „Je rougis de parler *d'Eda* après le Чернецъ; mais tant bien que mal j'ai fini mon griffonnage. Je crois qu'un peu trop de vanité m'a égaré: je ne voulais pas suivre le chemin battu, je ne voulais imiter ni Byron, ni Pouchkin; c'est pourquoi je me suis jetté dans des détails prosaïques, m'efforçant de les mettre en vers; aussi je n'ai fait que de la prose rimée. En voulant être original, je n'ai été que bizarre." („Русскій Архивъ" 1886, кн. I, стр. 186—187; и въ этомъ письмѣ, какъ и въ Предисловіи къ „Эдѣ", Боратынскій особенно подчеркиваетъ свою независимость отъ Пушкина и отъ принятаго русской литературой новаго типа байронической поэмы).

Такимъ образомъ несомнѣнно, что „Эда" была уже вполнѣ окончена въ 1824 году, и тѣмъ не менѣе ее нельзя датировать однимъ 1824 годомъ: этому году принадлежитъ первоначальная редакція „Эды", дошедшая до насъ только въ незначительныхъ (сравнительно) отрывкахъ. Что Боратынскій писалъ А. И. Тургеневу и И. И. Козлову именно о первоначальной „Эдѣ", за это говоритъ письмо А. И. Тургенева князю П. А. Вяземскому (отъ 26-го февраля 1825 г.), въ которомъ первый сообщаетъ: „Баратынскій прислалъ мнѣ свою „Эду". Прекрасная повѣсть! Я выписалъ нѣсколько стиховъ въ письмѣ къ Жихареву, которое можешь прочесть. Вотъ еще..." (и А. И. Тургеневъ выписываетъ приведенный нами въ варіантахъ отрывокъ. Остафьевскій Архивъ, т. III, стр. 100).

Дошедшая до насъ полностью первая окончательная редакція „Эды" (принятая нами и напечатанная въ 1826 году) относится къ 1825 году, главнымъ образомъ (повидимому) ко второй половинѣ 1825 года, какъ о томъ свидѣтельствуетъ слѣдующее мѣсто въ письмѣ Боратынскаго къ Н. В. Путятѣ (отъ 18 января 1826 года): „Не мудрено, что отъ тебя ускользнуло описаніе Финляндіи, которое ты нашелъ въ Телеграфѣ. Оно писано не въ Гельзингфорсѣ, а *въ Москвѣ*..." (курсивъ нашъ; письмо неточно напечатано въ посмертныхъ собраніяхъ сочиненій Боратынскаго. Подлинникъ хранится въ архивѣ сельца Муранова Тютчевыхъ).

Боратынскій придавалъ большое значеніе своей независимой, оригинальной поэмѣ; такъ же смотрѣли на „Эду" и его друзья-поэты, съ нетер-

пѣніемъ ожидавшіе выхода поэмы Боратынскаго. Лучшимъ выразителемъ такого отношенія къ поэмѣ „пѣвца „Пировъ" и грусти томной" явился и въ данномъ случаѣ Пушкинъ, безпрестанно справлявшійся объ „Эдѣ".

„Чтожъ чухонка Баратынскаго? Я жду" — писалъ Пушкинъ брату въ въ концѣ октября 1824 года (Переписка, т. I, стр. 141). „Торопи Дельвига, присылай мнѣ чухонку Баратынскаго, не то прокляну тебя" (къ нему же въ половинѣ ноября; idem, стр. 149). „Пришли же мнѣ Эду Баратынскую,—торопитъ опять своего брата поэтъ 4-го декабря. Ахъ, онъ чухонецъ! Да если она милѣе моей черкешенки, такъ я повѣшусь у двухъ сосенъ и съ нимъ никогда знаться не буду" (idem, стр. 156). „Къ стати — сообщаетъ Пушкинъ А. Г. Родзянкѣ 8 декабря: Баратынскій написалъ поэму (не прогнѣвайся про Чухонку), и эта чухонка говорятъ чудо какъ мила" (idem, стр. 157). „Пришли мнѣ Цвѣтовъ да Эду" — повторяетъ Пушкинъ брату во второй половинѣ декабря (idem, стр. 165) „Плетневъ не осторожнымъ усердіемъ повредилъ Баратынскому; но Эда все исправитъ" — пишетъ поэтъ въ половинѣ февраля 1825 года (idem, стр. 179).

Писалъ Пушкинъ и къ Боратынскому и просилъ его прислать списокъ съ „Эды", но не получилъ его (т. к. Боратынскій ожидалъ скораго выхода въ свѣтъ поэмы); только въ февралѣ 1826 года удалось Пушкину прочесть „Эду", и онъ съ восторгомъ писалъ 22 февраля барону А. А. Дельвигу: „Что за прелесть эта Эда! Оригинальности разсказа наши критики не поймутъ. Но какое разнообразіе! Гусаръ, Эда и самъ поэтъ — всякой говоритъ по-своему. А описанія Лифляндской природы! а утро послѣ первой ночи! а сцена съ отцомъ!—чудо!" (стр. 328). Въ этотъ же день Пушкинъ отправилъ экземпляръ П. А. Осиповой вмѣстѣ со слѣдующими сопроводительно-рекомендательными строками: „Madame, Voici le nouveau poëme de Baratinsky, que Delvig vient de m'envoyer; c'est un chef-d'œuvre de grâce, d'élégance et de sentiment. Vous en serez enchantée" (стр. 328). Вступился за Боратынскаго Пушкинъ и тогда, когда критика нападала на „Эду", и отвѣтилъ маленькимъ посланіемъ „Къ Баратынскому" (невѣрно датируемымъ 1825 годомъ: Эда вышла въ свѣтъ только въ 1826 году, и тогда стали раздаваться голоса „зоиловъ"):

Стихъ каждый повѣсти твоей
Звучитъ и блещетъ, какъ червонецъ.
Твоя чухоночка, ей-ей,
Гречанокъ Байрона милѣй,
А твой зоилъ—прямой чухонецъ.

Въ началѣ пятой главы „Евгенія Онѣгина" Пушкинъ также упоминаетъ о „пѣвцѣ финляндки молодой", съ которымъ (равно какъ и съ княземъ П. А. Вяземскимъ) поэтъ не намѣренъ бороться въ описаніи картинъ зимней природы.

Вотъ окончательное сужденіе Пушкина объ „Эдѣ" (въ статьѣ, законченной въ 1831 году „Баратынскій"): „...замѣтимъ, что появленіе „Эды", произведенія столь замѣчательнаго оригинальной своей простотою, прелестью разсказа, живостью красокъ и очеркомъ характеровъ, слегка, но мастерски означенныхъ,—появленіе „Эды" подало только поводъ къ непри-

личной статейкѣ въ „Сѣверной Пчелѣ“ и слабому возраженію на нее въ „Московскомъ Телеграфѣ“... Перечтите его Эду (которую критики наши назвали ничтожной, ибо, какъ дѣти, отъ поэмы требуютъ они происшествій),—перечтите сію простую, восхитительную повѣсть: вы увидите, съ какою глубиною чувства развита въ ней женская любовь. Посмотрите на Эду послѣ перваго поцѣлуя предпріимчиваго обольстителя: ...(выписаны стихи 89—93). Она любитъ, какъ дитя, радуется его подаркамъ, рѣзвится съ нимъ, безпечно привыкаетъ къ его ласкамъ... Но время идетъ, Эда уже не ребенокъ: ...(выписаны стихи 169—187). Какая роскошная черта! какъ весь отрывокъ исполненъ нѣги!“

„Эда“ встрѣтила въ критикѣ далеко не единодушный пріемъ: отношеніе Пушкина къ новой поэмѣ Боратынскаго было исключительнымъ, и то, что Пушкинъ особенно цѣнилъ въ „Эдѣ“ — оригинальная простота — многимъ показалось „отпечаткомъ ничтожности“. Еще до выхода въ свѣтъ „Эды“ А. А. Бестужевъ писалъ Пушкину (9 марта 1825 года): „Что же касается до Бар — го — я пересталъ вѣровать въ его талантъ. Онъ изфранцузился вовсе. Его Едда есть отпечатокъ ничтожности, и по предмету и по исполненію“ (Переписка Пушкина, т. I, стр. 188).

Въ томъ же родѣ писалъ и „зоилъ“ „Сѣверной Пчелы“—Ѳ. В. Булгаринъ: „Въ повѣсти Эда, описанія зимы, весны, горъ и лѣсовъ Финляндіи прекрасны. Но въ цѣломъ повѣствованіи нѣтъ той піитической, возвышенной плѣнительной простоты, которой мы удивляемся въ Кавказскомъ Плѣнникѣ, Цыганахъ и Бахчисарайскомъ фонтанѣ А. С. Пушкина... Гусаръ обманулъ несчастную дѣвушку, и она умерла съ отчаянія безъ всякихъ особенныхъ приключеній. Нѣтъ ни одной сцены занимательной, ни одного положенія поразительнаго. Скудость предмета имѣла дѣйствіе и на образъ изложенія: стихи, языкъ—въ этой поэмѣ не отличные“. („Сѣверная Пчела“ 1826, 16 февраля, № 20, отд. Новыя книги). Эта „неприличная статейка“, по отзыву Пушкина, вызвала отпоръ въ „Московскомъ Телеграфѣ“, который выступилъ на защиту поэта и писалъ: „Эда есть первая поэма, изданная Баратынскимъ. Но это не первый опытъ. Читатели найдутъ въ ней мастерское произведеніе опытнаго Поэта. Эда есть новое блестящее доказательство таланта Баратынскаго. Если должно согласиться, что Романтическая Поэма введена въ нашу Поэзію Пушкинымъ, то надобно прибавить, что Поэма Баратынскаго есть твореніе, написанное не въ подражаніе Пушкину. Два сіи Поэта совершенно различны между собою. Характеръ Баратынскаго, о которомъ мы говорили выше (элегія), самобытно отразился въ новой его Поэмѣ“. Разсказавъ вкратцѣ содержаніе „Эды“ съ многочисленными цитатами изъ поэмы, критикъ продолжаетъ: „Отрывки, помѣщенные нами, доказываютъ, что Поэтъ умѣлъ облечь свою повѣсть въ прелестный поэтическій разсказъ. Героиня поэмы возбуждаетъ живое участіе. Поэтическая плѣнительная простота видна въ ея поступкахъ, въ ея словахъ. Ея добродушіе, любовь, довѣренность, раскаяніе, смерть трогаютъ сердце, заставляютъ невольно сожалѣть о погибели Эды... Искусство Баратынскаго въ отношеніи стихосложенія превосходно. Разсказъ въ самыхъ обыкновенныхъ подробностяхъ у него не только *не прозаическій и не вялый*, но совершенно піитическій. Описанія Финляндіи картинны и сняты съ природы—видите, что

въ душѣ Поэта осталось сильное впечатлѣніе дикихъ, угрюмыхъ красотъ ея...»

Но, распространившись о стилистическихъ достоинствахъ „Эды", „Московскій Телеграфъ" отмѣтилъ и нѣкоторые недочеты, къ числу которыхъ отнесъ употребленіе усѣченныхъ словъ и шероховатости въ языкѣ и въ стихѣ. („Московскій Телеграфъ" 1826, ч. VIII, отдѣлъ Библіографіи). Отмѣтимъ въ томъ же „Московскомъ Телеграфѣ" (X часть, № 16) любопытное и мало извѣстное обращеніе барона Розена „Къ пѣвцу Эды". Это сентиментальное стихотвореніе, въ которомъ авторъ „цѣлуетъ дернъ" передъ Эдой, очень показательно въ смыслѣ впечатлѣнія, произведеннаго „Эдой" на современниковъ, и говоритъ о томъ моральномъ порядкѣ чувствъ, какой вызывала поэма Боратынскаго (сравн. съ цитированнымъ выше письмомъ А. И. Тургенева къ князю П. А. Вяземскому).

„Эда" запала въ душу современниковъ, съ Боратынскимъ въ представленіи читателей связалась его поэма, и критики поэта, при разборѣ его произведеній, часто попутно касались и „Эды". Въ 1830 году „Литературная Газета" называла „Эду" „однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ произведеній элегической поэзіи" и ставила ее выше „Бала" — „поэмы болѣе блестящей, но менѣе изящной, менѣе трогательной, менѣе вольно и глубоко вдохновенной" (т. I, № 8, 5 февраля, стр. 64).

Высоко ставилъ „Эду" и И. В. Кирѣевскій, находившій въ поэмѣ Боратынскаго силу и увлекательность въ развитіи главнаго чувства; но въ „Эдѣ", по мнѣнію Кирѣевскаго, на ряду съ прекрасными отдѣльными описаніями, „недостаетъ пластической опредѣленности и симметріи" („Европеецъ" 1832, часть первая, № 2, Обозрѣніе русской литературы за 1831 годъ).

Плетневъ, въ своей статьѣ (1840 года) „Финляндія въ русской поэзіи", называлъ „Эду" самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ русскихъ стихотвореній, въ которыхъ описывается Финляндія, и отмѣчалъ классическую точность каждаго слова, сжатость фразъ и разнообразіе оборотовъ". („Альманахъ въ память двухсотлѣтняго юбилея Александровскаго Университета", изд. Я. Гротомъ, Гельсингфорсъ, 1842; перепечатано въ сочиненіяхъ П. А. Плетнева, т. I, стр. 450—456).

Въ другой статьѣ своей (помѣщенной въ XXXV томѣ „Современника" 1844) Плетневъ подчеркивалъ, что для поэмъ („Эды", „Бала" и „Цыганки") передъ Боратынскимъ не было образцовъ. Пренебрежительно писалъ (въ 1840 году) объ „Эдѣ" Бѣлинскій: „Русскій молодой офицеръ, на постоѣ въ Финляндіи, обольщаетъ дочь своего хозяина, чухоночку Эду—добродушное, любящее, кроткое, но ничѣмъ особеннымъ не отличное отъ природы созданіе. Покинутая своимъ обольстителемъ, Эда умираетъ съ тоски. Вотъ содержаніе „Эды"—поэмы, написанной прекрасными стихами, исполненной души и чувства, и этихъ немногихъ строкъ, которыя сказали мы объ этой поэмѣ, уже достаточно, чтобъ показать ея безотносительную неважность въ сферѣ искусства. Такого рода поэмы, подобно драмамъ, требуютъ для своего содержанія *трагической коллизіи*,—а что трагическаго (т. е. *поэтически*-трагическаго) въ томъ, что шалунъ обольстилъ дѣвушку и бросилъ ее? Ни характеръ такого человѣка, ни его положеніе, не могутъ возбудить къ нему участія въ читателѣ. Почти такое же содержаніе, напр., въ повѣсти

Лермонтова „Бэла“, но какая разница!“... (Соч. т. VII, стр. 488—489). Прямо противоположнымъ характеромъ отличается оцѣнка М. Н. Лонгинова, по мнѣнію котораго „Эда“ играетъ такую же роль въ творчествѣ Боратынскаго, какую у Байрона—Чайльдъ-Гарольдъ, у Гете—Фаустъ и т. д. („Русскій Архивъ“ 1867, „Баратынскій и его сочиненія“ стр. 248—264).

Эпилогъ къ стихотворной повѣсти „Эда“ (стр. 36). Издается по матеріалу „Звѣздочки“, напечатанному въ „Русской Старинѣ“ 1883, кн. III, стр. 43—100, Епилогъ къ стихотворной повѣсти „Эда“, подпись—*Е. Б.*; въ оглавленіи указано имя автора полностью—*Е. А. Баратынскаго.*

Альманахъ на 1826 годъ „Звѣздочка“—изданіе А. А. Бестужева и К. Ѳ. Рылѣева—былъ взятъ при арестѣ ихъ послѣ событій 14 декабря 1825 г. и пролежалъ въ кладовыхъ типографіи Главнаго Штаба до 1861 года.

Такимъ образомъ „Эпилогъ Эды“ при жизни поэта не печатался и не вошелъ ни въ одно изъ посмертныхъ собраній сочиненій.

Въ бумагахъ И. Ѳ. Тютчева, хранящихся въ сельцѣ Мурановѣ, находится списокъ „Эпилога“ со слѣдующими варіантами:

4 Хоть къ ней горишь враждою скрытной,
23 Ихъ подъ слаанскими (?) брегами!
26 Орелъ двуглавый возлетѣлъ!
33 Вѣнцомъ пѣвца, вѣнцомъ героя

Къ этой писарской копіи „Эпилога“ прибавлено слѣдующее замѣчаніе: „Приведенный эпилогъ въ рукописи пріобщенъ къ печатному экземпляру „Эды“, хранящемуся въ Мурановской библіотекѣ племянницы поэта, О. Н. Тютчевой (рожд. Путята), и снабженъ слѣдующей замѣткой Н. В. Путяты:

„Эпилогъ этотъ написанъ въ 1824-мъ году въ Гельсинфорсѣ, въ то время когда была кончена вся повѣсть Эды; но Баратынскій не хотѣлъ напечатать его въ томъ видѣ, какъ онъ вылился изъ подъ пера въ первую минуту вдохновенія. Онъ находилъ, что нѣкоторыя выраженія могутъ показаться обидными и невѣрными для покореннаго народа. По безпечности, или по другимъ причинамъ онъ не исправилъ его и Эда вышла въ свѣтъ безъ эпилога“.

О томъ, что Боратынскій „не желалъ напечатать“ Эпилогъ, говоритъ Н. В. Путята и въ своихъ примѣчаніяхъ къ письмамъ поэта (Мурановскій архивъ); между тѣмъ это свидѣтельство Н. В. Путяты разбивается какъ тѣмъ фактомъ, что „Эпилогъ“ былъ отданъ для напечатанія въ „Звѣздочку“, такъ и современнымъ письмомъ Н. В. Путяты къ А. А. Муханову (отъ 9 марта 1825 года): „*Буря* его имѣла туже участь, что́ *Эпилогъ*: цензура не пропустила ее за слѣдующіе стихи:

Не тотъ ли злобный духъ, геенны властелинъ,
Что по вселенной розлилъ горе? и проч.

Не думаю, чтобъ ваши евнухи Музъ (т. е. петербургскіе) были снисходительнѣе и чувствительнѣе здѣшнихъ (т. е. московскихъ) къ красотамъ ихъ; на всякій случай посылаю тебѣ. Попробуй, авось либо пропустятъ. Прочіе же стихи изъ *Эды* уже печатаются въ Мнемозинѣ, а потому къ сожалѣнію не могу прислать ихъ въ Полярную“... („Русскій

Архивъ" 1905, № 3, стр. 524) „Эпилогъ" датируется 1824-мъ годомъ на основанiи свидѣтельства Н. В. Путяты, а также этого письма, изъ котораго слѣдуетъ, что Путята привезъ изъ Гельсингфорса „Эпилогъ" вмѣстѣ съ „Бурей", „Ледой", отрывками изъ „Эды" и проч., т. е. въ началѣ февраля 1825 года.

Телема и Макаръ (стр. 38). Издается по автографу, хранящемуся въ Казанскомъ архивѣ Боратынскихъ. Рукопись поэта имѣетъ нѣсколько измѣненій, сдѣланныхъ какъ взыскательнымъ художникомъ, такъ вызванныхъ и цензурными соображенiями (въ скобкахъ помѣщаемъ слова, зачеркнутыя поэтомъ):

29 Надежды (сладостной) дѣтскою полна
30 Приходитъ въ Царское. Въ Эскурiалъ пришла она.
41 (Разуменъ онъ,) Благоразуменъ, (добросердеченъ,) доброхотенъ
42 Веселонравенъ (и безпеченъ) беззаботенъ,
56 Но (на бѣду) признаюсь, по пустякамъ:
57 (Посты, раздоръ, обѣдни) Прiютъ отъ бурь житейскихъ намъ
59 Болтливой маленькой Одинъ не ласковый чернецъ
61 „(Охота по мiру шататся,) О чемъ вы слѣпо возмечтали?
63 На томъ онъ свѣтѣ (можетъ статся) мы слыхали.
64 Телему стриженый наглецъ набожный мудрецъ
83 (О немъ) Его поемъ мы пишемъ кое какъ

Сказка Боратынскаго была впервые напечатана въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" на 1827 г. (цензурное одобренiе отъ 18 января 1827 г.) подъ заглавiемъ „Телема и Макаръ" и съ подписью *Е. Баратынскiй* (стр. 297—302), въ измѣненномъ видѣ (отчасти въ силу цензурныхъ условiй). Приводимъ варiанты по „Сѣвернымъ Цвѣтамъ:"

1 Телема ласкова, игрива
3—5 Всегда душа ея полна
Младенческаго безпокойства.
29 Надежды вѣтреной полна
30 Приходитъ ко двору она.
41 Онъ добродушенъ, доброхотенъ,
44 Не ненавидитъ никого,
45 И самъ никѣмъ не ненавидимъ.
51 Зашла въ обитель по пути,
54 Игуменъ ей: сказать ли вамъ?
59 Одинъ задумчивый чернецъ
85—88 Вотъ Магистратъ. Она предъ нимъ
Глаза зажмурила и далѣ;
О нѣтъ, съ возлюбленнымъ моимъ
Не встрѣчусь я въ судейской залѣ!
110—111 Тѣмъ отъ прямаго сходства съ нимъ
Они замѣтнѣй удалялись!

Въ томъ же 1827 году „Телема и Макаръ" была напечатана въ „Славянинѣ" (№ VIII, отд. II, стр. 123—127, подпись *Баратынскiй)* подъ заглавiемъ

„Телема и Макаръ. (Съ Французскаго)“ и съ выноской къ заглавію: „*Телема* значитъ *Желаніе, Макаръ—счастіе.* Оба сіи слова Греческія.“ Въ „Славянинѣ“ находятся слѣдующія разночтенія, сравнительно съ текстомъ автографа и „Сѣверныхъ Цвѣтовъ:“

1—7 Непостоянна, своевольна
Ничѣмъ Телема не довольна,
Попеременно прельщена
То тѣмъ, то этимъ, безпокойства
Всегда душа ея полна.—
Любила толстяка она
Со всѣмъ другаго съ нею свойства;
Открытый радостный лицомъ,
25 Безъ друга въ горести и скукѣ
28 Жить не умѣя съ нимъ въ разлукѣ.
29—31 Приходитъ въ Княжескій чертогъ:
39 пропущенъ
41—42 Разуменъ онъ, добросердеченъ,
Всегда шутливъ, всегда безпеченъ
44—45 по автографу
50 Моя бѣдняжка молодая,
51 по „Сѣвернымъ Цвѣтамъ“
54—61 Игуменъ ей: „признаться вамъ,
Мы съ нимъ увидѣться желали,
Но, на бѣду, по пустякамъ;
Посты, раздоръ и скуку намъ
Въ замѣну стѣны наши дали!“
Но блѣдный и сухой чернецъ,
Сказалъ вертушкѣ наконецъ:
„Охота по міру шататься!“
63 На томъ онъ свѣтѣ можетъ статься!“
64 Телему сей живой—мертвецъ
79 Одинъ изъ нихъ сказалъ ей такъ:
83 О немъ мы пишемъ кое какъ
85—87 по „Сѣвернымъ Цвѣтамъ“
88 Не встрѣчусь я въ судебной залѣ.
110—111 по „Сѣвернымъ Цвѣтамъ“
120 „Со мною въ радостной любви,—

Сличеніе автографа, „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ и „Славянина“ даетъ возможность точно установить послѣдовательность въ измѣненіи текста сказки „Телема и Макаръ“. Всѣ три чтенія относятся несомнѣнно къ 1825—1826 гг., и первоначальнымъ является текстъ „Славянина“, за которымъ слѣдуетъ автографъ поэта. Въ виду того, что всѣ измѣненія „Телемы и Макара“ происходили на протяженіи одного—двухъ лѣтъ, слѣдовало бы принять въ основной текстъ чтеніе „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“, если бы нѣкоторыя измѣненія не объяснялись бы цензурными соображеніями.

Издавая въ 1827 году собраніе своихъ стихотвореній, Боратынскій снова измѣнилъ начало своей сказки. Приводимъ варіанты сравнительно съ чтеніемъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“:

1—5 Непостоянна, своевольна,
Ни чѣмъ Телема не довольна:
Всегда душа ея полна
Младенческаго безпокойства;

Такъ же читается „Телема и Макаръ“ въ изданіи 1835 года и во всѣхъ посмертныхъ собраніяхъ сочиненій Боратынскаго.

„Телема и Макаръ“ представляетъ близкій по духу и по формѣ переводъ сказки Вольтера „Thélème et Macare“ съ тою разницей, что Боратынскій откинулъ заключительное нравоученіе:

Les gens de grec enfarinés
Connaîtront Macare et Thélème
Et vous diront sous cet emblème
A quoi nous sommes destinés.
Macare, c'est toi qu'on désire;
On t'aime, on te perd; et je crois
Que je t'ai rencontré chez moi;
Mais je me garde de le dire
Quand on se vante de t'avoir,
On est privé par l'envie;
Pour te garder il faut savoir
Te cacher et cacher sa vie.

Съ похвалой отнесся къ „Телемѣ и Макару“ „Сынъ Отечества“ (1827 г., ч. 116, № XXI, стр. 78—80), который назвалъ *переводную* сказку Боратынскаго „прекраснымъ подражаніемъ аллегорической Вольтеровой сказкѣ“.

Бѣлинскій „откровенно признавался“ въ томъ, что не понимаетъ „Телемы и Макара“ „ни со стороны содержанія, ни со стороны поэтической отдѣлки“ (Соч. т. VII, стр. 492).

Балъ. Повѣсть (стр. 42). Печатается по изданію „Бала“, вышедшему вмѣстѣ съ „Графомъ Нулинымъ“ Пушкина, первые 14 стиховъ, поставленные въ прямыя скобки,—по автографу, хранящемуся въ Щукинскомъ Музеѣ. Впервые отрывки изъ поэмы появились въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1827 года и въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1828 годъ. Отрывокъ, напечатанный въ „Моск. Телеграфѣ“ (1827 г., ч. XIII, № 1, стр. 3, подъ заглавіемъ „Отрывокъ изъ Поэмы“ и съ подписью *Е. Баратынскій*), представляетъ начало поэмы— 15—69 стихи— и имѣетъ слѣдующія отличія отъ принятаго нами чтенія.

19 Блистаетъ тысячью огней
32 Блестятъ уборы головные;
45—46 Герой крутитъ свои усы,
Политикъ чопорно острится,
36 Подъ гулъ порывистыхъ смычковъ.
*38 Вся зала ропотомъ полна:

66—68 Мигрень... Не знаю... Въ сюрахъ шесть.—
„Съ Княгиней рядомъ вы стояли,
Графиня, знать желалъ бы я....

Отрывокъ изъ начала повѣсти (стихи 19—46) Боратынскій послалъ въ письмѣ къ Н. В. Путятѣ еще въ концѣ февраля 1825 года; въ этой первоначальной редакціи находятся слѣдующіе варіанты (сравнительно съ „Московскимъ Телеграфомъ"):

23 Въ чепцахъ узорныхъ распашныхъ
30—36 Пылаютъ нѣгой взоры ихъ,
Огнемъ каменьевъ дорогихъ
42 Изъ нихъ волшебницы творятъ.
45—46 Кавалеристъ крутитъ усы,
Франтъ штатскій чопорно острится.

Такъ же читается этотъ отрывокъ и въ матеріалѣ альманаха на 1826 г. „Звѣздочка" (Русская Старина" 1883, кн. III, стр. 43—100), съ опечатками въ двухъ стихахъ (въ 24 *пестрыхъ,* въ 46—*штатный*) и съ продолженіемъ (стихи 47—56), которое отличается отъ чтенія „Московскаго Телеграфа" 53 стихомъ:

Выходятъ тучные бояры,

Въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" на 1828 годъ былъ помѣщенъ „Отрывокъ изъ поэмы *Бальный вечеръ*" (стр. 84—86, подпись *Е. Баратынскій*). Въ этомъ отрывкѣ, заключающемъ въ себѣ стихи 484—531, имѣются слѣдующіе варіанты сравнительно съ принятымъ нами текстомъ:

497 Ея чело жемчугъ облегъ,
502 И въ томной прихоти своей,

Въ 1832—1833 гг., работая надъ собраніемъ своихъ стихотвореній, Боратынскій измѣнилъ слѣдующіе стихи (въ такомъ видѣ поэма была напечатана въ изданіи 1835 года):

21—27 Ревутъ смычки: толпа гостей;
Гулъ танца съ гуломъ разговоровъ.
Въ роскошныхъ перьяхъ и цвѣтахъ,
Съ улыбкой мертвой на устахъ,
Обыкновенной рамой бала,
Старушки свѣтскія сидятъ
И на блестящій вихорь зала
285 Молчи же! не нуждаюсь я
299 Моей печали не вини".
307 Межъ тѣмъ по карточкѣ визитной
341—346 Я къ ней способна! Встарину,
Межъ многихъ рѣдкостей востока,
Себѣ я выбрала одну....
Вотъ перстень.... съ нимъ я выше рока!

Арсеній! мнѣ въ защиту данъ
Могучій этотъ талисманъ;
350 Дивишься ты! Онъ ядъ таитъ".
341 Или двусмысленно взглянуть
353 Кругомъ глубокій, мертвый сонъ!
365 Сухая, дряхлая рука
392 Ты роду-званія большаго;
606 Прости, дай ручку мнѣ." Вздыхая,
612 Глаза стоятъ и въ пѣнѣ ротъ....
629 Узаконенными словами

Въ этой редакціи „Балъ" вошелъ во всѣ посмертныя собранія сочиненій Боратынскаго.

Въ автографѣ „Бала", хранящемся въ Щукинскомъ Музеѣ, изъ котораго мы заимствовали въ основномъ текстѣ первые 14 стиховъ, поэма озаглавлена „Бальный вечеръ" и разбита на строфы. Этотъ автографъ заключаетъ въ себѣ начало поэмы (первые 167 стиховъ) и имѣетъ слѣдующія разночтенія сравнительно съ принятымъ нами текстомъ:

41—42 Изъ нихъ нещастныхъ и щастливыхъ
Шутя волшебницы творятъ.
67—68 „—Графиня вы тогда стояли
„Съ княгиней рядомъ, что виной?
70 „Она страдаетъ тошнотой?"
87 Чьи пурпуровые уста
89—94 Кто между скромницъ городскихъ,
Между Людмилъ самолюбивыхъ,
Сіянья взоровъ голубыхъ
И даже розъ ланитъ стыдливыхъ,
Ей не отдалъ бы сей же часъ
За глянецъ яркой черныхъ глазъ
101 Какъ остроумна и нѣжна!
116—117 Вокругъ нее заразы страстной
Исполненъ воздухъ! Бѣденъ тотъ
122 Страшися пламенныхъ рѣчей
127 Нѣтъ, не сочувствія прямова
136 Мертвѣла вдругъ мечта ее:
157 Когда Цирцея такъ легко

Сверхъ того, въ автографѣ выпущены вовсе стихи 47—50, 75—78 и 159—162; стихи 19 и 58—читаются по „Московскому Телеграфу", 23, 30—31 и 45—46—по письму поэта къ Н. В. Путятѣ и 53 по „Звѣздочкѣ".

Поэтъ началъ писать „Балъ" въ февралѣ 1825 года, какъ о томъ свидѣтельствуетъ его письмо къ Н. В. Путятѣ въ концѣ февраля (въ началѣ февраля Путята уѣхалъ изъ Гельсингфорса въ Москву): „Пишу новую поэму. Вотъ тебѣ отрывокъ описанія бала въ Москвѣ" (см. выше).

Поэма была задумана сейчасъ же по возвращеніи поэта изъ Гельсингфорса въ Кюмень и подъ непосредственными Гельсингфорсскими впечатлѣ-

ніями. Объ этомъ говоритъ поэтъ въ письмѣ къ тому же Н. В. Путятѣ (письмо отъ 29 марта 1825 года): „Благодарю тебя за похвалы моему отрывку. Въ самой поэмѣ ты узнаешь Гельсингфорскія впечатлѣнія. *Она* моя Героиня. Стиховъ 200 уже у меня написано. Пріѣзжай, посмотришь и посудишь, и мнѣ не найти лучшаго и законнѣйшаго критика". Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что подъ мѣстоимѣніемъ „Она" подразумѣвается графиня Аграфена Өеодоровна Закревская, которою увлекались друзья—поэтъ и Н. В. Путята.

Это указаніе Боратынскаго представляется намъ исключительной важности въ виду того, что въ немъ мы имѣемъ единственное указаніе на прототипы въ творчествѣ Боратынскаго.

Время работы надъ „Баломъ"—февраль 1825—октябрь 1828—опредѣляется письмами поэта къ Н. В. Путятѣ (см. выше) и къ А. А. Муханову (16—17 октября 1826), письмомъ князя П. А. Вяземскаго къ А. И. Тургеневу (15 октября 1828), дневникомъ А. Н. Вульфа и извѣстіемъ въ „Московскомъ Телеграфѣ".

Въ письмѣ къ А. А. Муханову Боратынскій говоритъ: „Принялся опять за стихи, привожу къ концу Дамскій Вечеръ" (напечатано въ „Русскомъ Архивѣ 1895 г., вып. 9, стр. 125, подлинникъ хранится въ Музеѣ П. И. Щукина).

Повидимому, вскорѣ послѣ того Боратынскій окончилъ свою поэму, и въ первой январьской книжкѣ „Московскаго Телеграфа" 1828 года въ отдѣлѣ „Смѣси" было объявлено, что „Е. А. Баратынскій, живущій теперь въ Москвѣ, располагается печатать новую поэму свою: *Бальный вечеръ*". Однако окончательный видъ „Балъ" принялъ только осенью 1828 года, какъ о томъ свидѣтельствуетъ запись въ дневникѣ А. Н. Вульфа подъ 8 октября. А. Н. Вульфъ отмѣчаетъ, что наканунѣ (т. е. 7 октября) баронъ А. А. Дельвигъ привезъ изъ Москвы „Бальный вечеръ и Сказку *Баратын*[*скаго*], которыя онъ скоро тиснетъ" („Пушкинъ и его современники", вып. XXIII, стр. 14).

Князь П. А. Вяземскій (15 октября 1828) пишетъ, что въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" будетъ помѣщено много стихотвореній его, Пушкина и „прекрасно разсказанная сказка Баратынскаго („Переселеніе душъ"—М. Г.), который кончилъ также и свой „Бальный вечеръ" (Остафьевскій Архивъ, т. III, стр. 179).

Изъ литературныхъ воздѣйствій „Балъ" болѣе всего испыталъ на себѣ воздѣйствіе „Евгенія Онѣгина". Вліяніе „Онѣгина" сказалось и въ отдѣльныхъ сценахъ (напр., сцена съ мамушкой), и—отчасти—въ выборѣ героевъ (Арсеній). Любопытно, что „Балъ" и „Графъ Нулинъ" появились вмѣстѣ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" на 1828 годъ, вышли отдѣльнымъ изданіемъ вмѣстѣ и вошли въ собранія сочиненій поэтовъ въ 1835 году. Уже самый фактъ выхода въ свѣтъ „Бала" въ одной обложкѣ съ поэмой Пушкина говоритъ о томъ, что Пушкинъ былъ высокаго мнѣнія о поэмѣ Боратынскаго. Дѣйствительно, мы читаемъ въ статьѣ Пушкина о Боратынскомъ: „Послѣднія его произведенія являются плодами зрѣлаго таланта. Послѣдняя поэма „Балъ" (напечатанная въ Сѣв. Цвѣтахъ) подтверждаетъ наше мнѣніе. Сіе блестящее произведеніе исполнено оригинальныхъ красотъ прелести необыкновенной.

Поэтъ съ удивительнымъ искусствомъ соединилъ въ своемъ разсказѣ тонъ шутливый и страстный, метафизику и поэзію (два лица являются передъ нами, одно исключительно занимаетъ интересъ).

Характеръ героини совершенно новый, развитый con amore, широко и съ удивительнымъ искусствомъ; для него поэтъ нашъ создалъ совершенно новый языкъ и выразилъ на немъ всѣ оттѣнки своей метафизики, для него расточилъ онъ всю элегическую нѣгу, всю прелесть своей поэзіи" и т. д. (см. Соч. Пушкина, изд. Просвѣщенія, т. VI, стр. 306). Ранѣе всѣхъ отозвалась на появленіе „Бала" „Сѣверная Пчела", привѣтствовавшая новую „прекрасную анекдотическую Поэму Баратынскаго". Критикъ „Сѣверной Пчелы" болѣе всего останавливается на характеристикѣ героевъ и считаетъ, что, напримѣръ, „характеръ княгини Нины, свѣтской дамы весьма нестрогихъ правилъ, обрисованъ превосходно"... Заканчивается статья „Пчелы" такъ: „Многія черты мѣстныя и современныя: описаніе бала, туалетъ Княгини, похороны ея и пр., списаны вѣрною мастерскою кистью Поэта-наблюдателя. Стихосложеніе свободное и звучное; множество прекрасныхъ, западающихъ въ память стиховъ, движеніе и живость разсказа, и счастливая способность Поэта рисовать воображенію читателя, часто однимъ словомъ, предметъ въ настоящемъ и полномъ его видѣ. Вотъ въ чемъ должны согласиться самые строгіе критики, прочитавъ сіе новое произведеніе Баратынскаго". („Сѣверная Пчела" 1828, № 150, 15 декабря, отд. *Новыя книги*).

Привѣтствовали „Балъ" и въ „Московскомъ Телеграфѣ": „Новая поэма его (Боратынскаго) доказываетъ, что съ той степени, на которой онъ былъ донынѣ въ современной Русской Литературѣ, сдѣланъ имъ шагъ, и весьма значительный. *Смерть послѣдняго человѣка* и *Балъ* суть творенія, показывающія талантъ Баратынскаго въ полной силѣ, совершенной оригинальности и зрѣлости.

Бѣшенство страстей, которыя тревожатъ отъ времени до времени стоячія воды тихаго и огромнаго озера, называемаго *большимъ свѣтомъ*, дало поэту нашему основаніе его творенія, а пестрота подробностей, однообразіе главныхъ формъ, противорѣчія свѣтской жизни съ природою, дали ему краски блестящія, поразительныя"... Любопытно, что въ „Московскомъ Телеграфѣ" (вслѣдствіе освѣдомленности конечно) увидѣли въ образѣ Нинѣ тотъ же образъ, что и въ стихотвореніи „Какъ много ты въ немного дней", обращенномъ къ графинѣ А. Ѳ. Закревской, съ которой была списана Нина („Московскій Телеграфъ" 1828, декабрь, № 24, стр. 475).

Въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" на 1829 годъ Орестъ Сомовъ писалъ: „.... Заманчивый ходъ поэмы, движеніе, быстрота разсказа, вѣрность описаній, свѣжесть красокъ и неожиданная, поразительная развязка—вотъ неотвергаемыя достоинства сей поэтической повѣсти, написанной живыми прелестными стихами". (P. S. къ „Обзору россійской словесности за 1828 годъ", стр. 106—107).

Дневникъ Новостей „Бабочка" въ своемъ 2 №-рѣ считалъ „особеннымъ для себя удовольствіемъ" начинать „критическія сужденія наши такимъ прелестнымъ произведеніемъ Г. Баратынскаго, которое дѣлаетъ честь словесности Руской и во всякой словесности народовъ Европейскихъ могло бы занять мѣсто почетное". Критикъ „Бабочки" („ъ. ъ."—Раичъ?) едва нашелъ

на солнцѣ пятна, и во всей поэмѣ, по его мнѣнію, оказалось только „три стиха дурныхъ; а гдѣ четвертый?—нѣтъ"; все остальное привело „Бабочку" въ восторгъ („Бабочка" 1829, №№ 2 и 3, 5 и 9 января, отд. *Новыя книги).*

Но не было недостатка также и въ порицаніяхъ, и неблагожелательная къ Боратынскому критика, исходившая главнымъ образомъ изъ моральныхъ принциповъ, открылась „Атенеемъ". „Атеней" полагалъ, что поэма имѣетъ своимъ содержаніемъ фабулу, чуждую поэзіи, *такъ какъ* поэтъ избралъ въ Героини женщину „утратившую невозвратно стыдъ и добродѣтель". „Безъ шутокъ, — говоритъ критикъ „Атенея", — надобно имѣть отличный талантъ Баратынскаго, чтобъ изъ подобныхъ невѣроятностей сдѣлать что нибудь годное для чтенія. Надобно имѣть имя Автору въ литературѣ, чтобы скликать читателей на подобныя сказанія („Атеней" 1829, январь, № 1, стр. 79—85)".

Еще сильнѣе напалъ на Боратынскаго (а также и на Пушкина) Н. И. Надеждинъ. Иронически восторгаясь „самобытностью и самозаконностью генія", преклоняясь передъ „тайнами волшебнаго могущества Поезіи", Надеждинъ ставитъ высоко „пластику" поэмы, заключающуюся въ мало привлекательной группѣ героевъ „Бала" и въ произвольномъ „самозаконномъ" веденіи хода поэмы, и цѣнитъ музыкальность поэмы, выражающуюся въ обильныхъ пиррихіяхъ, несоотвѣтствіи протазисовъ апотазисамъ, въ нарушеніи правилъ стихосложенія и пр. и пр. Въ заключеніе Надеждинъ производитъ общій судъ надъ Пушкинымъ и Боратынскимъ: „Кончимъ разсмотрѣніе наше общимъ замѣчаніемъ объ обѣихъ повѣстяхъ, насъ занимавшихъ. Ето суть прыщики на лицѣ вдовствующей нашей Литтературы! Они и красны, и пухлы, и зрѣлы: но...

Che chi a duo' occhi il veda!.." („Вѣстникъ Европы" 1829, №№ 2 и 3, „Двѣ повѣсти въ стихахъ: Балъ и Графъ Нулинъ").

Не замедлилъ своимъ отвѣтомъ и „Дамскій Журналъ", задѣтый Боратынскимъ (двумя послѣдними стихами „Бала"), и въ 4 № (ч. XXV, стр. 56) 1829 года была помѣщена слѣдующая эпиграмма:

Авторы.

Два друга, сообщась, двѣ повѣсти издали,
Точили балы въ нихъ и все нули писали;
Но слава добрая объ авторахъ прошла,
И книжка вдругъ раскуплена была.
Ахъ, часто вздоръ плетутъ извѣстныя намъ лицы,
И часто къ ихъ нулямъ мы ставимъ единицы.

Въ этой же части „Дамскаго Журнала" былъ помѣщенъ и критическій разборъ „Бала". Вѣрный своему направленію, „Дамскій Журналъ", вступился за честь своихъ прекрасныхъ читательницъ и напалъ на автора за безнравственность. „Съ какимъ же намѣреніемъ и для какой цѣли *вымышленъ* характеръ, самый безнравственный, самый безстыдный, подъ именемъ *Княгини*... Между тѣмъ сколько еще другихъ несообразностей!" И князь Шаликовъ старательно выискиваетъ всѣ несообразности: несообразнымъ кажется ему разговоръ Нины съ Арсеніемъ, несообразна мамушка, объяс-

няемая только тѣмъ, „что уже нельзя обойтись безъ *няни,* когда есть няня у *Тани...*" и т. д. Въ окончаніи, помѣщенномъ въ 5 №-рѣ, „Дамскій Журналъ" оказался благосклоннѣе къ поэту и указалъ на мѣста, напоминающія „Пѣвца Финляндіи, Эдды и Бури" и „достойныя Грацій". Къ числу такихъ мѣстъ князь Шаликовъ относитъ описаніе туалета:

Ужь газъ надъ ней, струясь, блистаетъ... и т. д....

Критикъ „Сына Отечества" вступилъ въ полемику съ „Атенеемъ" и писалъ, что „талантъ истинный, каковъ талантъ Г. Баратынскаго, умѣетъ найти и находитъ Поэзію тамъ, гдѣ для близорукихъ его критиковъ она остается невидимкою". „Сынъ Отечества" слѣдующимъ образомъ подводилъ итоги своего пространнаго разбора „Бала": „характеры въ небольшой сей Поэмѣ начертаны мастерскою кистью, описанія живы, подробности занимательны, стихи прелестны и многіе изъ нихъ сами собою останутся въ памяти: чего-жъ еще можетъ отъ Поэта требовать самый взыскательный критикъ?" („Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ" 1829, т. I, № V, стр. 270—284).

Такъ же, какъ „Сынъ Отечества", отнеслась и „Галатея" къ критикѣ „Атенея", которая была названа „неосновательной, мѣлочной и пристрастной". („Галатея" 1829, ч. 1, № 4, стр. 211).

„Нужно ли разсыпать, спрашиваетъ „Славянинъ", общія похвалы („Графу Нулину" и „Балу") и изношенныя фразы... (приведены фразы изъ отзыва „Сѣверной Пчелы")... Но, боясь колкихъ, справедливыхъ въ семъ случаѣ насмѣшекъ Г.г. Издателей *Сѣв. Пчелы* за такую сентиментальную нелѣпицу, говорю просто: это стихотворенія *А. С. Пушкина* и *Баратынскаго* (ч. 8, стр. 503)".

Въ „Обозрѣніи русской словесности 1829 года", помѣщенномъ въ „Денницѣ" на 1830 годъ (стр. IX — LXXXIV), И. В. Кирѣевскій посвятилъ нѣсколько значительныхъ строкъ характеристикѣ музы Боратынскаго и писалъ о „Балѣ": „Въ Бальномъ вечерѣ Баратынскаго нѣтъ средоточія для чувства и (если можно о поэзіи говорить языкомъ механики) въ немъ нѣтъ одной *составной силы,* въ которой бы соединились и уравновѣсились всѣ душевныя движенія. Не смотря на то однакожь, эта поэма превосходитъ всѣ прежнія сочиненія Баратынскаго изящностью частей, наружною связью цѣлаго и совершенствомъ отдѣлки. Въ самомъ дѣлѣ, кто, прочтя ее, не скажетъ, что Поэтъ сдѣлалъ успѣхи; что самые недостатки его доказываютъ, что онъ требовалъ отъ себя больше, чѣмъ прежде; что смѣшеніе тѣни и свѣта здѣсь не сумерки, а разсвѣтъ, заря новой эпохи для его таланта"... (Соч. подъ редакціей М. Гершензона, т. II, стр. 30).

Писалъ о „Балѣ" Кирѣевскій и при разборѣ „Наложницы", при чемъ отличительными чертами „Бала" считалъ „стройность и гармонію частей", но упрекалъ въ недостаткѣ „лирическаго единства и увлекательности" („Европеецъ" 1832, ч. первая, № 2, стр. 261; соч., т. II, стр. 48).

Въ дружественной поэту „Литературной Газетѣ" обошли молчаніемъ „Балъ", согласившись съ невѣрно понятой мыслью Кирѣевскаго, что „Эда" выше „Бала" — „поэмы болѣе блестящей, но менѣе изящной, менѣе трогательной, менѣе вольно и глубоко вдохновенной" (1830, т. I, № 8, 5 февраля, стр. 64).

Бѣлинскій отнесся къ „Балу" болѣе благожелательно, чѣмъ къ „Эдѣ", и писалъ въ 1842 году: „Гораздо глубже, по характеру героини, другая поэма г. Баратынскаго—„Балъ"... Этотъ демоническій характеръ въ женскомъ образѣ, эта страшная жрица страстей, наконецъ должна расплатиться за всѣ грѣхи свои:

Посланникъ рока ей предсталъ...

Въ этомъ „посланникѣ рока" должно предполагать могучую натуру, сильный характеръ, — и въ самомъ дѣлѣ портретъ его, слегка, но рѣзко очерченный поэтомъ, возбуждаетъ въ читателѣ большой интересъ... Несмотря на трагическую смерть Нины, которая отравилась ядомъ, *такая* развязка *такой* завязки похожа на водевиль, вмѣсто пятаго акта придѣланный къ четыремъ актамъ трагедіи... Поэтъ очевидно не смогъ овладѣть своимъ предметомъ... А сколько поэзіи въ его поэмѣ, какими чудными стихами наполнена она, сколько въ ней превосходныхъ частностей!.." (Соч. т. VII, стр. 489—492).

Въ своей статьѣ „Евгеній Абрамовичъ Баратынскій" (1844) П. А. Плетневъ сопоставляетъ сцену съ мамушкой въ „Балѣ" со сценой Татьяны съ няней въ „Евгеніи Онѣгинѣ" и говоритъ о „подобной сценѣ" Боратынскаго, что „въ ней и тѣни нѣтъ подражанія". — „Это живыя два существа, повидимому самой природой вызванныя передъ зрителями, чтобы вразумить ихъ, какъ неистощимы, и въ то же время какъ самобытны явленія высокаго искусства въ одинаковыхъ обстоятельствахъ. Въ этихъ только случаяхъ и можно убѣдиться, въ чемъ могущество талантовъ"... (Соч. т. I, стр. 547—572).

Переселеніе душъ. (Сказка). (стр. 60). Печатается по „Сѣвернымъ Цвѣтамъ" на 1829 г., пропущенные два стиха — 132 и 351 — по изданію 1835 года. Издавая въ 1835 году собраніе своихъ стихотвореній, Боратынскій измѣнилъ нѣкоторые стихи въ „Переселеніи душъ":

7—10 Глядите! нынѣ родъ людской
Размножась, облилъ шаръ земной:
15—18 Не все. Задача есть другая.
Шатаясь по свѣту, порой
Столкнешься съ родственной душой
20 Душа родная—носъ чужой
25—26 Но онъ потерянъ между насъ,
О немъ живетъ одинъ разсказъ.
29 Въ Египтѣ, жилъ-былъ славный Царь,
40—47 И женихами привела
Къ ней полкъ царей иноплеменныхъ.
И Мемфисъ градъ заликовалъ!
Въ немъ пиръ за пиромъ возставалъ:
Свѣтла, прелестна, возсѣдая
Въ кругу любовниковъ своихъ,
90—100 Самъ Царь досадою вскипѣлъ;
Онъ не охотникъ былъ до шутокъ

И жениха, чрезъ трое сутокъ,
Избрать Царевнѣ повелѣлъ.
Была какъ громомъ рѣчью гнѣвной
Младая дочь поражена.
101 На чтожъ, въ судьбѣ своей плачевной,
175—176 И вотъ что боги ей судили!
Ужъ ей колѣна измѣнили,
229 Дальноземельныхъ, чудныхъ птицъ;
233 Порфирой свѣтлою блистая,
287 И быстрымъ чудомъ бытіе

Въ этой редакціи (изданія 1835 года) „Переселеніе душъ" вошло во всѣ посмертныя собранія сочиненій Боратынскаго.

Въ эпилогѣ сказки поэтъ обращается къ своей женѣ: послѣ женитьбы первымъ большимъ произведеніемъ Боратынскаго было „Переселеніе душъ". Въ автографѣ эпилога (Казанскій архивъ) Боратынскій указываетъ также и литературный источникъ его—*La Harpe*.

Время написанія „Переселенія душъ" — 1828 годъ — опредѣляется (приблизительно) замѣткой А. Н. Вульфа въ дневникѣ отъ 8 октября 1828 года; въ этой замѣткѣ А. Н. Вульфъ говоритъ, что пріѣхавшій наканунѣ изъ Москвы баронъ Дельвигъ „привезъ Бальный вечеръ и Сказку *Баратын*-[*скаго*], которыя онъ скоро тиснетъ". („Пушкинъ и его современники", вып. XXIII, стр. 14).

Князь П. А. Вяземскій, въ письмѣ къ А. И. Тургеневу (15 октября 1828), называетъ „Переселеніе душъ" „прекрасно разсказанной сказкой".

Въ „Московскомъ Телеграфѣ" назвали „Переселеніе душъ" украшеніемъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ" и „веселой остроумной сказкой" (1829, № 1, январь, стр. 109).

И. В. Кирѣевскій говорилъ о сказкѣ Боратынскаго, какъ о „миломъ, остроумно-мечтательномъ капризѣ поэтическаго воображенія" („Денница" на 1830 г., стр. LII—LVI; соч. т. II, стр. 30).

Болѣе всѣхъ остановилась на разборѣ „Переселенія душъ" „Галатея": „*Переселеніе душъ,* сказка *Баратынскаго,* есть одно изъ примѣчательнѣйшихъ стихотвореній сего Альманаха („Сѣверныхъ Цвѣтовъ"). Достоинство его заключается не столько въ содержаніи, сколько въ плѣнительной, поэтической формѣ разсказа, которая, впрочемъ, всегда есть отличительное, главное преимущество сказки. Описаніе пирамидъ и великолѣпія пира свадебнаго прекрасно; но самое описаніе превращенія намъ не совсѣмъ показалось ясно. Замѣтили мы также два, три стиха, противорѣчащихъ благородному (хотя шутливому) тону разсказа". („Галатея", 1830, № 6, отд. IV, стр. 337—338).

Бѣлинскій писалъ о „Переселеніи душъ", что не понимаетъ этой поэмы „ни со стороны содержанія, ни со стороны поэтической отдѣлки". (Соч. т. VII, стр. 492).

Вѣра и невѣріе. Сцена изъ поэмы (стр. 70). Впервые напечатано въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" на 1830 г., стр. 88—94, подъ указаннымъ заглавіемъ и съ подписью *Баратынскій,* и вошло безъ измѣненія въ

изданіе 1835 года (вмѣсто заглавія: Отрывокъ) и во всѣ послѣдующія посмертныя изданія, ошибочно датирующія „Отрывокъ“ 1830 годомъ; въ изданіи „Дешевой Библіотеки“ А. С. Суворина „Отрывокъ“ напечатанъ неисправно.

Послѣдніе два стиха неоконченной поэмы Боратынскаго высѣчены на надгробномъ памятникѣ поэта.

Поэма „Вѣра и невѣріе“ несомнѣнно отразила въ себѣ религіозныя исканія и сомнѣнія Боратынскаго и въ этомъ смыслѣ представляетъ большой автобіографическій интересъ. Въ самое послѣднее время (въ 143 № „Варшавскаго Дневника“, 25 мая 1914 года) проф. Е. А. Бобровъ, весьма неосновательно, по нашему мнѣнію, интерпретировалъ поэму иначе, увидя въ лицахъ діалога, „не носящихъ опредѣленныхъ именъ“ и обозначенныхъ поэтомъ просто „Онъ“ и „Она“,—самого поэта и его жену.

Проф. Е. А. Бобровъ основывается въ своей интерпретаціи на „личномъ объясненіи покойнаго сына поэта, Льва Евгеньевича“ и, безусловно довѣрившись этому свидѣтельству, извлекаетъ изъ „Отрывка“ слѣдующую характеристику жены поэта, Анастасіи Львовны Боратынской: „Оправданіе Бога, Теодицея, пугаетъ жену поэта: его размышленія кажутся ей дерзкими. Для убѣжденныхъ не нужны убѣжденія, аргументируетъ жена. Стало быть, если поэтъ ищетъ убѣжденія, онъ какъ будто еще не убѣдился окончательно и въ Богѣ, и въ безсмертіи.

Премудрость Вышняго Творца
Не намъ изслѣдовать и мѣрить!

Тутъ-то жена поэта и произноситъ свою hausbackene Moral:

Въ смиреньи сердца надо вѣрить
И терпѣливо ждать конца!

Подробнымъ анализомъ мы старались выяснить отличительныя черты‘ рѣзко противополагающія другъ другу обоихъ собесѣдниковъ: мятежнаго мыслителя-поэта и его супругу, преданную, но совершенно лишенную и поэзіи, и философіи, и вообще какого бы то ни было подъема и порыва — даже въ религіи! Своего мужа — „недоноска изъ племени духовъ, но не жителя Эмпирея“ (какъ онъ самъ себя характеризуетъ) жена хочетъ заставить довольствоваться тѣсными рамками чувствованій и мыслей рядовыхъ обывателей земли... Ему жена наказывала, оставивъ „мятежные погромы“, смириться, вѣрить, не разсуждая, терпѣливо ждать конца — забывъ порывъ свой къ Эмпирею... Мы отчетливо видимъ, что не самъ поэтъ видитъ въ смиреніи свое profession de foi, а это жена его, недовольная и напуганная его дерзкими чувствами и думами, читаетъ ему мораль. Смиреніе — ея добродѣтель, и того же она требуетъ и отъ мужа. И когда этотъ „недоносокъ изъ племени духовъ“ рановременно сгорѣлъ, не достигши Эмпирея, она, какъ бы въ укоръ ему и въ посмертное поученіе, велѣла на надгробіе его написать тѣ же слова, которыми она еще заживо стремилась подсѣчь его крылья:

Въ смиреньи сердца надо вѣрить
И терпѣливо ждать конца!

... Пусть не смѣшиваютъ поэта и философа съ его женой!...“

Нельзя не согласиться, что портретъ Ан. Л. Боратынской, нарисованный проф. Бобровымъ, достаточно ярокъ и непривлекателенъ.

„Подробный анализъ“ поэмы вносилъ бы дѣйствительно много новаго и въ біографію поэта и въ толкованіе его неоконченной поэмы, смыслъ которой суженъ проф. Бобровымъ, если бы изслѣдованія проф. Боброва имѣли хотя бы тѣнь правдоподобія.

Что проф. Бобровъ сузилъ задачи поэта—не можетъ быть никакого сомнѣнія: *неопредѣленныя* имена дѣйствующихъ лицъ—Онъ и Она—имѣютъ въ виду *не опредѣленныхъ* двухъ лицъ, а являются представителями многихъ: кто не подойдетъ подъ мѣстоимѣнія „Онъ“ и „Она“,—между тѣмъ какъ всякое вымышленное имя предполагаетъ извѣстную личность, хотя бы и носящую въ себѣ типическое для многихъ. Противополагая „Его“ „Ей“, Боратынскій въ своей поэмѣ занимается не домашними спорами со своей женой, а рисуетъ борьбу двухъ началъ—мужского и женскаго.

Проф. Е. А. Бобровъ основывается въ своихъ выводахъ на „личномъ объясненіи“ Л. Е. Боратынскаго; но отъ кого другого, кромѣ своей матери, могъ знать сынъ поэта, что Боратынскій изобразилъ въ поэмѣ „Вѣра и Невѣріе“ себя и свою жену? Между тѣмъ „убѣжденная“ жена со своей „hausbackene Moral“ писала вскорѣ послѣ смерти поэта къ графинѣ де-Фонтанъ: „Его религіозныя вѣрованія отличались такой силой глубокаго убѣжденія, что смерть представлялась ему лишенной своего зловѣщаго образа. Въ особенности послѣдніе годы онъ стремился къ тому, чтобы я такъ же вѣровала, какъ онъ, и когда я его просила не затрагивать этого вопроса, онъ весело отвѣчалъ, что надѣется разсѣять мое непріязненное отношеніе и *убѣдить меня въ невозможности разлуки двухъ любящихъ существъ*; и, повѣрите-ли Вы, въ то страшное мгновеніе, когда я не могла сомнѣваться въ его смерти, я почувствовала откровеніе, какъ бы охватившее меня, и то, *что до тѣхъ поръ казалось мнѣ сомнительнымъ,* превратилось въ увѣренность“. (Т. I настоящаго изданія, стр. LXXX).— То, что для героини „Отрывка“ является *несомнѣннымъ,* какъ разъ для жены поэта до самой его смерти являлось *сомнительнымъ,* и, слѣдовательно, вся концепція проф. Боброва оказывается не только сомнительной, но и несомнѣнно ложной.

Наложница (стр. 76). Напечатано отдѣльной книжкой въ 1831 году („Наложница. Сочиненіе Е. Баратынскаго. Москва. Въ Типографіи Августа Семена при Императорской Медик. Хирургич. Академіи. 1831“. Цензурное разрѣшеніе отъ 20 марта 1831 года). Впервые отрывки изъ „Наложницы“ были напечатаны въ Альманахахъ: „Денница“ на 1830 г., „Альціона“ и „Сѣверные Цвѣты“—на 1831 годъ. Въ альманахѣ „Денница“ (подъ заглавіемъ „Отрывокъ изъ поэмы“ и съ подписью *Е. Баратынскій,* стр. 136—138) былъ напечатанъ отрывокъ (стихи 15—64), представляющій слѣдующія отличія отъ принятаго нами текста:

15 — — — — — Поздно, господа,
42 Спѣшитъ онъ дверь свою замкнуть.
43 Одинъ оставшійся Елецкой

44 Суровымъ окомъ обозрѣлъ
45—47 Покой, гдѣ только что гремѣлъ
Пиръ разливной и молодецкой.
Двояко взоръ онъ поражалъ,
Двойное чувство возбуждалъ.
50—52 Межъ оконъ зеркало большое,
Но съ середины все въ лучахъ.
Въ пыли богатые завѣсы,
54—58 Ночного пированья слѣдъ
Къ тому-жъ оставили повѣсы,
Зола изъ трубокъ здѣсь и тамъ,
Стекло по окнамъ, по столамъ
60—62 И вотъ докучливый глазамъ
Полкъ догорѣлыхъ до бумаги

Въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" (стр. 4 и 40, подпись *Е. Баратынскій*) были помѣщены 2 отрывка: „*Новинское*" (Отрывокъ изъ 2 главы романа „Наложница") и „*Сара*" (Отрывокъ изъ романа *Наложница*). Глава V".

Въ первомъ отрывкѣ (стихи 191—219) нѣтъ никакихъ отличій отъ нашего текста, во второмъ—иначе читаются слѣдующіе стихи:

640 День новый окна золотилъ,
658 Она ихъ не смыкала сномъ.
659—660 Рукой сердитою чесала
Цыганка черные власы,
687 Любимыхъ пѣсней пѣть не просишь
730—731 Забавить племена чужія
Изъ пропитанья мы должны;
794—795 И хладнымъ ядомъ проникала
Грусть роковая въ сердце ей

Безъ измѣненія читается отрывокъ (стихи 94—124), напечатанный въ „Альціонѣ" на 1831 годъ (стр. 85—86, подъ заглавіемъ „Отрывокъ изъ поэмы „Наложница" и съ подписью *Е. Баратынскій*).

Незначительно измѣнена „Наложница" и въ изданіи 1835 года („Стихотворенія Евгенія Баратынскаго. Часть II. Москва. Въ типографіи Августа Семена. 1835"). Въ этомъ изданіи поэма была озаглавлена „Цыганкой", исключено предисловіе и измѣнены слѣдующіе стихи:

58 Стекло по окнамъ, по столамъ
67 Но вдругъ, огнувшись (sic), поднялъ взоръ;
70—71 Туманъ, который покрывалъ
Лице Елецкаго, пропалъ.
73—74 Знакомъ мнѣ въ домѣ старъ и малъ.
75 „Вотъ, мой красавецъ, это славно;
80—93 „Прекрасно! Что-же говорили?"
Что говорили! Всякій вздоръ;
А молвить правду, не хвалили.

Покой оставилъ Черноморъ;
132 Летѣлъ на въѣздъ (sic) городской.
340 Встревоженной, но долгой взоръ.
505—524 И помогла ему судьбина.
Не хуже чѣмъ Герой Расина
526 Любимецъ ложъ, восторгъ партера,
529—539 Вздрогнулъ душой Елецкой нашъ:
Разъѣздъ безумный, торопливый;
Немного сходный экипажъ...
Чего и думать? планъ счастливый!
Людей, не медля, онъ зоветъ
И приказанья отдаетъ.
344—545 выпущены вовсе
584 Была впередъ сочинена).
796—797 И тщетно Сара призывала
Покой и радость прежнихъ дней!
804—807 выпущены вовсе
808—809 Елецкой вовсе непривѣтно
Былъ встрѣченъ строгимъ старикомъ:
812—817 Да мало нужды было въ томъ.
853 Съ ней языкомъ безумной страсти.
1048 А мнѣнье общее Москвы!...
1124 Его докучное внушенье
1171—1172 И заживешь ты госпожой;
А тамъ старухи не обидишь.
1246 Надѣюсь, ты довольна мною?
1377 Изъ дома скрылась. Лекарь Частной
1384 Домъ полицейскими оставленъ,
1474—1476 Кругомъ пріѣзжихъ, въ то же время,
Съ веселымъ шумомъ собралось,
И свѣчь сіянье разлилось.

Къ числу варіантовъ изданія 1835 года можно отнести, пожалуй, и пунктуацію въ стихахъ 1055—1056, мѣняющую нѣсколько смыслъ:

Я ждать васъ буду. Все готово.
Бѣжать со мною дайте слово!

Существенно была измѣнена „Цыганка" поэтомъ въ 1842 году, (но въ исправленномъ видѣ при жизни его не печаталась) и была принята въ основной текстъ всѣми посмертными изданіями (см. окончательныя редакціи поэмъ). Въ посмертныхъ изданіяхъ было исключено посвященіе и предисловіе перепечатано съ изданія 1831 года, но со слѣдующими незначительными неточностями:

стран. 74 строка 20 Изобразить какую-*нибудь* добродѣтель
стран. 75 строка 25 Trop de *vigeur* est dureté
стран. 77 строка 3 чѣмъ *болѣе* ее прольетъ
стран. 77 строка 15 *негодяй* и порядоченъ

стран. 78 строка 18 можетъ быть, вамъ не случится увидѣть (перестановка словъ)

стран. 79 строка 27 обладаніе которой можетъ быть *безпорядочнымъ*

стран. 80 строка 8 и *если* дѣйствіе не вредитъ

стран. 80 строка 37 Благоразумные наставники не даютъ (пропущено — *своимъ*) воспитанникамъ книги, *несообразной* съ ихъ лѣтами.

Предисловіе къ „Наложницѣ“ было вызвано отчасти тѣми нападками на Боратынскаго и обвиненіями въ безнравственности, которыми была встрѣчена во многихъ журналахъ другая поэма Боратынскаго—„Балъ“ (см. примѣчанія, стр. 246 и слѣд.).

стран. 76 „Федра, оплакивающая незаконную страсть свою“... рѣчь идетъ, очевидно, о „Федрѣ“ Расина, а не Еврипида.

стран. 77 „Иванъ Выжигинъ“—нравственно-сатирическій романъ Ѳ. В. Булгарина „Иванъ Выжигинъ“ вышелъ въ 1829 году.

стран. 79 „Киприду иногда являлъ безъ покрывала“ — стихъ изъ „Перваго посланія цензору“ Пушкина. Пушкинъ говоритъ, что

„Наперсникъ Душеньки двусмысленно шутилъ, Киприду иногда являлъ безъ покрывала...“

стран. 79 „Подражатель Анакреона въ то же время пѣвецъ Фелицы, пѣвецъ Бога“—Г. Р. Державинъ (1743—1816). Державинъ съ 1791 года пристрастился къ анакреонтической поэзіи и сталъ особенно много писать подражаній Анакреону (вѣрнѣе—анакреонтическимъ сборникамъ) послѣ того, какъ онъ разочаровался въ своей „богоподобной царицѣ“—Екатеринѣ, и послѣ того, какъ Н. А. Львовъ издалъ (въ 1794 году) переводы Анакреонта въ стихахъ.

„Богъ“—религіозная ода Державина (1784), пользовавшаяся міровой извѣстностью (однихъ французскихъ переводовъ „Бога“ насчитываютъ до 15-ти).

Стран. 79 „авторъ стихотворенія *Счетъ поцѣлуевъ* въ то же время творецъ Ермака и переложитель высокихъ пѣсней Давида“—И. И. Дмитріевъ (1760—1837). Эротическое стихотвореніе „Счетъ поцѣлуевъ“ вошло въ изданіе 1823 года; „Лиро-эпическая“ поэма Дмитріева „Ермакъ“ пользовалась большимъ успѣхомъ у современниковъ (на „Ермакѣ“ значительно сказалось вліяніе Оссіана).

Стран. 80 „Душенька“—извѣстная шутливо-эротическая поэма И. Ѳ. Богдановича (1743—1802).

Имя слуги Елецкаго „Черноморъ“—взято изъ „Руслана и Людмилы“ Пушкина.

Стихи 143—148 нѣсколько напоминаютъ удаленіе изъ свѣта Онѣгина.

Стихъ 181—„Своимъ пенатамъ возвращенный“—безсознательное повтореніе стиха Пушкина: „Своимъ пенатамъ возвращенный“ (XXXVII строфа второй главы „Евгенія Онѣгина“).

Стихъ 873 — „Примите исповѣдь мою“—также взятъ изъ Пушкина (XII строфа четвертой главы „Евгенія Онѣгина“).

Въ стихѣ 1034—„Постигнувъ опытную ролю“ — вин. падежъ *ролю* нельзя разсматривать какъ поэтическую вольность, ибо такая форма была распространена и въ живой рѣчи.

Стихъ 1162-й въ изданіи 1831 года читается: Мятель такая *закутила!* (опечатка?).

Стихъ 1248—„Поговоримъ по старинѣ“ — напоминаемъ стихъ Пушкина: „Поговоримъ о старинѣ“ (XVII строфа третьей главы „Евгенія Онѣгина“).

Стихъ 1333 въ изданіи 1831 года читается: „Но грозной бури тишина (опечатка?).

Стихи 1411—1415 по фактурѣ живо напоминаютъ излюбленный Пушкинымъ пріемъ свободныхъ цензуръ.

Время написанія „Наложницы“—1829—1830 гг.—опредѣляется письмами Боратынскаго, а также и тѣмъ, что отрывки изъ поэмы, помѣщенные въ альманахахъ на 1831 годъ, остались безъ измѣненія въ отдѣльномъ изданіи (измѣненія во второмъ отрывкѣ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ слишкомъ незначительны: обычно Боратынскій послѣ окончанія поэмы измѣнялъ многіе стихи).

29 ноября 1829 года поэтъ писалъ изъ Мары И. В. Кирѣевскому: „По приложеннымъ стихамъ ты увидишь, что у меня новая поэма въ пяльцахъ, и поэма ультра-романтическая. Пишу ее, очертя голову“. Что подъ „ультраромантической поэмой“ Боратынскій разумѣлъ „Наложницу“, ясно изъ слѣдующаго его письма къ князю П. А. Вяземскому отъ 20 декабря 1829: „Проза мнѣ не дается, и суетное мое сердце все влечетъ меня къ риѳмамъ. Я пишу поэму. Въ альманахѣ Максимовича вы найдете одинъ изъ нея отрывокъ. Боюсь, не черезчуръ ли онъ романтическій“ („Старина и Новизна“, V, стр. 47—48; отрывокъ изъ „Наложницы“ былъ помѣщенъ въ альманахѣ Максимовича „Денница“).

Повидимому, поэтъ писалъ свою поэму дѣйствительно „очертя голову“ и къ осени 1830 года уже окончилъ ее. Должно замѣтить, что Боратынскій относился особенно горячо къ судьбѣ „Наложницы“ и прислушивался внимательно къ мнѣніямъ, принимая къ сердцу отзывы и вступаясь за свою поэму. Въ началѣ іюля 1831 года (т. е. вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ „Наложницы“) Боратынскій отвѣчалъ на замѣчанія Н. В. Путяты: „Не спорю, что въ Наложницѣ есть нѣсколько стиховъ небрежныхъ, даже дурныхъ; но повѣрь мнѣ, что вообще авторъ Эды сдѣлалъ большіе успѣхи слога въ своей послѣдней поэмѣ, не говоря уже о побѣжденныхъ трудностяхъ, о самомъ родѣ поэмы, исполненной движенія, какъ романъ въ прозѣ; сравни безпристрастно драматическую часть и описательную: ты увидишь, что разговоръ въ Наложницѣ непринужденнѣе, естественнѣе, описанія—точнѣе, проще. Собственно же дурныхъ мѣстъ въ Эдѣ гораздо больше, нежели въ Сарѣ. Въ послѣдней можно критиковать стихъ, выраженіе,—а въ Эдѣ цѣлыя тирады, наприм., весь разговоръ гусара съ Эдой въ первой части. Обыкновенно мнѣ мое послѣднее сочиненіе кажется хуже прежнихъ, но, перечитывая Наложницу, меня всегда поражаетъ легкость и вѣрность ея слога въ сравненіи съ прежними моими поэмами. Ежели въ Наложницѣ видна нѣкоторая небрежность, за то уже совсѣмъ не замѣтенъ трудъ; а это-то и нужно

было въ поэмѣ, исполненной затруднительныхъ подробностей, изъ которыхъ должно было выдти совершеннымъ побѣдителемъ или не браться за дѣло. Я заболтался, мой милый. Извини, что съ тобою спорю. Ты знаешь, что я охотно соглашаюсь съ критиками, когда нахожу ихъ справедливыми, но на твою не согласенъ".

Для того, чтобы защитить свою „ультра-романтическую" или вѣрнѣе (какъ называетъ ее Брюсовъ) реалистическую поэму, Боратынскій предпослалъ ей большое предисловіе, въ которомъ отстаивалъ ее и доказывалъ, что „Наложница" не является безнравственнымъ сочиненіемъ, и впередъ готовъ былъ защищаться и отвѣчать на предвидѣнныя имъ нападки („Я прочелъ въ *Литературной газетѣ*—писалъ поэтъ Кирѣевскому—разборъ „Наложницы" весьма лестный и весьма неподробный. Это—дружескій отзывъ. Что-то говорятъ недруги? Ежели у тебя что-нибудь есть, пришли, сдѣлай милость. *Я намѣренъ отвѣчать на критики*").

21-го сентября 1831 года Боратынскій писалъ Кирѣевскому, что онъ „какъ-то остылъ къ участи „Наложницы", и что „успѣхъ и неуспѣхъ ея для меня теперь равнодушенъ", но въ этомъ же письмѣ онъ говорилъ: „Ежели бъ ты могъ мнѣ прислать № *Телескопа,* въ которомъ напечатано возраженіе на мое предисловіе, я бы непремѣнно отвѣчалъ, и отвѣчалъ дѣльно и обширно. Я еще болѣе обдумалъ мой предметъ со времени выхода въ свѣтъ „Наложницы", обдумалъ со всѣми вопросами, къ нему прикосновенными, и надѣюсь разрѣшить ихъ, ни въ чемъ не противорѣча первымъ моимъ положеніямъ".

„Ультра-романтическая" поэма Боратынскаго, вслѣдствіе новости рискованнаго сюжета и реалистической трактовки, не имѣла успѣха; рѣзкія нападки на поэта настолько раздражали его, что онъ готовъ былъ вовсе перестать печатать.

Въ концѣ 1831 года поэтъ писалъ И. В. Кирѣевскому: „я не отказываюсь писать; но хочется на время, и даже долгое время, перестать печатать. Поэзія для меня не самолюбивое наслажденіе. Я не имѣю нужды въ похвалахъ (разумѣется, черни), но не вижу, почему обязанъ подвергаться ея ругательствамъ. Я прочелъ критику Надеждина"...

Друзья поэта отзывались также очень сдержанно, Жуковскій порицалъ названіе поэмы (Боратынскій защищалъ его и устно, и письменно, и печатно, но въ изданіи 1835 года сдался передъ мнѣніемъ „большинства" и далъ своей поэмѣ скромное имя „Цыганки"),—тѣмъ дороже было Боратынскому всякое проявленіе доброжелательнаго отношенія, и, прочтя во 2-ой книжкѣ „Европейца" критику Кирѣевскаго, поэтъ писалъ ему (22-го февраля 1832): „Разборъ „Наложницы" для меня—истинная услуга... Ты меня понялъ совершенно, вошелъ въ душу поэта, схватилъ поэзію, которая мнѣ мечтается, когда я пишу. Твоя фраза: *переноситъ насъ въ атмосферу музыкальную и мечтательно просторную* заставила меня встрепенуться отъ радости, ибо это-то самое достоинство я подозрѣвалъ въ себѣ въ минуты авторскаго самолюбія, но выражалъ его хуже. Не могу не вѣрить твоей искренности: нѣтъ поэзіи безъ убѣжденія, а твоя фраза принадлежитъ поэту. Ни мало не сержусь за то, что ты порицаешь родъ, мною избранный. Я самъ о немъ то же думаю и хочу его оставить" (Татевскій сборникъ, стр. 37—38).

Точно такъ же благодарилъ Боратынскій П. А. Плетнева за его похвалы „Наложницѣ“, которыя утѣшили поэта „въ неблагорасположеніи другихъ его критиковъ“.

Пушкинъ писалъ П. А. Плетневу, что „поэма Баратынскаго—чудо“ (Переписка Пушкина, т. II, стр. 211), но „Наложница“ рѣшительно не имѣла успѣха въ публикѣ, и ее принимали либо холодно, либо враждебно даже болѣе интеллигентные круги читателей.

20 ноября 1830 года М. П. Погодинъ писалъ С. П. Шевыреву: „Баратынскій написалъ повѣсть въ 8 пѣсняхъ „Цыганку“. Нѣтъ, это не поэзія, и далеко кулику до Петрова дни“ („Русскій Архивъ“ 1882, кн. 3, стр. 177).

Такое же впечатлѣніе произвела поэма и на Е. М. Хитрово, писавшую князю П. А. Вяземскому (21 мая 1831): „нѣтъ, я не могу восхищаться „Наложницей“, и я въ томъ покаялась Пушкину. Впрочемъ я прочла ее въ два часа утра и съ головой наполненной Эсмеральдой—милѣйшей, прелестнѣйшей и очаровательнѣйшей изо всѣхъ Цыганокъ... Я даже вовсе не нашла въ ней автора „Бала“. Все это безцвѣтно, холодно, безъ энергіи и особенно безъ всякаго воображенія. Герой—дуракъ, никогда не покидавшій Москвы. Я не могу его себѣ иначе представить, какъ въ дрянномъ экипажѣ или въ грязной передней“... („Русскій Архивъ“ 1884 г., кн. 2, стр. 418).

Не понравилась „Наложница“ и Н. М. Рожалину („Р. Арх“. 1909, № 7, стр. 498) и многимъ другимъ.

Отношеніе современной критики къ поэмѣ Боратынскаго (также приблизительно отнеслись и къ „Борису Годунову“, вышедшему одновременно съ „Наложницей“) въ высшей степени значительно, какъ указаніе на положеніе Боратынскаго съ его „новой“ и „ультра-романтической“ поэмой въ современной литературѣ. Любопытны споры о „Наложницѣ“ и въ томъ отношеніи, что здѣсь яснѣе всего сказались позиціи противниковъ, а также и въ томъ, что Боратынскій своей „Антикритикой“ принялъ участіе въ журнальной полемикѣ (вслѣдствіе чего для пониманія его „Антикритики“ нужно имѣть представленіе объ отношеніи къ нему современной критики). Замѣтимъ также, что при передѣлкахъ „Наложницы“ Боратынскій принималъ во вниманіе указанія критиковъ и, какъ будто не соглашаясь съ ними (см. напр. „Антикритику“ и письма поэта), многое измѣнялъ согласно этимъ указаніямъ.

Отрывки „Наложницы“, помѣщенные въ альманахахъ, уже дали поводъ къ критикѣ, и „Порфирій Душегрѣйкинъ“ въ „Сѣверной Пчелѣ“, возражая И. Кирѣевскому, высмѣивалъ „благородство, щеголеватость и изящность“ стиховъ (зола, кабакъ и т. п.—„Сѣверная Пчела“ 1830, 25 января, № 11).

„Литературная новость“, помѣщенная въ „Литературной Газетѣ“ (1830, т. II, № 69, стр. 270), явилась исходнымъ пунктомъ для нападокъ на поэму. *Литературная новость* заключалась въ томъ, что „Е. А. Баратынскій окончилъ и скоро напечатаетъ новый свой поэтическій романъ: *Наложница*. Романъ сей состоитъ въ 9-ти главахъ. Судя по отрывкамъ, мы полагаемъ, что онъ будетъ весьма знаменателенъ новостью предмета, характерами и картинными положеніями дѣйствующихъ лицъ. О поэтическомъ и музыкальномъ достоинствѣ стиховъ Боратынскаго говорить было бы лишнее, или должнобъ было повторить то, что Пушкинъ сказалъ о другой его повѣсти“ (объ „Эдѣ“).

Открылъ компанію противъ „Наложницы" Н. И. Надеждинъ въ „Телескопѣ".

Въ январьской книжкѣ 1831 года (ч. I, № 2, стр. 232—233) Надеждинъ писалъ: „Объ отрывкахъ изъ новаго романа *Баратынскаго* — коего имя страшно произнести передъ читательницами — говорить нѣчего. Увѣряютъ, что романъ сей особенно отличается *новостію положеній дѣйствующихъ лицъ* (!!!), это весьма вѣроятно!.. Только въ отрывкахъ, помѣщенныхъ въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ*, благодаря Бога, до этого еще не доходило. Правда — описаніе героини романа уже озадачиваетъ довольно на первый случай... Изряденъ также и языкъ героя... Это однако выдается за *цвѣты?*"..

Въ „Дамскомъ Журналѣ" были настолько шокированы поэмой Боратынской, что не рѣшились даже назвать ее („Новое сочиненіе Баратынскаго, въ стихахъ"), и „со всею искренностію" говорили, что „не читали сего новаго сочиненія, *новаго* даже и по самому *заглавію* своему, и слѣдовательно не знаемъ, возлагаетъ ли оно на главу сочинителя новый вѣнокъ — конечно не вѣнокъ *Грацій*, но по крайней мѣрѣ... свитый изъ рокового платка, столь важнаго для героинь одного имени съ героинею *сочиненія Баратынскаго* въ стихахъ" („Дамскій Журналъ", 1831, ч. XXXIV, № 20, стр. 111).

Дружественная поэту „Литературная Газета" заступилась за „Наложницу", раздѣливъ съ Боратынскимъ „основательныя мысли о томъ, какъ должно смотрѣть на произведенія словесности". Увидя въ поэмѣ Боратынскаго „мастерское изображеніе" главныхъ дѣйствующихъ лицъ (Елецкаго, Сары и Вѣры Волховской) и „истинно драматическихъ положеній", критикъ Д. (Деларю?) заключаетъ свой разборъ: „...красоты въ цѣломъ и въ частяхъ романа даютъ ему полное право на одно изъ лучшихъ мѣстъ въ ряду произведеній словесности отечественной, и на весьма почетное въ числѣ произведеній Литературы Европейской" („Литературная Газета" 1831, т. III, № 27, стр. 220).

Не такъ писали въ другихъ журналахъ.

Обширную статью посвятилъ „Наложницѣ" „Московскій Телеграфъ". Соглашаясь со взглядомъ поэта на нравственность поэтическихъ произведеній, „М. Телеграфъ" нападаетъ на способъ защиты мнимой безнравственности „стишками Панара", „позволеніемъ Цензуры", „указаніемъ на Квинта Курція и Ивана Выжигина" и пр.: „опроверженіе заключается въ законахъ Изящнаго, извлеченныхъ изъ Природы и Ума человѣческаго, и изложивъ Эстетическую теорію Изящныхъ Искусствъ, мы рѣшительно опровергнемъ привязки слишкомъ стыдливыхъ критиковъ, покажемъ ихъ, столь легко соблазняющимся глазамъ различіе между *Фоблазомъ* и *Новою Элоизой*, между Петроніемъ и Байрономъ". Вмѣсто „слабаго опроверженія", поэтъ, по мнѣнію „Телеграфа", долженъ былъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ сказать нашимъ Тартюфамъ: „Подите прочь".

Недостатки поэмы „М. Телеграфъ" видитъ не въ безнравственности поэта, а въ томъ, что „никогда не являлся онъ съ созданіемъ столь холоднымъ и несовершеннымъ": послѣ „Эды", „Бала", „Послѣдней смерти" поэтъ „даритъ насъ *Наложницею*, въ которой ни основная мысль, ни подробности, *ни даже стихи*, не удовлетворяютъ самаго снисходительнаго критика".

„М. Телеграфъ“ сближаетъ „Наложницу“ съ „Баломъ“: „Арсеній и Елецкій, Княгиня и Цыганка, Вѣра Волховская и Ольга—одни и тѣ-же лица; поэтъ могъ сдѣлать ихъ разнообразными различіемъ положеній. Но для сего онъ долженъ былъ развить страсти иначе“, „изъ противорѣчій сердца съ общественными условіями извлечь новые очерки“. Этого не находитъ критикъ въ „Наложницѣ“ и, отдавая предпочтеніе „Балу“, говоритъ, что въ „Наложницѣ“ поэтъ „занимается только отдѣлкою нѣкоторыхъ внѣшнихъ картинъ; характеры не развиты; страсти молчатъ; душа поэта не говоритъ съ душою читателя: поэтъ только рисовальщикъ портретовъ, а не живописецъ Человѣка“. Указавъ на несообразности въ развитіи характеровъ героевъ и положеній, критикъ переходитъ къ художественной сторонѣ произведенія и не только не находитъ „ни одной поэтической подробности“, но говоритъ, что „стихи въ *Наложницѣ* тяжелы, неуклюжи, писаны такъ небрежно, что погрѣшности ихъ непростительны едва начинающему писать“. Находитъ критикъ ошибки въ „Наложницѣ“ и противъ языка и грамматики и приводитъ рядъ примѣровъ (нѣкоторые изъ нихъ вызываютъ сейчасъ недоумѣніе):

Къ *дядямъ* и теткамъ съ поздравленьемъ...
Скакалъ *съ* прихода *на* приходъ...
Я не исполню *вашъ приказъ*...
Душа въ немъ весело *вздрогнула:*
„Прекрасно!“ шепчетъ—„*я рѣшонъ!*“
Въ театръ они, сомнѣнья *нѣту*...
Давно, прохожихъ *окликая*,
Раздался будочниковъ вой...
Предъ ней *віющіясь* четы...
Я равнодушенъ вамъ иль нѣтъ?
Оставленъ вамъ *исходъ* единой...
А я... *что* слезъ я *источила!*
Какихъ обидъ не проглотила...
Я только, только, что *не сдохла*...

Въ итогѣ „М. Телеграфъ“ находитъ, что „Наложница“ была создана въ тѣ несчастныя минуты душевнаго бытія, когда „не требуетъ поэта къ священной жертвѣ Аполлонъ“..... („Московскій Телеграфъ“ 1831, № 6, мартъ, стр. 235 и слѣд.).

Подобно „Московскому Телеграфу“ Полевого, Н. И. Надеждинъ въ „Телескопѣ“ подробно останавливается на разборѣ предисловія „Наложницы.“

Надеждинъ упрекаетъ поэта, „занимающаго почетное мѣсто въ литературѣ“, въ томъ, что онъ не понимаетъ слова „Литература“, такъ какъ опредѣляетъ ее, какъ „науку, подобную другимъ наукамъ“.

Смѣшивая далѣе литературу въ общемъ значеніи съ изящной литературой, Боратынскій, по мнѣнію Надеждина, ошибается и въ томъ, что „нравственная критика Литературнаго произведенія ограничивается простымъ изслѣдованіемъ: справедливы, или несправедливы его показанія“; между тѣмъ отличительное достоинство и назначеніе поэтическаго произведенія есть изящество: „*изящество* есть гармонія *истины* и *блага!*...“ „Произведеніе изящное, по словамъ Надеждина, есть не что иное, какъ малый міръ, образъ

великой вселенной въ миніатюрѣ". „Неоспоримо, пишетъ Надеждинъ, что гармонія, составляющая изящество великой вселенной, для нашего человѣческаго уха, постигающаго ее только въ отдѣльныхъ частяхъ и дробныхъ отрывкахъ, звучитъ нерѣдко яркими диссонансами: но сіи диссонансы спасаются во всеобщей симфоніи безчисленныхъ аккордовъ бытія, открывающейся иногда и намъ, въ минуты превышеземнаго одушевленія.

Африканскія пустыни и Лапландскія тундры столькожъ мало вредятъ внѣшнему великолѣпію физической природы, сколько буйныя страсти и гнусныя преступленія—внутреннему достоинству міра нравственнаго. Это тѣни, коихъ мрачность подчинена свѣту, по законамъ высочайшей мудрости „вселенная—не смотря на нихъ, или лучше, благодаря имъ —представляетъ собой торжество высочайшей гармоніи, поучительное и назидательное. Таковы должны быть и изящныя произведенія собственнаго нашего искусства! Для нихъ тѣни также необходимы; но не иначе, какъ въ подобномъ подчиненіи свѣту... Эта эстетическая *свѣто-тѣнь* есть основаніе и изящества и нравственности и даже истины искусственныхъ произведеній"....

„Чтожъ будетъ составлять *нравственность Литературныхъ произведеній?*—спрашиваетъ Н. И. Надеждинъ и отвѣчаетъ длинными разсужденіями, суть которыхъ сводится къ слѣдующему: „Разоблачать безжалостно до нага нашу природу, въ злополучныя минуты ея униженія, не значитъ ли осрамлять человѣческое наше достоинство и тѣмъ разрушать единственный оплотъ, коимъ ограждается нравственное бытіе наше?..."

„Безуменъ художникъ, восклицаетъ Надеждинъ, оживляющій образъ улитки на полотнѣ или перелагающій на музыкальныя ноты лягушечье кваканье: еще безумнѣе поэтъ, истощающій свою творческую дѣятельность на представленія пороковъ и преступленій, коихъ гнусность гораздо отвратительнѣе. Только тогда подобное представленіе можетъ получить эстетическую занимательность и вмѣстѣ нравственное достоинство, когда, волшебнымъ жезломъ искусства, будетъ возвышено до ужасающаго величія, приводящаго въ назидательный трепетъ, или умягчено до трогательной слабости, возбуждающей умилительное соболѣзнованіе. Но хладнокровный разсказъ, передающій оффиціальныя извлеченія изъ архивовъ соблазна и преступленія... сколь бы ни былъ *справедливъ* и *полонъ*—есть произведеніе безобразное и безнравственное, или лучше—тѣмъ безобразнѣе и безнравственнѣе, чѣмъ *справедливѣе* и *полнѣе*"....

Переходя къ разбору „Наложницы", Надеждинъ указываетъ, что поэма не удовлетворяетъ „страшнымъ условіямъ нравственности", изложеннымъ самимъ поэтомъ, т. к. не обладаетъ ни справедливостью, ни полнотой показаній: „Что *показанія его не справедливы,* это доказываетъ вся ткань его, составленная кое какъ изъ произвольнаго сцѣпленія случаевъ, коихъ чрезмѣрная обыкновенность простирается до необыкновенности...... Еще ничтожнѣе оно въ отношеніи *къ полнотѣ показаній!* Что въ немъ показывается? Ровно ничего! Дѣйствующія лица скользятъ, какъ тѣни: въ нихъ не уловишь ни одной индивидуальной черты, которая бы могла представить любопытный фактъ для изученія нравственной нашей природы. *Елецкаго* одинъ только темный силуэтъ, очерченный по тѣни *Онѣгина; Вѣрѣ* не дано ничего, кромѣ имени и языка; у ней и лица не знать. Только

черты *Сары* набросаны довольно рѣзко. Но вся картина подернута какою-то зыбкою мглой неопредѣленности, изъ-подъ которой не пробивается ни одной ясной, полной, доконченной идеи". Произведеніе Боратынскаго объявляется Надеждинымъ „совершенно *невиннымъ*," т. к. „развратъ представленъ въ немъ такъ, что на него можно только зазѣваться: и не живо и не ярко и не полно. Да и сверхъ того,—иронически добавляетъ критикъ—поэтическое правосудіе, противъ коего поэтъ вооружается въ предисловіи, въ самомъ стихотвореніи соблюдено довольно строго".... („Телескопъ" 1831, ч. III, № 10, отд. VII, стр. 228—239).

„Я прочелъ критику Надеждина", писалъ Боратынскій Кирѣевскому въ ноябрѣ 1831 года.—„Не знаю, буду ли отвѣчать на нее, и что отвѣчать? Онъ во всемъ со мной согласенъ, только укоряетъ меня въ томъ, что я будто полагаю, что изящество не нужно изящной литературѣ: между тѣмъ какъ я очень ясно сказалъ, что не говорю о прекрасномъ, потому что буду понятъ немногими. Критика эта меня порадовала; она мнѣ показала, что я вполнѣ достигнулъ своей цѣли: опровергъ убѣдительно для всѣхъ общій предразсудокъ, и что всякій нѣсколько мыслящій читатель, видя, что нельзя искать нравственности литературныхъ произведеній ни въ выборѣ предмета, ни въ поученіяхъ, ни въ томъ, ни въ этомъ, заключитъ вмѣстѣ со мною, что должно искать ее только въ истинѣ или прекрасномъ, которое не что иное, какъ высочайшая истина. Хорошъ бы я былъ, ежели бъ я говорилъ языкомъ Надеждина. Изъ тысячи его подписчиковъ врядъ ли найдется одинъ, который что-нибудь бы понялъ изъ этой страницы, въ которой онъ хочетъ объяснить прекрасное. А что всего забавнѣе, это то, что переводъ ея находится именно въ предисловіи, которое онъ критикуетъ. Ежели буду отвѣчать, то потому только, что мнѣ совѣстно передъ тобою, заставивъ тебя понапрасну отыскивать и посылать журналъ". (Татевскій сборникъ, стр. 26—27).

Задѣли Боратынскаго въ „Телескопѣ" и въ 1832 году въ „Лѣтописи отечественной литературы" при отчетѣ за 1831 годъ: „*Наложница (Баратынскаго)*, отлитая по предпослѣдней модѣ, въ лирикоэпическую форму, могла бъ вовсе не вставать съ типографическаго ложа" („Телескопъ" 1832, ч. VII, стр. 156).

Въ „Сынѣ Отечества и Сѣверномъ Архивѣ" были помѣщены двѣ статьи. Характеръ первой изъ нихъ опредѣляется фразой о предисловіи: „вся эта выходка — парадоксъ, защищаемый съ рѣдкою запальчивостью". Критикъ (юр.) нападаетъ на содержаніе „Наложницы", но самымъ „неблагопристойнымъ" считаетъ заглавіе и высказываетъ пожеланіе, чтобы дарованіе Боратынскаго приняло „другое, лучшее направленіе". „И въ Наложницѣ—говоритъ критикъ—есть мѣста, имѣющія рѣшительное достоинство.... но, къ несчастію, эти отдѣльныя красоты не искупляютъ недостатковъ всего романа, строго разсматриваемаго въ цѣломъ.—Мы не говоримъ о превосходномъ языкѣ — онъ всѣмъ извѣстенъ. Изъ всѣхъ новѣйшихъ поэтовъ нашихъ, Боратынскій одинъ, если не ошибаемся, сохранилъ юношескую упругость.... жаль, что иногда онъ попадаетъ въ другую крайность: сбивается въ прозаизмъ". Другая статья (Рюмина), хотя и имѣетъ также моральные наклоны, отличается болѣе благожелательнымъ характеромъ. Критикъ указываетъ на слабыя мѣста, на несообразности, на уклоненія отъ „Высшей поэзіи" („сестры Истины и Ре-

лигіи"), но говоритъ, что „Наложница" представляетъ новый моментъ развитія Боратынскаго. „Большой объемъ, богатство и живость описаній, занимательность положеній и вообще счастливая смѣлость вполнѣ познавшаго себя генія — ставятъ *Наложницу* выше прочихъ произведеній Баратынскаго"... („Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ" 1831, т. XX, отд. IV, стр. 53—63).

Благожелательнымъ характеромъ отличается и большая статья Сенсерскаго съ подробнымъ пересказомъ содержанія и блѣднымъ разборомъ дѣйствующихъ лицъ и нравственной цѣли поэмы (критикъ не могъ найти „ни одной нравственной мысли" въ поэмѣ). Сенсерскій повторяетъ пожеланіе, ставшее общимъ мѣстомъ, чтобы поэтъ избиралъ „предметы, болѣе изящные, болѣе возвышенные и, слѣдовательно, болѣе соотвѣтственные съ блестящимъ его дарованіемъ." („Гирлянда" 1831, №№ 13 и 15).

Большую статью „Наложницѣ" посвятилъ Кирѣевскій въ „Европейцѣ". По мнѣнію Кирѣевскаго, „*Наложница* отличается отъ другихъ поэмъ Баратынскаго большею зрѣлостью въ художественномъ исполненіи", и эту мысль онъ подробно развиваетъ, сопоставляя „Наложницу" съ „Эдой" и „Баломъ": „Наложница" совмѣщаетъ въ себѣ лирическое единство и увлекательность „Эды" съ пластической опредѣленностью и симметріей „Бала".

Въ „Наложницѣ" Кирѣевскій видитъ лучшее выраженіе поэзіи Боратынскаго и потому предпосылаетъ своему разбору сжатую, но очень глубокую и содержательную характеристику творчества поэта, заставившую послѣдняго „встрепенуться отъ радости".

Приведемъ небольшую выдержку изъ отзыва Кирѣевскаго о поэмѣ: „Въ этой поэмѣ нѣтъ ни одной сцены, которая бы не привела къ чувству поэтическому, и нѣтъ ни одного чувства, которое бы не сливалось неразрывно съ картиною изъ жизни дѣйствительной, и эти картины говорятъ гораздо яснѣе всѣхъ возможныхъ толкованій. Вмѣсто того, чтобы описывать словами то тяжелое чувство смутной грусти, которое угнетало душу Елецкаго посреди безпорядочной, развратной его жизни; вмѣсто того, чтобы разсказывать, какъ эта грязная жизнь не могла наполнить его благороднаго сердца и должна была возбудить въ немъ необходимость любви чистой и возвышенной; какъ эта новая любовь, освѣжая его душу, должна была противорѣчить его быту;—вмѣсто всѣхъ этихъ психологическихъ объясненій, поэтъ рисуетъ намъ сцены живыя, которыя говорятъ воображенію и взяты изъ вѣрнаго описанія дѣйствительности: картину ночного пированья; его безобразные слѣды въ комнатѣ Елецкаго; окно, открытое на златоглавый Кремль, поутру, при восхожденіи солнца; гулянье подъ Новинскимъ и встрѣчу съ Вѣрою, маскарадъ, разговоръ съ Сарою и пр. и пр. Иногда одинъ стихъ вмѣщаетъ цѣлую исторію внутренней жизни. Такъ, чтобы выразить любовь Елецкаго, поэтъ описываетъ наружность Вѣры, и прибавляетъ только:

Своими чистыми очами,
Своей спокойной красотой,
Столь благороднымъ выраженьемъ
Сей драгоцѣнной тишины,—
Она сходна была съ видѣньемъ
Его разборчивой весны"...

(„Европеецъ“, часть первая, № 2, стр. 259 — 269; см. соч. подъ редакціей М. Гершензона, т. II, стр. 47—54).

Бѣлинскій писалъ въ 1842 году: „Цыганка“,—самая большая поэма г. Баратынскаго, была издана имъ, въ 1831 году, подъ названіемъ: „Наложница“, съ предисловіемъ, весьма умно и дѣльно написаннымъ. „Цыганка“ исполнена удивительныхъ красотъ поэзіи, — но опять-таки въ частностяхъ; въ цѣломъ же не выдержана. Отравительное зелье, данное старою цыганкою бѣдной Сарѣ, ничѣмъ не объясняется и очень похоже на deus ex machina для трагической развязки во что бы то ни стало. Чрезъ это ослабляется эффектъ цѣлаго поэмы, которая, кромѣ хорошихъ стиховъ и прекраснаго разсказа, отличается еще и выдержанностію характеровъ. Очевидно, что причиною недостатка въ цѣломъ всѣхъ поэмъ г. Баратынскаго есть отсутствіе опредѣленно-выработавшагося взгляда на жизнь, отсутствіе мысли крѣпкой и жизненной“. (Соч. т. VII, стр. 492).

Окончательныя редакціи поэмъ.

Пиры (стр. 127). Печатается по изданію 1835 года (стр 35—44), кромѣ стиховъ 118—119, исправленныхъ поэтомъ по цензурнымъ требованіямъ:

Какъ страсть, какъ мысль она кипитъ;
Въ игрѣ своей не терпитъ плѣна,

Такъ же читаются „Пиры“ и во всѣхъ посмертныхъ изданіяхъ, допустившихъ опечатку (?) въ 125-мъ стихѣ—

Пѣвцы, пируя, восклицали—

что значительно измѣнило смыслъ.

Окончательная редакція „Пировъ“ относится, повидимому, къ 1833 году, какъ о томъ говоритъ письмо Боратынскаго къ И. В. Кирѣевскому (въ іюнѣ-іюлѣ 1833 года): „На всякій случай посылаю тебѣ давно мною исправленные „Эды“ и „Пиры“, но теперь только приготовленные къ отсылкѣ“. (Татевскій сборн., стр. 55).

См. примѣчаніе къ первой редакціи поэмы (стр. 225).

Эда. (Стр. 134). Печатается по изданію 1835 года (стр. 3—32), принятому всѣми послѣдующими изданіями, въ которыя вкралась опечатка:

516 Глядѣть старалася на друга:

Окончательная редакція „Эды“ относится, повидимому, къ 1833 г. (см. выше). Замѣтимъ, что всѣ три редакціи Эды: первая, фрагментарная, 1824 года, вторая—1825 года (см. стр. 15 настоящаго изданія) и окончательная—1833 года—значительно отличаются не только отдѣлкой стиха и стилистическими измѣненіями, но и въ содержаніи и въ развитіи характеровъ (послѣднее замѣчаніе относится главнымъ образомъ къ гусару).

См. примѣчаніе къ первой редакціи „Эды“ (стр. 230).

Цыганка (стр. 151). Издается по копіямъ Н. Л. Боратынской, хранящимся въ Казанскомъ архивѣ Боратынскихъ. Эта редакція была принята всѣми послѣдующими изданіями; въ нѣкоторыхъ копіяхъ иначе читаются слѣдующіе стихи:

155 Тамъ клеперъ знаетъ чётъ и нèчетъ;
179 Одушевленной выраженьемъ
844 Такъ мыслилъ онъ. Но въ этотъ мигъ...
1076 выпущенъ
1127 Ктожъ эту скромность даетъ?
1172—1173 Кругомъ пріѣзжихъ собралось,
1177 Платками плечи покрываютъ,

Валерій Брюсовъ, на нашъ взгладъ неосновательно, указалъ на ошибку всѣхъ изданій въ 18 стихѣ VI главы (704), который, по его мнѣнію, должно читать:

Нѣтъ, мыслитъ онъ, до разлученья;

для риѳмы съ „мгновенья", а не „*до разставанья*". („Русскій Архивъ" 1900, № 4, стр. 545). Между тѣмъ со стихомъ—

Онъ ждетъ удобнаго *мгновенья*

риѳмуетъ слѣдующій (708)—И Вѣра, время *разлученья* (какъ и напечатано во всѣхъ изданіяхъ), стихъ же 704—

Нѣтъ! мыслитъ онъ, *до разставанья,*

риѳмовалъ раньше со стихомъ—

Въ сіи недѣли *покаянья*

Послѣдній стихъ (равно какъ и другіе два сосѣдніе стиха) былъ зачеркнутъ авторомъ, вслѣдствіе чего, *по недосмотру поэта,* 704 стихъ остался безъ риѳмующаго съ нимъ. Въ виду того, что къ стиху „мгновенья" уже имѣется риѳма „разлученья" нельзя даже предлагать никакой коньюнктуры. Время окончательной редакціи „Цыганки", по свидѣтельству жены поэта, относится къ 1842 году (въ альбомѣ Н. Л. Боратынской поэма имѣетъ заглавіе: „Цыганка передѣланная въ 1842. Написана въ 1830").

Въ окончательной редакціи „Цыганка" при жизни поэта не печаталась, но, судя по большому числу копій, сдѣланнымъ Н. Л. Боратынской, была совсѣмъ приготовлена къ печати.

См. примѣчаніе къ „Наложницѣ" (стр. 252).

ПРОЗА.

Перстень (стр. 187). Напечатано въ „Европейцѣ" 1832 г., ч. первая, № 2, стр. 165—187, подъ указаннымъ заглавіемъ и съ подписью *Е. Баратынскій,* и при жизни поэта не перепечатывалось.

„Перстень" вошелъ въ посмертныя изданія со слѣдующими незначительными неточностями:

Стран. 188 Строка 2 ...не заглянулъ въ (пропущено *свой)* богатый домъ, не прошелъ по (проп. *своему)* прекрасному саду...

Стран. 188 Строка 33 Дубровинъ принужденъ былъ (перестановка) отпрягать лошадей.
Стран. 189 Строка 14 ...хотѣлъ подхватить *его* (вставлено) на лету...
Стран. 190 Строка 36 ...въ невольной тревогѣ, *исполнившей* его душу...
Стран. 194 Строка 6 ...кумъ и кума *и отрекались* за неофита...
Стран. 194 Строка 23 ...впослѣдствіи ему послужившій (перестановка)...
Стран. 194 Строка 27 „Отнынѣ нахожусь я *совершенно* въ твоемъ подданствѣ...
Стран. 196 Строка 1 ...хотя ты *въ семидесяти верстахъ*...
Стран. 196 Строка 16 ...я потеряла его назадъ тому (перестановка) лѣтъ восемь...
Стран. 198 Строка 23 ...ежегодно по немъ совершаютъ (перестановка) панихиду...
Стран. 198 Строка 3 ...я вѣдаю, что (я пропущено) дѣлаю...

Кромѣ того имя „Антоніо" въ изданіяхъ не измѣняется по падежамъ.

„Перстень" датируется 1831 годомъ на основаніи писемъ Боратынскаго къ Кирѣевскому отъ 29 ноября и начала декабря 1831 года. Въ первомъ письмѣ поэтъ говоритъ: „Теперь сижу за повѣстью, кототую ты помнишь: „Перстень". Все это ты получишь по будущей тяжелой почтѣ. Все это посредственно; но для журнала годится". Въ началѣ декабря поэтъ послалъ Кирѣевскому „Перстень" и просилъ поставить „подъ сказкой имя сочинителя". (Татевскій сборникъ, стр. 28).

„Перстень", сколько намъ извѣстно, является единственнымъ образцомъ художественной прозы Боратынскаго, и, мало выдѣляясь въ современной беллетристикѣ, эта повѣсть прошла мало замѣченной современниками.

Боратынскій, повидимому, придавалъ значеніе своей „сказкѣ", такъ какъ просилъ Кирѣевскаго поставить подъ ней „имя сочинителя".

О Заблужденіяхъ и Истинѣ (стр. 199). Напечатано въ „Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія" 1821 года, ч. XIII, стр. 25—36, подъ указаннымъ заглавіемъ и съ подписью *Баратынскій,* и при жизни автора не перепечатывалось; вошло въ посмертныя изданія сочиненій Боратынскаго.

Датируется 1820 годомъ на томъ основаніи, что было напечатано въ первой книжкѣ 1821 года „Соревнователя".

Это разсужденіе о субъективности всѣхъ нашихъ чувствъ представляетъ большой интересъ, раскрывая внутренній міръ юноши поэта, у котораго съ дѣтства была развита „страсть къ умствованію".

Исторія кокетства (стр. 204). Напечатано въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" на 1825 г. (стр. 109—118, подъ заглавіемъ „Исторія кокетства" и съ подписью *Е. Баратынскій*) и при жизни поэта не перепечатывалось; вошло съ опечатками въ посмертныя изданія.

Датируется (предположительно) 1824 годомъ. (Цензурное разрѣшеніе „Сѣверныхъ Цвѣтовъ" на 1825 годъ дано 9 августа 1824 года).

Объ „Исторіи кокетства" въ „Московскомъ Телеграфѣ" писали: „Исторія кокетства (Е. А. Баратынскаго) остроумно вымышлена, но слогъ ея нѣсколько тяжелъ" (1825, февраль, № 4, стр. 333).

Таврида. А. Муравьева. М. 1827 г. in 12, 148 стр. (стр. 208). Напечатано въ „Московскомъ Телеграфѣ" 1827 года, ч. XIII, № 4, отд. „Кри-

тики" стр. 325, подъ указаннымъ заглавіемъ и съ подписью *Е. Баратынскій,* и при жизни поэта не перепечатывалось; вошло въ посмертныя изданія.

Андрей Николаевичъ Муравьевъ (1806—1874) началъ свою поэтическую дѣятельность подъ руководствомъ Боратынскаго и, какъ говорятъ, былъ его ученикомъ. „Таврида" Муравьева не обратила на себя особеннаго вниманія современной критики; недостатокъ поэтическаго вдохновенія и поэтическаго мастерства заставилъ обратиться А. Н. Муравьева къ прозѣ (онъ писалъ, между прочимъ, въ Пушкинскомъ „Современникѣ"). Впослѣдствіи А. Н. Муравьевъ сталъ извѣстенъ, какъ церковный писатель, авторъ „Путешествія къ св. мѣстамъ", „Исторіи россійской церкви", „Житія святыхъ" и пр.

Въ посмертныхъ изданіяхъ Боратынскаго извѣстное стихотвореніе: „Не бойся ѣдкихъ осужденій" озаглавлено А. Н. М. (т. е. А. Н. Муравьеву— см. I томъ, стр. 267).

Извѣстно, что Боратынскій не долюбливалъ журналистики и потому никогда не выступалъ въ печати со своими критическими сужденіями, хотя и высказывалъ ихъ часто въ личныхъ бесѣдахъ и въ письмахъ. Современники поэта, знавшіе его лично, высоко ставили критическое дарованіе Боратынскаго, и многіе поэты обращались къ его суду (князь П. А. Вяземскій, баронъ А. А. Дельвигъ, Д. В. Давыдовъ и другіе).

Кс. А. Полевой въ своихъ „Запискахъ", между прочимъ, такъ отзывается о Боратынскомъ: „Я увѣренъ, что если бы онъ не почиталъ себя поэтомъ и занялся теоріею и критикою литературы, онъ написалъ бы въ этомъ родѣ много умнаго, прекраснаго, пояснилъ бы много идей для своихъ современниковъ. Его ясный умъ, строгій вкусъ, сильная и глубокая душа давали ему всѣ средства быть отличнымъ критикомъ. Это показывали сужденія его о многихъ тогдашнихъ литературныхъ явленіяхъ, сужденія, которыя развивалъ онъ въ нашемъ кругу. Когда пріѣхалъ въ Москву Пушкинъ и начали появляться одно за другимъ сочиненія его (Цыгане, 2-я глава Онѣгина и много лирическихъ стихотвореній), поговорить было о чемъ, и Баратынскій судилъ объ этихъ явленіяхъ съ удивительною вѣрностью, съ любовью, но строго и основательно. Въ поэмахъ слѣпца Козлова не находилъ онъ никакихъ достоинствъ и почти сердился, когда хвалили ихъ, хотя отдавалъ справедливость нѣкоторымъ его стихотворнымъ переводамъ. Кажется, и потомство подтверждаетъ эти сужденія. Онъ не былъ фанатикомъ ни чьимъ, ни даже самого Пушкина, несмотря на дружбу свою съ нимъ и на похвалы, какими тотъ всегда осыпалъ его" („Записки Ксенофонта Алексѣевича Полеваго", СПБ. 1888, стр. 179).

Возможно, что Боратынскій, печатая свой благожелательный разборъ „Тавриды", измѣнилъ своему обыкновенію, желая ободрить начинающаго поэта, въ которомъ онъ увидѣлъ искру дарованія.

Говоря о критикѣ Боратынскомъ, необходимо было бы собрать его отзывы о литературныхъ явленіяхъ, но такъ какъ это выходило бы за предѣлы примѣчанія, мы ограничимся тѣмъ, что приведемъ замѣчанія и исправленія Боратынскаго въ копіи идилліи барона Дельвига „Отставной Солдатъ", хранящейся въ архивѣ Мары.

Надъ стихомъ: „Я въ вечеръ сдѣлалъ" надписано: Ушелъ я въ вечеръ

Стихъ: Какъ въ свѣтлый праздникъ ручка Генеральши—подчеркнутъ и надписано: „Нельзя ли другое сравненіе. Обыкновенья нѣтъ цѣловать ручки Г. въ свѣтлый праздникъ". Боратынскій предлагалъ было сравненіе—„Какъ офицеръ гвардейскій на парадѣ",—но не удовлетворился имъ и зачеркнулъ этотъ стихъ.

Въ стихѣ: „Простой, но сладкій, теплый воздухъ, словомъ"—подчеркнуто слово „простой" и надписано: Не просто.

Подчеркнуто „Тепломъ и запахомъ цѣлебнымъ" и на поляхъ написано: „*Цѣлебнымъ* для солдата слишкомъ важно, да и сравненіе *какъ рыбка въ студеной водѣ* сбиваетъ съ толку воображеніе, слѣдуя за *тепломъ*, которымъ служивой надышался."

„Стада-жъ покинуть безъ присмотра, положившись на вѣрныхъ псовъ опасно"—подчеркнуто и надписано: тонъ не руской, а греческой.

Подчеркнутъ стихъ—И маленькихъ людей, живущихъ тамъ—и надписано: „Опять греческой тонъ. Надобно этому помочь какими нибудь рускими вставками и совершенно избегнуть этого оборота".

Послѣ стиха—Крючекъ иль гвоздь и свой кафтанъ повѣсить—„Прекрасно".

Въ стихѣ „Вздоръ мелишь малый"..... подчеркнуто „малый" и надписано: „братъ *малой* à la Gneditsch".

Подчеркнуто „Зима съ морозами" и замѣчено: „Надобно сказать что эта зима стала въ октябрѣ а безъ того нѣтъ ничего удивительнаго".

Сожженаго ихъ буйствомъ!..—подчеркнуто „буйствомъ": „Слишкомъ возвышенно".

Когда бъ не лица ихъ и не молчанье—подчеркнуто и надписано: „оборотъ слишкомъ просвѣщенной".

Послѣ разсказа солдата—„весь разсказъ прекрасенъ".

Ухъ страшно, страшно — подчеркнуто страшно: „довольно одинъ разъ".

Стихъ—А между тѣмъ курьерскій колокольчикъ — подчеркнутъ, и на поляхъ написано: „Нѣсколько стиховъ передъ этимъ нужно бы прибавить вообще о побѣдахъ а колокольчикъ будетъ служить довершеніемъ описанія."

Мнѣ встать, я вытянусь предъ офицеромъ — подчеркнуто и замѣчено: „вмѣсто *я* лучше: *надо вытѣнутся.*"

Подчеркнутъ и послѣдній стихъ: Не совершаются ль предъ нами явно!—и приписано: „Эти стихи нѣмного вяло оканчиваютъ пьесу, покрайнѣй мѣрѣ сдѣлай послѣдній стихъ съ цезурой, потѣшь мое класическое ухо."

Антикритика. (стр. 213) Напечатано въ „Европейцѣ" 1832, ч. I, № 2, безъ подписи, при жизни поэта не перепечатывалось и не вошло въ посмертныя изданія. Съ разъяснительными примѣчаніями „Антикритика" была напечатана Валеріемъ Брюсовымъ въ „Русскомъ Архивѣ" 1900, № 4, стр. 555—566.

Въ „Европейцѣ" Антикритика была помѣщена съ нѣсколькими опечатками, на которыя указалъ В. Брюсовъ, и которыя исправлены въ настоящемъ изданіи:

Стран. 214 Строка 24 „авторъ не *запрещаетъ*.....
Стран. 218 Строка 20 ...*или* оба смысла въ пользу автора предисловія...
Стран. 222 Строка 1 ...а не отъ *возможности* чувствовать....
Стран. 223 Строка 6 ...*котораго* онъ удостоилъ......

Мы не исправили слѣдующихъ мѣстъ, указанныхъ Валеріемъ Брюсовымъ, вслѣдствіе того, что признаніе ихъ опечатками представляется намъ весьма спорнымъ.

Стран. 219 Строка 25 *Не* (Б.—*Но*) легче ли было бы ему......
Стран. 221 Строка 8 ...знакомство съ Сарой не могло *хладить* (Б.—охладить) любви ея...

Нами приняты также исправленія Брюсова, не оговоренныя имъ:

Стран. 216 Строка 29 ...два количества, *равны* одному третьему...
Стран. 217 Строка 26 Нельзя *привести* раздѣляющей линіи между ними.

Но Валерій Брюсовъ, исправляя опечатки „Европейца", самъ допустилъ нѣсколько опечатокъ:

Стран. 213 Строка 1 Въ 10-мъ № Телескопа, 1831, (пропущено—*года*).
Стран. 213 Строка 19 *Людовика* XIV-*го*...
Стран. 215 Строка 22 обѣ *формы* однозначительны...
Стран. 215 Строка 33 изящное произведеніе должно *сдружить* ихъ...
Стран. 217 Строка 17 *Если же* нѣкоторые пороки кажутся намъ...
Стран. 219 Строка 12 ...съ одной стороны *подвергается*...
Стран. 220 Строка 10 ...не показываетъ *оледенѣлости* въ распутствѣ...
Стран. 222 Строка 30 ...всѣ *типографскія* ошибки...
Стран. 222 Строка 32 ...*лира* поэта, уважаемаго нами...
Стран. 223 Строка 8 ...какъ и въ его *сужденіяхъ*...

Кромѣ того, первоначально заключеніе „Антикритики" было пространнѣе, и только передъ самымъ печатаніемъ Боратынскій просилъ И. В. Кирѣевскаго сократить: „Въ концѣ моего отвѣта Надеждину—писалъ поэтъ—я очень некстати разговорился. Вотъ тебѣ переправка: „Первыя строки мы охотно принимаемъ за иронію...... Отдадимъ справедливость критику: въ пристрастномъ разборѣ его видно" etc. „Недостатокъ логики" замѣни „недостаткомъ обдуманности", и ежели еще какое-нибудь выраженіе покажется тебѣ жесткимъ, препоручаю тебѣ его смягчить" („Татевскій сборникъ", стр. 32).

Объ этомъ просилъ поэтъ Кирѣевскаго и раньше (въ первыхъ числахъ декабря 1831): „Пересмотри мою антикритику, и что тебѣ въ ней покажется лишнимъ, выбрось. Боюсь очень, что я въ ней не держусь нѣмецкаго правовѣрія, и что въ нее прокрались кой-какія ереси".

На основаніи этого письма, „Антикритика" датируется концомъ 1831 года (Боратынскій писалъ ее въ ноябрѣ).

„Антикритика" представляетъ отвѣтъ на критику Н. И. Надеждина, помѣщенную въ „Телескопѣ" (1831, ч. III, № 10, отд. VII, стр. 228—239). См. примѣчаніе къ „Наложницѣ" (стр. 252).

Примѣчанія къ Приложенію.

Первое напечатанное нами въ Приложеніи стихотвореніе заимствовано изъ замѣтки П. Филипповича „Два неизвѣстныхъ стихотворенія Е. А. Боратынскаго" (отд. оттискъ изъ XXIV кн. „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца", Кіевъ, 1914). „Запросъ М[ухано]ву" былъ напечатанъ въ „Московскомъ Телеграфѣ" 1825 года (№ 9) подъ заглавіемъ „М—ву" и безъ всякой подписи. П. Филипповичъ подробно анализируетъ это стихотвореніе и приводитъ весьма вѣскія доказательства въ пользу своего предположенія, что авторомъ стихотворенія „Запросъ М—ву" является Боратынскій. Отсутствіе подписи подъ стихотвореніемъ г. Филипповичъ объясняетъ тѣмъ, что въ то время (въ началѣ 1825 года) рѣшалась судьба поэта, и расположенные къ нему люди старались не называть его имени въ печати. Такъ, 15 марта 1825 года А. И. Тургеневъ писалъ князю П. А. Вяземскому: „Пожалуйста, уйми „Телеграфа" и запрети печатать имя или буквы изъ имени Бар[атынскаго]. Какъ имъ не совѣстно губить его изъ одного любостяжанія! Я уже писалъ объ этомъ. Ни въ скобкахъ, ни подъ піесой, ни подъ титлами, ни in-extenso имени его подписывать не должно. Скоро можетъ рѣшиться его участь". (Остафьевскій Архивъ, III, стр. 106). Сопоставленіе „Запроса М—ву" съ стихотвореніемъ Боратынскаго „A Aurore C[hernval]" и переводомъ поэта своего стихотворенія („Дѣвушкѣ, которой имя было: Аврора"), а также біографическія данныя позволяютъ г. Филипповичу почти несомнѣнно установить авторство Боратынскаго, обратившагося къ Александру Алексѣевичу Муханову (адъютанту финляндскаго генералъ-губернатора А. А. Закревскаго) съ запросомъ относительно Авроры Карловны Шернваль (см. примѣчанія въ I томѣ, стр. 250—251).

Что касается до второго стихотворенія, напечатаннаго нами въ Приложеніи, то оно заимствовано изъ статьи В. Гаевскаго о Дельвигѣ („Современникъ" 1854 г., т. 43, отд. Критики, стр. 34). По предположенію В. Гаевскаго, стихотвореніе Боратынскаго „На смерть Собаки" написано на смерть собачки С. Д. Пономаревой (на этотъ же случай баронъ А. А. Дельвигъ написалъ въ 1823 году „На смерть собачки Амики"). Мы не помѣстили этого стихотворенія въ текстѣ I-го тома въ виду глухого упоминанія о немъ у Гаевскаго и въ виду того, что не встрѣтили никакихъ подтвержденій въ авторствѣ Боратынскаго. Касаясь стихотвореній, посвященныхъ смерти собачки С. Д. Пономаревой, В. Гаевскій добавляетъ: „Не на тотъ же ли случай написано

Баратынскимъ доставленное имъ въ редакцію „Сѣверныхъ Цвѣтовъ" слѣдующее стихотвореніе: „На смерть собаки", сообщенное намъ М. Д. Деларю и до сихъ поръ не напечатанное", и В. Гаевскій приводитъ стихотвореніе въ томъ видѣ, въ какомъ мы его напечатали въ Приложеніи.

Точно такъ же не рѣшились мы включить въ текстъ стихотвореній, написанныхъ Боратынскимъ въ сотрудничествѣ съ другими поэтами, слѣдующаго стихотворенія барона А. А. Дельвига, напечатаннаго въ альманахѣ 1830 года „Царское Село".

Застольная пѣсня.

Es kann ja nicht immer so bleiben.

(Посвящена Баратынскому и Коншину).

Ничто не безсмертно, не прочно
Подъ вѣчно-измѣнной луной,
И все расцвѣтаетъ и вянетъ,
Рожденное бѣдной землей.

* * *

И прежде насъ много веселыхъ
Любило и пить, и любить:
Не худо гулякамъ усопшимъ
Веселья бокалъ посвятить.

* * *

И послѣ насъ много веселыхъ
Полюбятъ любовь и вино,
И въ честь намъ напѣнятъ бокалы,
Любившимъ и пившимъ давно.

* * *

Теперь мы довѣрчиво, дружно,
И тѣсно за чашей сидимъ.
О дружба, да вѣчно пылаемъ
Огнемъ мы безсмертнымъ твоимъ!

Б. Д.

Роченсальмъ, въ Финляндіи 1822.

Объ этомъ стихотвореніи В. Гаевскій говоритъ: „Дельвигъ перевелъ вмѣстѣ съ Баратынскимъ извѣстную застольную пѣсню Коцебу: „Es kann ja nicht immer so bleiben", и посвятилъ ее Баратынскому и Коншину" („Современникъ" 1853, т. 37, стр. 50). Тотъ фактъ, что Дельвигъ „посвятилъ Баратынскому и Коншину" свое стихотвореніе, говоритъ о минимальномъ участіи Боратынскаго въ сочиненіи „Застольной пѣсни", и потому мы не включили ее въ отдѣлъ стихотвореній Боратынскаго, написанныхъ въ сотрудничествѣ съ дру-

гими поэтами, тѣмъ болѣе, что мы не знаемъ основаній, на которыхъ В. Гаевскій приписалъ участіе Боратынскаго въ стихотвореніи Дельвига.

P. S. Пользуемся случаемъ, чтобы исправить ошибку, вкравшуюся въ I томъ сочиненій Е. А. Боратынскаго и указанную намъ г. Гельдомъ.

Стихотвореніе 1839 года „Обѣды" мы напечатали по тексту альманаха „Утренняя заря" на 1840 г., въ которомъ ошибочно были напечатаны два послѣдніе стиха:

Не менѣе Каменъ своимъ числомъ,
Числа Харитъ у васъ не превышали

что не имѣетъ смысла. Эта ошибка должна быть исправлена по рукописи поэта, и, слѣдовательно, въ исправленномъ видѣ стихотвореніе должно читаться слѣдующимъ образомъ:

Обѣды.

Я не люблю хвастливые обѣды,
Гдѣ сто обжоръ, не вѣдая бесѣды,
Жуютъ и спятъ. Къ чему такой содомъ?
Хотите-ли, чтобъ умъ, воображенье
Привелъ обѣдъ въ счастливое броженье,
Чтобъ духъ игралъ съ играющимъ виномъ,
Какъ знатоки Эллады завѣщали?
Старайтеся, чтобъ гости за столомъ,
Не менѣе Харитъ своимъ числомъ,
Числа Каменъ у васъ не превышали

Рукописи Е. А. Боратынскаго.

Рукописи Е. А. Боратынскаго въ такомъ большомъ количествѣ затерялись и сгорѣли при пожарѣ, что изученіе его творчества было бы весьма и весьма затрудненнымъ, если бы этотъ ущербъ до извѣстной степени не восполнялся многочисленными и авторитетными копіями жены поэта— Анастасіи Львовны Боратынской. Вслѣдствіе такого положенія рукописей Боратынскаго, въ основу текста его произведеній приходится полагать копіи и современные журналы, лишь изрѣдка, въ исключительныхъ случаяхъ повѣряя текстъ единичными уцѣлѣвшими автографами поэта. Копіи, сдѣланныя Н. Л. Боратынской (часто — въ нѣсколькихъ экземплярахъ), имѣютъ несомнѣнную, значительную цѣнность, почти равную автографу, такъ какъ Настасья Львовна была своего рода секретаремъ поэта при подготовкѣ его произведеній къ изданію; но потеря автографовъ становится особенно ощутительной въ тѣхъ — слѣдовательно, наиболѣе важныхъ для насъ — случаяхъ, когда поэтъ не предполагалъ включать въ собраніе своихъ сочиненій то или иное произведеніе. Вслѣдствіе этого вмѣстѣ съ потерей автографа поэта сопряжена была потеря и самого произведенія для потомства.

Такъ, не дошла до насъ цѣлая драма, которую поэтъ посылалъ въ законченномъ видѣ И. В. Кирѣевскому, и о которой онъ оживленно переписывался съ нимъ, такъ пропали для насъ и многія стихотворенія Боратынскаго.

По странной случайности, сохранилось гораздо больше подлинниковъ писемъ Боратынскаго, но и въ данномъ случаѣ мы находимся не въ особенно счастливомъ положеніи: въ большомъ количествѣ извѣстны письма поэта къ роднымъ, въ которыхъ онъ весьма мало говоритъ о литературныхъ вопросахъ и рѣдко раскрываетъ свою душу. Изъ остальной переписки дошли до насъ болѣе или менѣе полныя и значительныя по количеству письма Боратынскаго только къ И. В. Кирѣевскому, князю П. А. Вяземскому и Н. В. Путятѣ; особенно тщательно собиралъ и сохранялъ свои письма отъ Боратынскаго послѣдній адресатъ—Николай Васильевичъ Путята. Изъ настоящаго обзора рукописей Боратынскаго мы исключаемъ этотъ отдѣлъ — письма, о которыхъ сообщимъ свѣдѣнія при печатаніи самыхъ писемъ.

Подробное описаніе автографовъ Боратынскаго не входитъ въ нашу задачу, тѣмъ болѣе, что внѣшній видъ ихъ не представляетъ ничего замѣчательнаго: обычно мы имѣемъ начисто переписанное рукою поэта стихо-

твореніе, безъ помарокъ, безъ всякихъ украшеній и рисунковъ, рѣже имѣемъ исправленія—и только въ исключительныхъ случаяхъ черновики въ собственномъ значеніи этого слова.

По значительности и по количеству автографовъ Боратынскаго занимаетъ первое мѣсто **Казанскій архивъ Боратынскихъ.** 1) Рукописный сборникъ, принадлежавшій матери или женѣ поэта. Въ этомъ рукописномъ сборникѣ, среди многочисленныхъ выписокъ изъ французскихъ авторовъ, находятся копіи произведеній также и русскихъ поэтовъ, преимущественно Пушкина, Жуковскаго и Боратынскаго. Весьма любопытны копіи произведеній Пушкина, такъ какъ представляютъ рядъ значительныхъ отличій, интересныхъ и до извѣстной степени авторитетныхъ для насъ въ силу того, что они вписаны въ тетрадь семьи Боратынскихъ, которую много разъ держалъ въ своихъ рукахъ Е. А. Боратынскій, близко знавшій Пушкина. Въ этомъ рукописномъ сборникѣ рукою Боратынскаго переписаны стихотвореніе Батюшкова „Бесѣдка Музъ" и слѣдующія собственныя произведенія: *Чудный градъ порой сольется* (см. т. I, стр. 113), *Старательно мы наблюдаемъ свѣтъ* (т. I, стр. 103), *Гдѣ сладкой шопотъ* (т. I, стр. 136; см. воспроизведеніе этого автографа въ I томѣ, между 128—129 стр.), *Бывало, отрокъ звонкимъ кликомъ* (т. I, стр. 121; автографъ воспроизведенъ на 122 стр.), *Мой неискусный карандашъ* (т. I, стр. 126), *Любви примѣты* („Догадка", т. I, стр. 36), «*Звѣздочка*» (т. I, стр. 67), съ помѣтой *24 Сент. 1824*, «*Мара*» (т. I, стр. 98; воспроизведеніе автографа на стр. 99—100), *О вѣрь, ты нѣжная дороже славы мнѣ* (т. I, стр. 135) и *Что я прибавлю, другъ мой нѣжной?* (Эпилогъ сказки „Переселенія душъ", т. II, стр. 69), съ надписью *La Harpe*. Кромѣ того, въ этомъ рукописномъ сборникѣ имѣется копія «*Черепа*» съ весьма существенными исправленіями, сдѣланными поэтомъ.

2) Альбомъ Анастасіи Львовны Боратынской, принадлежащій З. Е. Геркенъ. Въ этомъ альбомѣ заполнено 149 страницъ, изъ которыхъ первыя 39—рукою поэта, остальныя же 110—рукой жены его, Ан. Л. Боратынской. На первой страницѣ поэтъ надписалъ: „*Сочиненія Евгенія Баратынскаго 1824 и 1825 года*". Замѣтимъ, что эта помѣта Боратынскаго даетъ возможность датировать произведенія поэта, указанныя въ ошибочномъ хронологическомъ порядкѣ въ посмертныхъ изданіяхъ. Дальше слѣдуютъ автографы пьесъ: «*Звѣзда*» („Звѣздочка", т. I, стр. 67), «*Веселье и Горе*» (т. I, стр. 77), «*Буря*» (т. I, стр. 74), «*Дѣвушкѣ, имя которой было: Аврора*» (т. I, стр. 68), «*Безнадежность*» (т. I, стр. 46), «*Дорога жизни*» (т. I, стр. 83), «*Балъ. Отрывокъ*» (написаны стихи, соотвѣтствующіе во II томѣ стихамъ 15—56, стр. 42—43), «*Эпиграма*»—*Пѣвецъ какой то на искусъ* (т. I, стр. 85), «*Пѣсня*» (т. I, стр. 86) и «*Черепъ*» (т. I, стр. 70). Дальше идетъ написанный чужой рукой отрывокъ изъ Delphine Girardin: „Inspirer un amour"... Послѣ этого отрывка Боратынскій продолжаетъ записывать свои стихотворенія, и мы имѣемъ полную рукопись сказки «*Телема и Макаръ*» съ многочисленными исправленіями автора.

За „Телемой и Макаромъ" слѣдуютъ: «*Эпиграма*» („Эпиграмма", И ты поэтъ, и онъ поэтъ; т. I, стр. 87), черновикъ «*А. А. В-ой*» („А. А. В[оейков]ой", т. I, стр. 85)," *** *Посылая тетрадь стиховъ*» („Къ *** посылая тетрадь

стиховъ", т. I, стр. 84), «*Эпиграма*»—*Что ни болтай, а я великой мужъ!* (т. I, стр. 80). Наиболѣе значительнымъ однако въ этомъ сборникѣ является автографъ первоначальной (не сохранившейся полностью) редакціи «*Эды*», обрывающійся на 95 стихѣ. 3) Черновики поэта. Въ этихъ черновикахъ на большихъ листахъ находятся отрывки изъ переработки «*Цыганки*» и—на 4 страницахъ—мало разборчивый, исчирканный черновикъ стихотворенія «*На посѣвъ лѣса*» (т. I, стр. 167; см. воспроизведеніе части автографа между 168 и 169 стр.). 4) Небольшой, плотный синій листокъ съ черновикомъ стихотворенія «*Объѣды*» (т. I, стр. 157; воспроизведенъ автографъ между 296 и 297 стр.). 5) Тетрадь черновиковъ, изъ 5 большихъ листовъ, формата писчей бумаги, причемъ оборотъ 3 листа остался незаполненнымъ, а въ 5 листѣ съ половины страницы оторванъ весьма значительный край. За исключеніемъ небольшого стихотворенія — *Не растравляй моей души* (т. I, стр. 142)—вся тетрадь занята переработкой части стихотворенія «*Признаніе*» (т. I, стр. 186), по которой можно судить о работѣ Боратынскаго надъ стихомъ. Все, что поддается чтенію въ этомъ автографѣ, помѣщено нами въ примѣчаніи ко второй редакціи „Признанія" (т. I, стр. 314—318). 6) Цензурная копія послѣдняго сборника Боратынскаго „Сумерки". Копія „Сумерекъ" написана писарскимъ почеркомъ, но на заглавномъ листѣ читаемъ написанное рукою поэта заглавіе: *Сонъ зимней ночи,* исправленное имъ же на *Сумерки. Сочиненіе Евгенія Боратынскаго. Москва 1842-го года.* Кромѣ того, мы имѣемъ исправленія, сдѣланныя поэтомъ въ стихотвореніяхъ: «*Недоносокъ*» (т. I, стр. 143), *Были бури, непогоды* (т. I, стр, 155), *Здравствуй, отрокъ сладкогласной* (т. I, стр. 165), «*Скульпторъ*» (т. I, стр. 164) и «*Осень*» (т. I, стр. 149); стихотвореніе «*Коттеріи*» записано самимъ поэтомъ (т. I, стр. 166), и ему же принадлежатъ помѣтки (не всегда правильныя) о томъ, гдѣ было напечатано стихотвореніе, подъ слѣдующими пьесами: «*Бокалъ*» (т. I, стр. 145), *Были бури, непогоды* (т. I, стр. 155), *Еще какъ Патріархъ не древенъ я; моей* (т. I, стр. 155), *Толпѣ тревожный день привѣтенъ, но страшна* (т. I, стр. 156) и «*Рифма*» (т. I, стр. 160).

Въ Татевскомъ Архивѣ хранятся слѣдующіе автографы поэта: 1) семейный альбомъ, въ сафьяновомъ переплетѣ съ золотой надписью: Tendresse. Въ этомъ альбомѣ, отличной сохранности, имѣется нѣсколько рисунковъ Е. А. Боратынскаго, воспроизведенныхъ нами въ I томѣ сочиненій поэта, и автографы слѣдующихъ стихотвореній: „*Лидѣ*" (рядомъ въ скобкахъ написано карандашомъ другимъ почеркомъ: *Лизаветѣ Купріановой,* см. т. I стр. 24), *Повѣрь, мой милый другъ, страданье нужно намъ* („Къ Коншину", т. I, стр. 19; см. воспроизведеніе этого автографа въ I томѣ между 24 и 25 стр.), „*Паденіе листьевъ*" (т. I, стр. 43) и отрывокъ изъ „Пировъ": *Какъ нелюбить родной Москвы?* (стихи 52—101, II томъ, стр. 8—9) съ подписью „*Изъ поэмы Пиры Е. Б.*". 2) Альбомъ кузины поэта, Наталіи(?). Въ этомъ альбомѣ рукой Боратынскаго записано два его стихотворенія, изъ которыхъ одно любопытно, какъ первый черновой набросокъ стихотворенія, посвященнаго Пушкину, но въ то время повидимому еще не пріуроченнаго къ нему—*Какъ взоры томные свои Ты на пѣвцѣ остановила* (А. С. Пушкину (Новинское), т. I, стр. 154); другой же автографъ даетъ возможность установить авторство неизвѣстнаго въ посмертныхъ изданіяхъ стихотворенія—

Я былъ любимъ, твердила ты (т. I, стр, 58). 3) Богатое собраніе автографовъ, принадлежащее С. А. Рачинскому. Въ числѣ многочисленныхъ и весьма цѣнныхъ автографовъ выдающихся людей, собранныхъ С. А. Рачинскимъ (главнымъ образомъ поэтовъ, музыкантовъ и писателей), находится и автографъ перваго по времени изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ стихотвореній Боратынскаго— *„Хоръ, пѣтый въ день имянинъ дяденьки Б. Андр. его маленькими племянницами Панчулидзевыми"* (см. т. I, стр. 1, тамъ же воспроизведеніе автографа).

Мурановскій архивъ Тютчевыхъ. 1) Въ Мурановскомъ архивѣ находятся главнымъ образомъ письма поэта къ Н. В. Путятѣ. Изъ этихъ писемъ мы извлекли слѣдующія стихотворенія—автографы Е. А. Боратынскаго: *Въ своихъ листахъ душонкой ты кривишь* (т. I, стр. 87), „Эпиграмма"— *Не трогайте Парнаскаго пера* (т. I, стр. 88), *Прости, мой милый, такъ создать* (т. I, стр. 95), 7-ая строфа „Черепа"—*Намъ надобны и страсти и мечты* (т. I, стр. 71) и отрывокъ изъ „Бала": *Блистаетъ тысячью огней* (стихи 19—46, т. II, стр. 42—43). 2) Отдѣльные листы съ автографами, сшитые въ тетрадь Н. В. Путятой. Большой листъ почтовой бумаги съ автографами двухъ стихотвореній, не отдѣленныхъ другъ отъ друга чертой: *„Рифма"* (т. I, стр. 160—161) и *Въ рукахъ у этого педанта* („На [Надеждина]", т. I, стр. 146—147). Отдѣльные автографы въ тетради: *Люблю я васъ, Богини пѣнья* (т. I, стр. 168—169) и *Когда дитя и страсти и сомнѣнья* (т. I, стр. 169). При послѣднемъ письмѣ къ Н. В. Путятѣ поэтъ переслалъ два листа формата большой почтовой бумаги, на которыхъ записаны стихотворенія *„Пироскафъ"* (т. I, стр. 170) и *„Дядькѣ-Итальянцу"* (т. I, стр. 171—174). 3) Тетрадь съ стихотвореніями Боратынскаго, переведенными имъ на французскій языкъ, пересланная поэтомъ Н. В. Путятѣ изъ Парижа. Въ этой тетради записаны слѣдующіе переводы: *Merci, amis, pour votre indignation flatteuse* (Far Niente, т. I, стр. 191), *Oh qu'il te sied ce nom d' Aurore* (A Aurore Chernval, стр. 191), *Quelquefois une fée m'apparaît en songe* (La Fèe, стр. 192), *La bonne mère qui veut pour nous le voyage de la vie* (Les Frais de Route, стр. 192), *Aimons la science* (La Sagesse des Nations, стр. 192) *Ton élu, o Dieu de lumière* (L' Harmonie, стр. 192), *„Mort de Goethe"* (стр. 193), *Pourquoi le captif aurait-il des rêves de liberté?* (Soumission, стр. 1914), *„Le dernier poète"* (стр. 195), *La foule aime le jour qui l'appelle au tumulte* (Soucis matériels, стр. 196), *Pourquoi luisez-vous, jours opiniâtres* (Les Redites, стр. 197), *Toujours éblouissante de parure* (Le Crépuscule, стр. 197), *Raison Souveraine!* (Pas d'Oubli, (стр. 297), *„La Rime"* (стр. 198) *„Le Prejugé"* (стр. 198) и *„Fraternisez, veillez à la defense de vos mediocrités respectives* (стр. 198).

Въ Пушкинскомъ Домѣ хранятся два альбомчика съ автографами Боратынскаго. 1) Альбомчикъ Анны Васильевны Лутковской, имѣющій большое значеніе, такъ какъ въ немъ находятся 2 бывшихъ до сихъ поръ неизвѣстными стихотворенія поэта. На 13 страницѣ альбомчика записано стихотвореніе *Младыя Граціи сплели тебѣ вѣнокъ* (т. I, стр. 66) съ подписью въ одномъ концѣ *Фридрисгамъ*, въ другомъ—*Евгеній Бора* (для окончанія фамиліи не хватило мѣста); на 15 страницѣ—*Мила какъ Грація; скромна* (т. I, стр. 66), съ подписью *Н. С.* (?) и ниже—*Боратынскій*; на

19 страницѣ *Е. Б.—Тебя-ль изобразить и ты-ль изобразима?* („Портретъ В...“, т. I, стр. 3); на 22 страницѣ стихотвореніе *Вы слишкомъ многими любимы* (т. I, стр. 25); на 41 страницѣ рукою Н. Аргуновой записано, повидимому, ея стихотвореніе, украшенное рисункомъ незабудочки:

Ne du tems de langeur
Ni du lieux la distance
N' auront jamais la puisance
de vous arracher de mon coeur.
à celle qui vous aime bien
Natalie Argoun

Дальше слѣдуетъ переводъ этого стихотворенія, записанный Е. А. Боратынскимъ: *Ни времяни медленье* (т. I, стр. 206). На 43 страницѣ Боратынскій вписалъ въ альбомъ непечатавшееся при его жизни (а также и въ посмертныхъ изданіяхъ) стихотвореніе *Когда придется какъ нибудь* (т. I, стр. 65) съ подписью:

Е. Боратынскій

Роченсальмъ,

Февраля 15-го 1824-го года.

Кромѣ того, на 61 страницѣ альбомчика находится рисунокъ (близкій по содержанію къ Оссіановской поэзіи) съ подписью *Е. В. 1827.* 2) Альбомъ С. Д. Пономаревой съ автографами многихъ извѣстныхъ современныхъ поэтовъ. Среди многочисленныхъ записей находятся также и два автографа Боратынскаго, изъ коихъ особенный интересъ представляетъ первый—*О своенравная Софія* (т. I. стр. 54) съ подписью *Е. Б.*; другой автографъ—съ подписью *Боратынскій*—представляетъ запись стихотворенія „Двѣ доли“—*Дало двѣ доли Провидѣніе* (т. I, стр. 45—46).

Автографы Императорской Публичной Библіотеки. 1) Въ бумагахъ проф. Помяловскаго, на отдѣльномъ листѣ съ помѣтой (Помяловскаго?) *Евг. Баратынскій pièce autogr, en vers*—рукою Боратынскаго написано его стихотвореніе—*Не бойся ѣдкихъ осужденій* („Къ ***“, т. I, стр. 90—91). 2) Въ Погодинскомъ древлехранилищѣ на листкѣ почтовой бумаги находится автографъ стихотворенія «*Подражателямъ*» (т. I, стр. 113—114).

Автографы музея П. И. Щукина. 1) Тетрадка изъ 3 листовъ бѣлой почтовой бумаги малаго формата, всѣ 12 страничекъ которой заполнены началомъ повѣсти „*Балъ*“, подъ заглавіемъ „*Бальный вечеръ*“. Этотъ автографъ „Бала“, заключающій въ себѣ 1—168 стихи, разбитъ на 12 строфъ и представляетъ особенную цѣнность въ томъ отношеніи, что въ немъ находятся первые 14 стиховъ, неизвѣстные намъ ни изъ какихъ другихъ источниковъ. 2) Четвертушка плотной синей бумаги, на первомъ листѣ (съ оборотомъ) которой записана поэтомъ „*Могила*“ („Черепъ“, т. I, стр. 70—71).

Автографы Тургеневскаго архива, хранящагося въ Императорской Академіи Наукъ. На печатномъ приглашеніи князя С. М. Голицына (11 Ноября 1831 года) записано поэтомъ стихотвореніе—*Я слыхалъ: звѣзда иная* („Въ Альбомъ отъѣзжающей“, т. I, стр. 111), съ подписью *Боратынскій.*

Бумаги М. Н. Лонгинова, хранящіяся у П. Е. Щеголева. На четвертушкѣ почтовой бумаги съ водянымъ знакомъ 1820 года, среди записанныхъ Л. С. Пушкинымъ эпиграммъ Пушкина и Боратынскаго (между прочимъ— по одной неизданной эпиграммѣ Пушкина и Боратынскаго), на 1-ой страницѣ находится автографъ Боратынскаго—*Очарованье красоты* („А. А. Воейковой", т. I, стр. 85) съ подписью *Боратынскій.*

Въ книжномъ магазинѣ Н. В. Соловьева мы видѣли въ 1914 году автографъ стихотворенія Боратынскаго „*Больной*" (т. I, стр. 22).

Кромѣ того, въ Императорскомъ Московскомъ и Румянцевскомъ музеѣ (какъ это видно изъ отчетовъ) хранятся два автографа стихотвореній Боратынскаго: „Д. В. Давыдову" и „Историческая эпиграмма". Къ сожалѣнію, несмотря на всѣ попытки, намъ не удалось получить доступъ къ этимъ автографамъ.

Работа Боратынскаго надъ стихотвореніями.

„Ты самъ свой высшій судъ“—говорилъ Пушкинъ поэту, строго относившемуся къ своему вдохновенію. Такимъ поэтомъ былъ самъ Пушкинъ; такимъ поэтомъ былъ его сверстникъ—Боратынскій.

„Взыскательный художникъ“, „свой высшій судъ“ или, по выраженію Боратынскаго, „самъ судія и подсудимый“, поэтъ постоянно стремился къ художественному совершенству и лелѣялъ плоды любимыхъ думъ; какъ истинный талантъ, онъ не дорожилъ каждымъ написаннымъ стихомъ, выбрасывая порою и алмазы, казавшіеся ему недостаточно совершенно отточенными.

Но чѣмъ строже относится къ себѣ взыскательный художникъ, тѣмъ менѣе строго судитъ его произведенія потомство, подбирая оброненные истиннымъ талантомъ колосья, поражаясь красотѣ и этихъ колосьевъ, признанныхъ негодными (часто въ силу случайныхъ причинъ) жнецомъ-художникомъ.

Богатый міръ художественныхъ образовъ и мыслей, процессъ художественнаго творчества, ростъ поэта и поэтическаго произведенія — все это раскрывается передъ изслѣдователемъ черновиковъ избраннаго имъ поэта. Только черновыя, испещренныя и исчирканныя записи поэта даютъ возможность угадать сокровенное души художника въ высшіе моменты его жизни, въ тѣ моменты, когда онъ творитъ; только черновики даютъ возможность увидѣть, какъ подымается, возникаетъ ростокъ въ душѣ художника, какъ питается ростокъ таинственными соками творческаго души, какъ возвышается и ростетъ растенье. Посредствомъ черновиковъ можемъ мы услышать „таинственныхъ травъ прозябанье“ — ростъ художественнаго творчества.

И эта таинственная лабораторія учитъ насъ тому, что каждое созданіе стоитъ своему творцу большихъ „мукъ творчества“, большихъ трудовъ и усилій. Ослѣпляющій своимъ свѣтомъ алмазъ пріобрѣтаетъ свой блескъ только послѣ трудной и долгой шлифовки, но объ этой шлифовкѣ не думаешь, когда смотришь на сіяющій камень.

Лабораторія Боратынскаго для насъ почти недоступна, потому что черновики поэта за единичными исключеніями пропали; но и по этимъ единичнымъ исключеніямъ мы можемъ сказать, что Боратынскій принадлежалъ къ художникамъ типа Пушкина, къ художникамъ, долгимъ и упорнымъ трудомъ достигающимъ совершенства. Незначительное число черновиковъ Боратынскаго свидѣтельствуетъ тѣмъ не менѣе о томъ непрерывномъ трудѣ жизни, какимъ являлось для поэта его художественное творчество. Въ сохранившихся черновикахъ передѣлки, напр. „Признанія“, обнаруживается, что каждая строфа

уже написаннаго стихотворенія требовала большого труда отъ взыскательнаго художника; и, принявъ во вниманіе массу переработокъ и различныхъ редакцій стихотвореній, печатавшихся при жизни поэта, съ большимъ трудомъ можно представить себѣ этотъ колоссальный трудъ жизни. Этой особенностью творчества Боратынскаго должно объясняться и малое количество произведеній, написанныхъ поэтомъ. Боратынскій безпрестанно возвращался къ старымъ стихотвореніямъ и подвергалъ ихъ коренной переработкѣ; вслѣдствіе громаднаго труда, сопряженнаго съ созданіемъ каждаго самаго мелкаго произведенія и съ переработкой уже созданнаго, поэтъ не успѣвалъ много (количественно) создавать, несмотря на то, что работалъ непрерывно и напряженно, несмотря на то, что поэзія была для него „не себялюбивымъ наслажденіемъ", а дѣломъ жизни.

Вслѣдствіе такой особенности творчества Боратынскаго значительно усложняется и работа редактора, принужденнаго выбирать изъ массы даже не всегда однороднаго матеріала одну редакцію.

Какъ передѣлывалъ Боратынскій свои произведенія?—Частичный отвѣтъ находимъ мы въ письмѣ поэта къ его другу, Н. В. Путятѣ. Послѣдній неодобрительно отзывался о переправкахъ, и поэтъ оправдывался: „Замѣчанія твои справедливы въ частности; но ежели бы мы были вмѣстѣ, я, быть можетъ, доказалъ бы тебѣ, что нѣкоторыя изъ моихъ перемѣнъ хороши для цѣлаго. Впрочемъ, я никакъ не ручаюсь за справедливость своего мнѣнія. Поэты, по большей части, дурные судьи своихъ произведеній. Тому причиной чрезвычайно сложныя отношенія между ими и ихъ сочиненіями. Гордость ума и права сердца въ борьбѣ безпрестанной. Иную пьесу любишь по воспоминанію чувства, съ которымъ она написана,—переправкой гордишься потому, что побѣдилъ умомъ сердечное чувство". Это признаніе Боратынскаго о характерѣ своихъ переработокъ имѣетъ большую цѣнность и должно приниматься во вниманіе при выборѣ основной редакціи произведеній поэта. Боратынскій въ своихъ переправкахъ часто „побѣждалъ умомъ сердечное чувство" и для приданія цѣльности собранію своихъ произведеній жертвовалъ многими лирическими отдѣлами, не гармонировавшими одно съ другимъ, а такъ же неподходящими къ тому новому настроенію, которому поэтъ подчинялъ свое старое вдохновеніе. Кромѣ того, поэтъ постоянно стремился къ сжатости, къ сокращенію, и въ исправленіяхъ своихъ исключалъ выраженіе лирическихъ настроеній, характерныхъ для музы поэта начала 20-хъ годовъ. Издатели сочиненій Боратынскаго, принявшіе въ текстъ только послѣднія редакціи его произведеній, тѣмъ самымъ представили его творчество въ значительно сокращенномъ объемѣ и въ одностороннемъ освѣщеніи послѣдней эпохи — 1835-1842 г.г. Намъ казалось несправедливымъ игнорированіе творчества Боратынскаго въ Александровскую эпоху, и потому мы возстановили первое чтеніе произведеній поэта.

Изслѣдованіе работы Боратынскаго надъ его произведеніями важно еще и въ томъ отношеніи, что способствуетъ выясненію характернаго для каждаго періода его творчества, т. к. Боратынскій перерабатывалъ стихотворенія сообразно съ новыми настроеніями, съ новыми мыслями и поэтическими пріемами.

Мы различаемъ три различныхъ рода исправленій у Боратынскаго: 1) работу надъ стихотвореніемъ послѣ черноваго наброска и до появленія

въ печати, 2) почти непрерывную работу надъ напечатаннымъ уже стихотвореніемъ и 3) переработку стихотворенія при включеніи его въ сборникъ произведеній. Мы знаемъ весьма немногое о работѣ перваго рода, такъ какъ имѣемъ черновые наброски въ очень рѣдкихъ случаяхъ, но и по этимъ немногочисленнымъ случаямъ можемъ судить о большой работѣ, продѣланной поэтомъ съ цѣлью художественной шлифовки. Проанализируемъ первое посланіе Н. И. Гнѣдичу, извѣстное намъ въ копіи и въ первомъ печатномъ видѣ.

Первые три стиха копіи—

Нѣтъ, въ одиночествѣ душой изнемогая,
Средь каменныхъ пустынь противнаго мнѣ края,
Для лучшихъ чувствъ души еще я не погибъ—

замѣнены въ печати однимъ стихомъ:

Столицей шумною въ изгнаньи позабытъ,

что можетъ быть объяснено желаніемъ исключить личный, автобіографическій элементъ, а также стремленіемъ поэта къ сокращенію.

„Почтенный Аристипъ" замѣнено „любимцемъ Аонидъ", „шумная суета"—„праздной суетой", „благодарный трудъ"—„дѣятельнымъ трудомъ" и т. п. Подобныя исправленія могутъ объясняться только желаніемъ найти болѣе подходящія слова для выраженія мысли.

Приведенныя ниже сопоставленія говорятъ объ исканіи большей образности.—

Въ первоначальной копіи:

Какъ бѣденъ, кто, больной бездѣйствіемъ своимъ,
Занятья добраго цѣны не постигаетъ,
За часомъ часъ другой глазами провожаетъ,
Скучаетъ въ городѣ и бѣдствуетъ въ глуши,
Употребленія не вѣдая души,
И плачетъ, сонныхъ дней снося насилу бремя,
Что жизни краткое въ нихъ слишкомъ длится время.

Въ печати:

Какъ бѣденъ страждущій бездѣйствіемъ своимъ!
Печальный, жалкій рабъ тупого усыпленья,
Не постигаетъ онъ души употребленья;
Въ дремоту грубую всечасно погруженъ,
Отвыкнулъ чувствовать, отвыкнулъ мыслить онъ;
Клянетъ онъ дни свои, и ропщетъ онъ украдкой,
Что длятся для него мгновенья жизни краткой.
Они въ углу моемъ не длятся для меня.

Въ копіи:

И сердцу уступилъ—влюбился я въ искусство

Въ печати:

Тамъ, очарованный, влюбился я въ искусство и т. п.

Особенно заботился поэтъ о музыкальной сторонѣ своихъ произведенiй, и въ этомъ отношенiи очень характерна перестановка словъ и слѣдующiй прiемъ, часто и сознательно употреблявшiйся поэтомъ и ясно проступающiй въ слѣдующей параллели.

Въ копiи:

И часто, грустiю невольною объятъ,
Увидѣть бы хотѣлъ я пышный Петроградъ;
Вести желалъ-бы вновь свой вѣкъ непринужденной
Въ кругу друзей искусствъ и нѣги просвѣщенной;
Апелла, Фидiя порою навѣщать;
Съ тобой желалъ-бы я бесѣдовать опять...

Въ печати:

И тихой грустiю повременно объятъ,
Увидѣть *бы желалъ* я пышный Петроградъ;
Вести *желалъ бы* вновь мой вѣкъ непринужденной
Въ кругу друзей искусствъ и нѣги просвѣщенной:
Апелла, Фидiя *желалъ бы* навѣщать;
Съ тобой *желалъ бы* я бесѣдовать опять...

Этотъ прiемъ—правильное ритмическое чередованiе отдѣловъ стихотворенiя посредствомъ повторенiя одного и того же слова—обычно встрѣчается у Боратынскаго, но подобные примѣры (а ихъ мы имѣемъ очень много) указываютъ на сознательное употребленiе этого прiема.

Не будемъ касаться другихъ случаевъ обработки Боратынскимъ стихотворенiй для печати, сводящейся къ большей отчетливости и художественности (въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ обработки касаются исключенiя злободневности, собственныхъ именъ и приспособленiя къ условiямъ цензуры), и упомянемъ только о небольшомъ стихотворенiи, посвященномъ А. А. Воейковой.

Второй стихъ (первый—*Очарованье красоты*) въ черновикѣ первоначально былъ набросанъ: *Въ тебѣ не странно намъ.* Поэтъ не удовлетворился смысломъ этого стиха и передѣлалъ его:

Твоей во благо намъ—

болѣе отвѣчающiй его мысли, но нескладно выраженный, и болѣе подходящая музыкальная форма была подсказана первоначальнымъ наброскомъ. Въ результатѣ мы имѣемъ одинаково звучащiй съ первымъ и приблизительно того же смысла, что въ исправленiи, стихъ—

Въ тебѣ не страшно намъ.

Шестой стихъ былъ сперва набросанъ—

И при тебѣ душа полна.

Въ поискахъ за выраженiемъ болѣе тонкаго оттѣнка своей мысли поэтъ передѣлалъ—

Съ тобой какъ ты душа полна,

но не удовлетворился этимъ исправленіемъ и вернулся къ первому чтенію. Точно такъ же поступилъ поэтъ и съ послѣднимъ стихомъ, который читался сперва *Священной*, потомъ *Святою*, потомъ *Прекрасной*, потомъ *Высокой*, и въ окончательномъ видѣ опять

Священной тишиной.

Мы привели этотъ примѣръ, который указываетъ на то, что первое вдохновеніе часто находило для себя наиболѣе подходящую форму, и что Боратынскій бывалъ принужденъ возвращаться къ первой редакціи. Подобные случаи—и въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ—намъ не разъ еще встрѣтятся, когда мы будемъ говорить о болѣе позднихъ передѣлкахъ, которымъ подвергалъ поэтъ свои стихотворенія. Еще болѣе разнообразія въ исправленіяхъ находимъ мы въ тѣхъ случаяхъ, когда стихотвореніе уже было напечатано. И послѣ этого, и послѣ появленія стихотворенія въ свѣтъ, поэтъ не переставалъ отдѣлывать его, добиваясь большей точности, сжатости (въ рѣдкихъ случаяхъ—развитія), образности и музыкальности. Не будемъ останавливаться на исправленіяхъ подобнаго рода, такъ какъ всѣ они напоминаютъ или работу перваго рода, или переработку при включеніи стихотворенія въ собраніе сочиненій.

Обратимся къ послѣднему, къ переработкѣ стихотвореній. Боратынскій три раза издавалъ сборники своихъ стихотвореній—въ 1827, въ 1835 и въ 1842 годахъ, и соотвѣтственно съ этимъ мы имѣетъ три различныя по характеру работы поэта.

Общее при переработкѣ стихотвореній во всѣхъ трехъ періодахъ—забота о художественномъ совершенствѣ и о точной передачѣ мысли и чувства, а такъ же о правильности строя рѣчи. Общее находимъ мы и въ тѣхъ случаяхъ когда стихотвореніе въ первоначальной редакціи кажется поэту мало удачнымъ и внушаетъ желаніе переработать его. При этой переработкѣ слѣдуетъ различать двѣ различныя возможности: или поэтъ соединяетъ два настроенія—когда стихотвореніе создавалось и когда оно перерабатывалось,—мало подходящія одно къ другому, или же поэтъ, увлеченный передѣлкой и осѣненный новымъ вдохновеніемъ, пишетъ новую варіацію на старую тему, которую и приходится разсматривать, какъ новое самостоятельное стихотвореніе (ср., напримѣръ, „Доридѣ“ и „Деліи“).

Обратимся къ переработкѣ стихотвореній, вышедшихъ въ 1827 году. Въ этомъ году, разбирая „Тавриду“ Муравьева, поэтъ замѣтилъ, что „лирическая поэзія любитъ простоту выраженій“. Соотвѣтственно съ этимъ взглядомъ на лирическую поэзію, высказаннымъ въ 1827 году, Боратынскій значительно измѣняетъ и свои старыя стихотворенія, постоянно заботясь о простотѣ выраженій и о конкретности. Приведемъ наиболѣе яркіе примѣры:

	Исправлено.
Скука томно дни прядетъ...	Хладно день за днемъ идетъ....
Феба лучъ едва блеснетъ...	За свирѣль.... а тутъ бѣды...
Что жизнь?—медлительный недугъ, Условный даръ скупого неба; Врата туманнаго Эреба Для всѣхъ отверсты, милый другъ...	Всѣхъ смертныхъ ждетъ судьба одна...
А ты, къ отеческимъ полямъ	А ты прибудешь въ домъ отцовъ,

Съ полей побѣды возвращенный,
Хваля покой уединенный,
Сожжешь мастики въ честь богамъ...

А ты узришь поля родныя
И прошлыхъ счастливыхъ годовъ
Вспомянешь были золотыя...

Еще болѣе строго отнесся поэтъ къ усвоенному имъ тону мечтательно-романтическому и сантиментальному, осмѣянному имъ въ 1824 году въ посланіи къ „Богдановичу". Въ этомъ посланіи поэтъ говоритъ, что у новѣйшихъ маракъ

Душа увянула и *сердце отцвѣло*,

но въ свое время заплатилъ весьма обильную дань увлеченію унылостью и условнымъ элегизмомъ и самъ Боратынскій. И если можно замѣтить, что замѣна менѣе простыхъ выраженій болѣе простыми часто бываетъ въ ущербъ цѣльности и стильности стихотворенія, то этотъ упрекъ еще болѣе примѣнимъ къ тѣмъ переработкамъ, въ которыхъ поэтъ побѣждаетъ умомъ свое старое, „сердечное чувство", отчего стихотвореніе становится болѣе сухимъ и менѣе непосредственно-вдохновеннымъ. Такъ, въ стихотвореніи „Къ Дельвигу" строфа—

Трудно, вѣрь, съ душой унылой
Счастье, радость воспѣвать;
Въ караулѣ трудно, милой,
Объ Аркадіи мечтать!

замѣнена строфой—

Вамъ, свободные Піиты,
Пѣть, любить; меня же врядъ
Иль Камены, иль Хариты
Въ караулѣ навѣстятъ.

Приведемъ еще нѣсколько параллельныхъ мѣстъ.

Первоначальное чтеніе:	Исправленное:
Не вспыхнетъ жизнь въ крови остылой..	Всесильнымъ собственною силой...
Грущу сегодня—завтра тоже...	Дни пролетаютъ, годы тоже...
Душа примѣтно отцвѣтала...	Въ душѣ, больной от пищи многой...
Томиться болѣзненной жизнью...	Питаться болѣзненной жизнью....
Прошла пора слѣпыхъ мечтаній...	Чьихъ ожидать увѣщеваній?....

Ропотъ.	Ропотъ.
Ужели близокъ часъ свиданья!	Онъ близокъ, близокъ день свиданья!
Тебя-ль, мой другъ, увижу я!	Тебя, мой другъ, увижу я!
Какъ грудь волнуется моя	Скажи: восторгомъ ожиданья
Тоскою смутной ожиданья!	Что-жъ не трепещетъ грудь моя?
Родная хата, край родной,	Не мнѣ роптать; но дни печали,
Съ пеленъ знакомыя дубравы,	Быть можетъ, поздно миновали:
Куда невинныя забавы	Съ тоской на радость я гляжу,—
Слетались къ намъ на голосъ твой,—	Не для меня ея сіянье,
Я ихъ увижу! Другъ безцѣнный,	И я напрасно упованье

Что-жъ сердце вѣщее грустить?
Что-жъ ясный день не веселитъ
Души для счастья пробужденной!
Съ тоской на радость я гляжу:
Не для меня ея сіянье!
И я напрасно упованье
Въ душѣ измученной бужу.
Печаль всѣ чувства утомила,
Мечтою мрачной боленъ духъ;
Быть можетъ, поздно, милый другъ,
Меня и радость посѣтила:
Я наслаждаюсь не вполнѣ
Ея плѣнительной улыбкой;
Все мнится, счастливъ я ошибкой,
И не къ лицу веселье мнѣ.

Въ больной душѣ моей бужу.
Судьбы ласкающей улыбкой
Я наслаждаюсь не вполнѣ:
Все мнится, счастливъ я ошибкой,
И не къ лицу веселье мнѣ.

Точно такъ же относился поэтъ и ко всему условно-классическому и мелодраматическому, и съ цѣлью исключенія всего подражательнаго и условнаго, вызваннаго настроеніями его въ началѣ 20-хъ годовъ, перерабатывалъ стихотворенія и значительно сокращалъ ихъ. Въ этомъ отношеніи очень показательна переработка стихотворенія „Лидѣ", въ которомъ поэтъ вовсе исключилъ 9 стиховъ (5—14), написанныхъ въ стилѣ Парни. Несмотря на то, что Боратынскій оставилъ много стиховъ безъ измѣненія, онъ кореннымъ образомъ передѣлалъ всю пьесу, ея тонъ, исключивъ легкій тонъ Парни и измѣнивъ окончаніе, которое стало гораздо болѣе сосредоточенно-серьезнымъ и контрастирующимъ съ первою частью.

Въ то же время Боратынскій исключалъ и многое личное и касающееся его отношеній къ друзьямъ и недругамъ, а также заботился о художественной сторонѣ безпрестанно подправляемаго стихотворенія. Мы не имѣемъ возможности слѣдить за всѣми измѣненіями, которымъ подвергалъ поэтъ свои произведенія, но остановимся на одномъ примѣрѣ, кажущемся намъ весьма характернымъ для переработки стихотвореній, созданныхъ въ первомъ періодѣ лирики Боратынскаго. Начавъ передѣлывать „Финляндію", поэтъ, повидимому, предполагалъ исключить личный элементъ, подражаніе Батюшкову и современной элегическо-романтической модѣ, но въ началѣ работы увлекся, и новое вдохновеніе создало новые образы и краски. При продолженіи поэтъ нѣсколько остылъ и, удаляя личное и элегическое, измѣнялъ стихи иногда въ ущербъ музыкальности, а такъ же количеству и яркости образовъ.

Первые 8 стиховъ такъ читаются въ первоначальной редакціи:

Громады вѣчныхъ скалъ, гранитныя пустыни!
Вы дали страннику убѣжище и кровъ;
Ему нужнѣй покой обманчивыхъ даровъ
Слѣпой, взыскательной и вѣтреной богини.
Забытый отъ людей, забытый отъ молвы,
Доволенъ будетъ онъ угломъ уединеннымъ;

Онъ счастье въ немъ найдетъ, онъ будетъ, какъ и вы,
Въ премѣнахъ рока неизмѣннымъ.

Начало это кажется поэту и музыкально-однообразнымъ и бѣднымъ по краскамъ, и онъ создаетъ иную музыкальную и зрительную картину:

Въ свои разсѣлины вы приняли пѣвца,
Граниты финскіе, граниты вѣковые,
Земли ледянаго вѣнца
Богатыри сторожевые.
Онъ съ лирой между васъ. Поклонъ его, поклонъ
Громадамъ, міру современнымъ:
Подобно имъ, да будетъ онъ
Во всѣ годины неизмѣннымъ!

Такой же характеръ носитъ исправленіе и въ слѣдующихъ 6 стихахъ. Послѣ этого въ первоначальной редакціи читаемъ:

Все тихо! все молчитъ! и блѣдный сводъ небесъ
Слился съ безбрежнымъ океаномъ.
Здѣсь все бесѣдуетъ съ уныніемъ моимъ:
И сосенъ шумъ глухой, и волнъ неясный лепетъ
Какъ будто бы знакомъ, какъ будто внятенъ имъ
Младого сердца томный трепетъ.
Здѣсь, окруженный тишиной
Природы, дремлющей подъ кровомъ ночи звѣздной,
Люблю сидѣть одинъ надъ сумрачною бездной,
Молчать и въ даль летѣть душой.
Здѣсь въ думу важную невольно погруженной,
Люблю воспоминать о сильныхъ прежнихъ дней,
О бурной жизни ихъ средь копій, средь мечей,
Безумствамъ громкимъ посвященной.
Ничто не прочно на земли:
Ложатся грады въ прахъ, и рушатся державы.
Не здѣсь-ли нѣкогда съ побѣдой протекли
Сыны Оденовы, любимцы бранной славы?
Слѣды минувшаго исчезли въ сихъ мѣстахъ,
Отзывы праздные не вторятъ пѣснѣ Скальда,
Молва умолкнула о спутникахъ Роальда,
О древнихъ сильныхъ племенахъ;
Развѣялъ бурный вѣтръ торжественные клики,
Забыли правнуки о подвигахъ отцовъ,
Померкла слава ихъ,—и въ прахѣ ихъ боговъ
Лежатъ низверженные лики.

Приведенный нами отрывокъ имѣетъ несомнѣнную близость къ Батюшкову, и въ немъ явственно проступаетъ личный лирическій элементъ. Въ передѣлкѣ ослаблено и вліяніе Батюшкова, и раздумье поэта, ставящаго теперь выше всего конкретность:

Ужъ поздно, день погасъ; но ясенъ неба сводъ,
На скалы финскія безъ мрака ночь нисходитъ,
И только что себѣ въ уборъ
Алмазныхъ звѣздъ ненужный хоръ
На небосклонъ она выводитъ!
Такъ вотъ отечество Одиновыхъ дѣтей,
Грозы народовъ отдаленныхъ!
Такъ эта колыбель ихъ безпокойныхъ дней,
Разбоямъ громкимъ посвященныхъ!
Умолкъ призывный щитъ, не слышенъ Скальда гласъ,
Воспламененный дубъ угасъ,
Развѣялъ буйный вѣтръ торжественные клики;
Сыны не вѣдаютъ о подвигахъ отцовъ,
И въ дольномъ прахѣ ихъ боговъ
Лежатъ низверженные лики!

Характерно также и слѣдующее исправленіе, въ которомъ Боратынскій стремится отъ неопредѣленности романтизма къ простотѣ, даже въ ущербъ музыкальности стиха.

Въ первоначальной редакціи читаемъ:

И все вокругъ меня въ глубокой тишинѣ:
Не слышенъ стукъ мечей, давно умолкли бои.
Куда вы скрылися, полночные герои!
Мой взоръ теряется въ бездонной вышинѣ:
Не вы-ли, блѣдныя вперивъ на звѣзды очи,
Плывете въ облакахъ туманною толпой?
Не вы-ль?... отвѣтствуйте! вамъ слышенъ голосъ мой,
Одушевите сумракъ ночи.

Въ исправленной редакціи:

И все вокругъ меня въ глубокой тишинѣ!
О вы, носившіе отъ брега къ брегу бои,
Куда вы скрылися, полночные герои?
Вашъ слѣдъ исчезъ въ родной странѣ.
Вы-ль, на скалы ея вперивъ скорбящи очи,
Плывете въ облакахъ туманною толпой?
Вы-ль? Дайте мнѣ отвѣтъ, услышьте голосъ мой,
Зовущій къ вамъ среди молчанья ночи.

Въ слѣдующемъ за этимъ отрывкѣ мы не находимъ измѣненій, кромѣ одного стиха, въ которомъ исправленіе вызвано музыкальными требованіями. Въ первоначальной редакціи:

Зачѣмъ печальны вы? и я-ли прочиталъ...

Въ исправленной:

Зачѣмъ печальны вы? зачѣмъ я прочиталъ...

Но въ заключительной строфѣ мы находимъ опять значительныя измѣненія, при чемъ поэтъ главнымъ образомъ освобождается отъ элегическаго тона и юношеской мечтательности.

Въ первоначальной редакціи:

Но я, въ безвѣстности для жизни жизнь любя,
Могу-ль себя томить гадательной тоскою?
Пусть все разрушится, пусть все умретъ со мною:
Не вѣчный для временъ, я вѣченъ для себя.
Златые призраки, златыя сновидѣнья,
Желанья пылкія, слетитеся толпой!
Пусть жадно буду пить обманутой душой
Изъ чаши юности волшебство заблужденья...

Въ исправленной редакціи:

Но я, въ безвѣстности, для жизни жизнь любя,
Я, беззаботливый душою,
Вострепещу-ль передъ судьбою?
Не вѣчный для временъ, я вѣченъ для себя:
Не одному-ль воображенью
Гроза ихъ что-то говоритъ?
Мгновенье мнѣ принадлежитъ,
Какъ я принадлежу мгновенью!...

Не переставалъ поэтъ работать надъ своими стихотвореніями и послѣ 1827 года, и даже многія стихотворенія, вошедшія въ собраніе сочиненій 1827 года въ переработанномъ видѣ, вновь подверглись передѣлкѣ и еще болѣе отошли отъ первоначальной основы.

Подобно тому, какъ поэтъ перерабатывалъ свои произведенія для изданія 1827 года не только съ цѣлью достичь большаго художественнаго совершенства, но и для приданія общей цѣльности сборнику, подобно этому и другому собранію сочиненій, вышедшему въ 1835 году, предшествовала долгая работа поэта, исключавшаго цѣлые отдѣлы въ стихахъ и подчинявшаго старыя настроенія настроенію новой минуты.

На основаніи такихъ переработокъ мы можемъ судить о нѣкоторыхъ характерныхъ особенностяхъ творчества Боратынскаго второго періода, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести: исключеніе злободневнаго и временнаго, случайнаго, сжатость, силу и точность выраженій и образовъ, большую сосредоточенность мысли, стремленіе къ реализму и развитіе психологіи.

Любопытна передѣлка посланія къ „Г[нѣди]чу", въ которомъ поэтъ исключилъ всѣ личные намеки, все злободневное, вслѣдствіе чего оно перестало быть личной сатирой; любопытно исправленіе и „Признанія", въ которомъ мы находимъ и новые оттѣнки мысли и новые образы.

Особенный интересъ представляетъ переработка стихотворенія „Смерть" (1828 года), исполненная не столько художникомъ, сколько мыслителемъ съ его новымъ пониманіемъ смерти и жизни. Въ 1828 году смерть представля-

лась поэту только пассивной, примиряющей силой, въ 1833—1834 гг. она обладаетъ активной, дѣйственной силой, силой въ полномъ смыслѣ этого слова; раньше она была только „кроткой", теперь она—„праведная и могущественная". Въ связи съ новымъ пониманіемъ смерти, и стихотвореніе—гимнъ, посвященный ей, пріобрѣтаетъ иной характеръ и новую силу, хотя поэтъ и жертвуетъ иногда такими выразительными строфами, какъ—

И краски жизни безпокойной,
Съ ихъ невоздержной пестротой,
Вдругъ замѣняются пристойной,
Однообразной бѣлизной.

и замѣняетъ вполнѣ ясные стихи нѣсколько запутанными. Такъ, пятая строфа первоначальной редакціи читается слѣдующимъ образомъ:

И ты летаешь надъ созданьемъ,
Забвенье бѣдъ вездѣ лія
И прохлаждающимъ дыханьемъ
Смиряя буйство бытія.

Эта же строфа въ исправленіи имѣетъ такой мало ясный смыслъ:

И ты летаешь надъ твореньемъ,
Согласье прямъ его лія
И въ немъ прохладнымъ дуновеньемъ
Смиряя буйство бытія.

Насколько въ то же время поэтъ продумываетъ свои образы и стремится къ точности, отчетливости, можно судить по исправленію седьмой строфы, которое кажется съ перваго взгляда мало существеннымъ:

Ты предстаешь, святая дѣва!
И съ остывающихъ ланитъ
Бѣгутъ мгновенно пятна гнѣва,
Жаръ любострастія бѣжитъ.

А человѣкъ! святая дѣва!
Передъ тобой съ его ланитъ
Мгновенно сходятъ пятна гнѣва,
Жаръ любострастія бѣжитъ.

Послѣдній разъ выпустилъ Боратынскій свои стихи отдѣльнымъ сборникомъ въ 1842 году („Сумерки"). Въ періодъ „Сумерекъ" Боратынскій тяготился недостаточными средствами языка для выраженія поэтическихъ своихъ мыслей, чувствъ и поэтическихъ образовъ: мысль поэта отличалась такой глубиной и сложностью, что онъ не могъ найти для нея адэкватной формы. Соотвѣтственно съ этой особенностью творчества поэта третьяго періода, и исправленія, сдѣланныя въ эту пору, характеризуются такимъ, часто тщетнымъ стремленіемъ найти болѣе точное слово для передачи оттѣнка мысли и устранить неясность и запутанность. Порой исправленія Боратынскаго достигали своей цѣли; порой новый образъ передавалъ и новую мысль, и новое настроеніе, а порой неясность, которую поэтъ пытался разрѣшить, не только не уменьшалась, но еще и усиливалась. Пояснимъ сказанное нѣсколькими примѣрами.

Такъ, въ „Запустѣніи“ 65 стихъ

Гдѣ я наслѣдую безсмертную весну—

замѣняется мало понятнымъ:

Гдѣ я наслѣдую несрочную весну.

Такъ, „Предразсудокъ“ первоначально имѣлъ непонятную по языку первую строфу:

Предразсудокъ! онъ обломокъ
Давней правды. Храмъ упалъ,
Прагъ остался; а потомокъ
Смыслъ его не разгадалъ.

Исправленіе послѣднихъ двухъ стиховъ—

А руинъ его потомокъ
Языка не разгадалъ—

хотя и уяснило смыслъ, но все же оставило неестественную и запутанную разстановку словъ.

Въ другомъ случаѣ („Скульпторъ“) поэтъ достигъ своей цѣли—ясности, но, повидимому, принужденъ былъ придать иной оттѣнокъ своей мысли.

Въ первоначальномъ видѣ „послѣдній покровъ“ съ богини сокровенной не падетъ,

Пока невольно пламенѣя,
Подъ лаской вкрадчивой рѣзца,
Отвѣтнымъ взоромъ Галатея
Осмѣлитъ страстнаго творца.

Приготовляя свои стихи ко включенію въ „Сумерки“, поэтъ передѣлываетъ:

Покуда страсть уразумѣя
Подъ лаской вкрадчивой рѣзца,
Отвѣтнымъ взоромъ Галатея
Не увлечетъ, желаньемъ рдѣя,
Къ побѣдѣ нѣги мудреца!

Не будемъ останавливаться на любопытныхъ переправкахъ „Осени“ и заключимъ наше разсмотрѣніе измѣненій въ третьемъ періодѣ стихотвореніемъ, посвященнымъ Пушкину.

Когда-то Боратынскій записалъ въ альбомъ своей кузины слѣдующее стихотвореніе:

Какъ взоры томныя свои
Ты на пѣвцѣ остановила,
Не думай чтобъ мечта любви
Въ его душѣ заговорила!
Нетъ это былъ сей легкій сонъ
Сей чудный сонъ воображенья,
Что посылаетъ Аполлонъ
Не для любви, для вдохновенья.

Повидимому, въ 1837 году, подъ вліяніемъ смерти Пушкина, Боратынскій пріурочиваетъ это стихотвореніе къ Пушкину и передѣлываетъ (главнымъ образомъ) начало:

Когда поэта красота
Своей улыбкой оживила,
Не думай, чтобъ любви мечта
Его глаза одушевила...

Въ такомъ видѣ стихотвореніе стало неяснымъ, несмотря на то, что Боратынскій называетъ красоту, оживившую поэта, и, отдавъ уже въ печать „Сумерки", Боратынскій снова передѣлываетъ первую строфу:

Она улыбкою своей
Поэта въ жертвы пригласила,
Но не любовь отвѣтомъ ей,
Взоръ ясный думой осѣнила.

Загадка не только осталась, но и усложнилась, такъ какъ конкретная „Красота" замѣнилась неизвѣстнымъ—„Она".

Еще легче прослѣдить всѣ особенности работы Боратынскаго надъ его произведеніями въ поэмахъ, имѣющихъ по цѣлому ряду чтеній.

Въ 1820 году Боратынскій написалъ свою первую поэму—„описательную поэму Пиры" и напечаталъ ее въ 1821 году въ „Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія". Въ 1826 году „Пиры" были изданы отдѣльной книжкой вмѣстѣ съ „Эдой", и мы находимъ въ редакціи этого года цѣлый рядъ существенныхъ отличій отъ первоначальнаго чтенія, подтверждающихъ сказанное нами выше объ особенностяхъ переправокъ Боратынскаго въ различныхъ періодахъ. „Пиры" въ редакціи 1826 года отличаются меньшей непосредственностью элегизма и юношеской мечтательности, меньшимъ лиризмомъ, и въ этомъ смыслѣ любопытно сопоставить слѣдующіе отрывки изъ „Пировъ":

Въ чтеніи „Соревнователя".	Въ изданіи 1826 года.
Искалъ я счастья, какъ другой, Волшебный сонъ и мнѣ приснился; Но, разувѣренный душой, Вздохнулъ, заплакалъ и простился Съ моей несбыточной мечтой. Непрочно то, что сердцу мило; Кто сердцу вѣритъ, тотъ глупецъ. А поэтическій вѣнецъ?— Никакъ оно же мнѣ сулило! Но что скажу вамъ наконецъ?...	Досталось много мнѣ на часть Душѣ любезныхъ заблужденій; Прошла ихъ временная власть: Утихла жажда наслажденій И охладѣла къ славѣ страсть. Мнѣ что-то взоры прояснило; Но, какъ премудрый Соломонъ, Я не скажу: все въ мірѣ сонъ!..
Отъ лишнихъ прихотей своихъ Почти всегда мы страждемъ, други! Кому не стоятъ мукъ живыхъ Любви роскошные досуги...	Трудясь надъ смѣсью риѳмъ и словъ Поэты наши чуть не плачутъ; Своихъ почтительныхъ рабовъ Порой красавицы дурачутъ...

Потупя сумрачные взоры, Въ печали робкой и нѣмой, Не слушалъ радостные хоры, Не трогалъ чаши круговой...	*Исключено.*
И гдѣ-жъ измѣнница любовь? Ахъ, въ ней и грусть—очарованье; Знакомо мнѣ ея страданье; Но я страдать желалъ бы вновь! И гдѣ же вы, душѣ родные, Друзья, дѣлившіе со мной И заблужденья молодыя, И радость жизни молодой?— Разлучены богиней строгой...	И гдѣ-жъ измѣнница любовь? Ахъ, въ ней и грусть—очарованье; Я испытать желалъ бы вновь Ея знакомое страданье! И гдѣ-жъ вы, рѣзвые друзья, Вы, кѣмъ жила душа моя! Разлучены судьбою строгой...
Ужъ въ мірѣ нѣтъ отцовъ моихъ; Безмолвенъ теремъ опустѣлый; Въ тѣни прохладной липъ густыхъ Таится рядъ могилъ нѣмыхъ,— Тамъ скрытъ ихъ пепелъ охладѣлый; Домъ счастья мраченъ и угрюмъ. Но что къ унынью насъ принудитъ? Пировъ бывалыхъ новый шумъ Въ немъ голосъ радости пробудитъ!	Мы, тѣ же сердцемъ въ вѣкъ иной...

Любопытно измѣненіе и обращенія къ Пушкину, соотвѣтственно съ новымъ пониманіемъ творчества Пушкина; передѣлана и вся заключительная часть „Пировъ", мало подходившая къ настроенію 1825—1826 гг. Вторично исправилъ Боратынскій свою поэму при включеніи ея въ изданіе 1835 года, при чемъ поэтъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ возвращался къ первоначальной редакціи, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ (напр. обращеніе къ Пушкину) измѣнялъ согласно новому пониманію и настроенію и особенно заботливо относился къ художественной отдѣлкѣ.

Большой интересъ представляетъ исторія созданія и передѣлокъ „Эды".

Въ 1824 году поэтъ вполнѣ закончилъ свою поэму, но въ слѣдующемъ году сталъ кореннымъ образомъ измѣнять ее, сообразно съ задачей, поставленной себѣ, — написать реалистическую повѣсть. Въ первоначальной редакціи гусаръ-обольститель является нѣсколько идеализированнымъ, романтическимъ героемъ, искренно полюбившимъ „чухоночку" Эду (какъ ее называлъ Пушкинъ), и въ повѣсти рѣзко выдѣлялся лирически приподнятый тонъ. Въ предисловіи 1826 года Боратынскій ставитъ себѣ задачей передачу мелочныхъ подробностей и говоритъ, что онъ „не принялъ лирическаго тона",—и, дѣйствительно, въ исправленіяхъ Боратынскій старался исключать лиризмъ и вводить больше мелочныхъ подробностей, больше правдивости. Приготовляя къ печати „Эду", поэтъ въ то же время подвергъ ее и другой переработкѣ—чисто художественной. Исправленія, сдѣланныя Боратынскимъ въ „Эдѣ", коснулись также и типовъ поэмы. Герой повѣсти

въ первоначальной редакціи является идеалистически настроеннымъ юношей; во второй редакціи поэтъ назвалъ гусара „злодѣемъ", но оставилъ ему еще старыя идеалистическія черты, и только въ окончательной редакціи поэтъ создалъ реалистическій и художественно законченный образъ гусара обольстителя. Измѣненъ нѣсколько и образъ Эды, слишкомъ идеализированный въ первой редакціи („Нежданный цвѣтъ въ пустынѣ той", „готовность къ чувству въ сердцѣ чистомъ", „малютка" и т. п.), измѣнена и психологическая мотивировка. Въ изданіи 1826 года ничего не говорится о томъ, что Эда послѣ поцѣлуя поддалась страсти,—однимъ штрихомъ, но выразительно говоритъ объ этомъ поэтъ въ изданіи 1835 года:

Ужъ поздно. Дѣва молодая,
Жарка ланитами, встаетъ,
И молча, *глазъ не поднимая*,
Въ свой уголъ медленно идетъ.

Исключилъ поэтъ и плохую мотивировку поступковъ гусара, задумавшаго ночное свиданіе съ Эдой подъ вліяніемъ подслушаннаго разговора родителей Эды („все какъ-то злому учитъ злого"), какъ будто ему самому не могла принадлежать вся инициатива „злого умысла". Исправленія 1835 года сдѣлали „Эду" и болѣе реалистической и болѣе психологической повѣстью

До какой степени Боратынскій старательно работалъ надъ своимъ стихомъ, можно судить по тому, что даже отъ небольшой переводной сказки его—„Телема и Макаръ"—сохранилось четыре различныя редакціи, причемъ порою въ послѣднихъ редакціяхъ поэтъ возвращался къ первоначальнымъ, Исправленія „Телемы и Макара", помимо чисто художественной стороны, шли и въ другомъ направленіи: сказка все больше и больше теряла характеръ сатиры и принимала общій, отвлеченный отъ мѣстныхъ условій, сказочный характеръ.

Мало значительны измѣненія, сдѣланныя поэтомъ въ „Балѣ", и почти всѣ они касаются либо большаго художественнаго совершенства — картиннаго и музыкальнаго, либо поэтъ стремится къ большей точности и правильности языка и психологіи. Приведемъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ исправленій:

Первоначальное чтеніе.	Изданіе 1827 года.
Чьи пурпуровые уста... Страшися пламенныхъ рѣчей...	Чьи непорочныя уста... Страшися вкрадчивыхъ рѣчей...

Изданіе 1827 года.	Изданіе 1835 года.
Мое унынье не вини... Или насмѣшливо взглянуть... Вотъ чья-то дряхлая рука....	Моей печали не вини... Или двусмысленно взглянуть.. Сухая дряхлая рука...

Слѣдуетъ отмѣтить также, что, несмотря на тенденціи къ реализму, Боратынскій избѣгалъ крайностей натурализма, какъ на то указываютъ слѣдующія исправленія:

Первоначальное чтеніе.	Изданіе 1827 года.
Она страдаетъ тошнотой...	Она какъ будто не своя....
Изданіе 1827 года.	Изданіе 1835 года.
Глаза распухли, въ пѣнѣ ротъ...	Глаза стоятъ и въ пѣнѣ ротъ.

Такого же рода—преимущественно техническія—исправленія находимъ мы и въ сказкѣ „Переселеніе душъ". Гораздо значительнѣе исправленія „Наложницы", вышедшей въ первый разъ въ 1831 году и вошедшей въ собраніе сочиненій 1835 года подъ заглавіемъ „Цыганка". Сверхъ этихъ двухъ редакцій поэмы, мы имѣемъ еще фрагменты первоначальной редакціи и переработку поэмы, относящуюся къ 1842 году.

Отличія первоначальной редакціи отъ текста отдѣльнаго изданія 1831 года совсѣмъ незначительны; немногимъ значительнѣе и передѣлки поэмы для изданія 1835 года, касающіяся образной и музыкальной стороны, а также сокращеніе нѣкоторыхъ мѣстъ, казавшихся поэту растянутыми и мало правдоподобными. Къ числу такихъ мѣстъ относится разговоръ дяди Вѣры съ Черноморомъ, человѣкомъ Елецкаго, или распоряженія Елецкаго о томъ, какъ завести Вѣру съ дядей къ нему. Гораздо значительнѣе исправленія 1842 года.

Въ послѣдней редакціи „Цыганки" поэтъ исключилъ все эпизодическое и сосредоточилъ свое вниманіе на психологическомъ развитіи главныхъ героевъ поэмы.

Такъ, поэтомъ былъ исключенъ Черноморъ и его роль въ поэмѣ, вслѣдствіе чего „Цыганка" значительно сократилась въ объемѣ. Измѣнена нѣсколько и характеристика Елецкаго, который, для большей вѣроятности чистаго увлеченія Вѣрою и возможности нравственнаго возрожденія, въ окончательной редакціи не является главой повѣсъ и циникомъ. Соотвѣтственно съ заботой о болѣе естественномъ ходѣ романа, Боратынскій вовсе исключилъ четвертую главу—описаніе невольнаго визита Вѣры и ея дяди къ Елецкому,—и вслѣдствіе этого поэту пришлось передѣлать нѣкоторыя мѣста поэмы, ходъ которой въ большой степени зависѣлъ отъ этого визита. Елецкій увидѣлся съ Вѣрой на маскарадѣ и тамъ увлекъ ее разговоромъ и въ отвѣтъ на нѣмую мольбу Вѣры „скинулъ маску"—

Въ этотъ мигъ
Предъ нимъ лицо другое стало,
Очами гнѣвными сверкало
И дико поднятой рукой
Грозило Вѣрѣ и пропало
Съ Елецкимъ вмѣстѣ за толпой.

Такъ произошло знакомство Елецкаго съ Вѣрой, такъ произошла и встрѣча Вѣры съ цыганкой, наложницей Елецкаго, и потому, выпустивъ IV главу, поэтъ могъ дальше вести свою поэму почти безъ измѣненій.

Боратынскій, въ противоположность очень многимъ поэтамъ, никогда не останавливался на одномъ исправленіи стихотворенія, которое удовлетворяло его взыскательности, а продолжалъ его непрерывно измѣнять. Нетрудно замѣтить также, что въ каждый новый періодъ творчества Боратынскій какъ бы вбираетъ въ себя весь объемъ произведеній предыдущаго періода, подвергая его коренной переработкѣ; такимъ образомъ поэтическое развитіе его идетъ по отдѣльнымъ періодамъ, органически связаннымъ между собою, съ рѣзко окрашенными особенностями каждаго отдѣльнаго періода.

Списокъ произведеній Боратынскаго по времени перваго появленія ихъ въ печати.

1819.

1) *Мадригалъ пожилой женщинѣ и все еще прекрасной.* „Благонамѣренный“, Февраль, № 4, стр. 210.

2) *Къ Алинѣ.* Тамъ же, № VI, Мартъ, стр. 332.

3) *Портретъ В...* Тамъ же, № VI, Мартъ, стр. 334.

4) *Любовь и дружба.* Тамъ же, № VI, Мартъ, стр. 334.

5) *Эпиграмма (Дамонъ! ты началъ—продолжай).* Тамъ же, ч. VI, № IX, Май, стр. 143.

6) *Къ Креницыну.* „Сынъ Отечества“, ч. 55, стр. 181.

7) *Къ Дельвигу (Такъ, любезный мой Горацій).* Тамъ же, ч. 55, стр. 228.

8) *Прощанье.* „Благонамѣренный“, Августъ, ч. VII, № XV, стр. 142—143.

9) *Прощаніе (Т-му въ Альбомъ).* „Сынъ Отечества“, ч. 58, стр. 126.

1820.

10) *Воспоминанія. Отрывки изъ поэмы.* „Невскій Зритель“, ч. I, Генварь, стр. 85—94.

11) *В[оратынско]му (при отъѣздѣ его въ армію).* Тамъ же, ч. I, Генварь, стр. 98—99.

12) *Элегія (Ужели близокъ часъ свиданья).* Тамъ же, ч. I, Генварь, стр. 99—100.

13) *Эпиграмма (Хоть глуповатъ подчасъ Дамонъ).* Тамъ же, ч. I, Генварь, стр. 103.

14) *Къ Кюхельбекеру.* „Сынъ Отечества“, ч. 59, стр. 225.

15) *Элегія (На краткій мигъ плѣняетъ въ жизни радость).* „Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія“, ч. IX, стр. 196.

16) *К-ву (Любви веселой проповѣдникъ).* Тамъ же, ч. IX, стр. 327.

17) *Къ дѣвушкѣ, которая, на вопросъ, какъ ее зовутъ, отвѣчала: не знаю.* „Невскій Зритель“, Февраль, стр. 93.

18) *Весна (Элегія).* „Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія“, ч. X, стр. 88.

19) *Финляндія*. Тамъ же, ч. X, стр. 168—170.

20) *Финскимъ Красавицамъ (Мадригалъ)*. Тамъ же, ч. X, стр. 186.

21) *Элегія (Подражаніе Лафару)*. „Невскій Зритель", Мартъ, стр. 54.

22) *Посланіе къ Б[арону] Дельвигу*. Тамъ же, Мартъ, стр. 56—59.

23) *Къ Конишину*. „Сынъ Отечества", ч. 66, № XLIX, стр. 130—131.

1821.

24) *Уныніе*. „Сынъ Отечества", № III, стр. 128—129.

25) *О заблужденіяхъ и Истинѣ*. „Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія", ч. XIII, стр. 25—36.

26) *Пиры*. Тамъ же, ч. XIII, стр. 385—394.

27) *Бдѣніе*. Тамъ же, ч. XIV, стр. 61—62.

28) *Въ Альбомъ (Вы слишкомъ многими любимы)*. Тамъ же, ч. XIV, стр. 65.

29) *Родина (Сельская Элегія)*. „Сынъ Отечества", № VI, стр. 274—276.

30) *Водопадъ*. „Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія", ч. XV, стр. 90—91.

31) *Отъѣздъ (Элегія)*. Тамъ же, ч. XV, стр. 236.

32) *Н. М. К[оншину]*. Тамъ же, ч. XV, стр. 237.

33) *Цвѣтокъ*. Тамъ же, ч. XV, стр. 244—245.

34) *Больной*. „Сынъ Отечества", № VIII, стр. 37.

35) *Къ Делію. Ода. (Съ Латинскаго)*. „Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія", ч. XVI, стр. 78—79.

36) *Элегія (Нѣтъ, не бывать тому, что было прежде!)*. Тамъ же, ч. XVI, стр. 204.

37) *Разувѣреніе (Элегія)*. Тамъ же, ч. XVI, стр. 204—205.

38) *Лидѣ*. „Сынъ Отечества", № X, стр. 133—134.

39) *Русская пѣсня*. Тамъ же, № X, стр. 134—135.

40) *Эпиграмма (Его творенье скукой дышетъ)*. „Благонамѣренный", Августъ, № XV, стр. 160.

41) *Булгарину*. „Сынъ Отечества", ч. 70, № XXII, стр. 175—177.

42) *К[онши]ну*. Тамъ же, ч. 71, № 29, стр. 131.

1822.

43) *Доридѣ*. „Новости Литературы", кн. 1, № VIII, стр. 126—127.

44) *Догадка*. „Благонамѣренный", ч. 17, № XI, стр. 443.

45) *Поцѣлуй*. (Доридѣ). Тамъ же, ч. 17, № XI, стр. 444.

46) *Возвращеніе*. Тамъ же, ч. 17, № XI, стр. 444.

1823.

47) *Весна*. „Полярная Звѣзда" на 1823 г., стр. 85—86.

48) *Къ Дельвигу. (Дай руку мнѣ, товарищъ добрый мой)*. Тамъ же, стр. 374—376.

49) *Паденіе Листьевъ*. „Новости Литературы", кн. III, № 12, стр. 186.

50) *Къ *** (Чувствительны мнѣ дружескія пѣни).* Тамъ же, кн. IV, № 18, стр. 78.

51) *Лета.* Тамъ же, кн. IV, № 19, стр. 95.

52) *Двѣ доли.* Тамъ же, кн. IV, № 22, стр. 141.

53) *Н. И. Гнѣдичу.* Тамъ же, кн. IV, № 41, стр. 29.

54) *Безнадежность.* Тамъ же, кн. V, № 38, стр. 190.

55) *Размолвка.* Тамъ же, кн. V, № 38, стр. 190.

56) *Хлоѣ.* Тамъ же, кн. VI, № 40, стр. 14.

1824.

57) *Истина (ода).* „Полярная Звѣзда" на 1824 г., стр. 19—21.

58) *** *(О своенравная Софія).* Тамъ же, стр. 27—28.

59) *Римъ.* Тамъ же, стр. 63.

60) *Лутковскому.* Тамъ же, стр. 259—261.

61) *Признаніе.* Тамъ же, стр. 312—313.

62) *Къ—(Зачѣмъ живыя выраженья).* „Новости Литературы", кн. IX, Іюль, стр. 40.

1825.

63) *Исторія кокетства.* „Сѣверные Цвѣты" на 1825 г., стр. 109—118.

64) *Оправданіе.* Тамъ же, стр. 263—265.

65) *(Сонетъ).* Тамъ же, стр. 265—266.

66) *Черепъ.* Тамъ же, стр. 282—283.

67) *Звѣздочка.* Тамъ же, стр. 313—314.

68) *Елизійскія поля.* „Полярная Звѣзда" на 1825 г., стр. 103—105.

69) *Дѣвушкѣ, которой имя было: Аврора.* Тамъ же, стр. 116.

70) *Д[ельвиг]у.* Тамъ же, стр. 148—150.

71) *Къ жестокой.* Тамъ же, стр. 190—191.

72) *Л[утковск]ой.* Тамъ же, стр. 276.

73) *Стансы.* Тамъ же, стр. 316—317.

74) *Зима. (Отрывокъ изъ повѣсти: Эда).* Тамъ же, стр. 372—373.

75) *Сестрѣ.* „Невскій Альманахъ" на 1825 г., стр. 63—64.

76) *Веселье и Горе.* „Московскій Телеграфъ", № 4, Февраль, стр. 310.

77) *Буря.* „Мнемозина", ч. IV, стр. 214—215.

78) *Отрывки изъ поэмы: Эда* (3 отрывка). Тамъ же, ч. IV, стр. 216—220.

79) *Леда.* Тамъ же, ч. IV, стр. 221—223.

80) *Финляндія. (Изъ повѣсти Эда).* „Московскій Телеграфъ", № 22, Ноябрь.

1826.

81) *Къ Аннетѣ.* „Сѣверные Цвѣты" на 1826 г., стр. 15.

82) *Л. С. П[ушки]ну.* Тамъ же, стр. 40—41.

83) *Надпись (Взгляни на ликъ холодный сей).* Тамъ же, стр. 68.

84) *Дорога жизни.* „Невскій Альманахъ" на 1826 г., стр. 71.

85) *Къ *** посылая тетрадь стиховъ.* „Уранія" на 1826 г., стр. 73.

86) *Ожиданіе*. Тамъ же, стр. 101.

87) *Къ Д[ельвигу] на другой день послѣ его женитьбы*. „Сиріусъ“ на 1826 г., стр. 76.

88) *Эда. Финляндская повѣсть*. „Эда и Пиры. Стихотворенія Евгенія Баратынскаго“. СПБ. 1826.

89) *Эпиграмма (Что ни болтай, а я великій мужъ)*. „Московскій Телеграфъ“, ч. VII, стр. 60.

90) *Эпиграмма (Не трогайте Парнасскаго пера)*. Тамъ же, ч. VII, стр. 124.

91) *Д. В. Давыдову*. Тамъ же, ч. X, № 14, стр. 55.

1827.

92) *А. А. В[овйков]ой*. „Сѣверные Цвѣты“ на 1827 г., стр. 226.

93) *Пѣсня*. Тамъ же, стр. 265—266.

94) *Телема и Макаръ*. Тамъ же, стр. 297—302.

95) *Наяда*. Тамъ же, стр. 330.

96) *Эпиграмма (И ты поэтъ, и онъ поэтъ)*. Тамъ же, стр. 332.

97) *Богдановичу*. Тамъ же, стр. 335—339.

98) *Эпиграмма (Ты ропщешь, важный журналистъ)*. „Литературный Музеумъ“ на 1827 г., стр. 259.

99) *Эпиграмма (Окогченная летунья)*. „Московскій Вѣстникъ“, ч. I, стр. 254.

100) *(Въ альбомъ Софіи)*. „Славянинъ“, ч. I, № 3, отд. 2, стр. 35.

101) *Балъ. Отрывокъ изъ поэмы*. „Московскій Телеграфъ“, ч. XIII, № 1, стр. 3.

102) *Въ Альбомъ (Перелетай къ веселью отъ веселья)*. „Московскій Вѣстникъ“, ч. II, стр. 9.

103) *Къ *** (Не бойся ѣдкихъ осужденій)*. „Московскій Телеграфъ“, ч. 13, № 3, стр. 96.

104) *Таврида А. Муравьева*. Тамъ же, ч. XIII, № 4, стр. 325.

105) *Къ... (Какъ много ты въ немного дней)*. „Стихотворенія Евгенія Баратынскаго“ изд. 1827 г., стр. 76.

106) *** *(Какъ сладить съ глупостью глупца?)*. Тамъ же, стр. 83.

107) *Въ альбомъ (Когда-бъ избрать возможно было мнѣ)*. Тамъ же, стр. 84.

108) *Эпиграмма (Пѣвецъ какой-то на искусъ)*. Тамъ же, стр. 91.

109) *Эпиграмма (Свои стишки Тощевъ піитъ)*. Тамъ же, стр. 92.

110) *Случай*. Тамъ же, стр. 94.

111) *Товарищамъ*. Тамъ же, стр. 105—106.

112) *Къ Амуру*. Тамъ же, стр. 107.

113) *Эпиграмма (Вездѣ бранитъ поэтъ Клеонъ)*. Тамъ же, стр. 114.

114) *Г[нѣди]чу, который совѣтовалъ сочинителю писать сатиры*. Тамъ же, стр. 139—144.

115) *Къ-ву. Отвѣтъ*. Тамъ же, стр. 145—147.

116) *Она*. „Славянинъ“, ч. II, стр. 293.

117) *На некрасивую виньетку, представляющую Автора за письменнымъ столомъ, а подлѣ него Истину.* „Московскій Телеграфъ“, ч. XV, стр. 5.

1828.

118) *Бальный вечеръ. (Отрывокъ изъ „Бала“).* „Сѣверные Цвѣты“ на 1828 г., стр. 84—86.

119) *Послѣдняя Смерть.* Тамъ же, стр. 89—93.

120) *Мара.* „Московскій Телеграфъ“, Январь, № 2, стр. 191.

121) *Балъ.* „Повѣсть, сочиненіе Евгенія Баратынскаго“. СПБ. 1828.

1829.

122) *Переселеніе душъ. Сказка.* „Сѣверные Цвѣты“ на 1829 г.

123) *Смерть. (Подражаніе А. Шенье).* Тамъ же, стр. 46.

124) *Деревня.* Тамъ же, стр. 59.

125) *Старикъ.* Тамъ же, стр. 64.

126) **** (Какъ ревностно ты самъ себя дурачишь).* Тамъ же, стр. 170.

127) **** (Старательно мы наблюдаемъ свѣтъ).* Тамъ же, стр. 170.

128) **** (Мой даръ убогъ, и голосъ мой не громокъ).* Тамъ же, стр. 170.

129) **** (Глупцы не чужды вдохновенья).* Тамъ же, стр. 171.

130) **** (Не подражай: своеобразенъ геній).* Тамъ же, стр. 171.

131) *Бѣсенокъ.* Тамъ же, стр. 187.

132) *Княгинѣ З. А. Волконской, на отъѣздъ ея въ Италію.* „Подснѣжникъ“ на 1829 г., стр. 151—153.

133) *Увѣреніе.* „Сѣверная Звѣзда“ на 1829 г., стр. 121.

134) *Смерть.* „Московскій Вѣстникъ“, ч. I, стр. 45—46.

135) *Въ Альбомъ (Альбомъ, замѣтить не грѣшно).* „Галатея“, ч. I, № 2.

136) *Vсторіческая Епіграмма.* „Московскій Телеграфъ“, № 7, апрѣль, стр. 257—258.

137) *Смерть Багговута.* „Сѣверный Архивъ“, № 5, стр. 171.

1830.

138) *Эпиграмма (Въ восторженномъ невѣжествѣ своемъ).* „Сѣверные Цвѣты“ на 1830 г., стр. 7.

139) *Вѣра и невѣріе.* Сцена изъ поэмы. Тамъ же, стр. 88—94.

140. *Муза.* Тамъ же, стр. 94.

141) *Въ альбомъ отъѣзжающей (К. А. Свербеевой).* „Царское Село“ на 1830 г., ст. 133.

142) *Эпиграмма (Что пользы намъ отъ шумныхъ вашихъ преній).* Тамъ же, стр. 140.

143) *Фея.* Тамъ же, стр. 157.

144] *Невѣстѣ (А. Я. В.).* Тамъ же, стр. 234.

145) *Подражателямъ*. „Московскій Вѣстникъ“, ч. I, № 1, стр. 7.

146) *Наложница. Отрывокъ изъ поэмы*. „Денница“ на 1830 г., стр. 136—138.

147) **** (Чудный градъ порой сольется)*. „Радуга“ на 1830 г., стр. 160.

148) *Эпиграмма (Онъ вамъ знакомъ. Скажите, кстати)*. „Литературная Газета“, т. I, № 32, стр. 258.

149) *Эпиграмма (Писачка въ Фебовъ дворъ явился)*. Тамъ же, т. I, № 33, стр. 264.

150) *Эпиграмма (Хотя ты малой молодой)*. Тамъ же, т. II, № 47, стр. 85.

151) *Имя*. Тамъ же, т. II, № 51, стр. 116.

1831.

152) *Наложница. 2 отрывка изъ поэмы*. „Сѣверные Цвѣты“ на 1831 г., стр. 4—40.

153) *Наложница. Отрывокъ изъ поэмы*. „Альціона“ на 1831 г., стр. 85—86.

154) *Эпиграмма (Повѣрьте мнѣ, Фигляринъ-моралистъ)*. „Денница“ на 1831 г., стр. 197.

155) *Лазурныя очи*. „Сиротка“ на 1831 г., стр. 21—22.

156) *Наложница*. „Сочиненіе Е. Баратынскаго. Москва. 1831“.

157) *Быль*. „Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду“, № 6, стр. 46—47.

1832.

158) *Мой Элизій*. „Сѣверные Цвѣты“ на 1832 г., стр. 98.

159) **** (Въ дни безграничныхъ увлеченій)*. „Европеецъ“, ч. I, № 1, стр. 52.

160) *Перстень*. Тамъ же, ч. I, № 2, стр. 165—187.

161) *Н. М. Языкову*. Тамъ же, ч. I, № 2, стр. 204—205.

162) *Антикритика*. Тамъ же, ч. I, № 2, стр. 289—304.

163) *Эпиграмма (Кто непремѣнный мой ругатель?)*. Тамъ же, № 3, стр. 397.

1833.

164) *На смерть Гете*. „Новоселье“, ч. I, стр. 179—180.

165) *Кольцо С. Э[нгельгард]тъ*. Тамъ же, ч. I, стр. 351—352.

1835.

166) *Послѣдній Поэтъ*. „Московскій Наблюдатель“, ч. I, стр. 30—32.

167, *Недоносокъ*. Тамъ же, ч. I, стр. 526—528.

168) *Запустѣніе. Элегія*. „Библіотека для Чтенія“, т. 8, стр. 19—20.

169) **** (Наслаждайтесь: все проходитъ)*. „Стихотворенія Евгенія Баратынскаго. М. 1835“, стр. 19.

170) *** *(Къ чему невольнику мечтанія свободы?)*. Тамъ же, стр. 24.
171) *** *(Сердечнымъ нѣжнымъ языкомъ)*. Тамъ же, стр. 46.
172) *Языкову*. Тамъ же, стр. 47—48.
173) *(Монастыркѣ)*. Тамъ же, стр. 79.
174) *** *(Когда исчезнетъ омраченье)*. Тамъ же, стр. 119—120.
175) *А. А. Ф...ой*. Тамъ же, стр. 147—148.
176) *** *(Я не любилъ ея, я зналъ)*. Тамъ же, стр. 170—171.
177) *** *(Болящій духъ врачуетъ пѣснопѣнье)*. Тамъ же, стр. 175.
178) *** *(О мысль! тебѣ удѣлъ цвѣтка!)*. Тамъ же, стр. 188.
179) *Мадонна*. Тамъ же, стр. 193—196.
180) *** *(О вѣрь: ты, нѣжная, дороже славы мнѣ)*. Тамъ же, стр. 197.
181) *** *(Мой неискусный карандашъ)*. Тамъ же, стр. 199.
182) *** *(Есть милая страна, есть уголъ на землѣ)*. Тамъ же, стр. 210—211.
183) *При посылкѣ „Бала" С. Э*[нгельгардтъ]. Тамъ же, стр. 212.
184) *К. А. Тимашевой*. Тамъ же, стр. 216.
185) *** *(Гдѣ сладкій шопотъ)*. Тамъ же, стр. 218—220.
186) *** *(Весна, весна! Какъ воздухъ чистъ)*. Тамъ же, стр. 223.
187) *** *(Своенравное прозванье)*. Тамъ же, стр. 225—226.
188) *** *(Бывало, отрокъ, звонкимъ кликомъ)*. Тамъ же, стр. 240.
189) *Бокалъ*. „Московскій Наблюдатель", ч. V, стр. 24—26.
190) *Алкивіадъ*. Тамъ же, ч. V, стр. 27.
191) *Романсъ*. „Полный новѣйшій Пѣсенникъ И. Гурьянова", ч. XII, стр. 50—51.

1836.

192) *Князю Петру Андреевичу Вяземскому*. „Современникъ", т. IV, стр. 216—218.

1837.

193) *Осень*. „Современникъ", т. V, ст. 278—280.
194) *Мысль*. Тамъ же, т. IX, стр. 154.

1839.

195) *** *(Благословенъ святое возвѣстившій)*. „Современникъ", т. XV, стр. 157.
196) *** *(Были бури, непогоды)*. Тамъ же, т. XV, стр. 157.
197) *** *(Еще, какъ Патріархъ, не древенъ я; моей)*. Тамъ же, т. XV, стр. 157.
198) *** *(Толпѣ тревожный день привѣтенъ; но страшна)*. „Отечественныя Записки", т. II, отд. III, стр. 1.

1840.

199) *Примѣты*. „Утренняя Заря" на 1840 г., стр. 117—118.
200) *Обѣды*. Тамъ же, стр. 184.

201) *Звѣзды*. Тамъ же, стр. 226.

202) *** *(На что вы дни! Юдольный міръ явленья)*. „Отечественныя Записки“, т. IX, отд. III, стр. 1.

203) *** *(Всегда и въ пурпурѣ и златѣ)*. Тамъ же, т. IX, отд. III, стр. 150.

204) *** *(Все мысль, да мысль! Художникъ бѣдный слова)*. „Современникъ“, т. XVIII, стр. 253.

205) *Мудрецу*. Тамъ же, т. XVIII, стр. 253.

1841.

206) *Риѳма*. „Современникъ“, т. XXI, стр. 241—242.

207) *Предразсудокъ*. „Отечественныя Записки“, т. XV, отд. III, стр. 258.

208) *Vanitas Vanitatum*. Тамъ же, т. XVI, отд. III, стр. 71.

209) *Ропотъ*. Тамъ же, т. XVII, отд. III, стр. 155.

210) *Ахиллъ*. „Современникъ“, т. XXIII, стр. 181.

211) *Скульпторъ*. Тамъ же, т. XXIII, стр. 182.

1842.

212) *(Новинское). А. С. Пушкину*. „Сумерки“. Сочиненіе Евгенія Боратынскаго. 1842, стр. 23—24.

213) *** *(Увы! Творецъ непервыхъ силъ)*. Тамъ же, стр. 29—30.

214) *** *(Филида съ каждою зимою)*. Тамъ же, стр. 42.

215) *** *(Здравствуй, отрокъ сладкогласной!)*. Тамъ же, стр. 58—59.

216) *Съ книгою Сумерки. С. Н. К[арамзиной]*. „Современникъ“, т. XXVII, стр. 95.

1843.

217) *Память Поэту*. „Современникъ“, т. XXXII, стр. 354.

1844.

218) *Пироскафъ*. „Современникъ“, т. XXXV, стр. 215—216.

219) *Дядькѣ—Итальянцу*. Тамъ же, т. XXXV, стр. 217—221.

220) *** *(Когда, дитя и страсти и сомнѣнья)*. Тамъ же, т. XXXVI, стр. 109.

221) *Молитва*. Тамъ же, т. XXXVI, стр. 368.

222) *** *(Люблю я васъ, Богини пѣнья)*. Тамъ же, т. XXXVI, стр. 370.

1846.

223) *(На посѣвъ лѣса)*. „Вчера и сегодня“, кн. 2, стр. 68—69.

1854.

224) *Къ... (Нежданное родство съ тобой даруя)*. „Современникъ“, т. XLVII, стр. 154.

225) *** *(Небо Италіи, небо Торквата)*. Тамъ же, т. XLVII, стр. 154.
226) *Н. Е. В.*.... Тамъ же, т. XLVII, стр. 155.
227) *На Н[адеждина]*. Тамъ же, т. XLVII, стр. 160.

1859.

228) *** *(Спасибо злобѣ хлопотливой)*. „Русская Бесѣда“, кн. 2, стр. 1—2.

1865.

229) *Куплеты на день рожденія княгини Зинаиды Волконской*, Собраніе сочиненій кн. З. А. Волконской. Парижъ и Карлсруэ. 1865, стр. 155—157.

1869.

230) *** *(Въ своихъ листахъ душонкой ты кривишь)*. „Сочиненія Е. А. Баратынскаго“. Москва. 1869, стр. 437.
231) *** *(Прости, мой милый, такъ создать)*. Тамъ же, стр. 440.
232) *(La Fée)*. Тамъ же, стр. 464.
233) *(Pas d'Oubli)*. Тамъ же, стр. 465.
234) *(La Sagesse des Nations)*. Тамъ же, стр. 465.
235) *(Soumission)*. Тамъ же, стр. 465—466.
236) *(L'Harmonie)*. Тамъ же, стр. 466.
237) *La Rime*. Тамъ же, стр. 466—467.
238) *(A Aurore Chernval)*. Тамъ же, стр. 467.
239) *(Far Niente)*. Тамъ же, стр. 467—468.
240) *(Les Frais de Route)*. Тамъ же, стр. 468.
241) *(Le Crépuscule)*. Тамъ же, стр. 468.
242) *Mort de Goethe*. Тамъ же, стр. 468—469.
243) *(Les Redites)*. Тамъ же, стр. 469—470.
244) *Le dernier Poëte*. Тамъ же, стр. 470—471.
245) *(Soucis matériels)*. Тамъ же, стр. 472.
246) *Le Prejugé*. Тамъ же, стр. 472.

1883.

247) *** *(Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ)*. „Историческій Вѣстникъ“, № 2, стр. 468.
248) *Эпилогъ къ стихотворной повѣсти „Эда“*. „Русская Старина“, кн. III.

1888.

249) *** *(Нашъ пріятель, Пушкинъ Левъ)*. „Историческій Вѣстникъ“, т. XXXI, стр. 543.

1890.

250) *Коттеріи*. „Русскій Архивъ“, кн. 1, стр. 326.

1894.

251) *Въ Альбомъ (Когда-бъ вы менье прекрасной).* „Вѣстникъ Европы“, № 3.

1899.

252) *Дѣтское стихотворенiе Е. А. Боратынскаго.* Татевскiй Сборникъ, стр. 59—60.

253) *Хоръ, пѣтый въ день именинъ дяденьки Б[огдана] Андр[еевича Боратынскаго] его маленькими племянницами Панчулидзевыми.* Тамъ же, стр. 60—62.

254) **** (Войной журнальною безчеститъ безъ причины).* „Остафьевскiй Архивъ князей Вяземскихъ“, т. III, стр. 119—120.

1902.

255) **** (Простите, спорю невпопадъ).* „Старина и Новизна“, кн. V, стр. 44.

1911.

256) **** (Младыя Грацiи сплели тебѣ вѣнокъ).* „Извѣстiя Императорской Академiи Наукъ, стр. 522—523.

257) **** (Когда придется какъ-нибудь).* Тамъ же, стр. 523—524.

258) **** (Князь Шаликовъ, газетчикъ нашъ печальной).* „Рѣчь“, № 9, 10 Января.

1914.

259) **** (Я былъ любимъ,—твердила ты).* Сочиненiя Боратынскаго, Изд. „Академической библiотеки Русскихъ Писателей“, т. I, стр. 58.

260) **** (Хоть Графъ и Князь не все есть тоже).* Тамъ же, т. I. стр. 61.

261) **** (Такъ, онъ лѣнивецъ, онъ негодникъ).* Тамъ же, т. I, стр. 87.

262) **** (Откуда взялъ Василiй непотѣшный).* Тамъ же, т. I, стр. 88.

263) **** (Хотите-ль знать всѣ таинства любви).* Тамъ же, т. I, стр. 88.

264) [*Изъ черновыхъ набросковъ*]. Тамъ же, т. I, стр. 142.

265) **** (На все свой ходъ, на все свои законы).* Тамъ же, т. I, стр. 158.

266) **** (Enfant, mon cri aigu).* Тамъ же, т. I, стр. 193.

267) **** (Crois moi, o toi, si aimante).* Тамъ же, т. I, стр. 194.

268) *** (*Qu'êtes-vous devenus*). Тамъ же, т. I, стр. 194—195.

269) **** (Nom de fantaisie).* Тамъ же, т. I, стр. 195.

270 **** (Fraternisez, veillez à la defense).* Тамъ же, т. I, стр. 198—199.

271) *** (*Lorsque le poète*). Тамъ же, т. I, стр. 199.

Обзоръ изданій сочиненій Е. А. Боратынскаго.

1826.

Впервые отдѣльнымъ изданіемъ вышли двѣ поэмы Боратынскаго: „*Эда и Пиры. Эда,* финляндская повѣсть и *Пиры,* описательная поэма, Евгенія Баратынскаго. Санктпетербургъ. Въ типографіи департамента народнаго просвѣщенія. 1826“ (цензурное разрѣшеніе отъ 26 ноября 1825 года). „Эда“ впервые была напечатана въ этомъ изданіи, „Пиры“ же были напечатаны раньше въ „Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія“, но, при включеніи поэмы въ отдѣльное изданіе 1826 года, поэтъ значительно переработалъ многіе отдѣлы стиховъ и прибавилъ предисловіе и эпиграфъ.

1827.

Въ 1827 году Боратынскій издалъ въ первый разъ собраніе своихъ стихотвореній: „Стихотворенія Евгенія Баратынскаго. Москва. Въ типографіи Августа Семена, при Императорской медико-хирургической Академіи. 1827“ (цензурное разрѣшеніе отъ 28 марта 1827 года). Въ этомъ собраніи стихотвореній, надъ которымъ поэтъ весьма работалъ, произведенія разбиты по родамъ слѣдующимъ образомъ:

Элегіи. Книга первая. 1. Финляндія. 2. Водопадъ. 3. Истина. 4. Могила. 5. Римъ. 6. Родина. 7. Двѣ доли. 8. Буря. Книга Вторая. 9. Разлука. 10. Въ Альбомъ. 11. Лета (подраж. Милльевуа). 12. Ропотъ. 13. Уныніе. 14. Размолвка. 15. Бдѣніе. 16. Разувѣреніе. 17. Паденіе листьевъ (подражаніе Миллььвуа). 18. Отъѣздъ. Книга Третья. 19. Утѣшеніе (подраж. Лафару). 20. Поцѣлуй. 21. Элизійскія поля. 22. Деліи. 23. Оправданіе. 24. Догадка. 25. Ожиданіе (подраж. Парни). 26. Возвращеніе (подражаніе Миллььвуа). 27. Къ ..ну. 28. Л. П—ну. 29. Эпилогъ.

Смѣсь. 1. Делію. 2. А. А. В—ой. 3. Лидѣ. 4. Къ ...—. 5. Весна. 6. Веселье и горе. 7. Къ ...О. 8. Дѣвушкѣ, имя которой было *Аврора.* 9. Эпиграмма. 10. Въ Альбомъ. 11. Въ Альбомъ. 12. Къ жестокой. 13. Въ Альбомъ. 14. Русская пѣсня. 15. Эпиграмма. 16. Эпиграмма. 17. Женщинѣ пожилой, но все еще прекрасной. 18. Случай. 19. Цвѣтокъ. 20. Эпиграмма. 21. Къ ***. 22. Надпись. 23. Эпиграмма. 24. Пѣсня. 25. Дѣвушкѣ, которая,

на вопросъ: какъ ее зовутъ? отвѣчала: *не знаю*. 26. Товарищамъ. 27. Къ Амуру. 28. Наяда (подраж. Шенье). 29. Дельвигу. 30. Л—ой. 31. Эпиграмма. 32. Безнадежность. 33. Эпиграмма. 34. Звѣзда. 35. Эпиграмма. 36. Эпиграмма. 37. Д — гу. 38. Добрый совѣтъ (Къ — ну). 39. Любовь. 40. Эпиграмма. 41. Стансы.

Телема и Макаръ. Сказка (подражаніе Вольтеру).

Посланія. 1. Г—чу, который совѣтовалъ Сочинителю писать Сатиры. 2. Къ —ву (отвѣтъ). 3. Аглаѣ. 4. Дельвигу. 5. Д. Давыдову. 6. Къ ****, при отъѣздѣ въ армію. 7. Къ.... 8. Богдановичу. 9. Л — му. 10. Дельвигу. 11. Къ ...— 12. К.—ну. 13. Н. И. Гнѣдичу.

Изъ числа этихъ пьесъ только 9 стихотвореній впервые были напечатаны въ изданіи 1827 года: Эпиграмма (Пѣвецъ какой-то на искусъ), Эпиграмма (Вездѣ бранитъ поэтъ Клеонъ), *** (Какъ сладить съ глупостью глупца), Эпиграмма (Свои стишки Тощевъ піитъ), Въ Альбомъ (Когда-бъ избрать возможно было мнѣ), Случай, Къ Амуру, Товарищамъ и К—ву (отвѣтъ). Остальныя 75 пьесъ печатались въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, но включеніе ихъ въ сборникъ стихотвореній явилось не простымъ собираніемъ, а большой творческой работой, такъ какъ изъ 75 стихотвореній въ первоначальномъ видѣ напечатано въ изданіи 1827 года только 10 пьесъ: Возвращеніе, Лета, Надпись, А. А. В—ой, Пѣсня, Эпиграмма (И ты поэтъ, и онъ поэтъ), Наяда, Въ Альбомъ (Перелетай къ веселью отъ веселья), Эпиграмма (Окогченная летунья) и Къ ***.

Измѣненіямъ подверглись также и заглавія многихъ стихотвореній, которыя мы приводимъ ниже въ двухъ параллельныхъ столбцахъ.

Въ періодическихъ изданіяхъ.	Въ изданіи 1827 года.
Мадригалъ пожилой женщинѣ и все еще прекрасной—	Женщинѣ пожилой, но все еще прекрасной.
Прощаніе (Соревн.), Т—му. (Въ Альбомъ) („Сынъ Отеч.")—	Въ Альбомъ.
Б—му (при отъѣздѣ его въ армію) („Благонамѣренный"), Брату при отъѣздѣ въ армію („Невскій Зритель"), Къ Б** („Новости Литературы").	Къ **** при отъѣздѣ въ армію.
Элегія.	Ропотъ.
Посланіе къ Б... Дельвигу.	Делію.
Элегія.	Разлука.
Элегія.	Утѣшеніе (подраж. Лафару).
Къ Коншину.	К—ну.
Сельская Элегія.	Родина.
К—ну.	Добрый совѣтъ. К—ну.
Булгарину.	Къ....
Элегія.	Отъѣздъ.
Элегія.	Разувѣреніе.
Къ Делію. Ода. (Съ Латинскаго).	Дельвигу.
Н. М. К.	Къ... ну.

Дориде.	Делiи.
Поцѣлуй. (Дориде).	Поцѣлуй.
Къ Дельвигу.	Дельвигу.
Къ ***.	Эпилогъ.
Хлоѣ.	Къ.. О.
Къ ****.	Л-му.
Къ—.	Къ...
Звѣздочка.	Звѣзда.
Дѣвушкѣ, которой имя было: Аврора.	Дѣвушкѣ, имя которой было Аврора.
Сонетъ.	Любовь.
Черепъ.	Могила.
Д. В. Давыдову.	Д. Давыдову.
Л. С. П-ну.	Л. П-ну.

Далеко не всѣ стихотворенія, написанныя Боратынскимъ до 1827 года, вошли въ изданіе 1827 года; такъ, поэтъ исключилъ изъ сборника слѣдующія 19 стихотвореній, печатавшіяся прежде въ журналахъ и альманахахъ: „Портретъ В...", „Къ Алинѣ", „Любовь и дружба (въ альбомъ)", „Эпиграмма" (Дамонъ! ты началъ—продолжай), „Къ Креницыну", „Прощанье", „К-ву", „Къ Кюхельбекеру", „Финскимъ красавицамъ (Мадригалъ)", „Весна (Элегія)", „Больной", „Элегія" (Нѣтъ, не бывать тому, что было прежде!), „Сестрѣ", „Признаніе", „Леда", „Эпиграмма" (Что ни болтай, а я великій мужъ!), „Къ Аннетѣ", „Дорога жизни", и „Къ *** посылая тетрадь стиховъ".

1828.

Въ 1828 году вышли „Двѣ повѣсти въ стихахъ"—Графъ Нулинъ Пушкина и „Балъ. Повѣсть, сочиненіе Евгенія Баратынскаго. Санктпетербургъ. Въ Типографіи департамента народнаго просвѣщенія. 1828" (цензурное одобреніе отъ 31 октября 1828 года).

1831.

Въ этомъ году вышла послѣдняя поэма Боратынскаго: „Наложница. Сочиненіе Е. Баратынскаго. Москва. Въ Типографіи Августа Семена при Императорской Медик. Хирургич. Академіи. 1831." (цензурное разрѣшеніе отъ 20 марта 1831 года).

1835.

Въ 1835 году вышло собраніе сочиненій Боратынскаго въ двухъ томахъ: „Стихотворенія Евгенія Баратынскаго. Москва. Въ Типографіи Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургическ. Академіи. 1835" (цензурное разрѣшеніе отъ 7 марта 1833 года). Въ первую часть вошли лирическія стихотворенія въ слѣдующемъ порядкѣ: I. Финляндія. II. Порою ласковую Фею. III. Завыла буря; хлябь морская. IV. Я возвращуся къ вамъ, поля моихъ отцовъ. V. Ты былъ ли, гордый Римъ, земли самовластитель. VI. О счастіи съ младенчества тоскуя. VII. Наслаждайтесь: все проходитъ.

VIII. Люблю я красавицу. IX. Лета. X. Разстались мы; на мигъ очарованьемъ. XI. Къ чему невольнику мечтанія свободы? XII. Разсѣеваетъ грусть веселый шумъ пировъ. XIII. Пѣсня. XIV. Приманкой ласковыхъ рѣчей. XV. Паденіе листьевъ. XVI. Любви примѣты. XVII. Зачѣмъ, о Делія! сердца младыя, ты. XVIII. Когда-бъ избрать возможно было мнѣ. XIX. Гдѣ ты, безпечный другъ! гдѣ ты, о Дельвигъ мой. XX. Желанье счастія въ меня вдохнули боги. XXI. Мнѣ съ упоеніемъ замѣтнымъ. XXII. Цвѣтокъ. XXIII. Что пользы вамъ отъ шумныхъ вашихъ преній. XXIV. Сердечнымъ нѣжнымъ языкомъ. XXV. Языкову. XXVI. Онъ близокъ, близокъ день свиданья. XXVII. Перелетай къ веселью отъ веселья. XXVIII. И такъ, мой милый, не шутя. XXIX. Мила какъ Грація, скромна. XXX. Въ дорогу жизни снаряжая. XXXI. Глупцы не чужды вдохновенья. XXXII. Когда неопытенъ я былъ. XXXIII. Г-чу. XXXIV. Неизвинительной ошибкой. XXXV. Дало двѣ доли Провидѣніе. XXXVII. Одинъ, и пасмурный душою. XXXVIII. Лутковскому. XXXIX. Когда печалью вдохновенный. XL. Нѣтъ, обманула васъ молва. XLI. Повѣрь, мой милый! твой Поэтъ. XLII. Тебя изъ тьмы не изведу я. XLIII. Какъ много ты, въ немного дней. XLIV. Храни свое неопасенье. XLV. Вчера ненастливая ночь. XLVI. Незнаю! милая, незнаю. XLVII. Богдановичу. XLVIII. Очарованье красоты. XLIX. Какъ сладить съ глупостью глупца. L. Идилликъ новый на искусъ. LI. Такъ! отставнаго шалуна. LII. По замѣчанью моему. LIII. Шуми, шуми съ крутой вершины. LIV. Она придетъ! къ ея устамъ. LV. На кровы ближняго селенья. LVI. Елизійскія поля. LVII. Сей поцѣлуй, дарованный тобой. LVIII. Тебѣ на память въ книгѣ сей. LIX. Когда взойдетъ денница золотая. LX. Окогченная летунья. LXI. Н. И. Гнѣдичу. LXII. Взгляни на ликъ холодный сей. LXIII. Прощай, отчизна непогоды. LXIV. Чувствительны мнѣ дружескія пѣни. LXV. Я посѣтилъ тебя, плѣнительная сѣнь. LXVI. Когда исчезнетъ омраченье. LXVII. Напрасно мы, Дельвигъ, мечтаемъ найдти. LXVIII. О своенравная Аглая! LXIX. Люблю деревню я и лѣто. LXX. Въ своихъ стихахъ онъ скукой дышетъ. LXXI. Рука съ рукой Веселье, Горе. LXXII. Рѣшительно, печальныхъ строкъ моихъ. LXXIII. Ты ропщешь, важный журналистъ. LXXIV. Дельвигу. LXXV. Мы пьемъ въ любви отраву сладкую. LXXVI. Пріятель строгой, ты не правъ. LXXVII. К. З. А. Волконской. LXXVIII. Не бойся ѣдкихъ осужденій. LXXIX. Тебѣ я младость шаловливу. LXXX. Поэтъ Писцовъ въ стихахъ тяжеловатъ. LXXXI. Чтобъ очаровывать сердца. LXXXII. Разувѣреніе. LXXXIII. А. А. Ф...ой. LXXXIV. Живи смѣлѣй, товарищъ мой. LXXXV. Не трогайте Парнасскаго пера. LXXXVI. Старикъ. LXXXVII. Хвала, маститый нашъ Зоилъ. LXXXVIII. Подражаніе Лафару. LXXXIX. Я безразсуденъ—и не диво! XC. Д. Давыдову. XCI. Твой дѣтскій вызовъ мнѣ пріятенъ. XCII. Взгляните: свѣжестью младой. XCIII. Притворной нѣжности не требуй отъ меня. XCIV. Аврорѣ Ш. XCV. Чудный градъ порой сольется. XCVI. Я не любилъ ее, я зналъ. XCVII. Изъ А. Шенье. XCVIII. Взгляни на звѣзды: много звѣздъ. XCIX. Болящій духъ врачуетъ пѣснопѣнье. C. Пора покинуть, милый другъ. CI. Не подражай: своеобразенъ геній. CII. Въ глуши лѣсовъ счастливъ одинъ. CIII. Повѣрь, мой милый другъ, страданье нужно намъ. CIV. На звукъ цѣвницы голосистой. CV. Не ослѣпленъ я музою моею. CVI. Черепъ. CVII. О мысль! тебѣ удѣлъ цвѣтка. CVIII. Судьбой наложен-

ныя цѣпи. CIX. Есть гротъ: Наяда тамъ въ полдневные часы. CX. Мадонна. CXI. О, вѣрь: ты нѣжная дороже славы мнѣ. CXII. Мой даръ убогъ и голосъ мой не громокъ. CXIII. Мой неискусный карандашъ. CXIV. Послѣдняя смерть. CXV. К. А. Свербеевой. CXVI. Слыхалъ я добрые друзья. CXVII. Есть милая страна, есть уголъ на землѣ. CXVIII. При посылкѣ Бала С. Э. CXIX. На смерть Гете. CXX. К. А. Тимашевой. CXXI. Не славь обманутый Орфей. CXXII. Гдѣ сладкой шопотъ. CXXIII. Какъ ревностно ты самъ себя дурачишь. CXXIV. Старательно мы наблюдаемъ свѣтъ. CXXV. Весна, весна! какъ воздухъ чистъ. CXXVI. Своенравное прозванье. CXXVII. Хотя ты малый молодой. CXXVIII. Дитя мое, она сказала. CXXIX. Въ дни безграничныхъ увлеченій. CXXX. Отрывокъ. CXXXI. Бывало, отрокъ, звонкимъ кликомъ.

Во вторую часть вошли поэмы: „Эда", „Пиры", „Балъ", „Телема и Макаръ", „Переселеніе душъ" и „Цыганка".

Лирическія стихотворенія, вошедшія въ изданіе 1835 года, составились изъ стихотвореній, написанныхъ до 1827 года и вошедшихъ въ изданіе 1827 года, и изъ стихотвореній, написанныхъ между 1827 и 1833—1834 гг.. Слѣдующія изъ стихотвореній, вошедшихъ въ изданіе 1827 года, были вновь измѣнены поэтомъ при включеніи ихъ въ изданіе 1835 года (приводимъ заглавія по изданію „Академической Библіотеки Русскихъ Писателей"): „Б[оратынско]му (при отъѣздѣ его въ армію)", „Посланіе къ Б[арону] Дельвигу," „Русская пѣсня", „Лидѣ", „Бдѣніе", „Булгарину", „Разувѣреніе" (возстановлено первоначальное чтеніе), „Н. М. К[оншину]", „Эпиграмма" (Его творенье скукой дышетъ), „Доридѣ", „Къ Дельвигу", „Двѣ доли", „Г[нѣди]чу, который совѣтовалъ сочинителю писать сатиры", „Къ жестокой", „Къ—.", „Богдановичу", „Звѣздочкѣ", „Дѣвушкѣ, которой имя было: Аврора" (возстановлено первоначальное чтеніе), „Оправданіе", „Черепъ", „Буря", „Къ...", „Л. С. П-[ушки]ну", „Эпиграмма" (Пѣвецъ какой-то на искусъ) и „Въ альбомъ" (Когда-бъ избрать возможно было мнѣ).

Нѣкоторыя стихотворенія при изданіи своихъ сочиненій въ 1835 году поэтъ исключилъ изъ сборника 1827 года, нѣкоторыя же стихотворенія, пропущенныя въ первомъ собраніи, помѣстилъ въ новое изданіе. Такъ, исключены были слѣдующія стихотворенія: „Къ Дельвигу", „Въ Альбомъ" (Вы слишкомъ многими любимы), „Эпиграмма" (И ты поэтъ, и онъ поэтъ), „Эпиграмма" (Вездѣ бранитъ поэтъ Клеонъ) и „Эпиграмма" (Свои стишки Тощевъ піитъ). Изъ ранѣе исключенныхъ стихотвореній поэтъ включилъ въ изданіе 1835 года: „Признаніе", „(Въ альбомъ Софіи)", „Увѣреніе", „Фея", „Дорога жизни" и „Къ *** посылая тетрадь стиховъ". Одной изъ отличительныхъ чертъ изданія 1835 года является отсутствіе заглавій; заглавія были сохранены только за слѣдующими стихотвореніями: „Подражаніе Лафару" (въ 1827— Утѣшеніе. Подражаніе Лафару), „Финляндія", „Пѣсня" (въ 1827— Русская пѣсня), „Цвѣтокъ", „Разувѣреніе", „Н. И. Гнѣдичу", „Дельвигу", „Паденіе листьевъ", „Лета", „Г—чу" (въ 1827— „Г—чу, который совѣтывалъ сочинителю писать сатиры), „Лутковскому" (въ 1827— Л—му), „Признаніе", „Богдановичу", „Аврорѣ Ш..... (въ 1827— Дѣвушкѣ, имя которой было Аврора), „Черепъ" (въ 1827— Могила), „Элизійскія поля" и „Д. Давыдову".

Изъ стихотвореній, написанныхъ послѣ изданія перваго сборника, впервые въ изданіи 1835 года были напечатаны стихотворенія: „При посылкѣ Бала С. Э.“, *** (Сердечнымъ нѣжнымъ языкомъ), „Языкову“ (Бывало, свѣтъ позабывая), *** (Бывало, отрокъ, звонкимъ кликомъ), *** (Мой неискусный карандашъ), „А. А. Ф...ой“, *** (Наслаждайтесь: все проходитъ), *** (Къ чему невольнику мечтанія свободы?), *** (Весна, весна! какъ воздухъ чистъ!), *** (Храни свое неопасенье), *** (Когда исчезнетъ омраченье), *** (Я не любилъ ея, я зналъ), *** (Болящій духъ врачуетъ пѣснопѣнье), *** (О мысль! тебѣ удѣлъ цвѣтка), *** (Есть милая страна, есть уголъ на землѣ), „Мадонна“, *** (О, вѣрь: ты, нѣжная, дороже славы мнѣ), „К. А. Тимашевой“, *** (Гдѣ сладкій шопотъ) и *** (Своенравное прозванье). Такимъ образомъ, сравнительно немногія стихотворенія послѣ 1827 года были помѣщены въ періодическихъ изданіяхъ; изъ числа такихъ напечатанныхъ уже раньше стихотвореній, подверглись измѣненію въ изданіи 1835 года слѣдующія: „Послѣдняя Смерть“, *** (въ Московскомъ Телеграфѣ—„Стансы“, въ автографѣ — „Мара“), „Изъ А. Шенье“ первоначально — Смерть. (Подражаніе А. Шенье), *** (Какъ ревностно ты самъ себя дурачишь), *** (Мой даръ убогъ, и голосъ мой не громокъ), *** (— Бѣсенокъ), „К. З. А. Волконской“ (первоначально—Княгинѣ З. А. Волконской, на отъѣздъ ея въ Италію), *** (первоначально—Смерть), *** (первоначально—Въ Альбомъ—Альбомъ, замѣтить не грѣшно), *** (—Ѵсторіческая Епіграмма), *** (первоначально—Эпиграмма—Что пользы намъ отъ шумныхъ вашихъ преній?), „К. А. Свербеевой“ (первоначально—Въ Альбомъ отъѣзжающей), *** (— Муза), *** (Чудный градъ порой сольется), *** (— Подражателямъ), *** (— Эпиграмма—Хотя ты малой молодой), *** (Въ дни безграничныхъ увлеченій), *** (— Кольцо. С. Э—тъ), *** (— Запустѣніе. Элегія). Кромѣ того, поэтъ исключилъ заглавія въ слѣдующихъ стихотвореніяхъ: „Деревня“, „Лазурныя очи“ и „Мой Элизій“.

Подобно тому, какъ поэтъ включилъ въ изданіе 1827 года далеко не всѣ стихотворенія, печатавшіяся въ альманахахъ и журналахъ, подобно этому поэтъ исключилъ изъ собранія сочиненій 1835 года слѣдующія стихотворенія, напечатанныя послѣ выхода въ свѣтъ сборника 1827 года: „Невѣстѣ (А. Я. В.)“, „Къ Д*** на другой день послѣ его женитьбы“, „Она“, „На некрасивую виньетку, представляющую Автора за письменнымъ столомъ, а подлѣ него Истину“, „Эпиграмма“ (Повѣрьте мнѣ, Фиглярин—моралистъ), „Эпиграмма“ (Въ восторженномъ невѣжествѣ своемъ), „Смерть Багговута“, „Къ....“ (Нежданное родство съ тобой даруя), „Эпиграмма“ („Онъ вамъ знакомъ. Скажите, кстати), „Эпиграмма“ (Писачка въ Фебовъ дворъ явился), „Имя“, „Н. М. Языкову“ (Языковъ, буйства молодаго) и „Эпиграмма“ (Кто непремѣнный мой ругатель?). Что касается до второй части „Стихотвореній Евгенія Баратынскаго“, то всѣ поэмы, помѣщенныя въ ней, вошли въ изданіе въ значительно измѣненномъ видѣ.

1842.

Послѣднимъ сборникомъ, вышедшимъ при жизни поэта, были „Сумерки. Сочиненіе Евгенія Боратынскаго. Москва. Въ Типографіи А. Семена, при

Императорской Медико-Хирургической Академіи. 1842" (цензурное разрѣшеніе отъ 10 марта 1842 года).

Въ этотъ сборникъ вошли исключительно стихотворенія Боратынскаго, написанныя въ послѣдній періодъ его творчества. „Сумерки" открывались стихотвореніемъ, напечатаннымъ курсивомъ и посвященнымъ „Князю Петру Андреевичу Вяземскому", и дальше слѣдовали стихотворенія: „Послѣдній Поэтъ", *** (Предразсудокъ! онъ обломокъ), „Новинское. А. С. Пушкину", „Примѣты", *** (Всегда и въ пурпурѣ и въ златѣ), *** (Увы! Творецъ непервыхъ силъ), „Недоносокъ", „Алкивіадъ", „Ропотъ", „Мудрецу", *** (Филида, съ каждою зимою), „Бокалъ", *** (Были бури, непогоды), *** (На что вы дни! Юдольный міръ явленья), „Ахиллъ", *** (Сначала, мысль, воплощена), *** (Еще какъ патріархъ не древенъ я; моей), *** (Толпѣ тревожный день привѣтенъ), *** (Здравствуй, отрокъ сладкогласной!), *** (Что за звуки? мимоходомъ), *** (Все мысль, да мысль! Художникъ бѣдный слова!), „Скульпторъ", „Осень", *** (Благословенъ святое возвѣстившій) и „Рифма".

Изъ этихъ 26 стихотвореній только 4 стихотворенія были помѣщены впервые въ „Сумеркахъ": „Новинское. А. С. Пушкину", *** (Увы! Творецъ непервыхъ силъ), *** (Филида, съ каждою зимою) и *** (Здравствуй, отрокъ сладкогласной!),—остальныя печатались въ различныхъ журналахъ, при чемъ безъ измѣненія были перепечатаны стихотворенія: „Алкивіадъ", „Князю Петру Андреевичу Вяземскому", *** (первоначально—„Vanitas Vanitatum").

Два стихотворенія, помѣщенныя въ „Утренней Зарѣ" на 1840 г. — „Обѣды" и „Звѣзды"—не вошли въ „Сумерки".

1869.

Черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ смерти Боратынскаго—въ 1869 году—вышло первое посмертное собраніе сочиненій поэта, приготовленное къ печати его семьей: „Сочиненія Евгенія Абрамовича Баратынскаго. Съ портретомъ автора, снимкомъ его почерка, его письмами и біографическими о немъ свѣдѣніями. Свѣрено съ прежними изданіями. Москва. Типографія Грачева и Комп., у Пречистенскихъ воротъ, д. Шиловой. 1869".

Принципъ изданія сочиненій Боратынскаго устанавливается слѣдующими строками предисловія:

„Въ настоящемъ изданіи, къ стихотвореніямъ, вошедшимъ въ изданія 1827-го и 1835-го годовъ, присоединены *Сумерки* и послѣднія стихотворенія Е. А. Баратынскаго, напечатанныя въ Современникѣ; кромѣ того, поэма *Цыганка* появляется здѣсь въ первый разъ съ послѣдними измѣненіями, сдѣланными въ ней авторомъ въ 1842 году. Мы не рѣшились включить въ это изданіе большую часть стихотвореній, которыя самъ авторъ не предполагалъ помѣщать въ собранія ихъ, и поэтому выпустили стихотворенія, не вошедшія въ изданія 1827-го и 1835-го годовъ и также тѣ изъ нихъ, которыя были написаны послѣ этихъ изданій, но не вошли въ Сумерки; хотя, можетъ быть, поэтъ былъ слишкомъ строгъ къ самому себѣ. Мы однако приняли на себя сдѣлать исключеніе для немногихъ, преимущественно альбомныхъ, стихотвореній. По примѣру изданій, появлявшихся въ послѣднее

время, приложены варіанты стихотворныхъ произведеній Е. А. Баратынскаго. Мы полагаемъ, что эти варіанты не будутъ безъ интереса".

Въ рукахъ издателей 1869 года были, несомнѣнно, громадные матеріалы для полнаго и всесторонняго изученія творчества Боратынскаго, но приходится пожалѣть, что эти матеріалы были использованы. весьма мало удовлетворительно. Неудовлетворительность этого изданія, послужившаго главнымъ и почти единственнымъ источникомъ для всѣхъ послѣдующихъ изданій, заключается и въ шаткости самыхъ принциповъ редакціонной работы и въ шаткомъ проведеніи шаткихъ принциповъ. Основнымъ принципомъ изданія 1869 года является, повидимому, строгое исполненіе воли покойнаго поэта; но изданія, выходившія при жизни поэта, отличаются такимъ характеромъ, что по нимъ весьма и весьма трудно угадать *волю* поэта, то исключавшаго какую-нибудь пьесу изъ сборника, то снова включавшаго ее. Основнымъ изданіемъ, которымъ пользовалась семья покойнаго для своего собранія сочиненій Боратынскаго, является изданіе 1835 года, къ нему присоединены стихотворенія „Сумерекъ" и послѣдней эпохи, а также стихотворенія, вошедшія въ изданіе 1827 года, но исключенныя изъ изданія 1835 года. Въ проведеніи этого принципа мы находимъ столь значительныя уклоненія, что только съ большой натяжкой можно говорить о какихъ бы то ни было принципахъ. Совершенно непонятнымъ кажется намъ исключеніе „большей части стихотвореній, которыя самъ авторъ не предполагалъ помѣщать въ собранія ихъ", наряду съ какимъ то исключительнымъ предпочтеніемъ „немногихъ, преимущественно альбомныхъ (?!), стихотвореній".

Стихотвореніе „Случай", напечатанное въ обоихъ изданіяхъ—и въ 1827, и въ 1835 годахъ — пропущено издателями, между тѣмъ какъ включены стихотворенія, печатавшіяся при жизни поэта, но не вошедшія въ собранія сочиненій: „Сестрѣ" (1822 года), „Она" (1827 года), „Къ Языкову" („Н. М. Языкову"—1831 года), „Память Поэту" (1841 года), „С. Н. Карамзиной (При посылкѣ Сумерокъ)". Такимъ образомъ въ изданіе 1869 вошло всего 5 стихотвореній, не включенныхъ поэтомъ въ сборники, между тѣмъ какъ остальныя 28 стихотвореній, также печатавшіяся при жизни поэта, не вошли въ это изданіе: „Портретъ В...", „Къ Алинѣ", „Любовь и дружба (въ альбомъ)", „Эпиграмма" (Дамонъ! ты началъ—продолжай), „Къ Креницыну", „Прощанье", „К—ву" (— 1819 года), „Къ Кюхельбекеру", „Финскимъ Красавицамъ (Мадригалъ)", „Весна (Элегія)" (— 1820 года), „Больной", „Элегія" (Нѣтъ, не бывать тому, что было прежде!) (— 1821 года), „Невѣстѣ (А. Я. В.)", „Леда" (— 1824 года), „Эпиграмма" (Что ни болтай, а я великій мужъ!), „Къ Д*** на другой день послѣ его женитьбы", „Къ Аннетѣ" (— 1825 года), „На некрасивую виньетку, представляющую Автора за письменнымъ столомъ, а подлѣ него Истину" (1827 года), „Эпиграмма" (Повѣрьте мнѣ, Фиглягинъ — моралистъ), „Эпиграмма" (Въ восторженномъ невѣжествѣ своемъ), „Смерть Багговута" (—1829 года), „Эпиграмма" (Онъ вамъ знакомъ. Скажите, кстати), „Эпиграмма" (Писачка въ Фебовъ дворъ явился), „Имя" (— 1830 года), „Эпиграмма" (Кто непремѣнный мой ругатель?) (1832 года), „Романсъ" (1836 года), „Обѣды", „Звѣзды" (—1840 года).

Ту же непослѣдовательность находимъ мы и въ помѣщеніи стихотвореній, не печатавшихся при жизни Боратынскаго (или и вовсе не печатав-

шихся съ его вѣдома). Изъ числа такихъ стихотвореній вошло въ изданіе 1869 года 9 стихотвореній: „К...“ (въ 1869—„С. Л. Энгельгардтъ“—1830 года), *** (Небо Италіи, небо Торквато—1831 года), „Н. Е. Б.....“ (1832 года), *** (Спасибо злобѣ хлопотливой), „На посѣвъ лѣса“ (1842 года), *** (Люблю я васъ, Богини пѣнья—1843 года), „Молитва“, *** (Когда, дитя и страсти и сомнѣнья), „Пироскафъ“ и „Дядькѣ-Итальянцу“ (1844 года); между тѣмъ другія 15 стихотвореній, не печатавшіяся при жизни поэта, но извѣстныя намъ (а они, по всей вѣроятности, были извѣстны и семьѣ поэта, располагавшей большимъ количествомъ автографовъ поэта и копій съ его произведеній), не вошли въ первое посмертное изданіе: „Хоръ, пѣтый въ день именинъ дяденьки Б[огдана] Андр[еевича Боратынскаго] его маленькими племянницами Панчулидзевыми“ (1817 года), „Въ Альбомъ“ (Когда-бъ вы менѣе прекрасной—1823 года), *** (Я былъ любимъ,—твердила ты—1823 года), *** (Хоть Графъ и Князь не все есть тоже—1824 года), *** (Когда придется какъ-нибудь—1824 года), *** (Младыя Граціи сплели тебѣ вѣнокъ—1824 года), *** (Войной журнальною безчеститъ безъ причины—1825 года), *** (Простите, спорю невпопадъ — 1825 года), *** (Такъ, онъ лѣнивецъ, онъ негодникъ—1825 года), *** (Откуда взялъ Василій непотѣшный—1826 года), *** (Хотите-ль знать всѣ таинства любви—1826 года),„ [Изъ черновыхъ набросковъ] (1834 года), „На Н[адеждина]“ (1836 года), *** (На все свой ходъ, на все свои законы—1840 года) и „Коттеріи“ (1842 года).

Не проведенъ послѣдовательно и принципъ выбора текста: обычно въ основномъ текстѣ изданія 1869 года принято чтеніе 1835 года, при чемъ издатели повторяютъ и всѣ опечатки и пропуски этого изданія, а для стихотвореній позднѣйшихъ эпохъ—чтеніе „Сумерекъ“ и „Современника“ (въ которомъ были помѣщены послѣднія стихотворенія Боратынскаго), но и въ этомъ отношеніи мы находимъ очень много отступленій. Такъ, слѣдующія стихотворенія напечатаны по изданію 1827 года—и по журналамъ: „Къ Дельвигу“ (въ изданіи 1869 года „Дельвигу“ съ пропускомъ шестого стиха), „Въ альбомъ“ (Вы слишкомъ многими любимы), „Буря“, „Къ...“ (Какъ много ты въ немного дней). Но еще большее число стихотвореній напечатано по автографамъ, копіямъ и собственнымъ исправленіямъ издателей, при чемъ изданіе пестритъ такимъ количествомъ существенныхъ опечатокъ, что во многихъ случаяхъ трудно установить, дается ли обоснованный варіантъ стихотворенія, принятый почему-то издателями въ основной текстъ, или же мы имѣемъ дѣло просто съ испорченнымъ чтеніемъ стихотворенія.

Укажемъ на болѣе существенныя отличія изданія 1869 года отъ авторскихъ изданій.

Въ посланіи „Къ Дельвигу“ пропущенъ 6 стихъ: *Рощамъ Пафоса, Цитеры*. Въ стихотвореніи „Уныніе“ (озаглавленномъ издателями „Лагерь“) иначе читаются 5 стиховъ (3, 4, 7, 14, 16); въ стихотвореніи „Бдѣніе“ измѣненъ седьмой стихъ; измѣненія и опечатки мы находимъ также въ слѣдующихъ стихотвореніяхъ: „Г[нѣди]чу, который совѣтовалъ сочинителю писать сатиры“, „Истина“, „Лутковскому“, „Къ жестокой“ (—„С. Д. П.“), „Богдановичу“ (варіанты и пропущенъ 89 стихъ), „Оправданіе“, „Элизійскія поля“, „Буря“. „Дорога жизни“ (—„Прогоны жизни“), „Къ*** посылая тетрадь стиховъ“

(„Г. З.“), „Эпиграмма“ (И ты поэтъ, и онъ поэтъ), „Эпиграмма“ (Свои стишки Тощевъ пiитъ), „Товарищамъ“, „Къ-ву. Отвѣтъ“, *** (Глупцы не чужды вдохновенья), „Смерть“, „Въ Альбомъ“ (Альбомъ, замѣтить не грѣшно), „Кольцо. С. Э-тъ“, „А. А. Ф...ой“, *** (О мысль! тебѣ удѣлъ цвѣтка), „Мадонна“, *** (—„Н. Л. Баратынской“—Своенравное прозванье), „Запустѣнiе“, „Послѣднiй Поэтъ“, „Риѳма“ и „Дядькѣ—Итальянцу“. Замѣтимъ, что этотъ рядъ стихотворенiй значительно увеличился бы, если бы мы отмѣчали всѣ мало существенныя опечатки и произвольную пунктуацiю, въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр. Vanitas vanitatum) совершенно затемняющую и измѣняющую смыслъ стихотворенiя.

Тотъ же произволъ мы находимъ и въ заглавiяхъ: въ нѣкоторыхъ случаяхъ заглавiя стихотворенiй возстановлены по изданiю 1827 года, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ издатели дали произвольныя заглавiя стихотворенiямъ Боратынскаго. Въ слѣдующихъ стихотворенiяхъ заглавiя возстановлены по изданiю 1827 года: „Разлука“, „Бдѣнiе“, „Водопадъ“, „Отъѣздъ“, „Разувѣренiе“, „Дельвигу“, „Возвращенiе“, „Весна“, „Дельвигу“ (Дай руку мнѣ, товарищъ добрый мой), „Двѣ доли,“ „Безнадежность“, „Истина“, „Аглаѣ“ (О, своенравная Аглая), „Римъ“, „Л-ой“, „Звѣзда“ (Звѣздочка), „Оправданiе“, „Веселье и Горе“, „Ожиданiе“ (Подражанiе Парни), „Наяда“, „Въ Альбомъ“ (Перелетай къ веселью отъ веселья), „Эпиграмма“ (Окогченная летунья), „Въ Альбомъ“ (Когда-бъ избрать возможно было мнѣ), „Товарищамъ“ и „Къ-ву“.

Слѣдующимъ стихотворенiямъ даны произвольныя заглавiя (въ скобкахъ помѣщаемъ заглавiя по изданiю 1869 года): „Мадригалъ пожилой женщинѣ и все еще прекрасной“ („М. А. Панчулидзевой“), „Къ Дельвигу“ („Дельвигу“), „Прощанiе (Т-му въ альбомъ)“, („Т-му въ альбомъ“), „Б-му (при отъѣздѣ его въ армiю)“, „Брату (при отъѣздѣ его въ армiю“), „Посланiе къ Б.... Дельвигу“ („Дельвигу“), „Уныниe“ („Лагерь“), „Родина“ („Деревня“), „К-ну“ („Коншину“), „Къ.....“ и „Булгарину“ („Б-ну“), „Н. М. К.“ („Коншину“), „Доридѣ“ („Къ Делiѣ“), „Хлоѣ“ („С. Д. П.“), „Г-чу и т. д. („Гнѣдичу“), „Къ жестокой“ („С. Д. П.“), „Къ—“ („Г. З.“), „Въ альбомъ Софiи“(„Въ Альбомъ“), „Д-гу“ („Дельвигу“), „Надпись“ („Надпись на портретъ Грибоѣдова“), „Дорога жизни“ („Прогоны жизни“), „Къ *** посылая тетрадь стиховъ“ („Г. З.“), „Л. С. П-ну“ („Л. С. Пушкину“). „А. А. В-ой“ („А. Воейковой“), „Къ***“ („А. Н. М.“), „Стансы“ и „Мара“ („Родина“), „Эпиграмма“ („Журналисты“), „Къ....“ („С. Л. Энгельгардтъ“), „Н. М. Языкову“ („Къ Языкову“), *** („Къ Н. Л. Баратынской“), *** („Н. Л. Баратынской“), „Съ книгою Сумерки. С. Н. К.“ („С. Н. Карамзиной (При посылкѣ Сумерокъ)“), и *** („Н. Л. Баратынской“).

Установить хронологiю стихотворенiй Боратынскаго—вещь весьма трудная, и нужно признать эту попытку издателей 1869 года совершенно неудовлетворительной, т. к. сплошь и рядомъ они относили къ какому-нибудь году стихотворенiе, напечатанное за 5—за 6 лѣтъ до того. Укажемъ на ошибки этого рода въ изданiи 1869 года.

Стихотворенiе 1818 года—„Мадригалъ пожилой женщинѣ и все еще прекрасной“—отнесено къ 1819 году; 1819 года—„Б[оратынско]му (при отъѣздѣ его въ армiю)“, „Элегiя“ и „Эпиграмма“—къ 1820; стихотворенiе 1820 года—„Элегiя“—къ 1827 году (!); 1821-го—„Эпиграмма“—къ 1827; 1821-го—

„Доридѣ“—къ 1822; 1822-го—„Догадка“, „Поцѣлуй“, „Возвращеніе“—къ 1827; 1822-го — „Весна“, „Н. И. Гнѣдичу“, „Къ Дельвигу“ — къ 1823; 1823-го — „Къ ***“, „Г[нѣдичу], который совѣтовалъ сочинителю писать сатиры“—къ 1827; 1823-го—„Истина“, *** (О своенравная Софія), „Римъ“, „Лутковскому“, „Признаніе“—къ 1824-му; 1824-го—„Къ жестокой“, „Богдановичу“, „Въ альбомъ Софіи“—къ 1827; 1824-го—„Л[утковск]ой“, „Звѣздочка“, „Дѣвушкѣ, которой имя было: Аврора“, „Оправданіе“, „(Сонетъ)“, „Черепъ“, „Стансы“, „Элизійскія поля“, „Буря“, „Веселье и Горе“, „Д[ельвиг]у“—къ 1825-му; 1825-го—„Къ...“ (Какъ много ты въ немного дней), „А. А. В[оейков]ой“, „Эпиграмма“ (Пѣвецъ какой то на искусъ), „Эпиграмма“ (И ты поэтъ, и онъ поэтъ), „Пѣсня“ — къ 1827; 1825-го — „Надпись“, „Дорога жизни“, „Д. В. Давыдову“, „Къ *** посылая тетрадь стиховъ“, „Ожиданіе“, „Л. С. П[ушки]ну“—къ 1826; 1826-го—„Наяда“, „Въ Альбомъ“, „Эпиграмма“ (Окогченная летунья), „Эпиграмма“ (Ты ропщешь, важный журналистъ), „Эпиграмма“ (Вездѣ бранитъ поэтъ Клеонъ), *** (Какъ сладить съ глупостью глупца?), „Эпиграмма“ (Свои стишки Тощевъ піитъ), „Къ ***“, „Въ Альбомъ“ (Когда-бъ избрать возможно было мнѣ), „Къ Амуру“, „Товарищамъ“, „Къ-ву. Отвѣтъ“—къ 1827; 1827-го—„Послѣдняя Смерть“ и „Мара“—къ 1828; 1828—„Смерть (Подражаніе А. Шенье)“, „Деревня“, „Старикъ“, *** (Какъ ревностно ты самъ себя дурачишь), *** (Старательно мы наблюдаемъ свѣтъ), *** (Мой даръ убогъ, и голосъ мой не громокъ), *** (Глупцы не чужды вдохновенья), *** (Не подражай: своеобразенъ геній), „Бѣсенокъ“, „Княгинѣ З. А. Волконской, на отъѣздъ ея въ Италію“, Смерть“, „Въ Альбомъ“ (Альбомъ, замѣтить не грѣшно)—къ 1829-му; 1829-го—„Эпиграмма“ (Что пользы намъ отъ шумныхъ вашихъ преній!), „Въ Альбомъ отъѣзжающей (К. А. Свербеевой),“ „Муза“, *** (Чудный градъ порой сольется), „Подражателямъ“—къ 1830; 1829-го—„При посылкѣ „Бала“ С. Э[нгельгардтъ]“ и *** (Сердечнымъ нѣжнымъ языкомъ)—къ 1835; 1830-го—„Лазурныя очи“—къ 1831; 1831-го—„Н. М. Языкову“, *** (Въ дни безграничныхъ увлеченій) — къ 1832; 1831-го — „Языкову“ и *** (Бывало, отрокъ, звонкимъ кликомъ) — къ 1835; 1832-го — „На смерть Гете“ и „Кольцо. С. Э[нгельгард]тъ“ — къ 1833. Кромѣ того, всѣ стихотворенія, впервые напечатанныя въ изданіи 1835 года, отнесены къ 1835 году, а стихотворенія, вошедшія въ сборникъ „Сумерки“—къ періоду 1835—1842 гг. и т. д.

Въ концѣ первой части изданія приложены варіанты къ лирическимъ стихотвореніямъ Боратынскаго, но, какъ и все въ этомъ изданіи, варіанты также не отличаются полнотой и точностью.

Во второй части помѣщены поэмы: „Пиры“, „Эда“, „Отрывки изъ поэмы Эда“, заимствованные изъ „Мнемозины“, „Телема и Макаръ“, „Балъ“, „Переселеніе душъ“, „Цыганка“ (по исправленіямъ автора въ 1842 году и съ предисловіемъ, неточно перепечатаннымъ изъ отдѣльнаго изданія 1831 года), „Отрывки изъ поэмы Воспоминанія“, напечатанныя при жизни поэта только въ „Невскомъ Зрителѣ“ и не вошедшія въ его изданія, и приведены варіанты къ поэмамъ.

Какъ бы въ дополненіе къ сочинеиіямъ Баратынскаго, представленнымъ не въ полномъ объемѣ, издатели приложили „Библіографическій списокъ напечатанныхъ стихотвореній Баратынскаго въ хронологическомъ порядкѣ“. Въ этомъ библіографическомъ спискѣ, составленномъ М. Н. Лонгиновымъ,

указаны многія стихотворенія, сознательно исключенныя издателями изъ собранія сочиненій Боратынскаго, но и этотъ библіографическій списокъ не отличается полнотой и точностью свѣдѣній. Третья часть изданія состоитъ изъ „Матеріаловъ для біографіи Баратынскаго“, писемъ поэта и его прозы. Нѣсколько страничекъ, отведенныхъ матеріаламъ для біографіи, тѣмъ менѣе могутъ освѣщать жизнь поэта, что біографы сознательно умалчивали нѣкоторые факты изъ біографіи (напримѣръ, исторію въ Пажескомъ корпусѣ), письма же его немногимъ способствуютъ для разъясненія жизни поэта, такъ какъ: 1) число приложенныхъ писемъ весьма незначительно, 2) письма напечатаны весьма неточно и съ пропусками наиболѣе интересныхъ и краснорѣчивыхъ мѣстъ, и 3) многія собственныя имена замѣнены начальной буквой и многоточіемъ. Въ настоящее время извѣстно гораздо болѣе 200 писемъ Боратынскаго, между тѣмъ какъ въ изданіи 1869 года напечатаны только 63 письма и притомъ, порою, незначительными выдержками: 8 писемъ дѣтства и юношества поэта (7—къ матери, 1—къ П. А. Боратынскому), 3 письма къ матери изъ Финляндіи, 3 письма Боратынскаго къ Пушкину, 8 писемъ къ женѣ, 39 писемъ къ Н. В. Путятѣ, 2 письма къ матери изъ-за границы, и приложены 6 писемъ барона А. А. Дельвига къ Боратынскому. Къ изданію приложены также переводы нѣкоторыхъ стихотвореній Е. А. Боратынскаго на французскій языкъ (15 переводовъ, намъ извѣстенъ 21 переводъ) и прозаическія произведенія его, перепечатанныя изъ современныхъ періодическихъ изданій, также весьма неисправно: „О заблужденіяхъ и Истинѣ“, „Исторія кокетства“, „Разборъ Тавриды“ и „Перстень“.

1883.

Въ 1883 году въ изданіи „Русскаго Архива“ вышла маленькая книжка, въ формѣ альбома: „Стихотворенія Евгенія Абрамовича Баратынскаго. Москва. Въ Университетской типографіи (М. Каткова), на Страстномъ бульварѣ, 1883“.

Изданіе „Русскаго Архива“ представляетъ собой перепечатку лирическихъ стихотвореній съ изданія 1869 года, при чемъ половина стихотвореній (въ 1869 году было напечатано 176 стихотвореній, въ изданіи „Русскаго Архива“—88) была вовсе исключена. Не знаемъ, чѣмъ руководствовались издатели „Русскаго Архива“, но въ число исключенныхъ стихотвореній попали и наиболѣе характерныя и интересныя стихотворенія Боратынскаго. Изъ другихъ отличій отъ изданія 1869 года слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторыя измѣненія въ стихотвореніяхъ, сдѣланныя по варіантамъ, приложеннымъ къ первому посмертному изданію, опечатки, измѣненія въ заглавіяхъ и хронологію (послѣднее замѣчаніе относится ко всѣмъ стихотвореніямъ 1833—1834 гг., отнесеннымъ въ изданіи 1869 года къ 1835-му, но по недосмотру, оговоренному въ примѣчаніи оглавленія и незамѣченному издателемъ „Русскаго Архива“, напечатаннымъ подъ 1834 годомъ): такъ, въ стихотвореніи „Двѣ доли“ 23-й стихъ читается по варіанту, „Надпись“ имѣетъ заглавіе „Надпись. Къ портрету Грибоѣдова“ (въ 1869—„Надпись. На портретъ Грибоѣдова“), „Къ***“—„А. Н. Муравьеву“ (въ 1869—„А. Н. М.“), въ стихотвореніи „Смерть“ опечатка въ 38 стихѣ,—„*условія* смутныхъ

нашихъ дней", въ стихотвореніи *** (Филида съ каждою зимою) третій стихъ читается—„Пугаетъ *пущей* наготою", „Ахиллъ" и „Дядькѣ-Итальянцу" читаются по варіантамъ, и къ заглавію стихотворенія „Память Поэту" прибавленъ подзаголовокъ—„(На Смерть Лермонтова)".

1884.

Въ 1884 году вышли „Сочиненія Евгенія Абрамовича Баратынскаго. Съ портретомъ автора, его письмами и біографическими о немъ свѣдѣніями. Изданіе четвертое. Казань. Въ Университетской типографіи. 1884". Казанское изданіе, исполненное также семьей покойнаго поэта, мало чѣмъ отличается отъ изданія 1869 года, а потому мы прослѣдимъ по стихотвореніямъ (въ хронологическомъ порядкѣ) всѣ сколько-нибудь значительныя отличія.

Стихотвореніе „Б[оратынско]му (при отъѣздѣ его въ армію)" въ изданіи 1884 года озаглавлено: „Брату Льву (при отъѣздѣ его въ армію)" (въ 1869—„Брату при отъѣздѣ его въ армію"); въ стихотвореніяхъ „Къ Коншину" и „Русская пѣсня" исправлено правописаніе; въ стихотвореніи „Къ Делію" (см. Дельвигу) исправленъ 22 стихъ, который въ 1869 году читался: Сіяетъ (вм. сіяя) красою надъ нами; въ „Возвращеніи" исправленъ (по смыслу) шестой стихъ: Случится (вм. Случилось) дѣвицѣ моей; въ посланіи „Богдановичу" вставленъ 89 стихъ: Безсмертіе въ вѣкахъ имъ будетъ воздаяньемъ! стихотвореніе „Дѣвушкѣ, которой имя было: Аврора" озаглавлено „Аврорѣ Шернваль" (въ 1869—„Аврорѣ Ш.....") и приведено подъ строкой французское стихотвореніе Боратынскаго, которое онъ перевелъ на русскій языкъ; въ стихотвореніи „Д. В. Давыдову" выпущенъ (сознательно—по изданію 1835 года) 14-й стихъ: „и трепетать ему не лѣнь"; въ стихотвореніи „Товарищамъ" возстановлено чтеніе изданій 1827 и 1835 годовъ; въ 20 стихѣ „Смерти" сдѣлано произвольное исправленіе: „Вспять возвращаешь (вм. повращаешь) Океанъ"; въ „Эпиграммѣ" (Что пользы намъ отъ шумныхъ вашихъ преній?) возстановлено въ 3-мъ стихѣ первоначальное чтеніе: Побѣды нѣтъ! Сказать-ли (вм. и), почему?; въ стихотвореніи „На Смерть Гете" исправлена опечатка въ восьмомъ стихѣ; значительно измѣненъ смыслъ стихотворенія „Болящій духъ врачуетъ пѣснопѣнье" измѣненіемъ одной буквы въ послѣднемъ стихѣ: И міръ (вм. миръ) отдастъ причастницѣ своей; исправлена серьезная опечатка въ „Послѣднемъ Поэтѣ" (въ 1869 году 35 стихъ читался „Какъ пажити Эолъ бурноподобной", вм. бурнопогодной); измѣненія находимъ мы также и въ послѣднемъ стихотвореніи Боратынскаго: „Дядькѣ-Итальянцу". Кромѣ того, въ изданіи 1884 года нѣкоторыя стихотворенія снабжены пояснительными выносками. Что касается до портрета, приложеннаго къ изданію 1884 года, то мы имѣемъ буквальное повтореніе портрета изданія 1869 года — бюстъ Боратынскаго, гравированный П. Константиновымъ въ 1868 году.

1885.

Въ этомъ году вышло Приложеніе къ Казанскому изданію 1884 года, заключающее въ себѣ варіанты произведеній Боратынскаго, почти ничѣмъ не отличающіеся отъ варіантовъ, приложенныхъ къ изданію 1869 года.

1894.

Въ 1894 году исполнилось 50 лѣтъ со дня смерти Боратынскаго, и, когда кончилось право собственности семьи покойнаго поэта, одно за другимъ начали появляться собранія сочиненій Боратынскаго, причемъ редакторы и издатели, не принимая на себя самостоятельной работы, ограничивались почти буквальной перепечаткой предыдущихъ посмертныхъ изданій, сохраняя неприкосновенно всѣ ошибки и опечатки своихъ оригиналовъ и прибавляя къ нимъ собственныя ошибки и опечатки.

1. Первымъ явилось изданіе Е. П. Павловой, выпустившей юбилейное изданіе: „29 Іюня 1844 г. — 29 Іюня 1894 г. Полное собраніе сочиненій Е. А. Баратынскаго. С.-Петербургъ. Изданіе Е. П. Павловой. 1894 г. цѣна 1 руб.“

Симпатичной стороной этого изданія, чѣмъ оно весьма и отличается отъ послѣдующихъ изданій, является скромность и добросовѣстность издательницы, заявившей въ предисловіи, что „настоящее изданіе перепечатано съ изданія 1869 года—въ память 50-ти-лѣтія со дня смерти покойнаго поэта.“

2. Выпустила въ 1894 году и „Дешевая Библіотека“ А. С. Суворина подъ № 310 „Сочиненія Е. А. Баратынскаго. Съ портретомъ автора и біографическими свѣдѣніями о немъ. С.-Петербургъ. Изданіе А. С. Суворина.“

Настоящее изданіе значительно отличается отъ предыдущихъ изданій, не только тѣмъ, что стихотворенія Боратынскаго разбросаны по книгѣ безъ всякаго порядка, а также обиліемъ ошибокъ и опечатокъ. Изъ всей массы подобнаго рода небрежностей (?) приведемъ только наиболѣе яркіе примѣры. Въ „Русской пѣснѣ“ послѣдній стихъ читается: Вѣтеръ буйный (вм. вѣтеръ бурный); 20 стихъ „Бокала“ читается „Тайны счастья моего“ (вм. Таинъ счастья моего); заключительные стихи стихотворенія „Все мысль, да мысль“ странно и невразумительно передѣланы Суворинымъ:

У Боратынскаго.	У Суворина.
Есть хмѣль ему на праздникѣ мірскомъ!	Не хмѣль ему на праздникѣ мірскомъ!
Но предъ тобой, какъ предъ нагимъ мечемъ,	И подъ тобой, какъ предъ нагимъ мечемъ,
Мысль, острый лучъ! — блѣднѣетъ жизнь земная.	Какъ острый лучъ, блѣднѣетъ жизнь земная.

Кромѣ того, въ изданіи „Дешевой Библіотеки“ мы находимъ пропуски словъ и даже стиховъ и т. д. и т. д.

3. Такъ же небрежно исполнено и другое изданіе: „Полное собраніе сочиненій Е. А. Баратынскаго. Съ портретомъ автора, біографіей и его письмами. Изданіе книгопродавца-издателя Ф. А. Іогансона. Кіевъ. 1894“. И это изданіе является также перепечаткой изданія 1884 г. (о чемъ также умолчалъ издатель) съ присоединеніемъ въ концѣ книги „двухъ неизданныхъ стихотвореній Е. А. Баратынскаго“, заимствованныхъ изъ „Вѣстника Европы“ (1894 г. кн. 3). Первое стихотвореніе—„Въ Альбомъ“ (Когда-бъ вы менѣе прекрасной) — напечатано съ ошибками, а второе—„Слѣпой поклон-

никъ красоты“ — оказывается первоначальнымъ чтеніемъ стихотворенія, посвященнаго Лутковской и вошедшаго во всѣ изданія (въ томъ числѣ и Іогансона) въ редакціи изданія 1827 года.

Изъ другихъ отличій изданія Іогансона отъ другихъ изданій замѣтны только опечатки и пропуски: такъ, въ „Родинѣ“ пропущенъ 44 стихъ — Съ тяжелымъ заступомъ явлюся въ огородѣ; въ стихотвореніи „Къ Дельвигу“ пропущенъ 38 стихъ—Душа моя не вѣдаетъ боязни; въ „Признаніи“ пропущено слово – И слишкомъ вѣтрено въ младыя (наши) лѣта; стихотвореніе „Къ ***“ (въ посмертныхъ изданіяхъ — „А. Н. М.“) озаглавлено „А. С. П.“; 15 стихъ „Осени“ читается: „Пробудится ненасытливый (вм. ненастливый) Эолъ“ и т. д. и т. д.

4. Всѣ юбилейные издатели скромно умалчивали объ имени редактора сочиненій Боратынскаго, и только журналъ „Сѣверъ“ издалъ сочиненія подъ редакціей И. Н. Божерянова: „Полное собраніе сочиненій Евгенія Абрамовича Баратынскаго. Въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора, его письмами и біографическими о немъ свѣдѣніями. Редакція изданія И. Н. Божерянова. Ежемѣсячное приложеніе къ журналу „Сѣверъ“ за Августъ (и Сентябрь) 1894 г. С.-Петербургъ. Изданіе М. К. Ремезовой. 1894“. Въ предисловіи своемъ редакторъ заявляетъ: „Въ настоящемъ томѣ помѣщено до 30-ти стихотвореній Е. А. Баратынскаго, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ изъ прежнихъ изданій произведеній поэта. Подъ каждымъ изъ этихъ, такъ сказать, вновь являющихся стихотвореній читатель найдетъ указаніе, гдѣ оно впервые было напечатано, причемъ мы считаемъ долгомъ принести искреннюю благодарность библіотекарю русскаго отдѣленія Императорской Публичной Библіотеки — Владиміру Петровичу Ламбину, за оказанное имъ любезное отношеніе къ нашему труду, состоявшему въ отысканіи различныхъ старинныхъ журналовъ и альманаховъ, въ которыхъ явились въ свѣтъ стихотворенія Баратынскаго. Такимъ образомъ, настоящее изданіе сочиненій Е. А. Баратынскаго является дѣйствительно „полнымъ собраніемъ“, а не перепечаткою предыдущихъ изданій, какъ то сдѣлала г-жа Павлова, выпустивъ въ свѣтъ ко дню пятидесятилѣтней годовщины смерти поэта собраніе его сочиненій, названное также „*полнымъ*“ и оказавшимся простою перепечаткою изданія 1869 года....“

Такъ высокомѣрно отнесшійся къ скромному и почтенному труду г-жи Павловой, И. Н. Божеряновъ исполнилъ совершенно неудовлетворительно свой „трудъ“, оказавшійся очень плохой перепечаткой, испорченной вдобавокъ собственной неумѣлой работой.

Изданіе подъ редакціей И. Н. Божерянова составилось изъ небрежной перепечатки изданія 1884 года съ присоединеніемъ „до 30-ти стихотвореній Е. А. Баратынскаго, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ изъ прежнихъ изданій произведеній поэта“, причемъ редакторъ исполнилъ настолько небрежно свою работу, что полѣнился даже заглянуть въ варіанты изданій 1869 и 1884 г.г. и въ библіографическій списокъ М. Н. Лонгинова, приложенный къ изданію 1869 года, что́ дало бы редактору и гораздо бо́льшій матеріалъ и предохранило бы его отъ весьма серьезныхъ ошибокъ.

„30 стихотвореній“, вновь появившихся въ изданіи „Сѣвера“, составились слѣдующимъ образомъ:

1. „Эпиграмма“ (Не то бѣда, Авдей Флюгаринъ) — написанная Пушкинымъ.

2. Четверостишіе „Въ Альбомъ“ (Что въ вашъ Альбомъ я напишу?)— какого-то неизвѣстнаго Б.

3 и 4. — „Выздоровленіе“ и „Генріеттѣ Зонтагъ“ — стихотворенія, для приписыванія которыхъ Боратынскому нѣтъ никакихъ основаній.

5, 6 и 7. „Элегія“ (Заснули рощи надъ потокомъ), „Къ Б*“ и „Элегія“ (На краткій мигъ плѣняетъ въ жизни радость)—варіанты (указанные, кстати сказать, въ изданіяхъ 1869 и 1884 гг.) стихотвореній, вошедшихъ во всѣ посмертныя собранія сочиненій (въ томъ числѣ и въ Божеряновское) подъ заглавіями: „Подражаніе Лафару“, „Брату Льву (при отъѣздѣ его въ армію)“ и „Разлука“.

8, 9, 10, 11 и 12. Стихотворенія: „Портретъ В...“, „Къ Алинѣ“, „Любовь и дружба“ (съ существенной опечаткой—Лишь намъ срывать одну велятъ— вмѣсто „скрывать“), „Эпиграмма“ (Дамонъ! ты началъ—продолжай), „Прощанье“—заимствованы изъ „Благонамѣреннаго“.

13, 14 и 15. „Къ Креницыну“ (съ пропускомъ 19-го стиха, который былъ возстановленъ только въ 1898 году въ „Русскомъ Архивѣ“), „Къ Кюхельбекеру“ (напечатано съ ошибками), „Больной“ — изъ „Сына Отечества“.

16, 17, 18 и 19. „К—ву“ (Любви веселой проповѣдникъ—съ невѣрной датой), „Весна (Элегія)“ (съ опечаткой въ стихѣ), „Элегія“ (Нѣтъ, не бывать тому, что было прежде!), „Финскимъ Красавицамъ (Мадригалъ)“ — изъ „Соревнователя Просвѣщенія и Благотворенія“.

20. „Невѣстѣ (А. Я. В.)“—изъ альманаха „Царское село на 1830 г.“

21. „Къ Дельвигу на другой день послѣ его женитьбы“ (съ невѣрной датой)—изъ „Славянина“.

22. „Къ Аннетѣ“—изъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ на 1826 г.“ (невѣрная дата).

23. „Журналистъ, Фигляринъ и Истина“ — изъ „Московскаго Телеграфа“.

24. „Эпиграмма“ („Повѣрьте мнѣ, Фигляринъ—журналистъ“—съ невѣрной датой) изъ альманаха „Денница на 1831 г.“

25. „Эпиграмма“ (Въ восторженномъ невѣжествѣ своемъ—съ ошибкой) изъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ на 1830 г.

26 и 27. „Эпиграмма“ („Онъ вамъ знакомъ. Скажите, кстати“), „Имя“— изъ „Литературной Газеты“.

28 и 29. „Обѣды“ и „Звѣзды“ — изъ альманаха „Утренняя Заря“ на 1840 г.

Такимъ образомъ, въ дѣйствительности въ изданіе „Сѣвера“ вошло не до „30-ти стихотвореній“, отсутствовавшихъ въ другихъ изданіяхъ, а всего 22 стихотворенія (*чужія* стихотворенія и варіанты — не въ счетъ), и не вошли слѣдующія стихотворенія, напечатанныя до 1894 года или указанныя въ изданіяхъ 1869 и 1884 годовъ: „Въ Альбомъ“ (Когда-бъ вы менѣе прекрасной), „Леда“, „Эпиграмма“ (Что ни болтай, а я великій мужъ!), „Случай“, „Смерть Багговута“, „Эпиграмма“ (Писачка въ Фебовъ дворъ явился), „Эпиграмма“ (Кто непремѣнный мой ругатель?), „На Н[адеждина],“ „Романсъ“, „Коттеріи“.

Такъ же неудовлетворительно исполнена и другая часть редакціонной работы И. Н. Божерянова—перепечатка остальныхъ произведеній. Не говоря уже о томъ, что Божеряновъ совершенно отказался отъ обязательнаго для себя труда—провѣрить текстъ посмертныхъ изданій, прежде, чѣмъ пользоваться ими, вслѣдствіе чего и въ его „полномъ собраніи сочиненій Е. А. Баратынскаго" сохранились всѣ ошибки и опечатки предыдущихъ посмертныхъ изданій, изданіе „Сѣвера" пестритъ такими искаженіями, что затрудняетъ чтеніе стихотвореній поэта. Прежде всего, редакторъ совершенно не считался съ правилами пунктуаціи, и нижеслѣдующіе примѣры знаковъ препинанія являются *характерными* и неслучайными для этого изданія:

Что̀ наконецъ пойметъ надменный умъ
На высотѣ всѣхъ опытовъ и думъ,
Что точный смыслъ народной поговорки....
Забытые Фортуною слѣпой.
Мы ей на зло другъ въ другѣ все имѣли, и т. д.

Укажемъ еще на нѣкоторыя „отличія" изданія, редактированнаго И. Н. Божеряновымъ: въ посланіи „Къ Дельвигу" напечатано—Но теперь и Музъ и Грацій (вмѣсто „я Музъ..."); въ „Элегіи" (Онъ близокъ, близокъ день свиданья)—Я не къ лицу веселье мнѣ (вм. И...); стихотвореніе къ „К[онши]ну" — озаглавлено „Н. М. Коншину" (въ 1869 и 1884—Коншину); 9-ый стихъ „Водопада" читается: Зачѣмъ съ безшумнымъ (вм. безумнымъ) ожиданьемъ; къ стихотворенію „Н. М. К." — прибавленъ къ заглавію „Н. М. Коншину" подзаголовокъ „Элегія"; съ ошибками напечатано посланіе „Н. И. Гнѣдичу"; въ посланіи къ „Богдановичу" пропущено въ 22 стихѣ слово „еще"; „Дѣвушкѣ, которой имя было: Аврора" (въ посмертныхъ изданіяхъ — „Аврорѣ Ш....." и „Аврорѣ Шернваль")—названо „Аврорѣ Карловнѣ Шернваль (бывшей замужемъ за П. Н. Демидовымъ, а потомъ за А. Н. Карамзинымъ)"; въ „Бурѣ" 12 стихъ читается: „Что по вселенной рознилъ (вм. розлилъ) горе"; стихотвореніе „Къ..." озаглавлено: „Въ Альбомъ"; въ „Пѣснѣ"—„думѣ моей" вмѣсто „душѣ моей"; стихотвореніе *** (Небо Италіи, небо Торквата) названо „Экспромптомъ"; въ „Мадоннѣ" „зрѣлось" замѣнено „зрѣлостью"; 12 стихъ „Князю П. А. Вяземскому" читается: И между тѣмъ высокой (пропущено—любви высокой) и т. д. и т. д.

5. Дала собраніе сочиненій Боратынскаго въ своемъ приложеніи и газета „Гражданинъ" князя Мещерскаго.

1895.

„Поэмы и стихотворенія Баратынскаго". „Шоколадная библіотека" Васильева. С.-Петербургъ. 1895.

1896.

„Русская классная библіотека, издаваемая подъ редакціей А. Н. Чудинова. Пособіе при изученіи русской литературы. Выпускъ XXIII-й. Е. А. Баратынскій. 1800 — 1844. Избранныя сочиненія. Лирическія стихотворенія. —

Поэмы. — Прозаическія статьи. — Матеріалы для изученія поэта. Изданіе И. Глазунова. С.-Петербургъ. 1896".

Боратынскій, приспособленный для классныхъ цѣлей А. Н. Чудиновымъ, оказался не строго провѣреннымъ изданіемъ избранныхъ сочиненій, а простой и весьма неисправной перепечаткой 94 стихотвореній (почему-то Чудиновъ отдавалъ явное предпочтеніе эпиграммамъ и выбрасывалъ одни изъ самыхъ лучшихъ стихотвореній) съ искаженнаго текста изданія „Дешевой библіотеки" (въ другія изданія редакторъ „Русской классной библіотеки" не заглядывалъ). Сокращенія, сдѣланныя редакторомъ („для классныхъ цѣлей") въ „Эдѣ" и въ „Балѣ" (а Чудиновъ помѣстилъ изъ поэмъ только Эду и Балъ) такого рода, что затрудняютъ пониманіе хода поэмъ и проведены весьма непослѣдовательно, такъ какъ порой Чудиновъ оставляетъ въ неприкосновенномъ видѣ болѣе „соблазнительныя" для учащихся мѣста, между тѣмъ какъ часто совсѣмъ скромныя мѣста вычеркиваются редакторомъ, не считающимся съ тѣмъ, что многіе стихи остаются безъ рифмы, а нѣкоторые не укладываются въ размѣръ, принятый поэтомъ. На сколько впечатлѣніе отъ чтенія такого Боратынскаго совпадаетъ съ впечатлѣніемъ отъ подлиннаго Боратынскаго—не беремся судить. Къ изданію приложены: „Характеристика Баратынскаго, ст. *А. С. Пушкина*" и „Значеніе поэзіи Баратынскаго, ст. *С. А. Андреевскаго*".

1900.

Въ 1900 году исполнилось 100 лѣтъ со дня рожденія поэта, и къ этому времени семья Боратынскаго выпустила въ двухъ томахъ: „Стихотворенія Евгенія Абрамовича Боратынскаго. Съ подстрочными примѣчаніями. Казань. 1900."

Настоящее изданіе является повтореніемъ изданій 1869 и 1884 годовъ, съ незначительными отличіями (сравнительно съ изданіемъ 1884 года): заглавіе стихотворенія „Б-му (при отъѣздѣ его въ армію)" возстановлено по изданію 1869 года; въ стихотвореніи „К-ну" („Коншину") 11 стихъ исправленъ (подновленъ)—Всѣхъ чередой (вм. чередомъ) поглотитъ Лета; въ стихотвореніи „Доридѣ" („Къ Деліѣ") исправленъ 13 стихъ: Но (было—не) опасаяся насмѣшливыхъ сѣтей; въ стихотвореніи „Двѣ доли" измѣненъ (по автографу) 23 стихъ: Христа (было—Волхва) словами пробужденные; измѣненъ (опечатка?) стихъ и въ посланіи „Гнѣдичу"—Но смѣло духъ его (вм. ея) хранившій въ вѣкѣ новомъ; въ стихотвореніи „Къ—ву" допущена опечатка—Вѣнкомъ безсмерти увѣнчали; опечатки находимъ и въ стихотвореніяхъ: „Стансы" и „Элизійскія поля"; стихотвореніе „Буря" читается въ редакціи изданія 1835 года; стихотвореніе „Къ*** посылая тетрадь стиховъ", озаглавленное въ изданіяхъ 1869 и 1884 гг. „Г. З", помѣщено безъ заглавія; „Къ Амуру" имѣетъ заглавіе, котораго не было въ прежнихъ изданіяхъ; опечатка въ стихотвореніяхъ „Къ—ву. Отвѣтъ" и „При посылкѣ Бала С. Э."; стихотвореніе „Бывало, отрокъ, звонкимъ кликомъ" впервые получило заглавіе „Эхо"; стихотвореніе „О, вѣрь: ты, нѣжная, дороже славы мнѣ" озаглавлено „Н. Л. Боратынской"; „Риѳма" читается по сборнику „Сумерекъ" и т. д.

1909.

Въ этомъ году вышло „Безплатное приложеніе къ журналу „Пробужденіе“. Книга десятая“: „Е. А. Баратынскій. Избранныя поэмы и стихотворенія. С.-Петербургъ 1909“. Въ это собраніе вошли поэмы: Эда, Цыганка, Балъ, Переселеніе душъ и Телема и Макаръ и стихотворенія: Мадонна, Весна, Деревня, Разувѣреніе и Цвѣтокъ. О характерѣ безплатнаго приложенія къ „Пробужденію“ можно судить по слѣдующему факту, свидѣтельствующему о томъ, что издатели не удосужились даже прочесть произведенія, которыя они перепечатывали: „Переселеніе душъ“ имѣетъ въ серединѣ „Пѣсню“,—издатели, принявъ ее за новое произведеніе Боратынскаго, перепечатали „Переселеніе душъ“ только до „Пѣсни“, т. е. только половину сказки. Все изданіе пестритъ опечатками, подобными слѣдующимъ: на ложѣ (вм. на ложе), признанъ (вм. призванъ), окомъ (вм. взоромъ), вѣтреной одеждѣ (вм. надеждѣ) и т. п.

1913.

Въ 1913 году вышло безплатное приложеніе ко II изданію журнала „Жизнь для всѣхъ“ за 1913 г.: „Собраніе сочиненій Е. А. Боратынскаго и Д. В. Веневитинова съ вступительными статьями. Портреты Е. А. Боратынскаго и Д. В. Веневитинова. Изданіе „Жизнь для всѣхъ“. С.-Петербургъ. 1913.“ Что касается до текста произведеній Боратынскаго, то изданіе журнала „Жизнь для всѣхъ“ весьма неисправно перепечатало изданіе „Сѣвера“ (подъ редакціей И. Н. Божерянова); о вступительной же статьѣ В. Дороватовской можно судить по слѣдующимъ lapsus'амъ: въ 1824 году Боратынскій написалъ далеко не оригинальную поэму „Балъ“, а въ 1835—„Наложницу“ или „Цыганку“; жилъ поэтъ въ своемъ имѣніи „Мирановка“; сынъ поэта пишетъ свои воспоминанія; въ 1818 году поэтъ за дѣтскую шалость былъ исключенъ изъ корпуса и т. п.

Отзывы о Боратынскомъ.

Цѣль настоящаго библіографическаго очерка—выяснить, какъ понимали Боратынскаго его ближайшіе современники и отдаленные потомки, среди которыхъ поэтъ гораздо рѣже находилъ читателя. Такой очеркъ, по своимъ задачамъ, не претендуетъ на полноту библіографическаго указателя, но можетъ служить руководящей нитью для опредѣленія историко-литературнаго значенія Боратынскаго, пожалуй, въ большей степени, чѣмъ исчерпывающій библіографическій перечень литературы о поэтѣ. Библіографическій указатель можетъ ввести въ заблужденіе: литература о Боратынскомъ велика, но не имѣетъ большой цѣны, такъ какъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ содержитъ незначительныя упоминанія и повторенія, которыя вносятъ мало новаго въ освѣщеніе жизни и творчества Боратынскаго.

Въ примѣчаніяхъ къ стихотвореніямъ и поэмамъ Боратынскаго нами приведены уже въ большой степени отзывы критиковъ объ отдѣльныхъ произведеніяхъ Боратынскаго, и потому, избѣгая повтореній, мы будемъ останавливаться преимущественно на статьяхъ общаго характера и при томъ болѣе значительныхъ и оригинальныхъ.

Слава Боратынскаго при его жизни шла не возрастая, а угасая, и, встрѣченный привѣтствіями всѣхъ критиковъ, Боратынскій до конца своей литературной дѣятельности удержалъ доброжелательное отношеніе къ себѣ только со стороны своихъ друзей. Такова, впрочемъ, исторія и всѣхъ поэтовъ Пушкинской эпохи; такого суда не могъ избѣжать и самъ Пушкинъ. Боратынскаго встрѣтили радушными, но блѣдными восклицаніями, и, по мѣрѣ того, какъ развивалась его индивидуальная, независимая поэтическая личность, поэтъ становился все болѣе и болѣе одинокимъ среди современниковъ; послѣдняя его книжка („Сумерки"), вышедшая въ 1842 году, по словамъ М. Н. Лонгинова, „произвела впечатлѣніе привидѣнія, явившагося среди удивленныхъ, недоумѣвающихъ лицъ, не умѣющихъ дать себѣ отчета въ томъ, какая это тѣнь и чего она проситъ отъ потомковъ".

Передавая отзывы о Боратынскомъ его современниковъ, мы въ первую группу выдѣляемъ наиболѣе устойчивые голоса его доброжелателей, переходя затѣмъ къ колеблющимся отзывамъ и къ отзывамъ рѣзко враждебнымъ.

Рѣдко высказывалъ въ печати баронъ *А. А. Дельвигъ* все, что онъ думалъ о Боратынскомъ, и, тѣмъ не менѣе, мы начинаемъ свой очеркъ отзывомъ барона Дельвига, относившагося „съ пристрастною любовью" „къ возвышеннымъ пѣвцамъ". Баронъ Дельвигъ подружилъ „пѣвца Пировъ" съ музой и постоянно гордился славой Боратынскаго. Онъ первый открылъ дарова-

ніе Боратынскаго и безпрестанно упоминалъ о немъ, ставя его имя рядомъ съ именемъ Пушкина и слѣдя за тѣмъ, какъ поэтъ постепенно освобождался отъ „холода французскаго суевѣрія" и обрѣталъ въ своей лирѣ новые звуки, заставлявшіе чуткаго ко всему прекрасному Дельвига смотрѣть на Боратынскаго, какъ на великую надежду русской литературы. Посвящая Боратынскому цѣлый рядъ стихотвореній („Къ Евгенію"—1819, „Евгенію"—1820, „Въ альбомъ Баратынскому", „Къ Е. Баратынскому", „Диѳирамбъ"—1821, „Застольная пѣсня"—1822, „Друзья. Идиллія"—1826, „Цефизъ. Идиллія"—1828), упоминая о Боратынскомъ во многихъ своихъ критическихъ статьяхъ, баронъ Дельвигъ тѣмъ не менѣе ни разу не высказался о своемъ любимомъ поэтѣ полностью. Такое полумолчаніе не кажется намъ страннымъ: поэзія Боратынскаго была настолько дорога барону Дельвигу, и Дельвигъ такъ много думалъ о Боратынскомъ, что не могъ отдѣлить личнаго пристрастія отъ безпристрастной оцѣнки.

Въ высшей степени замѣчательны сужденія о Боратынскомъ *Пушкина.* Въ 1822 году Пушкинъ писалъ князю П. А. Вяземскому: „но каковъ Баратынскій? Признайся, что онъ превзойдетъ и Парни и Батюшкова—если впредь зашагаетъ, какъ шагалъ до сихъ поръ—вѣдь 23 года щастливцу!" и изъ своей бессарабской глуши живо интересовался „задумчивымъ проказникомъ"—Боратынскимъ. Вслѣдъ за Боратынскимъ, искалъ онъ „подругу нѣжную", „любовь надежную" и, какъ бы пугаясь таланта 23-хълѣтняго поэта, предлагалъ (въ письмѣ къ Вяземскому) кинуться всѣмъ въ разныя стороны и оставить ему „эротическое поприще". Вмѣстѣ съ Дельвигомъ раздѣляетъ онъ давнюю любовь къ „непорочной музѣ" Боратынскаго (Переписка, т. I, стр. 87), не рѣшается печатать своихъ элегій послѣ элегій Боратынскаго и восклицаетъ: „Баратынскій—прелесть и чудо; Признаніе—совершенство" (idem, т. I, стр. 96). Въ подобный же восторгъ приводятъ Пушкина и болѣе крупныя произведенія Боратынскаго. Въ письмахъ его часто встрѣчаются восторженные возгласы о поэмахъ Боратынскаго, и „сокровищами" поэзіи Боратынскаго предлагаетъ онъ Дельвигу украсить „Сѣверные Цвѣты" и т. д. и т. д.

Послѣ каждаго новаго произведенія взглядъ Пушкина на „элегическую Музу" Боратынскаго все болѣе и болѣе опредѣляется. Пушкинъ все серьезнѣе и внимательнѣе начинаетъ относиться къ таланту поэта, который, какъ никто, „имѣетъ чувства въ своихъ мысляхъ и вкусъ въ своихъ чувствахъ". Уже въ 1822 году Пушкинъ высоко ставитъ „слогъ пѣвца „Пировъ"—столь чистый, благородный" („Первое посланіе цензору") и всю жизнь цѣнитъ и помнитъ „Пиры" Боратынскаго, о чемъ свидѣтельствуютъ эпиграфы изъ „Пировъ" въ „Евгеніи Онѣгинѣ" и въ „Арапѣ Петра Великаго". Пѣвца „Пировъ" призываетъ Пушкинъ помочь ему „переложить на волшебные напѣвы страстной дѣвы иноплеменныя слова", и съ „пѣвцомъ Финляндки молодой" не хочетъ онъ бороться въ описаніи зимы. „Стихъ каждый повѣсти твоей („Эды") — обращается Пушкинъ къ Боратынскому—

Звучитъ и блещетъ, какъ червонецъ.
Твоя чухоночка, ей-ей,
Гречанокъ Байрона милѣй,
А твой Зоилъ прямой чухонецъ!

„Что за прелесть эта Эда!“ пишетъ онъ Дельвигу въ 1826 году: „оригинальности разсказа наши критики не поймутъ. Но какое разнообразіе! Гусаръ, Эда и самъ поэтъ—всякій говоритъ по своему. А описаніе Лифляндской природы! а утро послѣ первой ночи! а сцена съ отцомъ!—чудо!“ Наиболѣе полно выразилъ Пушкинъ свой взглядъ на поэзію Боратынскаго въ статьѣ о немъ, начатой въ 1827 году, подъ вліяніемъ выхода въ свѣтъ въ этомъ году стихотвореній Боратынскаго. Въ этой статьѣ Пушкинъ возмущается „недобросовѣстнымъ равнодушіемъ“ критики къ появленію „Эды“, „произведенія столь замѣчательнаго своей простотою, прелестью разсказа, живостью красокъ и очеркомъ характеровъ, слегка, но мастерски означенныхъ“. Онъ глубоко тронутъ ребенкомъ—Эдой и всей „восхитительной, простой повѣстью“. „Между тѣмъ Баратынскій спокойно усовершенствовался“, и въ послѣднихъ его произведеніяхъ Пушкинъ видитъ кисть „зрѣлаго таланта“, обнаружившуюся въ „Балѣ“—произведеніи „блестящемъ, исполненномъ оригинальныхъ красотъ и прелести необыкновенной!“ Пушкина поражаетъ искусство Боратынскаго соединять въ своемъ разсказѣ „тонъ шутливый и страстный, метафизику и поэзію“.

„Гамлетъ“ Боратынскій „у насъ оригиналенъ, ибо мыслитъ“, пишетъ Пушкинъ дальше, „онъ былъ бы оригиналенъ и вездѣ, ибо мыслитъ по своему, правильно и независимо, между тѣмъ, какъ чувствуетъ сильно и глубоко“. Свѣжесть слога, красочность и богатство языка должны поразить всякаго, кто только обладаетъ хоть небольшимъ вкусомъ и чувствомъ: но понять Боратынскаго, по мнѣнію Пушкина, могутъ только истинные „поклонники поэзіи“. И далѣе Пушкинъ объясняетъ слѣдующими причинами неуспѣхъ Боратынскаго: 1) выростая, поэтъ отдаляется отъ толпы, понятія его становятся выше, а читатели остаются тѣми же; 2) отсутствіе критики и общаго свободнаго мнѣнія: публикой управляютъ журналы, неблагосклонные къ истинному дарованію поэта; 3) эпиграммы, вооружившія противъ Боратынскаго журналистовъ. На эпиграммахъ Боратынскаго Пушкинъ останавливается, видя въ нихъ „произведенія искусства“, называетъ ихъ „мастерскими, образцовыми маленькими сатирами, забавными и язвительными“ и замѣчаетъ въ эпиграммахъ Боратынскаго „оборотъ мысли то сказочный, то драматическій“. Высоко ставитъ Пушкинъ то „неизмѣнное равнодушіе къ успѣху и похваламъ“, которое является характерной чертой Боратынскаго: онъ не угождалъ модѣ, временному вкусу и не пренебрегалъ „трудами неблагодарными, рѣдко замѣчаемыми, трудами отдѣлки и отчетливости“. „Никогда не тащился онъ по пятамъ свой вѣкъ увлекающаго генія, подбирая имъ оброненные колосья, онъ шелъ своею дорогою одинъ и независимъ“: въ такихъ словахъ опредѣляетъ Пушкинъ особенность творчества Боратынскаго, наиболѣе цѣнимую и самимъ поэтомъ. И въ заключительныхъ строкахъ статьи Пушкинъ произноситъ свой окончательный судъ и указываетъ на положеніе Боратынскаго въ исторіи русской литературы: „Время ему занять степень, ему принадлежащую, и стать подлѣ Жуковскаго и выше пѣвца Пенатовъ и Тавриды“.

П. А. Плетневъ, въ самомъ началѣ литературной карьеры Боратынскаго, увидѣвъ въ его поэзіи новый опытъ въ искусствѣ „языка чувствъ“,

такъ писалъ (въ „Письмѣ къ графинѣ С. И. С. о русскихъ поэтахъ") о новой, собственной дорогѣ Боратынскаго въ элегическомъ родѣ: „Соединяя въ стихахъ своихъ истину чувствъ съ удивительною точностію мыслей, онъ показалъ опыты прямо классической поэзіи. Составъ его стихотвореній, правильность и прелесть языка, ходъ мыслей и сила движеній сердца выше всякой критики. Онъ ясенъ, живъ и глубокъ. Во всемъ отчетъ составляетъ отличительность его стиховъ. Нѣтъ слова, нѣтъ оборота, нѣтъ картины, гдѣ бы вы ни чувствовали ума и вдохновенія. Разбирайте строго каждый его стихъ, слѣдуйте за нимъ внимательно до конца стихотворенія! и вы признаетесь, что онъ извлекъ все лучшее изъ своего предмета, отбросилъ все излишнее и не забылъ ничего необходимаго. Но сколько разнообразія во всѣхъ его самыхъ легкихъ произведеніяхъ! Игривое и важное, глубокое и легкое, истинное и воображаемое: все онъ постигнулъ и выразилъ". („Сѣверные Цвѣты" на 1825 годъ, стр. 65—67; Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, изд. Я. Гротомъ, т. I, стр. 192—193).

Такого высокаго мнѣнія о Боратынскомъ Плетневъ былъ и позже и въ 1840 году, въ статьѣ „Финляндія въ русской поэзіи", говорилъ, что Боратынскій вмѣстѣ съ Пушкинымъ и Дельвигомъ раздѣляетъ „славу первокласснаго поэта", и что стихотворенія его „принадлежатъ къ разряду самыхъ обработанныхъ и блестящихъ". Разбирая отраженія Финляндіи въ русской поэзіи, Плетневъ считалъ „самымъ замѣчательнымъ" („изъ всѣхъ русскихъ стихотвореній") поэму Боратынскаго—„Эду".

Остановившись на анализѣ нѣкоторыхъ стихотвореній Боратынскаго, относящихся къ Финляндіи, Плетневъ вмѣстѣ съ тѣмъ обобщалъ свои замѣчанія слѣдующимъ положеніемъ: „Можно сказать, что весь колоритъ его поэзіи, особенно въ мелкихъ стихотвореніяхъ, этихъ откликахъ ощущеній, мыслей и даже ежедневныхъ занятій, безпрестанно напоминаетъ читателю вашу (финляндскую) природу". („Альманахъ въ память двухсотлѣтняго юбилея Александровскаго Университета". Гельсингфорсъ, 1842; соч. т. I, стр. 445—456).

Дружественно отзывался о Боратынскомъ и *О. М. Сомовъ*: „Стихотворенія Баратынскаго удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ самыхъ разборчивыхъ любителей и судей Поэзіи; въ нихъ найдешь всѣ совершенства, достающіяся въ удѣлъ немногимъ истиннымъ поэтамъ: и пламенное воображеніе, и отчетливость въ созданіи, и чистоту языка, и прелестную гармонію стиховъ" („Сынъ Отечества" 1827, 116 часть, № XXI, стр. 78—80; см. также благожелательный разборъ „Бала" Сомовымъ въ „Сынѣ Отечества и Сѣверномъ Архивѣ" 1829, т. I, № 5, стр. 270—284).

Объ отношеніи *С. Е. Раича* къ поэзіи Боратынскаго можно судить по его довольно безцвѣтному разбору „Бала", помѣщенному въ №№ 2 и 3 „Бабочки" 1829 года. Болѣе, чѣмъ самый критическій разборъ, говорятъ о высокой оцѣнкѣ поэзіи Боратынскаго слѣдующія строки, которыми открывался отдѣлъ критики въ „Бабочкѣ": „Мы щитаемъ особеннымъ для себя удовольствіемъ, что начинаемъ критическія сужденія наши такимъ прелестнымъ произведеніемъ Г. Баратынскаго, которое дѣлаетъ честь словесности Руской

и во всякой словесности народовъ европейскихъ могло бы занять мѣсто почетное".

Высокаго мнѣнія о дарованіи Боратынскаго былъ *В. Т. Плаксинъ*. Въ 1829 году, сравнивая Боратынскаго съ Пушкинымъ, Плаксинъ не зналъ, кому отдать предпочтеніе: „Среди множества мелочныхъ и обыкновенныхъ Писателей стихотворцевъ явились два необыкновенные Поэта. Одинъ изъ нихъ болѣе отличается чрезвычайнымъ богатствомъ прекрасныхъ картинъ и чистотою вкуса, другой—глубокостью чувствованій, свойственною жителю Сѣвера и легкостію піитической басни или вымысла. Можно отгадать, на чьей сторонѣ будетъ первенство; но время, судья независимый отъ настоящихъ успѣховъ, рѣшитъ, кому будетъ принадлежать первый вѣнокъ, Пушкину или Баратынскому". („Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ" 1829 г., т. VI, № XXXIV, стр. 193). Въ этомъ же родѣ писалъ Плаксинъ и въ 1833 году: «*Баратынскій,* превосходя *Пушкина* богатствомъ содержанія и глубокостью чувствованій, далеко ниже его стоитъ въ отношеніи чистоты вкуса, прелести изображеній, легкости вымысловъ и самаго выбора предметовъ". („Руководство къ познанію Исторіи литературы, составленное Василіемъ Плаксинымъ". СПБ. 1833, стр. 547).

Изъ всѣхъ сужденій современниковъ о Боратынскомъ выдѣляются отзывы *И. В. Кирѣевскаго,* посвятившаго характеристикѣ поэзіи Боратынскаго нѣсколько глубоко-продуманныхъ статей. Кирѣевскій началъ писать о Боратынскомъ въ то время, когда слава Боратынскаго и въ глазахъ публики, и въ глазахъ критики значительно померкла. Въ первой статьѣ своей критикъ объясняетъ причину невнимательной и неправильной оцѣнки поэта: „чтобы дослушать всѣ оттѣнки лиры Баратынскаго,—говоритъ Кирѣевскій—надобно имѣть и тоньше слухъ и больше вниманія, нежели для другихъ поэтовъ". („Обозрѣніе русской словесности за 1829 годъ"). Только чуткіе люди могутъ понять эту глубокую точность выраженій, изящную мѣрность и щеголеватость стиха, эту поэтическую Музу, льющую на все въ жизни „ровный свѣтъ вдохновенія", озаряющую каждую, самую незначительную минуту жизни и возводящую обыденное и обыкновенное на прекрасную высоту поэзіи. Но Кирѣевскій знаетъ, что муза Боратынскаго сняла покрывало съ лица „красоты жизни поэтической" только наполовину, и что еще очень многаго нужно ожидать отъ поэта. Ожиданія эти оправдываются, и въ своей статьѣ „Обозрѣніе русской словесности за 1831 годъ" Кирѣевскій характеризуетъ музу Боратынскаго, какъ скромную, не блестящую красавицу, строгую и глубокую, понятную только душѣ проницательной. Поэзія Боратынскаго дышитъ „единственно любовью къ соразмѣрностямъ и къ гармоніи и чуждается крикливой яркости, „балетныхъ движеній и оперныхъ возгласовъ", а просто и глубоко воспринимаетъ жизнь. Для поэта окружающее является въ стройной поэтической перспективѣ, въ его поэзіи все разрѣшается гармоническимъ аккордомъ, переносящимъ насъ „въ атмосферу музыкальную и мечтательно-просторную". И Кирѣевскій кончаетъ статью свою предположеніемъ, что „Баратынскій больше, чѣмъ кто либо изъ на-

шихъ поэтовъ, могъ бы создать намъ поэтическую комедію, состоящую не изъ холодныхъ каррикатуръ, не изъ печальныхъ остротъ и каламбуровъ, но изъ вѣрнаго и вмѣстѣ поэтическаго представленія жизни дѣйствительной, какъ она отражается въ ясномъ зеркалѣ поэтической души, какъ она представляется наблюдательности тонкой и проницательной, передъ судомъ вкуса разборчиваго, нѣжнаго и счастливо образованнаго".

О поэмахъ Боратынскаго Кирѣевскій говоритъ какъ-то вскользь, подробно останавливаясь на одной „Наложницѣ". Въ „Эдѣ" онъ хотя и видитъ крупный недостатокъ, а именно: въ поэмѣ „не всѣ средства клонятся къ одной цѣли", но все же, по его мнѣнію, „главное чувство развито въ ней сильно и увлекательно". И отъ всей „Эды" вѣетъ такой глубиной, такой силой поэтическаго молодого чувства, что Кирѣевскій восхищается „Эдой", хотя и находитъ въ ней что-то неопредѣленное и недосказанное.

Въ „Бальномъ вечерѣ" (въ „Балѣ"), несмотря на всѣ его достоинства—стройность, гармонію частей,—Кирѣевскій замѣчаетъ „отсутствіе лирическаго единства и увлекательности". Онъ находитъ въ „Балѣ" недостатокъ *«составной силы»* для уравновѣшиванія движеній. „Наложница", по словамъ Кирѣевскаго, наиболѣе зрѣлый и художественно совершенный трудъ поэта, такъ какъ, обладая всѣми достоинствами „Эды" и „Бала", онъ свободенъ отъ недостатковъ этихъ поэмъ. Въ „Наложницѣ" „главной мысли соотвѣтствуетъ одно чувство, выраженное ясно и сильно, развитое въ событіяхъ, соотвѣтственныхъ ему и стройно соразмѣрныхъ". Всѣ сцены поэмы приводятъ къ чувству поэтическому, чувства поэта сливаются съ картиной жизни дѣйствительной, и картины эти передаютъ четко и ярко мысли поэта. Но, несмотря на всѣ достоинства поэмы, Кирѣевскій отмѣчаетъ въ ней что-то „безполезно-стѣсняющее", что-то мелкое, накладывающее на поэта извѣстныя узкія рамки. Главная причина этого недостатка—объемъ поэмы, заставляющій жертвовать для наружной гармоніи болѣе существеннымъ, внутреннимъ. Кирѣевскій кончаетъ свою статью признаніемъ невѣжества публики, не сумѣвшей оцѣнить „Наложницу", какъ и другое выдающееся литературное событіе—„Бориса Годунова" Пушкина. („Обозрѣніе русской словесности за 1829 годъ"—„Денница" 1830 года; „Обозрѣніе русской словесности за 1830 годъ"—„Денница" 1831 года; „Обозрѣніе русской словесности за 1831 годъ"—„Европеецъ" 1832, ч. I, № 2. См. II томъ сочиненій Кирѣевскаго подъ редакіей М. О. Гершензона).

Сочувственное отношеніе къ Боратынскому находимъ мы въ двухъ неподписанныхъ статьяхъ *«Библіотеки для Чтенія»*. Въ первой статьѣ, разбирая собраніе сочиненій Боратынскаго, вышедшее въ 1835 году, критикъ „Библіотеки для Чтенія" говоритъ о Боратынскомъ, какъ о поэтѣ „элегическомъ по преимуществу", и не соглашается съ самооцѣнкой поэта въ „Музѣ", находя ее слишкомъ строгой: „Въ Музѣ его точно—необщее выраженіе лица и необычайная простота рѣчей; но кто же, познакомившись съ ней покороче, вздумаетъ почтить ее только небрежной похвалой? Мы полагаемъ, что въ нее можно влюбиться..." „Мелкія стихотворенія всѣ,—рѣшительно всѣ хороши; каждое замѣчательно или по мысли или по стиху" (1835, т. X, отд. V, стр. 1—9). Еще опредѣленнѣе высказалъ анонимный критикъ

„Библіотеки для Чтенія“ свои симпатіи къ Боратынскому, рецензируя „Сумерки“. Основная мысль этой статьи заключается въ разсужденіяхъ о сумеркахъ, о солнцѣ и объ отраженномъ свѣтѣ луны или, вѣрнѣе, лунъ. Критикъ находитъ и въ литературѣ такія второстепенныя свѣтила, которыя свѣтили, какъ скоро лучъ славы Пушкина упадалъ на нихъ, но „лишь только это яркое солнце угасло, и всѣ луны исчезли въ общей темнотѣ“. Не таковы „Сумерки“ Боратынскаго: „Онѣ были бы примѣтны даже и въ такомъ случаѣ, когда бъ солнца совсѣмъ не существовало; когда бъ все было мракъ и тьма; когда бъ четыре радужные луча Пушкина не проливали на нихъ своего волшебнаго свѣту“. (1842, т. 53, отд. VI, стр. 1—8).

Весьма обстоятеленъ и любопытенъ отзывъ *С. П. Шевырева,* высказанный имъ по поводу „Осени“ Боратынскаго. По мнѣнію Шевырева, критики должны обратить вниманіе на направленіе Музы Боратынскаго: „Рѣдки бываютъ ея произведенія; но всякое изъ нихъ тяжко глубокою мыслію, отвѣчающею на важные вопросы вѣка. Баратынскій былъ сначала самъ художникомъ формы; вмѣстѣ съ Пушкинымъ, рука объ руку, по живымъ слѣдамъ Батюшкова и Жуковскаго, онъ содѣйствовалъ окончательному образованію художественныхъ формъ стихотворнаго языка. Но теперь Поэзія Баратынскаго переходитъ изъ міра прекрасной формы въ міръ глубокой мысли: его Муза тогда только заводитъ пѣсню, когда взволнована, потрясена важною, таинственною думою. Она вноситъ въ этотъ новый міръ красоту прежнихъ формъ; но эти формы какъ будто тѣсны для широкихъ думъ Поэта“ („Московскій Наблюдатель“ 1837 г, ч. XII, стр. 319—324).

Весьма неровно относился къ Боратынскому *«Московскій Телеграфъ»* Н. А. Полевого: до 1830 года, до основанія „Литературной Газеты“, „Московскій Телеграфъ“ былъ неизмѣннымъ панегиристомъ Боратынскаго, съ 1830 года отношеніе къ поэзіи Боратынскаго рѣзко мѣняется. Первая статья 1826 г. объ „Эдѣ“ начинается словами: „Имя Баратынскаго принадлежитъ къ числу почетнѣйшихъ именъ новаго поколѣнія Русскихъ Поэтовъ. Въ Романтической Поэзіи Русской, онъ самостоятельный поэтъ, не подражатель, но творецъ, и въ томъ родѣ, въ которомъ онъ пишетъ, донынѣ никто съ нимъ не сравнялся“. „Московскій Телеграфъ“ ставитъ дальше имя Боратынскаго рядомъ съ именами Жуковскаго и Пушкина, считая характернымъ свойствомъ элегіи Жуковскаго—мечтательность, между тѣмъ какъ въ элегіи Боратынскаго господствуетъ унылость. Говоря объ „Эдѣ“, какъ о „мастерскомъ произведеніи опытнаго Поэта“, „М. Телеграфъ“ отмѣчаетъ въ этой „романтической поэмѣ“ полную независимость Боратынскаго отъ Пушкина. Поэтъ „облекъ свою повѣсть въ прелестный поэтическій разсказъ“, и многочисленными выписками изъ „Эды“ и разсужденіями о прекрасномъ „М. Телеграфъ“ защищаетъ поэта отъ нападеній „зоиловъ“ (1826, ч. VIII, стр. 62 и слѣд.).

Такое же доброжелательное отношеніе находимъ мы и въ отзывѣ о собраніи стихотвореній 1827 года; изданіе стихотвореній Боратынскаго „доказываетъ разнообразіе, оригинальность и богатство дарованій Поэта, который обѣщаетъ намъ въ будущемъ Поэта высокой степени“ (ч. XVII, № 19,

стр. 224). О „Балѣ“ критикъ „Московскаго Телеграфа“ говоритъ, что „новая поэма его доказываетъ, что съ той степени, на которой онъ былъ донынѣ въ современной Русской Литературѣ, сдѣланъ имъ шагъ и весьма значительный“ и показываетъ „талантъ Баратынскаго въ полной силѣ, совершенной оригинальности и зрѣлости“ (1828, № 24, стр. 475 и слѣд.). И послѣ восклицаній въ предыдущей статьѣ—„Прекрасно, превосходно!“—въ шестомъ номерѣ 1831 года мы находимъ уничтожающую статью о „Наложницѣ“; въ новомъ произведеніи Боратынскаго, по мнѣнію „Телеграфа“, „ни основная мысль, ни подробности, *ни даже стихи*, не удовлетворяютъ самаго снисходительнаго критика“, да и всю поэму Боратынскій не согрѣлъ *«ни одною поэтическою подробностью»*.

Н. Полевой продолжалъ свои нападки на Боратынскаго и въ „Сынѣ Отечества“, отказывая въ 1838 году Боратынскому даже въ мысли: „Элегія Баратынскаго и лихой стихъ Языкова уже недостаточны для нашего времени. Теперь намъ мало *стиха* — надобна *идея* — *мысли* хотимъ мы...“ („Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ“ 1838, т. II, отд. IV, стр. 87; см. также въ этомъ журналѣ стр. 165).

Столь же неровное отношеніе къ Боратынскому находимъ мы и въ другомъ журналѣ—въ *«Сѣверной Пчелѣ»*—въ лицѣ ея главнаго представителя *Ѳ. В. Булгарина.*

Благожелательно отнесясь къ „пріятной литературной игрушкѣ“—къ „Пирамъ“, Булгаринъ не нашелъ „піитической, возвышенной плѣнительной простоты“ въ „Эдѣ“, вслѣдствіе того, что Боратынскій въ своей поэмѣ не отвѣтилъ требованіямъ Булгаринской эстетики: „Поэзія должна избирать предметы, выходящіе изъ обыкновеннаго круга повседневныхъ приключеній и случаевъ“ (1826 годъ, 16 февраля, № 20). Благожелательно отозвалась „Сѣверная Пчела“ о Боратынскомъ въ 39 № 1827 года, но настоящіе диѳирамбы Боратынскому находимъ мы въ большой рецензіи Булгарина (по поводу сборника стихотвореній Боратынскаго 1827 года), помѣщенной въ 145, 146 и 147 №№. Послѣ витіеватаго вступленія, въ которомъ Булгаринъ хочетъ щегольнуть своимъ безпристрастіемъ и справедливостью, и послѣ возгласовъ—„Честь вамъ и слава, Г. Поэтъ! Вы побѣдили меня звуками своей лиры!“—Булгаринъ пишетъ, что „мы не знаемъ на Руси поэта (разумѣется исключая А. С. Пушкина), который написалъ бы столько прекрасныхъ Элегій, какъ г. Баратынскій“. Особенно приводятъ въ восторгъ Булгарина „Финляндія“, „Могила“ („Черепъ“) и „Римъ“, но и „каждая элегія имѣетъ свой особый характеръ, написана хорошо и изобилуетъ *памятными стихами*“. Прекрасны и „Гораціанскія, образцовыя Посланія“ Боратынскаго, прекрасенъ и весь талантъ его „гибкій и примѣнчивый ко всѣмъ родамъ Поэзіи“, и Боратынскій всѣми своими произведеніями *„говоритъ уму и душѣ“*. Благопріятный отзывъ помѣщенъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ и о „прекрасной анекдотической Поэмѣ Боратынскаго: „Балъ“ (1828, 15 декабря, № 150).

Но съ 1830 года мы находимъ рѣзкую перемѣну въ отношеніи къ поэзіи Боратынскаго, и въ № 11 (25 Января) „Сѣв. Пчела“ вышучиваетъ отзывъ Кирѣевскаго о Боратынскомъ и поэму послѣдняго—„Наложницу“, а

въ 1835 году лирическія стихотворенія Боратынскаго названы „колыбельными пѣснями младенческой романтической музы“ (№ 186, 21 Августа).

Въ 1840 году „Сѣверная Пчела“ обращалась къ „Сыну Отечества“ съ упрекомъ: „Покайся, старый товарищъ! Кого ты произвелъ въ *спутники* Пушкина? Языковъ и Баратынскій безспорно выказали прекрасное дарованіе—но первый замолкъ, а новыя произведенія второго такъ же далеки отъ его *Пировъ* и *Финляндіи*, какъ самъ онъ далекъ отъ Пушкина!“ (№ 14, 18 Января). Еще опредѣленнѣе высказалась „Сѣверная Пчела“ въ 1842 году, рецензируя альманахъ Я. Грота и возражая Плетневу, поставившему рядомъ имена Пушкина, Дельвига и Боратынскаго: „Не постигаемъ, какъ можно кого либо изъ новыхъ поэтовъ ставить подлѣ Пушкина. Баратынскій написалъ нѣсколько *неважныхъ* стихотвореній, легкими, пріятными чистыми стихами...“ (№ 24, 30 января).

Можно думать (судя по тому, что Боратынскій помѣщалъ въ большомъ количествѣ свои стихотворенія въ „Новостяхъ литературы“), что *А. Ѳ. Воейковъ* сначала относился вполнѣ благожелательно къ Боратынскому, но впослѣдствіи и онъ рѣзко измѣнилъ свое мнѣніе, и въ его разборѣ „Бала“ ясно чувствуется пристрастное, недружелюбное отношеніе къ поэту. Въ своемъ разборѣ Воейковъ выдѣлилъ только посѣщеніе мамушкою спальни княгини Нины, въ остальномъ же критикъ, исходя изъ опредѣленнаго морально эстетическаго догмата, не нашелъ поэзіи: „Если бы кто нибудь предложилъ поэту описать женщину, утратившую невозвратно стыдъ и добродѣтель, и въ то же время всею силою души влюбленную: сомнѣваюсь, чтобы онъ нашелъ тутъ дѣло для Поэзіи“ („Атеней“ 1829, № 1, стр. 79—85).

Князь *П. И. Шаликовъ* посвятивъ „Балу“ большой разборъ, коснулся въ другой статьѣ также „Наложницы“, но его критика поэмъ Боратынскаго исходила почти исключительно изъ моральныхъ требованій, которымъ, по мнѣнію Шаликова, совершенно не отвѣчаетъ направленіе поэзіи Боратынскаго. Не приводимъ обоснованій взглядовъ князя Шаликова, чтобы не повторять сказаннаго нами уже въ примѣчаніяхъ къ поэмамъ („Дамскій Журналъ“ 1829, №№ 4 и 5; 1831 года—№ 20; см. кромѣ того въ „Дамскомъ Журналѣ“ статью Ю-га К-ва Письмо къ Лужницкому старцу о быстрыхъ успѣхахъ Русской Поэзіи въ 8 № 1828 года).

Съ точки зрѣнія классическаго канона, рѣзко нападалъ на Боратынскаго *Н. И. Надеждинъ* въ своихъ двухъ статьяхъ, содержаніе которыхъ мы уже привели въ примѣчаніяхъ къ „Балу“ и къ „Наложницѣ“ („Вѣстникъ Европы“ 1829, №№ 2 и 3; „Телескопъ“ 1831, ч. III, № 10, стр. 228—239).

В. Г. Бѣлинскій посвятилъ оцѣнкѣ поэзіи Боратынскаго —„поэта мысли“—двѣ статьи и нѣсколько замѣтокъ и упоминаній въ своихъ отзывахъ о русской литературѣ.

Впервые заговорилъ Бѣлинскій о Боратынскомъ въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“, помѣщенныхъ въ 51 номерѣ „Молвы“ за 1834 годъ (см. 1 томъ сочиненій Бѣлинскаго, подъ редакціей С. А. Венгерова). „*Г. Баратынскаго* ставили на одну доску съ *Пушкинымъ*“, говоритъ Бѣлинскій,

но „теперь даже и въ шутку никто не поставитъ имени Г. Баратынскаго подлѣ имени *Пушкина*. Это значило бы жестоко издѣваться надъ первымъ и не знать цѣны второму. Поэтическое дарованіе *Г. Баратынскаго* не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію. Правда, онъ написалъ плохую поэму Пиры, плохую поэму Эдда (Бѣдную Лизу въ стихахъ), плохую поэму Наложница, но вмѣстѣ написалъ и нѣсколько прекрасныхъ элегій, дышащихъ неподдѣльнымъ чувствомъ, изъ коихъ на смерть Гете можетъ назваться образцовою, нѣсколько посланій, отличающихся остроуміемъ".

Не касаясь незначительныхъ упоминаній (въ одномъ изъ нихъ Бѣлинскій называетъ Боратынскаго „замѣчательнымъ лицомъ въ русской литературѣ"), обратимся къ двумъ разнорѣчивымъ статьямъ Бѣлинскаго—1835 и 1842 гг.

Въ первой статьѣ Бѣлинскій не останавливается подробно на разборѣ стихотвореній, такъ какъ поэзія Боратынскаго „вопросъ не обширный и притомъ очень ясный" и даже почти не отвѣчаетъ на поставленные имъ самимъ вопросы, предоставляя читателю вывести результатъ изъ всего, что онъ сказалъ въ этой статьѣ о Боратынскомъ. Вопросы же, на которые читатель долженъ отвѣчать въ неблагопріятномъ для поэта смыслѣ, суть слѣдующіе: „Г. Баратынскій поэтъ ли? Если поэтъ, какое вліяніе имѣли на нашу литературу его сочиненія? какой новый элементъ внесли они въ нее? какой ихъ отличительный характеръ? Наконецъ, какое мѣсто занимаютъ они въ нашей литературѣ?"—На первый вопросъ Бѣлинскій даетъ опредѣленный отвѣтъ, высказывая свое убѣжденіе, что „поэзія только изрѣдка и слабыми искорками блеститъ" въ стихотвореніяхъ Боратынскаго: „основный и главный элементъ ихъ составляетъ умъ, изрѣдка задумчиво разсуждающій о высокихъ человѣческихъ предметахъ, почти всегда слегка скользящій по нимъ, но всего чаще разсыпающійся каламбурами и блещущій остротами". „Свѣтская паркетная муза" Боратынскаго и въ лучшихъ стихотвореніяхъ, по словамъ критика, имѣетъ „два—три поэтическіе стиха, вылившіеся изъ сердца; потомъ риторику, потомъ нѣсколько прозаическихъ стиховъ; но вездѣ умъ, вездѣ литературную ловкость, умѣнье, навыкъ, щегольскую отдѣлку *и больше ничего*"

„Въ числѣ необходимыхъ условій, составляющихъ истиннаго поэта, должна быть непремѣнно современность"—говоритъ Бѣлинскій и не видитъ современности въ „стихотвореньицахъ" Боратынскаго. Столь же сурово-безпощадно отнесся Бѣлинскій и къ поэмамъ Боратынскаго: „О поэмахъ Г. Баратынскаго я ничего не хочу говорить: ихъ давно никто не читаетъ. Нападать на нихъ было бы грѣшно, защищать странно". („Телескопъ" 1835 г.; соч. т. II, стр. 241—249). Замѣтимъ, что этотъ отзывъ Бѣлинскаго имѣлъ большое вліяніе на литературную дѣятельность Боратынскаго, который болѣзненно относился къ такой травлѣ и сталъ все чаще и чаще избѣгать выступленій въ печати со своими стихотвореніями.

Вторая статья Бѣлинскаго противорѣчитъ не только первой, но полна и внутреннихъ противорѣчій. Основное настроеніе, внушившее Бѣлинскому эту статью, характеризуется размышленіями о „быстротѣ движенія" въ Россіи и въ русской литературѣ: „безсмертіе—удѣлъ движущихся поэтовъ", говоритъ критикъ, „неподвижность, т. е. пребываніе въ однихъ и тѣхъ же интересахъ, воспѣваніе одного и того же однимъ и тѣмъ же голосомъ, есть признакъ таланта обыкновеннаго и бѣднаго". За этой предпосылкой

слѣдуетъ: Боратынскій не успѣваетъ за вѣкомъ,—и заключеніе готово. Въ то же время Бѣлинскій признаетъ глубину дарованія и мысли Боратынскаго и говоритъ, что „изо всѣхъ поэтовъ, появившихся вмѣстѣ съ Пушкинымъ, первое мѣсто безспорно принадлежитъ г. Баратынскому". (Замѣтимъ, что въ первой своей статьѣ Бѣлинскій такъ же безспорно ставилъ Козлова выше Боратынскаго).

Въ своей статьѣ Бѣлинскій стремится оцѣнить полностью творчество Боратынскаго, „раскрывъ его идею и показавъ, въ какомъ отношеніи находится эта идея къ своему выраженію." Преобладающій характеръ поэзіи Боратынскаго есть *элегическій*, происходящій отъ думы, отъ взгляда на жизнь, отъ „несчастнаго раздора мысли съ чувствомъ, истины съ вѣрованіемъ".

И Бѣлинскій раскрываетъ основную идею творчества Боратынскаго, заключающуюся въ его отсталости, въ его ненависти къ наукамъ. „Величайшій недостатокъ" поэзіи Боратынскаго проистекаетъ отъ „ложной мысли", отъ „чернаго демона", внушающаго поэту разсматривать „жизнь какъ добычу смерти, разумъ какъ врага чувства, истину какъ губителя счастья". Останавливаясь на proffession de foi поэта—на „Послѣднемъ Поэтѣ"—Бѣлинскій негодующе восклицаетъ: „Это стихотвореніе написано въ 1835 году отъ Р. X!..." Имѣетъ ли поэтъ поэтическій даръ? — На этотъ разъ (въ полное противорѣчіе съ первой статьей) Бѣлинскій вполнѣ признаетъ художественное совершенство Боратынскаго и поминутно восклицаетъ: „Какіе чудные, гармоническіе стихи".

Но даръ поэта—*безполезный* даръ, потому что онъ выражаетъ ложную мысль: „Опять повторяемъ: какіе дивные стихи! Что, если бы они выражали собою истинное содержаніе (содержаніе въ поэзіи Боратынскаго Бѣлинскій признаетъ и называетъ его глубокимъ, но ложнымъ)! О, тогда это стихотвореніе казалось бы произведеніемъ огромнаго таланта! А теперь, чтобъ насладиться этими гармоническими, полными души и чувства, стихами, надо сдѣлать усиліе: надо *заставить себя* стать на точку зрѣнія поэта, согласиться съ нимъ на-минуту, что онъ правъ въ своихъ воззрѣніяхъ на поэзію и на науку; а это теперь рѣшительно невозможно!... И отъ-того, впечатлѣніе ослабѣваетъ, удивительное стихотвореніе кажется обыкновеннымъ..." Понятенъ и окончательный выводъ о „бѣдномъ, обыкновенномъ талантѣ" Боратынскаго, явившагося въ то время, когда „наука, живая, современная наука сдѣлалась пѣстуномъ искусства, и безъ нея—немощно вдохновеніе, безсиленъ талантъ!.." („Отечественныя Записки" 1842 года; т. VII, стр. 469—495). Мы подробнѣе остановились на оцѣнкѣ Бѣлинскаго въ силу того, что слишкомъ часто и въ позднѣйшее время критическіе отзывы Бѣлинскаго имѣли силу безапелляціоннаго рѣшенія, которое добросовѣстно повторялось критиками, вѣрившими въ непогрѣшимость суда Бѣлинскаго.

Среди современниковъ Боратынскаго мы находимъ также интересъ и къ его личности. Изъ современныхъ біографическихъ матеріаловъ останавливаетъ на себѣ вниманіе большая „Выписка изъ бумагъ дяди Александра", принадлежащая *В. Эртелю*. Разсказывая о жизни своей въ Петербургѣ въ началѣ 20-хъ годовъ, Эртель говоритъ. Въ это время (въ 1822 году?) сборища наши получили новую прелесть отъ принятаго въ нихъ участія

милымъ двоюроднымъ братомъ моимъ, Е[вгеніемъ] Б[оратынскимъ], пріѣхавшимъ изъ Финляндіи посѣтить насъ. Какъ ближайшій родственникъ покойной моей матери, онъ еще ребенкомъ бывалъ почти ежедневно въ нашемъ домѣ; почему весьма естественно, что его приняли съ живѣйшей радостью, и онъ безъ околичностей остановился у меня. Воспитанный въ Пажескомъ Корпусѣ, онъ въ послѣдствіи попалъ въ армейскій полкъ, расположенный въ Финляндіи. Достойный Полковникъ Л[утковскій] старался усладить его разлуку съ родными, взялъ его къ себѣ въ домъ и служилъ ему вторымъ отцомъ. Я не видалъ Евгенія съ нашего дѣтства, и признаюсь, что его наружность чрезвычайно меня удивила. Его блѣдное, задумчивое лице, оттѣненное черными волосами, какъ бы сквозь туманъ, горящій тихимъ пламенемъ взоръ придавали ему нѣчто привлекательное и мечтательное; но легкая черта насмѣшливости пріятно украшала уста его. Онъ имѣлъ отличный даръ къ поэзіи: но не смотря на наружность, муза его была безпечно-игривое дитя, которое убравшись розами и лилеями, шутя связывало друзей цвѣточными цѣпями, и рѣзвилось въ кругу радостей. Неизъяснимая прелесть, которою проникнуто было все существо его, отражалось и въ его произведеніяхъ. Наша дѣтская дружба возобновилась и стала крѣпче, чѣмъ когда либо. Я ввелъ его въ кругъ моихъ пріятелей, въ которомъ онъ былъ принятъ съ общею любовью". И далѣе В. Эртель передаетъ интересныя подробности о дружбѣ своей съ Боратынскимъ и барономъ Дельвигомъ и объ ихъ времяпрепровожденіи. („Русскій Альманахъ" на 1832 и 1833 годы, изданный В. Эртелемъ и А. Глѣбовымъ. СПБ., 1832).

Смерть Боратынскаго не произвела большого впечатлѣнія въ литературныхъ кругахъ: къ этому времени его уже успѣли забыть, и кромѣ нѣсколькихъ небольшихъ замѣтокъ—некрологовъ (въ „Сѣверной Пчелѣ", въ „Москвитянинѣ" и т. п.), въ которыхъ вспомнили о Боратынскомъ, мы имѣемъ всего 5 болѣе значительныхъ статей.

В. С. Межевичъ въ „Сѣверной Пчелѣ", съ прискорбіемъ передавъ вѣсть о кончинѣ поэта, въ дальнѣйшемъ объяснялъ причину неуспѣха послѣднихъ произведеній Боратынскаго: сперва поэта приняли горячо, поставили его имя рядомъ съ именемъ Пушкина, затѣмъ онъ „остался поэтомъ уважаемымъ, памятнымъ по первымъ впечатлѣніямъ, остался *пѣвцомъ Эды и Пировъ*". Критику „Сѣверной Пчелы" понятенъ первый успѣхъ поэта: „Образовавъ стихъ свой по стиху Пушкина, обладая пламеннымъ воображеніемъ и поэтическимъ чувствомъ, Баратынскій легко могъ увлечь публику въ то время, когда гладкость и легкость стиха не были еще дѣломъ обыкновеннымъ". Вскорѣ однако публика „оцѣнила Баратынскаго по достоинству" и охладѣла къ нему, несмотря на то, что „талантъ его не угасъ, напротивъ, возмужалъ, созрѣлъ въ размышленіи, сдѣлался сосредоточеннѣе, выпуклѣе: не вполнѣ заслуженный первый успѣхъ былъ причиною послѣдняго неуспѣха, равно незаслуженнаго" (№ 185, 12 августа, стр. 729—731).

Большая статья была помѣщена въ 66 томѣ «*Библіотеки для Чтенія*». Критикъ „Библіотеки для Чтенія" подробно разбираетъ творчество Боратын-

скаго, набрасывая попутно и біографію поэта и кончаетъ свою статью слѣдующими словами: „Имя Баратынскаго не умретъ на листахъ лѣтописей нашего просвѣщенія, и всегда останется оно подлѣ имени Пушкина, какъ спутникъ звѣзды, слѣдующій за летучимъ путемъ ея“. Но это заключеніе мало подходитъ къ оцѣнкѣ таланта Боратынскаго, который „не былъ поэтомъ по предназначенію“. Умъ замѣнялъ у Боратынскаго вдохновеніе, и взглядъ его на міръ и человѣка былъ лишенъ „и поэтическаго свѣта и силы философскаго мысленія“. Даже стихъ поэта, достоинство котораго признаетъ критикъ, былъ произведеніемъ ума и труда, и этимъ объясняется страсть Боратынскаго къ передѣлкѣ „кропотливой, часто мелочной, и почти всегда неудачной“. Каково было содержаніе поэзіи Боратынскаго?—„Не сочувствуя современности, онъ не сочувствовалъ ничему такому, что всегда неизмѣнно въ человѣкѣ, не трогалъ „вѣчныхъ струнъ человѣческаго сердца“, какъ говоритъ Шиллеръ. «*Онъ скромно кланялся прохожимъ*», можно бы сказать, примѣняя къ Баратынскому его собственныя слова“.

Обстоятельную и весьма вѣскую статью памяти Боратынскаго посвятилъ *А. Д. Галаховъ* („Сто одинъ“) въ „Отечественныхъ запискахъ“. Къ сожалѣнію, Галаховъ совершенно исключилъ изъ сферы своего изслѣдованія вопросъ о Боратынскомъ, какъ о поэтѣ, разсматривая его только какъ мыслителя. Подробнымъ анализомъ философскаго содержанія стихотвореній Боратынскаго Галахову удалось доказать „искреннюю, вѣрную и вмѣстѣ страдальческую преданность *одной идеѣ*“ мыслителя - Боратынскаго, стоящаго, какъ мыслитель, весьма высоко, и тѣмъ самымъ разбить нападки на поэта критиковъ „Библіотеки для Чтенія“, да и не только „Библіотеки“, отрицавшихъ въ Боратынскомъ даже „силу философскаго мышленія“. Галаховъ подробно анализируетъ „Финляндію“, „Черепъ“, „Къ чему невольнику мечтанія свободы?“, „Въ глуши лѣсовъ счастливъ одинъ“, „Смерть“, „На смерть Гете“, „Гнѣдичу, который совѣтовалъ сочинителю писать сатиры“, „Двѣ доли“, „Истина“, „На что вы дни“, „Осень“, „Послѣдняя смерть“, „Все мысль, да мысль!..“ и т. д. и изъ анализа этихъ стихотвореній вывелъ детерминизмъ Боратынскаго, заставляющій его подчиняться „разумной, дѣйствительной необходимости“ и видѣть въ жизни „не только круговращеніе, но и волненіе, не только волненіе, но и постепенное униженіе“. Галаховъ сближаетъ Боратынскаго съ Гамлетомъ и говоритъ, что въ нихъ обоихъ „энергія жизни, восторженность, страсти, желанія умерщвлены тѣмъ анализомъ, который, послѣднимъ своимъ заключеніемъ, приходитъ къ развалинамъ; въ обоихъ скорбь питается мыслію, и эта скорбь въ обоихъ одинаковаго свойства: тихая, сознающая свое начало, не видящая себѣ конца“. Подробно останавливается Галаховъ и на страданіяхъ мыслителя-поэта, вызванныхъ какъ неполнымъ разувѣреніемъ души, такъ и „всегдашнимъ надзоромъ мысли въ развитіи чувства, борьбой ихъ, въ которой чувство, омраченное мыслію, теряетъ свою напряженность и свѣжесть“. Подводя итоги своей статьи, Галаховъ сближаетъ Боратынскаго съ Лермонтовымъ въ ихъ страдальческой преданности одной цѣли. Въ этомъ отношеніи (только въ этомъ) Галаховъ ставитъ Боратынскаго выше Пушкина и Дельвига. („Отечественныя Записки“ 1844, т. XXXVII, отд. II, стр. 83—105).

Подробно высказалъ свой взглядъ на поэзію Боратынскаго *П. А. Плетневъ* въ „Современникѣ". Боратынскій, одаренный умомъ точнымъ, аналитическимъ и дѣятельнымъ, внесъ въ русскую поэзію отчетливость идей и вѣрные оттѣнки понятій. Простота, отсутствіе выдуманности обличаютъ въ Боратынскомъ истиннаго поэта-художника. Касаясь разговора няни съ княгиней въ „Балѣ", Плетневъ говоритъ, что здѣсь „истинное сознаніе и раздѣленіе воображаемой жизни опредѣлили и выразили характеръ всякой черты въ общемъ представленіи". Боратынскій больше всего входилъ въ ту область, которая ближе и естественнѣе относится къ умственной сферѣ человѣка, постоянно мыслящаго и собственными ощущеніями повѣряющаго сокровенныя движенія другихъ. Онъ разнообразенъ, и въ его произведеніяхъ виденъ хорошій вкусъ; поэзія его представляетъ „чистую идею *классическаго искусства*". Боратынскій не подражатель,—онъ идетъ во всемъ своей дорогой. Отличительной чертой поэзіи Боратынскаго является его недоступность широкой публикѣ: Боратынскій поэтъ „для немногихъ", и потому только люди съ тонкимъ эстетическимъ вкусомъ могутъ понять и оцѣнить его, и потому высокаго мнѣнія о поэзіи Боратынскаго были такіе тонкіе и глубокіе цѣнители красоты мысли и формы, какъ Жуковскій, Пушкинъ, Дельвигъ и Вяземскій. Статья Плетнева представляетъ интересъ и въ томъ отношеніи, что Плетневъ, близкій другъ Боратынскаго, даетъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о немъ, и особенно подробно останавливается на обстоятельствахъ, предшествовавшихъ смерти поэта („Современникъ" 1844, т. XXXV, стр. 298—329; соч. Плетнева, т. I, стр. 547—572).

Съ глубокою любовью говорилъ *И. В. Кирѣевскій* объ умершемъ поэтѣ въ своемъ небольшомъ некрологѣ. Давъ краткую біографію, въ которой онъ обрисовалъ душевный образъ Боратынскаго, и яркую характеристику его поэзіи, Кирѣевскій еще разъ повторилъ все сказанное имъ раньше о музѣ и стихѣ Боратынскаго. Боратынскій, по словамъ Кирѣевскаго, въ своихъ произведеніяхъ еще не вполнѣ высказывалъ тотъ міръ изящнаго, который онъ носилъ въ глубинѣ души своей: „Рожденный для искренняго круга семьи и друзей, необыкновенно-чувствительный къ сочувствію людей ему близкихъ, Баратынскій охотно и глубоко высказывался въ тихихъ дружескихъ бесѣдахъ, и тѣмъ заглушалъ въ себѣ иногда потребность выражаться для публики. Изливъ свою душевную мысль въ дружескомъ разговорѣ, живомъ, разнообразномъ, невыразимо-увлекательномъ, исполненномъ счастливыхъ словъ и многозначительныхъ мыслей, согрѣтомъ теплотою чувства, проникнутомъ изяществомъ вкуса, умною, всегда умѣстною шуткою, дальновидностью тонкихъ замѣчаній, поразительной оригинальностью мыслей и особенно поэзіей внутренней жизни, — Баратынскій часто довольствовался живымъ сочувствіемъ своего близкаго круга, менѣе заботясь о возможныхъ далекихъ читателяхъ". („Библіотека для воспитанія" 1845; переп. въ „Русскомъ Архивѣ" 1874, кн. 2, стр. 33—36 и въ 1 томѣ сочиненій Кирѣевскаго, стр. 87—89).

Вскорѣ послѣ смерти Боратынскаго прозвучалъ голосъ *Н. В. Гоголя* о поэтѣ. Въ 1835 году Гоголь называлъ стихотворенія Боратынскаго „перлами русской поэзіи" и въ большомъ количествѣ украшалъ этими перлами свою „Учебную книгу словесности", между тѣмъ какъ въ 1846 году, говоря о „сброшенномъ съ неба" поэтическомъ огнѣ Пушкина, отъ котораго какъ свѣчки, зажглись другіе самоцвѣтные поэты, Гоголь писалъ: „Баратынскій, строгій и сумрачный поэтъ, который показалъ такъ рано самобытное стремленіе мыслей къ міру внутреннему и сталъ уже заботиться о матеріальной отдѣлкѣ ихъ, тогда какъ онѣ еще не вызрѣли въ немъ самомъ; темный и неразвившійся, сталъ себя выказывать людямъ и сдѣлался чрезъ то для всѣхъ чужимъ и никому не близкимъ". („Въ чемъ же, наконецъ, существо русской поэзіи" въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями").

Посмертная литература о Боратынскомъ, повторяемъ, сравнительно велика, но мало значительна. Въ русскомъ обществѣ и критикѣ Боратынскій былъ забытъ, и только на страницахъ „Русскаго Архива" и „Русской Старины" отъ времени до времени появлялись матеріалы для изученія жизни и творчества Боратынскаго. Только въ концѣ вѣка становится оживленнѣе изученіе Боратынскаго благодаря тремъ причинамъ: 1) въ девяностыхъ годахъ выразилось уже достаточно опредѣленно новое теченіе въ русской литературѣ, извѣстное подъ именемъ символизма, которое производило свою генеалогію отъ Пушкина черезъ Боратынскаго и Тютчева и находило новые звуки въ забытой лирѣ „уединеннаго" поэта, близкаго къ символическому міропониманію и къ символическимъ пріемамъ творчества; 2) въ 1894 году исполнилось 50 лѣтъ со дня смерти поэта, а въ 1900—100 лѣтъ со дня его рожденія, и два юбилея, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, напомнили о поэтѣ, а новыя юбилейныя изданія его сочиненій, появившіяся въ большомъ количествѣ, распространили произведенія Боратынскаго въ публикѣ и вызвали интересъ къ поэту; 3) въ 1899 году исполнилось 100 лѣтъ со дня рожденія Пушкина, и возрожденіе Пушкина, связанное съ его юбилеемъ, вызвало интересъ также и къ Пушкинской эпохѣ и къ поэтамъ Пушкинскаго времени, среди которыхъ видное мѣсто занималъ Боратынскій. Какъ ни обильна юбилейная литература о Боратынскомъ, мы ея почти не будемъ касаться въ нашемъ очеркѣ, такъ какъ, вызванная случаемъ, литература о Боратынскомъ содержитъ въ себѣ больше всего повтореній и не вноситъ ничего существенно новаго въ пониманіе жизни и творчества поэта.

Въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ поэтомъ Сумерекъ интересовались почти исключительно его современники, оставшіеся въ живыхъ, и свидѣтельства ихъ имѣютъ тѣмъ большую цѣну, что они писали подъ живымъ впечатлѣніемъ личнаго знакомства съ поэтомъ или (младшіе современники) передавали изъ вторыхъ рукъ свѣдѣнія о поэтѣ.

Весьма характерна для критики 50-хъ и 60-хъ годовъ и ея отношенія къ поэзіи Боратынскаго отзывы *Н. Г. Чернышевскаго,* мимоходомъ высказанные имъ о поэтѣ въ „Современникѣ" 1855—56 гг. Чернышевскій находилъ, что Боратынскаго „губило отсутствіе мысли"; вполнѣ соглашаясь съ эстетическимъ судомъ (осужденіемъ) Надеждина, критикъ въ подтвержденіе справедливости

оцѣнки Надеждина, передаетъ содержаніе произведеній, на которыя нападалъ эксъ-студентъ, и въ такихъ словахъ какъ бы извиняется передъ читателями: „Мы потому приводимъ содержаніе этихъ поэмъ, что нынѣ онѣ забыты: немногіе нынѣ перечитываютъ „Эду", „Балъ", „Наложницу", „Черneца", „Наталью Долгорукую" (Козлова), „Борскаго", „Нищаго" (Подолинскаго)..." („Очерки Гоголевскаго періода русской литературы", СПб. 1893).

В. П. Гаевскій въ своихъ обширныхъ матеріалахъ о Дельвигѣ не разъ касается и Боратынскаго и даетъ цѣлый рядъ интересныхъ біографическихъ свѣдѣній о немъ, основанныхъ преимущественно на „Выпискахъ изъ бумагъ дяди Александра", помѣщенныхъ въ „Русскомъ Альманахѣ", и на „Воспоминаніяхъ о Баратынскомъ" Н. М. Коншина, которыя были въ рукахъ В. П. Гаевскаго, но которыя впослѣдствіи, не увидѣвъ свѣта, пропали. Къ сожалѣнію, матеріалъ, сообщаемый Гаевскимъ, не всегда отличается фактической достовѣрностью (такъ, Гаевскій говоритъ, что Боратынскій вышелъ въ отставку въ 1824 году и т. п.) („Современникъ" 1853 и 1854 гг. Статьи В. П. Гаевскаго „Дельвигъ").

Весьма цѣнны свѣдѣнія, сообщаемыя другомъ Боратынскаго — *Н. В. Путятой* на страницахъ „Русскаго Архива" („Стихотвореніе Баратынскаго „Леда"—„Русск. Арх." 1864, стр. 1056—1057; „Замѣтки на воспоминанія В. И. Панаева"—въ „Р. Арх." 1868 г. стр. 141—147 и т. д.). Въ особенности большое значеніе для біографіи поэта имѣютъ „Письма Е. А. Боратынскаго къ Н. В. Путятѣ", помѣщенныя съ примѣчаніями Путяты и *П. И. Бартенева* въ „Русскомъ Архивѣ" 1867 года (стр. 263—299).

Въ шестидесятыхъ годахъ многое сдѣлалъ для изученія жизни и творчества Боратынскаго *М. Н. Лонгиновъ*, напечатавшій въ „Русскомъ Архивѣ" двѣ большія статьи: „Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Баратынскаго" (1864 г., стр. 1103—1111) и „Баратынскій и его сочиненія" (1867, стр. 248—264). Первая статья имѣетъ большую библіографическую цѣнность и необходима при изученіи текста Боратынскаго; во второй статьѣ М. Н. Лонгиновъ даетъ (первую по времени) обстоятельную біографію поэта и оцѣниваетъ его литературную дѣятельность. Особенно подробно останавливается Лонгиновъ на „Эдѣ", являющейся „лучшимъ образцомъ поэзіи Баратынскаго", на элегіяхъ, посланіяхъ и эпиграммахъ. Элегіи Боратынскаго Лонгиновъ называетъ „болѣзненными откровеніями души нѣжной, впечатлительной, способной анализировать самые тонкіе оттѣнки даже мимолетнаго чувства и извлекать изъ такого анализа мысль, часто ведущую поэта къ глубокимъ и вдохновеннымъ соображеніямъ объ общей судьбѣ ума и души человѣка". Лонгиновъ различаетъ три рода посланій Боратынскаго: 1) элегіи, 2) любезные комплименты и 3) „рѣчи въ стихахъ", полу-сатирическія, полу-философскія, напоминающія блестящія произведенія Вольтера, І. Шенье и Де Лавиня, но рѣже впадающія въ резонерство. Эпиграммы Боратынскаго Лонгиновъ называетъ совершенно оригинальными и говоритъ, что, „читая ихъ, вы не присутствуете при мгновенномъ ужаленіи пчелы, а скорѣе наблюдаете за процессомъ высасыванія ею тончайшаго матеріала,

смѣшного или жалкаго, накопляемаго ею изъ существенности". Подробно останавливается Лонгиновъ и на „необщемъ выраженіи" музы Боратынскаго и считаетъ „однимъ изъ самыхъ основныхъ вѣрованій поэта"—„убѣжденіе, что безпрестанное мышленіе, которому предается современный человѣкъ, вредитъ наслажденію чувствами, искусствомъ, красотами природы".

Нельзя не отмѣтить воспоминаній современника Боратынскаго— *В. И. Панаева,* помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы" 1867 г. (т. IV, стр. 72—181). У Боратынскаго были натянутыя отношенія съ „русскимъ Гесснеромъ"—идилликомъ Панаевымъ въ кружкѣ С. Д. Пономаревой, и Панаевъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ рисуетъ образъ поэта, выхваченнымъ разсказомъ о проступкѣ Боратынскаго въ Пажескомъ Корпусѣ намекая на нравственную непривлекательность личности поэта.

Воспоминанія *П. Кичеева* представляютъ интересъ въ томъ отношеніи, что по нимъ можно судить объ отношеніяхъ Боратынскаго къ вопросу объ освобожденіи крестьянъ. Воспоминанія Кичеева представляли бы еще большій интересъ, если бы всѣ его показанія отличались достовѣрностью, чего, къ сожалѣнію, съ полною увѣренностью нельзя сказать. („Еще нѣсколько словъ о Е. А. Баратынскомъ" въ „Русскомъ Архивѣ", 1868, стр. 866—872).

Въ концѣ 1868 г. вышло первое посмертное изданіе сочиненій поэта, въ которомъ издатели (семья покойнаго поэта) воспользовались нѣкоторыми результатами работы М. Н. Лонгинова, но въ очеркъ біографіи и литературной дѣятельности не внесли ничего новаго, что могло бы способствовать лучшему пониманію жизни и творчества поэта. Изданіе это вызвало тогда же весьма основательную критику со стороны *М. М. Стасюлевича* („Вѣстникъ Европы" 1868, № 11, стр. 492—494). Высказался по поводу новаго изданія и *М. Де-Пуле* въ „Филологическихъ Запискахъ" (1869, вып. 4).

Новое изданіе Боратынскаго нашло откликъ и въ „звѣздѣ разрозненной Плеяды"—въ князѣ *П. А. Вяземскомъ.* Вяземскій, какъ онъ писалъ, испыталъ наслажденіе, „исключительно предавшись на дняхъ чтенью Баратынскаго", и съ грустью сѣтовалъ о томъ, что „въ наши дни для многихъ поэзія Баратынскаго есть также „древняя дубрава", но только немногимъ придетъ охота углубиться въ ея тѣнь; даже не пройдутъ они и по опушкѣ ея, чтобы не свернуть съ столбовой дороги". (Соч. т. VII, стр. 268—269).

Полнѣе высказался князь Вяземскій въ другомъ случаѣ и далъ слѣдующую, любопытную и живую характеристику поэта: „Едва ли можно было встрѣтить человѣка умнѣе его, но умъ его не выбивался наружу съ шумомъ и обиліемъ. Нужно было допрашивать, такъ сказать, буравить этотъ подспудный родникъ, чтобы добыть изъ него чистую и свѣтлую струю. Но за то попытка и трудъ были богато вознаграждаемы. Умъ его былъ преимущественно способенъ къ разбору и анализу. Онъ не любилъ возбуждать вопросы и выкликать пренія и словесныя состязанія; но за то, когда случалось, никто лучше его не умѣлъ вѣрнымъ и мѣткимъ словомъ порѣшать сужденія и выражать окончательный приговоръ и по вопросамъ, которые бо-

лѣе или менѣе казались ему чужды, какъ напр. вопросы внѣшней политики или новой нѣмецкой философіи, бывшей тогда русскимъ конькомъ нѣкоторыхъ изъ московскихъ коноводовъ. Во всякомъ случаѣ, какъ былъ онъ сочувственный мыслящій поэтъ, такъ равно былъ онъ мыслящій и пріятный собесѣдникъ. Аттическая вѣжливость, съ нѣкоторыми пріемами французской остроты и любезности, отличавшихъ прежнее французское общество, плѣнительная мягкость въ обращеніи и въ сношеніяхъ, нѣкоторая застѣнчивость при умѣ самобытномъ, твердо и рѣзко опредѣленномъ, всѣ эти качества, всѣ эти прелести придавали его личности особенную физіономію и утверждали за нимъ особенное мѣсто среди блестящихъ современниковъ и совмѣстниковъ его" (т. VIII, стр. 290—291).

Весьма обстоятельно разсказалъ *Н. Я. Максимовъ* проступокъ Боратынскаго въ Пажескомъ Корпусѣ и его исключеніе изъ Корпуса въ своей статьѣ: „Евгеній Абрамовичъ Баратынскій, по бумагамъ Пажескаго Е. И. В. Корпуса", помѣщенной въ „Русской Старинѣ" 1870 года (т. II, стр. 638—647).

И. С. Аксаковъ въ своей подробной біографіи Тютчева не разъ касается Боратынскаго и сравниваетъ его съ Тютчевымъ (причемъ во всѣхъ случаяхъ отдаетъ предпочтеніе послѣднему) и такъ характеризуетъ его „замѣчательный, оригинальный талантъ": „стихи его безспорно умны, но.. это умъ—*остуживающій* поэзію. Въ немъ немало граціи, но холодной. Его стихи согрѣваются только искренностью тоски и разочарованія. Пушкинъ не даромъ назвалъ его Гамлетомъ; у Баратынскаго чувство всегда мыслитъ и разсуждаетъ. Тамъ же, гдѣ мысль является отдѣльно какъ мысль, она, именно по недостатку цѣльности чувства, по недостатку жара въ творческомъ горнилѣ поэта, рѣдко сплавляется въ цѣльный поэтическій образъ. Онъ трудно ладитъ съ внѣшней художественной формой; мысль иногда торчитъ сквозь нее голая, и рядомъ съ прекрасными стихами попадаются стихи нестерпимо тяжелые и прозаическіе (напримѣръ его „Смерть"). Исключеніе составляютъ три-четыре истинно превосходныхъ стихотворенія". („Русскій Архивъ" 1874, кн. II, стр. 5—406).

Статья *С. А. Андреевскаго*, появившаяся въ „Новомъ Времени" 1888 года и не разъ послѣ того повторенная сыграла большую роль въ оживленіи интереса къ Боратынскому. Поэтъ былъ совершенно забытъ въ то время, но его даръ, его „негромкій голосъ" нашелъ читателя въ далекомъ потомствѣ, и это заставило пересмотрѣть вопросъ о Боратынскомъ, со временъ Бѣлинскаго сданный въ архивъ. Главная заслуга Андреевскаго и заключается въ томъ, что онъ первый вспомнилъ о Боратынскомъ въ то время, когда о немъ никто не говорилъ.

Понятно, что статья Андреевскаго носила преимущественно полемически-апологетическій характеръ. Андреевскій видитъ слѣдующія причины несправедливаго забвенія Боратынскаго: „во первыхъ, глубина его поэзіи, во вторыхъ, Бѣлинскій съ своимъ ложно-прогрессивнымъ разборомъ его произведеній и, въ третьихъ, хрестоматіи—эти истинныя губительницы

поэтовъ негромкихъ, но содержательныхъ". Соотвѣтственно съ этимъ, Андреевскій и стремится обнаружить глубину поэзіи Боратынскаго и несостоятельность нападеній Бѣлинскаго на поэта. И то и другое удается критику. Въ лирѣ Боратынскаго Андреевскій нашелъ много струнъ, созвучныхъ съ новымъ временемъ и съ его исканіями, полными мучительныхъ противорѣчій; поэтъ, по мнѣнію Андреевскаго, „выражалъ тотъ глубокій вопль о роковыхъ противорѣчіяхъ міроустройства, который не перестаетъ повторяться во всѣ вѣка". По поводу же нападеній Бѣлинскаго на Боратынскаго за мнимую вражду поэта къ просвѣщенію мы читаемъ у Андреевскаго: „Странно теперь читать этотъ горячій трактатъ о томъ, что дважды два—четыре. Странно видѣть, съ какимъ усердіемъ Бѣлинскій доказываетъ Баратынскому, словно маленькому мальчику, пользу наукъ, изобрѣтеній желѣзныхъ дорогъ и т. п. Неужели Баратынскій всего этого не понималъ? Превосходно понималъ, и мы въ настоящее время имѣемъ въ печати даже письма Баратынскаго, гдѣ онъ говорилъ: „Я очень наслаждаюсь путешествіемъ и быстрой смѣной впечатлѣній. Желѣзныя дороги — чудная вещь. Это апофеоза разсѣянія"... Конечно, Баратынскій не могъ не цѣнить завоеваній культуры. Онъ указывалъ только на фактъ безспорный, на фактъ, единогласно признаваемый человѣчествомъ, что знаніе имѣетъ и свою тѣневую сторону, что оно, обогащая нашъ умъ, отнимаетъ часть прелести у окружающихъ предметовъ, что наука сушитъ, что все раскрытое перестаетъ быть привлекательнымъ. Поэтому, нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который бы съ особенною любовью не вспоминалъ своего дѣтства, т. е. именно поры полнаго невѣжества. Вѣдь все это такія истины, что надо только удивляться ослѣпленію Бѣлинскаго". Тѣ же „идеи о горечи познанія" Андреевскій находитъ и у Пушкина, съ тою разницею, что Пушкинъ „задѣвалъ такіе скорбные вопросы только слегка, онъ слишкомъ любилъ жизнь съ ея блескомъ и культурой и находилъ всегда выходъ изъ страданія въ своей здоровой, гармонической организаціи; Баратынскій же, какъ человѣкъ созерцательный и полный мучительныхъ противорѣчій, ни въ чемъ не находилъ исцѣленія отъ своей скорби". Андреевскій въ своей статьѣ называетъ Боратынскаго „отцомъ современнаго пессимизма въ русской поэзіи" и говоритъ, что Боратынскій одинъ изъ первыхъ внесъ въ поэзію элементъ разсудочности и остался поэтомъ. („Новое Время" 1888, февраль; „Литературныя чтенія" СПБ. 1891; сборникъ Перцова „Философскія теченія русской поэзіи" СПБ. 1896).

Весьма любопытны замѣтки *Б. Н. Чичерина:* „Изъ моихъ воспоминаній". Въ своихъ воспоминаніяхъ Чичеринъ говоритъ не столько о самомъ поэтѣ, сколько о людяхъ и обстановкѣ, окружавшихъ поэта въ его родной деревнѣ Марѣ, при чемъ даетъ подробное описаніе живописной усадьбы, въ которой Боратынскій родился и провелъ свое дѣтство и въ которой часто гостилъ и впослѣдствіи. Кромѣ того, Чичеринъ останавливается на небезынтересной для біографа поэта характеристикѣ его братьевъ. („Русскій Архивъ" 1890, кн. 1, стр. 505—517).

С. А. Венгеровъ помѣстилъ большую статью о Боратынскомъ въ своемъ „Критико-Біографическомъ словарѣ русскихъ писателей и ученыхъ" (т. II,

СПБ. 1891, стр. 126—144). Въ біографическомъ очеркѣ матеріалъ распредѣленъ весьма неравномѣрно. Въ очеркѣ литературной дѣятельности Венгеровъ ставитъ вопросъ о причинѣ справедливаго, по его мнѣнію, забвенія Боратынскаго и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ разсмотрѣніемъ соотношенія въ произведеніяхъ Боратынскаго „тѣхъ трехъ элементовъ, изъ которыхъ слагается каждое поэтическое дарованіе".

На первый вопросъ—хороша-ли у Боратынскаго форма?—Венгеровъ отвѣчаетъ безусловно положительно, называя ее „первостепенной".

Такъ же положительно отвѣчаетъ критикъ и на второй вопросъ: имѣетъ ли творчество Боратынскаго „серьезную мысль", и называетъ его „однимъ изъ самыхъ вдумчивыхъ, однимъ изъ самыхъ умныхъ, однимъ изъ самыхъ серьезно-настроенныхъ писателей нашихъ".

Но третій элементъ—глубина чувства—отсутствуетъ въ поэтѣ, и „потому, говоритъ Венгеровъ, мы никакъ не можемъ видѣть въ Баратынскомъ родоначальника русскаго пессимизма, какъ это утверждаютъ нѣкоторые. Сказать, что Баратынскій есть пессимистъ—значитъ придать ему стройное и цѣльное міровоззрѣніе, а этого-то у него и нѣтъ. Онъ принадлежитъ къ натурамъ половинчатымъ, съ перевѣсомъ ума надъ сердцемъ, размышленія надъ чувствомъ". Непослѣдовательность пессимизма Боратынскаго С. А. Венгеровъ доказываетъ цитатами, въ которыхъ поэтъ говоритъ о своей любви жизни и о желаніи счастья. „И вотъ въ чемъ причина того (заканчиваетъ Венгеровъ свою оцѣнку поэта), что при всѣхъ своихъ достоинствахъ Баратынскій принадлежитъ къ числу писателей, сочиненіями которыхъ обзаводятся только для полноты коллекціи. Да, стихи его умны и красивы: а грусть очень изящна, но когда вамъ дѣйствительно захочется слезъ — эта красивая грусть и изящное разочарованіе, въ основѣ которыхъ лежитъ всего только полправды, васъ не удовлетворитъ". Ср. также горячую защиту С. А. Венгеровымъ взгляда Бѣлинскаго на поэта въ примѣчаніяхъ къ VII тому сочиненій Бѣлинскаго (стр. 626—638).

Интересно сопоставленіе Боратынскаго съ Лермонтовымъ, сдѣланное *Вл. С. Соловьевымъ* въ статьѣ „Гр. А. К. Толстой". Отличительной чертой Боратынскаго и Лермонтова (въ противоположность Пушкину) является рефлексія; оба поэта „были не столько мыслителями, сколько резонерами на почвѣ субъективныхъ впечатлѣній". Сравнивая Боратынскаго съ Лермонтовымъ, В. Соловьевъ говоритъ, что „у Баратынскаго, какъ ума болѣе развитого и зрѣлаго, разочарованіе имѣетъ хотя нѣкоторую видимость объективныхъ основаній". „Подобно большинству образованныхъ людей нашего вѣка, Баратынскій принялъ матеріалистическія обобщенія нѣкоторыхъ научныхъ данныхъ за непреложную истину и видя противорѣчіе этой „истины" съ поэтическимъ и религіознымъ воззрѣніемъ на міръ и жизнь, рѣшилъ, что это воззрѣніе есть иллюзія". („Вѣстникъ Европы", 1895, кн. V, стр. 240).

Статьи *А. Н. Пыпина* о Боратынскомъ написаны подъ непосредственнымъ вліяніемъ Бѣлинскаго. Изъ всѣхъ „меньшихъ поэтовъ—современниковъ Пушкина" наиболѣе самостоятельнымъ и наиболѣе талантливымъ Пыпинъ считаетъ Боратынскаго. Пыпинъ разсматриваетъ основныя темы

творчества мрачно настроеннаго серьезнаго поэта-мыслителя, но главное вниманіе обращаетъ на ожесточенные нападки Бѣлинскаго за вражду Боратынскаго къ просвѣщенію, при чемъ симпатіи ученаго критика явно склоняются на сторону Бѣлинскаго. („Вѣстникъ Европы“ 1895, № 11, стр. 288—293; „Исторія Русской Литературы“ т. IV, стр. 451—455).

Среди юбилейныхъ статей, появившихся въ 1895 году, надо отмѣтить статью *Н. А. Котляревскаго* въ іюльской книжкѣ „Вѣстника Европы“. Впослѣдствіи Котляревскій не разъ писалъ о Боратынскомъ, и психологическими комментаріями къ произведеніямъ поэта могутъ быть названы тѣ страницы, которыя посвящены Боратынскому въ книгахъ „Старинные портреты“ СПБ. 1907 и „Литературныя направленія Александровской эпохи“ (второе переработанное изданіе въ 1913 г.). Обратимся къ послѣдней работѣ Котляревскаго, которую можно разсматривать, какъ окончательный итогъ его сужденій о Боратынскомъ. Въ своемъ очеркѣ Котляревскій устанавливаетъ положеніе Боратынскаго въ современной поэзіи: „Никто изъ современныхъ ему лириковъ не умѣлъ такъ осмыслить своей печали и придать ей такую художественную форму“. „Съ Александровскимъ временемъ—говоритъ историкъ литературы—поэзія Баратынскаго почти никакой связи не имѣетъ. Если отбросить нѣкоторые сентиментальные мотивы, попадающіеся въ его самыхъ раннихъ стихотвореніяхъ, если не считаться съ нѣкоторыми условными образами и оборотами рѣчи, въ которыхъ сохранились отголоски античной поэзіи и французской классической, то міросозерцаніе поэта и форма, въ какую оно вылилось, не могутъ быть пріурочены ни къ какой опредѣленной исторической эпохѣ“. Однако Н. А. Котляревскій только слегка касается историко-литературнаго положенія Боратынскаго, и центръ тяжести его работъ о поэтѣ лежитъ въ психологическомъ анализѣ стихотвореній Боратынскаго, въ передачѣ его рѣзко индивидуальной „личной исповѣди“.

„Его поэзія—искренняя исповѣдь вполнѣ самобытнаго художника мыслителя, который смотрѣлъ на жизнь и человѣка взглядомъ необычайно субъективнымъ, и въ вѣкъ отнюдь не пессимистическаго настроенія поднялся на большую высоту скорбнаго созерцанія“. И Котляревскій подробно передаетъ „скорбное созерцаніе“ поэта, пришедшаго къ печальному выводу въ своемъ раздумьѣ о „счастіи“, отчаянную попытку найти которое онъ думалъ въ страданьи, и пришелъ „къ смиренію передъ великими тайнами“.—„Ни чувство не даетъ намъ счастія, ни глубокая, въ нѣдра тайны стремящаяся проникнуть мысль. Сохранимъ спасительный холодъ бездѣйственной души и попытаемся быть блаженными своимъ безчувствіемъ“. Такимъ образомъ, по мнѣнію Котляревскаго, Боратынскій и пришелъ къ фатализму, отразившемуся во многихъ его произведеніяхъ.

Изъ всѣхъ новѣйшихъ изслѣдованій и оцѣнокъ литературной дѣятельности Боратынскаго первое мѣсто принадлежитъ, несомнѣнно, *Валерію Брюсову*. Простой перечень важнѣйшихъ работъ и замѣтокъ Брюсова говоритъ уже о томъ большомъ и разностороннемъ вниманіи, съ какимъ относился Брюсовъ къ творчеству Боратынскаго: „О собраніяхъ сочиненій Е. А. Баратынскаго“ (Русскій Архивъ“ 1899, вып. 11, стр. 437—446), „Къ сто-

лѣтію со дня рожденія Е. А. Баратынскаго“ (1. Новое изданіе его стихотвореній. 2. Остафьевскій Архивъ. 3. Татевскій Сборникъ. 4. Послѣдняя поэма Баратынскаго. 5. Антикритика. — „Русскій Архивъ“ 1900, № 4, стр. 545—566), „Баратынскій и Сальери“ („Русскій Архивъ“ 1900, № 8, стр. 537—545), „Пушкинъ и Баратынскій („Русскій Архивъ“ 1901, № 1, стр. 158—164), „Эпиграммы и пародіи на Е. А. Баратынскаго“ („Русскій Архивъ“ 1901, № 2, стр. 347—349), „Старое о Г-нѣ Щегловѣ“ („Русскій Архивъ“ 1901, № 12, стр. 574—579), „Неизданные стихи Е. А. Баратынскаго“ („Вѣсы“ 1908, № 5, стр. 53—58) и „Баратынскій, Евгеній Абрамовичъ“ („Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона, т. V). Такимъ образомъ Брюсовъ занимался и критикой текста, и самимъ текстомъ, и библіографическими разысканіями (ко многимъ статьямъ своимъ Брюсовъ прилагаетъ литературу о Боратынскомъ), и біографіей поэта, и оцѣнкой его литературной дѣятельности.

Въ настоящемъ сводѣ отзывовъ о Боратынскомъ мы, къ сожалѣнію, не можемъ удѣлить должнаго мѣста для полнаго разбора изслѣдованій Брюсова. Ограничиваясь разсмотрѣніемъ только непосредственно касающагося біографіи и оцѣнки литературной дѣятельности, отмѣтимъ особенную тщательность Брюсова въ работѣ надъ текстомъ, обнаружившуюся какъ въ критикѣ изданій сочиненій Боратынскаго, такъ и въ опубликованіи произведеній, пропущенныхъ въ посмертныхъ изданіяхъ. Въ одной изъ первыхъ своихъ статей Брюсовъ говоритъ: „Значеніе Баратынскаго столь велико, что никакіе юношескіе стихи не могутъ его умалить; никакая вновь обнародованная черта его жизни не можетъ затмить его свѣтлый обликъ какъ человѣка“. И Брюсовъ своими статьями стремился къ тому, чтобы не пропалъ ни одинъ стихъ Боратынскаго и чтобы не искажался обликъ поэта, какъ человѣка. Въ послѣднемъ отношеніи весьма интересна полемика его съ *И. И. Щегловымъ-Леонтьевымъ*, напечатавшимъ въ „Торгово-промышленной газетѣ“ (9 іюля 1900 года) статью, въ которой онъ доказывалъ, что Боратынскій служилъ моделью Пушкина для созданія образа Сальери, причемъ попутно намекалъ на непривлекательность личности Боратынскаго. Въ настоящее время подобный вопросъ не можетъ служить предметомъ серьезнаго обсужденія послѣ весьма вѣскихъ основаній, приведенныхъ Брюсовымъ противъ несостоятельности „нескромныхъ догадокъ“ Щеглова и его единомышленника—*В. В. Розанова*. Весьма интересны комментаріи Брюсова къ матеріалу по Боратынскому, представленному въ „Татевскомъ сборникѣ“ Рачинскаго. Какъ бы итогъ сужденій Брюсова о Боратынскомъ мы находимъ въ послѣдней статьѣ Брюсова, помѣщенной въ пятомъ томѣ новаго „Энциклопедическаго Словаря“ Брокгауза и Ефрона. Несмотря на сжатость, біографическій очеркъ, написанный Брюсовымъ, является едва ли не самымъ полнымъ и интереснымъ изъ всѣхъ біографій Боратынскаго. Спорнымъ вопросомъ можетъ быть отношеніе Боратынскаго къ Пушкину, которое кажется Брюсову неблагожелательнымъ. Въ оцѣнкѣ литературной дѣятельности „поэта мысли“ Брюсовъ говоритъ, что „въ своихъ раннихъ произведеніяхъ Баратынскій развиваетъ то пессимистическое міросозерцаніе, которое сложилось у него съ дѣтскихъ лѣтъ“ и приходитъ „къ выводу о равноцѣнности всѣхъ проявленій земной

жизни": „ему начинаетъ казаться, что не только „и веселью и печали" дали боги „одинакія крылѣ", но что равноправны добро и зло". Этотъ кругъ идей, по мнѣнію Брюсова, является характернымъ для второго періода дѣятельности Боратынскаго и выражается въ его „замѣчательныхъ поэмахъ" (замѣтимъ, кстати, что большинство критиковъ повторяло за Бѣлинскимъ мнѣніе, что поэмы Боратынскаго ничтожны и не имѣютъ никакого значенія и интереса). „Характерно—говоритъ Брюсовъ,—что герои поэмъ Боратынскаго почти исключительно люди „падшіе"... Найти искры живой души въ падшихъ, показать, что они способны на благородныя чувства, сдѣлать ихъ привлекательными для читателя,—такова задача, которую ставилъ себѣ Б. въ своихъ поэмахъ". Недоступность для человѣка „всезнанья" привела Боратынскаго, по мысли Брюсова, въ третьемъ періодѣ къ „оправданію Промысла"—къ „Ахиллу" и къ „Молитвѣ". „Что касается формы стиховъ его—говоритъ Брюсовъ,—то при всемъ совершенствѣ отдѣлки, она страдаетъ искусственностью. Языкъ Б. не простъ, онъ любитъ странныя выраженія, охотно употребляетъ славянизмы и неологизмы въ архаическомъ духѣ, такъ что о значеніи иныхъ выраженій у Б. приходится догадываться"... Боратынскій любитъ также причудливое расположеніе словъ и „крайній лаконизмъ рѣчи".—„Однако, если освоиться съ этими особенностями поэзіи Б., если внимательно вникнуть въ складъ его рѣчи, открывается мѣткость его выраженій, точность его эпитетовъ, энергія его сжатыхъ фразъ... Чтобы оцѣнить его музу, надо его стихи не только почувствовать, но и понять".

Въ 1900 году вышла небольшая, но интересная монографія о Боратынскомъ *В. Саводника.* Основную мысль своей статьи Саводникъ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Баратынскій принадлежалъ къ тому поколѣнію, которое, родившись на зарѣ XIX вѣка, получило печальную привиллегію выставить изъ своей среды цѣлый рядъ выдающихся представителей такъ называемой „міровой скорби". Соотвѣтственно съ этимъ взглядомъ на Боратынскаго, какъ на представителя міровой скорби, Саводникъ и ставитъ своей двойной задачей: „выяснить значеніе поэзіи Баратынскаго, съ одной стороны изъ особенностей его психическаго склада, а съ другой—изъ общаго настроенія эпохи и опредѣлить ея дѣйствительный характеръ изъ совокупнаго дѣйствія этихъ двухъ факторовъ".

Каковъ же дѣйствительный характеръ поэзіи Боратынскаго, каковы воззрѣнія поэта-мыслителя?—Въ воззрѣніяхъ поэта Саводникъ видитъ характерныя черты пѣвца „міровой скорби": „жизнь—зло, потому что она мимолетна и полна страданій, наслажденіе обманчиво, а счастіе невозможно; спокойствіе, которое могло бы замѣнить намъ отсутствіе счастія, недостижимо для чувствующаго сердца, а перспектива конечнаго уничтоженія лишаетъ наше существованіе всякаго смысла и значенія". Говоря о происхожденіи пессимизма Боратынскаго авторъ монографіи видитъ его въ преобладающей дѣятельности отвлеченнаго и обобщающаго ума, съ ясно выраженной склонностью къ анализу, къ рефлексу. Источникъ пессимизма Боратынскаго Саводникъ опредѣляетъ слѣдующей формулой: *горе отъ ума* является интеллектуальнымъ страданіемъ поэта. Но помимо индивидуально-психологическаго фактора, существуетъ еще и обще-историческій факторъ,

объясняющій характеръ поэзіи, и „мысль Баратынскаго, несмотря на ея сильный индивидуальный отпечатокъ, двигалась въ руслѣ общаго умственнаго теченія, лозунгомъ котораго было: довѣряй болѣе сердцу, чѣмъ уму". Такимъ образомъ Саводникъ ставитъ въ связь творчество Боратынскаго съ романтическимъ движеніемъ эпохи и находитъ общее въ психологіи „Послѣдняго Поэта", безсильной жертвы поэтическаго атавизма, для которой нѣтъ иного исхода, какъ умереть среди „промышленнаго поколѣнія", — и „Черни" Пушкина, въ которой поэтъ обрушивается на трезвую будничную прозу толпы. Пушкинъ говорилъ поэту: „ты царь: живи одинъ"! У Боратынскаго „столкновеніе его „поэта" съ „толпою" не могло окончиться иначе, какъ оно окончилось, т. е. трагически", потому что свѣтъ

Ужъ празднаго вертепа не являетъ
И на землѣ уединенья нѣтъ.

(„Русскій Вѣстникъ" 1900, №№ 4 и 5; отд. изданіе — оттискъ).

Мы не касались „школьнаго" Боратынскаго, потому что уже достаточно оцѣнена по достоинству роль хрестоматій и учебниковъ, искажавшихъ въ глазахъ подростающихъ поколѣній поэтическій обликъ Боратынскаго.

УКАЗАТЕЛЬ.